

Марина Эльденберт

Танцующая для дракона.
Небеса в огне

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Теарин Ильеррской придется принять участие в отборе, чтобы уберечь себя и своего брата. Сразиться за право стать женой дракона без права на победу? Не самое страшное, что можно себе представить. Соперница считает ее серьезной угрозой: так же, как и сестра Огненного дракона, а Ледяной, кажется, имеет на Теарин серьезные виды. Я, Танни Ладэ, создаю ее образ в кадре, и выбор передо мной — зашибись. Довериться мужчине, который обещает сделать меня счастливой, или позволить себе поддаться безумному притяжению. Шаг за шагом, изо дня в день сгорая в пламени Джермана Гроу. Одним пламени на двоих.

- [Марина Эльденберт](#)
  - [Глава 1. Танни](#)
  - [Глава 2. Танни](#)
  - [Глава 3. Танни](#)
  - [Глава 4. Теарин](#)
  - [Глава 5. Танни](#)
  - [Глава 6. Танни](#)
  - [Глава 7. Танни](#)
  - [Глава 8. Теарин](#)
  - [Глава 9. Танни](#)
  - [Глава 10. Танни](#)
  - [Глава 11. Танни](#)
  - [Глава 12. Теарин](#)
  - [Глава 13. Танни](#)
  - [Глава 14. Танни](#)
  - [Глава 15. Теарин-Танни](#)
  - [Глава 16. Танни-Теарин](#)
-

Марина Эльденберт

**Танцующая для дракона. Книга 2. Небеса
в огне**

Глава 1. Танни

Чем я могу помочь дракону?

Ладно, поправочка: чем я могу помочь иртхану, когда люди в нашем мире имеют чуть больше прав, чем барный стул в ресторане быстрого питания?

— Я тебя внимательно слушаю, — сказала, глядя сестре в глаза.

— По закону человеку, пострадавшему от действий иртхана, полагается компенсация от общества иртханов за моральный ущерб. В твоём случае она выражается в достаточно серьёзном денежном эквиваленте, поскольку ты могла лишиться жизни.

Вот теперь я почувствовала, что мои брови подползли куда-то в район стянутых в хвост волос. Не на затылок, но близко к тому, вместе с глазами.

Надо бы хвостик развязать, что ли. А то он так плотно завязан, что я умудряюсь не хотеть спать даже в шесть утра.

— Насколько серьёзном?

Леона назвала сумму, и я поняла, что в ближайшие пару лет мне можно не работать. При учёте того, что я не буду задумываться о том, куда тратить деньги. Вообще.

— То есть я смогу нанять киллера для того, кто должен надеть Гроу таэрран?

Теперь брови подскочили уже у Леоны.

— Прости, — сказала я. — Я не спала уже больше суток и дико перенервничала.

— Взамен денежной компенсации ты можешь обратиться к Совету с любой просьбой. В частности, попросить о смягчении наказания. Этот закон внутренний, и о нём особо не распространяются, — Леона чуть понизила голос. — Но ты имеешь такое право.

Я подавила желание броситься ей на шею.

Вот да, в прямом смысле броситься, потому что сейчас других чувств во мне не осталось.

— Я хочу обратиться к Совету. Прямо сейчас.

— Сейчас не получится, — сестра улыбнулась. — Поскольку у Гроу двойное гражданство, этот вопрос будет решаться на отдельном Совете. Разумеется, если он добровольно откажется от выезда.

Он откажется, почему-то подумалось мне.

Откажется, потому что снимает историю Ильеррской, и вот от нее он

точно не откажется. Сама не знаю почему, сейчас эта мысль кольнула какой-то диковатой противоестественной ревностью.

Спать надо больше, ага.

— Точно так же, как участь Мелоры.

— То есть?

— Суд над местрель Ярлис состоится отдельно.

— Погоди, а что у нас было сейчас?

— Предварительное разбирательство. Вынесение приговора на таком уровне никогда не происходит день в день.

— То есть мне надо будет еще каким-то образом попасть на вынесение приговора?

— На вынесении приговора Ярлис ты можешь присутствовать, как пострадавшая сторона. Что касается слушания по Гроу... думаю, мы просто их объединим. Потому что отдельно на него тебя не пустят.

Ладно.

Главное, что я смогу обратиться к Совету с просьбой, остальное детали.

— Мне надо вернуться, — сказала Леона. — Заседание почти закончилось, еще полчаса — и будем свободны. Поедем домой.

А?

— То есть как домой?

— Ты же хотела вернуться в Мэйстон.

— Вообще-то нет. Я говорила, что не уверена в том, что хочу продолжать сниматься, — внимательно посмотрела на сестру.

— И? — она вернула мне взгляд.

— Я остаюсь.

Готовая выслушать много всего интересного, внутренне напряглась, но к моему величайшему изумлению, Леона просто улыбнулась.

— Я рада.

— У-м-м-м...

Это единственное, на что меня сейчасхватило.

— Я правда рада, Танни. Возможно, я повела себя несколько экспрессивно, когда обо всем узнала...

— Несколько?

— Когда-то я сама была в такой ситуации, — она пожевала губы и бросила на меня быстрый взгляд.

— Ты?

— Да. Был момент, когда я думала, что мне придется выбирать между семьей и сценой. Точнее, между Рэйнаром и сценой, — она посмотрела на

меня уже гораздо более пристально. — И я почти отказалась от второго, потому что для меня были очень важны наши отношения. Наверное, это решение было для меня самым тяжелым, но потом я увиделась с коллегами и поняла, что просто не смогу уйти. Не смогу подвести их, даже если это будет значить, что...

Она замолчала, словно подбирая слова.

— Прости, что заставила тебя думать так же. Я просто безумно волнуюсь за тебя, Танни. Возможно, я была не самой лучшей сестрой, потому что отчаянно пыталась заменить тебе маму, и... сейчас тоже, мне все время кажется, что мы стали слишком далеки, потому что живем в разных мирах. Мне жаль, что я не сказала этого раньше, но...

— У меня была самая лучшая в мире мама, — я шагнула к ней. — А сейчас у меня самая лучшая в мире сестра. Мне тоже жаль, что я не сказала этого раньше.

Второй шаг сделала Леона и крепко меня обняла. Так крепко, что перехватило дыхание, в этих объятиях не было порывистой спешки, как тогда, в палате, и таких сумасшедших чувств, но было нечто гораздо большее.

Уверенность в том, что я больше никогда не стану давиться глупыми детскими обидами просто потому, что она — иртеханесса, а я — человек, потому что мы живем в мирах, которые соприкасаются лишь по касательной, и потому что ее мир никогда не примет меня.

Мы просто семья.

И точка.

Так какое мне дело до остальных?

Отстранились мы одновременно, но неловкости в этом жесте не было.

— Мне действительно надо возвращаться, — сестра кивнула в сторону зала для заседаний. — Попрошу Рэйнара, чтобы он вызвал для тебя сопровождение.

Кивнула, соглашаясь.

Стоп... Какое еще сопровождение?!

Прежде чем я успела озвучить свой вопрос сестре, завывла сирена. Ввинчиваясь в сознание, чуть притихла лишь для того, чтобы сквозь нее пробился механический голос:

— Экстренная ситуация. Код ноль.

Глаза Леоны расширились, со стороны коридора донеслись поспешные шаги, если не сказать топот.

— Местра Халлоран...

— Знаю, — она жестом прервала вылетевшего в холл вальцгарда. —

Сопроводите мою сестру в отель, в который переехала съемочная группа. Отвечаете, как за меня.

Личная охрана первой леди вытянулась по струнке, а я успела перехватить сестру за миг до того, как она скрылась бы в коридоре.

— Леона! Что значит код ноль?

— Налет, — она отняла руку, на мгновение задержала на мне взгляд: — Множественный. По всей стране.

Да, это определенно многое объясняло. В частности то, что сестра вихрем умчалась в сторону зала заседаний, а меня чуть ли не пинками погнали на выход. То есть не пинками, конечно, но очень вежливо и популярно ускорились, зажав меня между собой, и чтобы не превратиться в вальцгардов хвостик (один на двоих) мне приходилось подстраиваться под их быстрый строевой шаг.

Коридор закончился лифтами, лифты холлом, холл продлился очередным коридором, и вот я уже дышу свежим утренним воздухом и прикрываю глаза ладонью, потому что поднимающееся над городом солнце слепит, а сирена (снаружи совершенно истеричная) орет в уши так, что хочется пригнуться и заползти куда-нибудь поглубже. Например, в подземное убежище.

В Аронгаре (как, впрочем, и по всему миру), мегаполисы нашпигованы подземными убежищами на случай, если драконы все-таки войдут в город. Подозреваю, что и сирену такой отвратительной сделали именно для того, чтобы всем срочно хотелось сныкаться под землю. На уроках по гражданской обороне нас учили дружно спускаться под школу, не создавая паники, помогать младшеклассникам в экстренных ситуациях и прочая, прочая, прочая.

— Эсса Ладэ!

Меня проворно запихнули во флайс.

Так проворно, что опомниться не успела, и нет, поклясться могу, что просто подтолкнули на заднее сиденье, но я на него аккуратно свалилась, как малыш с горшка в мамины руки. В следующую секунду флайс уже скользнул в воздушный рукав и на верхнюю аэромагистраль.

К счастью, здесь этот сиренов вой хотя бы немного глушило, потому что после бессонной ночи у меня от нее глаз дергался. Я бы прилипла к стеклу, но слева и справа маячили широкие плечи Леониной охраны, поэтому оставалось только вглядываться в то, что творится в городе, поверх них. Пустоши отсюда казались далеким горизонтом, но я все равно видела вырастающие над ними точки. Малюсенькие такие, с тонкими ниточками хвостиков и крыльев.

Отсюда малюсенькие.

Первый и последний налет в моей жизни случился в Мэйстоне (точнее, налета как такового не было, была провокация против Рэйнара, как мне потом объяснила Леона). Но то, что творилось сейчас, я определенно понять не могла.

То есть сама суть... налет — по всей стране?

При мысли об этом желудок противно сжался, а по спине побежал холодок. Жаль, мы с сестрой очень мало говорили о драконах. Жаль, что мы с ней вообще очень мало говорили.

И что сейчас творится в Мэйстоне?!

Ведь Рэйнар и Леона здесь.

— Да, — резкий голос вальцгарда справа вывел меня из мыслительного транса. — Понял.

— Что случилось?

Я развернулась к нему, но он по-прежнему демонстрировал мне волевой профиль.

— Это не для ваших ушей, эсса Ладэ.

— То есть моя сестра вам что-то сказала, и это не для моих ушей?

Вальцгард повернулся ко мне. Наградил меня цепким ледяным взглядом и ответил, чрезвычайно выразительно и доходчиво:

— Да.

После чего отвернулся, демонстрируя мне выбритый под единичку затылок.

Мне захотелось сказать ему что-нибудь очень вежливое, вместо этого я тоже отвернулась и сквозь другой профиль уставилась в окно. Аэромагистраль огибала пустоши по касательной, и сейчас я отчетливо видела драконов, кружащих на границе с городом. Отсюда они казались игрушечными, но игрушечными они не были, с каждой минутой их становилось все больше и больше. Огромные, мощные звери парили над землей, то взмывая к небесам, то уходя вниз. Что там внизу, я видеть не могла из-за небоскребов, мимо нас с мигалками пронеслись боевые машины, бронированный кортеж правящего, следом еще несколько флайсов, а потом мы ушли на ответвление магистрали, к центру.

Дорога закончилась внезапно, рядом с отелем, аркой вырастающим над Ортахарной.

Люди гроздьями висели на балконах: ну как гроздьями, каждый на своем, из-за этого издалека создавалось чувство, что на фасады здания наляпали любопытные бусины.

Мы опустились на верхнюю парковку, на которой несмотря на раннее

время творилось столпотворение. Служба безопасности отеля явно отработывала месячную норму служебных обязанностей, потому что сквозь яростные крики доносилось ровное, спокойное, почти механическое:

— В воздух сейчас нельзя.

— Нет, эсса, телепортационные залы все равно не работают.

— Прошу прощения, но воздушные рукава заблокированы до особого распоряжения.

Звезда рулю, подумалось мне, когда мимо нас пронеслась какая-то растрепанная дамочка, набросившаяся на безопасника с воплем, еще более диким, чем вой сирены, требующая немедленно выпустить ее на аэромагистраль. Лысого парня, любителя качаться в тренажерке, оттесняли от флайсоцикла трое, пока что успешно.

Сквозь эту суету меня бодро протащили аккуратно к верхнему холлу, раздвижные двери поехали в стороны, когда за нашими спинами раздался истошный визг, мгновением позже перешедший в многоголосый рев, какой бывает на стадионах во время победы любимой команды по гратхэнду. Обернулась: теперь все взгляды были устремлены на дисплеи мобильных.

— Дали прямой эфир! — возбужденно завопила пытавшаяся прорваться к флайсоциклу гора мышц, потрясая смартфоном. — Глядите, сколько их там!?

В следующий миг меня уже втолкнули в верхний холл, сквозь вой сирены и орущие голоса раздалось удаляющееся рычание динамиков. Внутри, не считая приглушенной прямой трансляции и возбужденного голоса дежурного администратора, которая говорила по телефону, было относительно тихо. Статуями застыли безопасники, только у дальнего диванчика мужчина нервно теребил ручку аэрочемодана, даже не додумавшись отключить ему парящий режим.

— ... работает совсем рядом! — донеслось до меня взволнованное, впрочем, заметив нас, девушка тут же попрощалась и развернулась к нам. Нервно поправила светлый завиток, падающий на лоб из идеальной прически.

Возможно, она и пыталась быть спокойной, но широко распахнутые глаза и подрагивающие губы выдавали ее волнение.

— Добрый день, чем я могу помочь?

— Доброе утро, — опередив открывший рот «затылок», сказала я. Терпеть не могу, когда говорят за меня, даже такие крутые нянечки. — Мне нужен номер...

— Сожалею, но сейчас заезд невозможен.

На стойку легло удостоверение сотрудника службы безопасности

Председателя, и девушка изменилась в лице.

— О... — сказала она. — Прошу прощения. Номер...

— Для эссы Ладэ. Ее съемочная группа переехала в ваш отель сегодня ночью.

Администратор изменилась в лице еще сильнее, и я подумала, что ладно, пусть говорят. У них это как-то лучше получается.

Девушка забрала мои документы, коснулась карточкой сканера, а потом подняла на меня взгляд:

— Для вас уже готов номер, эсса Ладэ.

— То есть как?

— Его забронировал эстерд Гроу, — администратор выложила на стол ключ. — С правилами техники безопасности на случай налета...

— Знакомы, — произнес вальцгард, и меня под конвоем направили в сторону лифтов.

Наверное, это немного ненормально, думать о таком, когда над городом крылатая паника, но я почему-то думала.

О том, что Гроу забронировал для меня номер.

Хотя не мог быть уверенным в том, что я вернусь.

Неожиданно для себя (а особенно для вальцгардов), я развернулась и резвой прытью рванула обратно к стойке. Администратор не успела даже отключиться (она снова говорила по телефону, не сводя взгляда с экрана настенной плазмы), когда я подалась к ней:

— В каком номере остановился эстерд Гроу?

Если побледнеть можно еще сильнее, девушке это удалось.

— Простите, эсса Ладэ, мы не даем такую информацию...

— Мне нужно переговорить с режиссером фильма, в котором я снимаюсь. Срочно, — я доверительно подалась еще ближе. И лучше бы ей заговорить быстрее, потому что моих конвоиров никто не отменял, а я дико устала и все такое.

— Вы же понимаете, что я не имею права...

— А если подумать? — я сдвинула брови.

Надеюсь, что у меня получилось хотя бы отдаленно похоже на Леону, потому что сдвинутые брови — это не совсем тот жест, который мне удастся на сто процентов. Надо будет перед зеркалом потренироваться, что ли.

— Я думаю, что в качестве исключения...

Да, наверное получилось.

— Его номер на вашем этаже, один пять девять пять один.

Хорошо быть сестрой первой леди.

— Чудно. Спасибо большое, — сказала я и добавила: — Вы забыли вызов отбить.

Как раз в тот момент, когда мои сопровождающие достигли пределов моего личного пространства, администратор произнесла:

— Эссерда Гроу все равно у себя нет, эсса Ладэ. Он уехал, как только включилась сирена.

Куда?!

Я чуть было не озвучила этот вопрос во всеуслышание, вместо этого только кивнула и под хмурыми взглядами вальцгардов зашагала обратно к лифтам. Мужчина с аэрочемоданом прилип к дисплею мобильного, судя по вытаращенным глазам, там происходило что-то из ряда вон. Невольно потянулась к своему, но вспомнила, что экран окончательно превратился в паутинку и пошла быстрее. В номере будет плазма, там все и узнаю. И вообще, есть что-то парадоксальное в том, что сестра первой леди обо всем узнает из новостей.

Как-то это ненормально, что ли.

Куда все-таки мог уехать Гроу?

Сейчас, когда все закрыто, хотя зная его, для него это не проблема.

В номер вальцгарды ввалились вместе со мной, с такими суровыми лицами, словно за каждой шторкой сидело по наемному убийце, я же первым делом нашла пульт и включила визор.

Драконов и правда была тьма тьмущая, такое ощущение, что все пустоши вышли на демонстрацию. Кордон вальцгардов на границе щита, зависшие между смотровых башен боевые флайсы: камера, разумеется, была чуть в отдалении, но выглядело все равно жутко. В таком ракурсе было отчетливо видно, как драконы уходят ввысь, а потом пикируют и стремительно проносятся над землей, вздымая клубы пыли.

— Мы все сейчас в недоумении, — возбужденно вещал репортер. — Такого количества драконов жители современной Ортахарны не видели даже в кино. Местр Крайсман отказался пока комментировать происходящее, а из того, что мы видим, пока ничего не ясно. Остается только надеяться, что в самое ближайшее время все разрешится.

Показали кортеж правящего, в записи, разумеется, летящий на всех парах к пустошам, я же выключила звук и выбрала в меню «Соларс Ван» — главный канал Мэйстона, а с некоторых пор и всей страны. Картинка разделилась на две части, обозначенная полосой границы. Стоило увидеть родные острова, как внутри что-то дрогнуло.

Подозрительно остро.

— Насколько нам стало известно, только что был открыт телепорт для

Председателя Совета и Первой леди, — светловолосая репортер, в отличие от своего постоянно оглядывающегося коллеги из Ортахарны, смотрела исключительно в камеру. — Для жителей Мэйстона это значит только одно: сейчас они под защитой...

Мне было не привыкать смотреть на сестру через глазки камер, но именно в эту минуту я ощутила странную гордость. Осознание того, что несмотря на чрезвычайную ситуацию, Леона и Рэйнар по-прежнему являются для аронгарцев воплощением защиты, заставило эту гордость взлететь до небес. Как крупный красный дракон на заднем плане.

— Пока что мы не знаем, что происходит, — продолжала диктор, снова переключаясь на прямой эфир и замершего в ожидании репортера. — Эйна?

— Это удивительно, но кажется, драконы даже не думают нападать! Их много, но они... просто летают?

А ведь и правда. Если присмотреться, драконы не пытались дышать огнем или рычать, они просто кружили на границе пустошей, обтекая город до той грани, которую выстроил щит.

— Удивительно, — подтвердила диктор, которая, судя по голосу, не разделяла оптимизма коллеги. — Что же, в любом случае нам остается просто ждать. Местр Халлоран и его супруга сейчас на пути к границе...

— Да, и кажется, это первый случай, когда Первая леди выходит в пустоши вместе со своим мужем...

— В нашем случае отнюдь не первый. Все мы помним события, когда местр Халлоран, будучи еще не Председателем, а правящим, защитил город во время взрыва на Лаувайс, обернувшись драконом. Если не ошибаюсь, тогда его будущая супруга тоже была рядом с ним.

— Да, это был двойной оборот, именно поэтому мы все знаем, что сейчас наш город в надежных руках...

Где Гроу?

Какого-то дракона эта мысль не давала мне покоя.

Я выключила звук и поняла, что по-прежнему стою в этих идиотских туфлях на шпильке. Сбросила их пинками, направилась к балкону, но дверь мне преградили два мощных тела.

— Не сейчас, эсса Ладэ.

— Я что, свежим воздухом не могу подышать?

— Не сейчас.

Заело его, что ли?

Развернулась, пнув ни в чем не повинную туфлю (совершенно случайно, разумеется), и плюхнулась на диван. Мне надо было чем-то себя

занять, а чем-то себя занять... нет, я не собиралась танцевать на перилах, больше того — я была не уверена, что во мне хватит сил даже на прогиб, но мне сейчас хотелось хоть что-то делать.

В ту минуту, когда я об этом подумала, пикинула система внутренней связи.

Ответила я через вмонтированную в подлокотник панель.

— Я подумала, что вы захотите узнать, эсса Ладэ, — голос администратора, — эссерд Гроу вернулся.

Да.

Хорошо быть сестрой первой леди.

— Спасибо, — ответила я и отключилась, после чего развернулась к вальцгардам.

— Мне нужно прогуляться до соседнего номера. Надеюсь, это я могу сделать одна?

— Нет.

Откуда я знала, что ответ будет именно таким?

— Здесь два шага, — напомнила я.

— Нет.

Драконьего навоза вам в трусы промышленными ковшами.

— Ладно, — скрежетнула зубами. — Но поговорить с эссердом Гроу наедине вы мне позволите?

Если он сейчас скажет «нет», я его покусаяю.

— Да.

Ладно. Живи пока.

Глянула вниз на свои «полосатые» чулки и направилась в ванную, их снимать. Учитывая, что мой багаж пока еще не доехал, выбора у меня не было: либо костюм, либо без костюма. Выразительно посмотрела на свое отражение, бледненькое такое, с круглыми от недосыпа глазами, под которыми обозначились темные круги. Почему-то подумалось, что если драконы ворвутся в город, меня они не только не сожрут, но еще и накормят.

Подумала немного и распустила волосы.

Непонятно зачем.

Решила завязать обратно, но потом плюнула и просто ополоснула лицо водой.

В конце концов я просто поговорить иду, а не на свидание.

Какое еще свидание?!

В семь часов утра, под бодрый вой сирены.

Разозлившись на себя окончательно, вылетела из ванной, вбила ноги в

жуткие туфли и направилась к двери. Номер один пять девять пять один, если верить голографической интерактивной карте, высветившейся над ключом, был сразу за поворотом. Расстояние до него я пролетела с прытью, достойной ушедшего в пике дракона.

— Спасибо, что подхватил. Я уже думала, что застряла надолго.

Меня бы кто подхватил, подумалось мне.

Потому что рядом с Гроу стояла не кто иная, как Сибрилла Ритхарсон.

Ледяной голос Ферверна. Иртханесса, всемирно известная певица, чей голос считается вторым по силе после сопрано Леоны. Исполнительница хита «Ледяная буря», пронесшегося по миру и прочно засевшего в чартах.

Или застрявшего, как ее исполнительница где-то там. Почти.

Рука Гроу сползла с ее талии на пятую точку.

Чтоб ты застряла!

А заодно с ней и ты, драконоозабоченная особь мужского пола.

К счастью, меня не увидели, поэтому назад я отпрянула резво и так же резво влетела в мощные корпуса моего сопровождения.

— Назад, назад, назад! — беззвучно заорала на них, махая руками.

Искренне стремясь слиться с окружающей меня обстановкой.

Обстановка никак не желала со мной сливаться, потому что кремовый костюм кляксой выделялся на фоне темно-бордовых вставок.

— Танни? — голос Гроу.

Этот голос отключил инстинкт самосохранения, и я вписалась в охрану на полном ходу.

Кто говорил, что от камня нельзя спружинить? Очень даже можно. Я отскочила от них, как мячик от стены, чтобы угодить в зубы виара.

То есть дракона.

То есть драконов.

— Здравсьте, — сказала я, обернувшись к ним. — Доброе утро. Мы тут гуляем.

— Гуляете?

Взгляд Гроу прокатился по мне и задержался на охране, вырастающей за моей спиной.

— Ну да. Не спится как-то, это все... что там творится, дико переживательно. Просто вау и ух! — я сцепила пальцы на бедрах и тут же их расцепила, выразительно приподняв брови: — А вы что делаете?

По степени идиотизма этот вопрос потянул бы на высший балл.

И так понятно, что в его номер Сибрилла Ритхарсон поднялась не для того, чтобы налет обсуждать. Этакий шаблон с обложки модных журналов: волосы инеевым шелком струятся по спине до самой талии, темно-синее

платье натягивается во всех стратегических местах даже при развороте плеча. Р-раз — и готово, задница как мячик в тренажерном зале, сиськи как спелая маларрнела.

Кто-нибудь мне подскажет, как некоторым девицам это удастся: двадцать шесть часов в сутки выглядеть идеально? Я даже если ресницы крашу, у меня через два часа одна загнется влево, другая вправо, а сквозь контурный карандаш помада трещинками расходится от губ, как солнце лучиками. Не говоря уже о том, что меня ни один лак для волос надолго не берет, из-за чего Гелла ругается страшными словами.

— Я оказалась в Ортахарне в тот момент, когда закрыли все воздушные коридоры, а Джерман меня выручил.

Джерман.

Как мило.

— Да, Джерман вообще любит выручать женщин, попавших в неловкие ситуации.

Язык мой мне в задницу, что я несу?!

— Правда?

Сибрилла холодно улыбнулась, обнажив идеальные белоснежные зубы.

Наверняка стоматолог просто озолотился, чтоб ей икалось и пукалось. И вообще, надо ее было на роль Хеллирии пригласить, идеальное совпадение.

— Ну в общем, вы тут располагайтесь, и все такое, а мы дальше пойдем. Мальчики, за мной!

Не знаю, кто очешуел больше — «мальчики» или Гроу со своей помесью драконессы с ледяной горкой, но по коридору мимо них я прошла, высоко вскинув голову в полных непонятках, куда иду. Очень надеюсь, что за следующим поворотом коридор не заканчивается.

— Танни.

Дракона твоего за ногу!

— А?

Я обернулась, встречая темный взгляд. Такой, который даже сквозь пелену какого-то странного отупения на меня действовал, как плавильная установка на залитый в котелок металл.

— С тобой все в порядке?

— А что? Не заметно? — сложила руки на груди и кивнула на вальцгардов.

Гроу прищурился.

— Ты уверена?

Уверена, уверена, более чем. И вообще, иди, тебя уже твоя ледянецца заждалась, того и гляди начнет похрустывать и снежинками сыпать.

— Слушай, мы с тобой уже все выяснили, разве нет? Ты попросил определиться, я определилась. Я играю Ильерскую, ты снимаешь кино. Все просто.

У Гроу дернулись зрачки. Едва уловимо так.

— Не вопрос, — сказал он. — Будь на связи.

Развернулся и направился к своей блондинистой ледяной горке, а я продолжила путь в никуда. В никуда, потому что внутри все переворачивалось, хотелось пинать стену или колотить по ней кулаками. Можно головой Сибриллы, но это уголовно наказуемо, да и вообще как-то не по-женски.

Три ха-ха.

Кого я обманываю?

Женщины — это девицы вроде Сибриллы, у которых каждый ноготок идеальностью отливает, а я (Танни Ладэ) — социально опасный элемент (как сказала бы моя бывшая директриса), на которую парни западают исключительно если у них с головой не в порядке.

Так, все.

Глубоко вздохнули, глубоко выдохнули.

Успокоились, развернулись, и назад. В номер.

К счастью, ребята мне попались понятливые, и не стали задавать вопросов, развернувшись следом за мной. Только оказавшись за дверями, я глубоко вздохнула и пояснила:

— Передумала. Спать дико хочется.

Выражения лиц вальцгардов, которые в принципе не менялись, можно было, наверное, отнести к скептическим. Или к тому, что они мне поверили.

По большому счету мне было без разницы: сграбастав в охапку мобильный, направилась было к ванной, но путь мне преградили снова.

— Не сейчас, эсса Ладэ.

— То есть в душ мне тоже сходить нельзя?

Во время потенциальной угрозы налета, да.

Только сейчас я вспомнила про то, что творится за окнами, о том, что все нормальные люди прилипли к визорам, потому что решается судьба страны, и все такое. Но где люди нормальные, а где Танни Ладэ. Которая первым делом побежала к Гроу, потому что поверила, что...

Во что я, собственно, поверила?

Самка оцехарры в брачный период и то умнее.

В ту минуту, когда я так высоко оценила собственные умственные способности, мой телефон разразился надрывным треньканьем. Иначе это конвульсивное дребезжание обозвать было нельзя, но в какое из бесчисленных по счету падений у него пострадали еще и динамики, я уже не помнила. Понять, кто звонит сквозь бесчисленные трещины на дисплее было невозможно, поэтому я нажала аварийную кнопку на корпусе.

— Танни!

— Рихт?!

— Танни, ты сейчас где? Можешь говорить?

— Угу. Да, — покосилась на вальцгардов. — Могу.

— Как ты?

В этом вопросе оказалось гораздо больше внимания, чем мне бы хотелось слышать. А может быть, именно столько, сколько мне хотелось, в этом и проблема. Всякий раз, когда внимание мужчины ко мне переходит определенную черту, я залезаю в пещеру и не высываю оттуда носа, пока он не сольется в неизвестность. Не говоря уже о том, что обычно случается, когда мне намекают на отношения.

Та-ак. Я сейчас сказала: отношения?!

Не сказала, а подумала, но это дела не меняет.

— Может, зайдешь? — предложила я, пока мне не надумалось что-нибудь еще.

Заходи ко мне в пещеру, будем набликов считать.

Примерно как Гроу с Сибриллой.

Да чтоб меня! Никаких больше внерабочих мыслей о Гроу, особенно когда я говорю с Рихтом.

Тем более что предыдущий разговор мы так и не закончили.

Или поцелуй. Хотя я не была уверена, что сейчас в состоянии что-то заканчивать.

— Погоди... ты что, в отеле?

— Да.

Я назвала номер, и Рихт тут же отключился.

Кто бы мне вообще сказал, что я творю?

Вальцгарды по-прежнему неподвижно застыли у двери, а вот я прошлась по диагонали из угла в угол. Все отельные номера похожи, как братья-близнецы, ну если не считать ВИПов, или Председательского номера, например. Там могут быть варианты, в основном же меняется только цвет стен, обивки мебели и толщина стекла. Как толщина моей выдержки, которая сейчас трещала по швам и обещала... ничего хорошего она не обещала. При воспоминании о руке Гроу на заднице ледянеессы все

внутри переворачивалось, покрывалось корочкой льда, впивающейся в сердце ледяными иглами, а потом вскрывалось и било огненным фонтаном.

По голове, ага.

Никогда еще я не была настолько близка к тому, чтобы побить посуду (из бара, например). Удерживало только присутствие вальцгардов.

Запоздало подумала о том, что надо было Рихта о них предупредить.

Он, конечно, знает, что я сестра Первой леди, но к такому в принципе сложно подготовиться. И еще сложнее к тому, что произошло. А ведь я до сих пор не представляю, что он думает по поводу случившегося. В зале для заседаний фигурировало исключительно «свидетельские показания», записи опроса съемочной группы были разосланы правящим до начала процесса, и видимо, они с ними ознакомились заранее.

В отличие от меня.

Точнее, мне никто и не предлагал с ними ознакомиться.

Стук в дверь прервал мои размышления, а голос Рихта, дверь которому распахнул один из моих телохранителей:

— Как... — прервал суровый взгляд вальцгарда.

— Это мой коллега, Рихт Паршеррд, — пояснила я и добавила. — Это моя охрана. Надеюсь, тебя это не смущает.

— Меня сложно смутить.

В следующую минуту Рихт уже шагнул ко мне и порывисто обнял.

А вот меня можно, как выяснилось. Я осторожно уперлась ладонями ему в грудь, хотя в его объятиях было уютно. Возможно, именно поэтому и уперлась, потому что никак не могла понять, что мне с этим делать.

— Танни, как же я рад тебя видеть, — произнес он, вглядываясь в мое лицо. — Что там произошло?

— Ну, я...

— Эсса Ладэ не имеет права разглашать информацию о произошедшем.

А?

Я немножко очешуела, настолько немножко, что даже забыла о сильных руках Рихта на моей талии.

— Не поняла?

— Вы подписали соглашение, в котором обязуетесь не разглашать события прошлого вечера и всего, что происходило в стенах Ангэр Хайт.

Нет, что-то такое я конечно подписывала, перед тем как началось заседание, но...

Этот стриженный под единичку уже начинает меня раздражать.

— Эта информация касается только Совета, и на Совете будут решать,

как ею распорядиться.

А?!

То есть мне никому нельзя сказать, что Мелора сбросила меня с балкона?!

И что, простите, мне тогда говорить?!

— А если скажу?

— Аннулируется ваше право на компенсацию.

О-че-шу-еть!

— Неважно, — негромко произнес Рихт, вторгаясь в калейдоскоп лютой нецензурщины, которая сейчас крутилась у меня в голове. — Я здесь не за этим. Главное, что с тобой все хорошо.

Ну да, главное, а не главное — что? Что они собираются сообщить миру? Что я запрыгнула на перила и случайно поскользнулась?

Потрясающе.

— Танни, — негромко напомнил о себе Рихт.

— Супер! — выдала я, наконец, когда подобрала цензурное слово. Вывернулась из рук Паршеррда и выразительно посмотрела на вальцгардов. — Вы обещали мне приватный разговор.

Они не двинулись с места.

— Обещаю, что не стану ничего разглашать.

Вальцгарды не пошевелились, а вот Рихт шагнул к ним. Не знаю, как ему это удалось, но режим Даармархского включился на раз, словно внутри современного харизматичного парня повернули переключатель «иртхан классический, убойный, лидер высшая категория». Вот этот взгляд, по крайней мере, ни с чем не спутаешь.

— Я хочу поговорить со своей девушкой. Оставьте нас ровно на пять минут.

Два столпа моей безопасности дрогнули, в смысле, развернулись и вышли. Честно, я бы на их месте тоже вышла, уж очень это напоминало приказ. Или что-то вроде.

— Слушай... — сказала я, когда Даармархский, то есть Рихт, развернулся ко мне. — Ты это...

И тут до моей туго думающей после бессонной ночи головушки дошло:

— Со своей девушкой?!

— Должен же я был что-то сказать, чтобы сдвинуть их с места, — Рихт как-то странно на меня посмотрел.

Мне же захотелось провалиться сквозь пол до самого убежища. Картина «проваливания» оказалась настолько яркой, что по коже прошел

мороз, а комната качнулась перед глазами. С недосыпа, наверное.

— Я не выспалась, — заявила я, стратегически отступая к дивану. Если падать, то на мягкое и невысоко. — Так что...

— Так что?

— Поэтому до меня туго доходит, и я несу непонятно что.

— Дракона с два, — перебил меня Рихт. — Это я несу непонятно что.

Он шагнул ко мне так стремительно, что я даже опомниться не успела. Обхватил ладонями мое лицо, целуя в губы, настойчиво, но мягко, без лишнего напора. Не желая отпускать, но позволяя отстраниться.

Я же отстраняться не захотела. Последние несколько дней вышли настолько насыщенными, не говоря уже о бодром полете вниз головой, что в этот поцелуй я просто упала. Подхваченная ветром и сильными руками, взмыла ввысь, когда в напряжение плеснуло тепло. Спокойное, как сила обманчиво-легкого прикосновения пальцев к моим щекам.

Уверенное, мужское.

Разогрев случился стремительно и так неожиданно, что я на миг утратила чувство реальности, когда хрипло вдохнула ему в губы. Хрипло и так отчаянно-остро, что голова закружилась еще сильнее, и это слегка отрезвило.

Я дернулась в его руках, и Рихт вздрогнул вместе со мной.

Точнее, как продолжение меня, отпуская мои губы, но не лицо.

— Прости, — глубоко произнес он. Так низко, что внутри меня что-то тут же отозвалось желанием углубить и продолжить.

— Ты сейчас за поцелуй извиняешься? — фыркнула, стирая это короткое ощущение. — Или за то, что назвал меня своей девушкой?

— За то, что сделал это не вовремя, — Рихт смотрел мне в глаза. — Я просто... когда узнал о том, что случилось, чуть с ума не сошел. Танни.

В том, как он назвал мое имя, точно было что-то неправильное. Хотя бы потому, что к коллегам так не обращаются, а вот к девушкам — вполне.

— Я тоже чуть с ума не сошла, когда это случилось, — хмыкнула я.

— Все шутишь, — Рихт коротко улыбнулся.

Устало, но как-то светло и спокойно. Под глазами у него залегли глубокие темные круги, и до меня внезапно дошло, что он тоже не спал всю ночь.

— А что мне еще остается? Теперь вся съемочная группа считает меня слетевшей с катушек экстремалкой.

Обманный маневр «как задать неудобный вопрос» в действии.

— Танни, никто знающий тебя не поверит в то, что ты могла оступиться.

Как тактично он это сказал!

— И уж тем более в то, о чем говоришь ты.

— Никто?

— Никто, — серьезно повторил Рихт.

Опомнившись, он убрал руки, но не отодвинулся.

— Это радует, — привычная свобода не принесла облегчения и желания отступить на пару шагов — тоже. Не говоря уже о том, чтобы залезть в пещеру. — Потому что сам слышал...

Я кивнула на вышедших вальцгардов.

Стоило вспомнить. В дверь постучали и со стороны коридора донеслось негромкое:

— Осталась одна минута.

— С секундомером они стоят, что ли? — мрачно поинтересовался Рихт.

Мрачно, но с таким лицом, что я не выдержала и расхохоталась. Точнее, мы расхохотались вместе, глядя друг на друга и окончательно стирая неловкость, возникшую между нами после этого странного поцелуя.

Поцелуя во время налета, когда за окнами надывается сирена.

Что может быть безумнее?

— Насчет девушки. — Произнес Рихт, отсмеявшись, и я махнула рукой.

— Забей.

— Нет, — он внимательно посмотрел на меня. — Я действительно этого хочу, Танни.

Вот теперь я залипла.

Учитывая, что чьей-то девушкой я была от силы два раза, и оба раза это закончилось не самым лучшим образом...

— Тебе совсем не обязательно думать об этом сейчас, — серьезно произнес он. — Я просто хочу, чтобы ты это знала.

Открыла было рот, но в этот момент синхронно открылась дверь, и в номер вошли вальцгарды.

Очень вовремя.

— Оставайся, — предложила я, но Рихт покачал головой.

— Тебе стоит отдохнуть.

— Под бодрый вой сирен?

— Не думаю, что это надолго. Аронагара в надежных руках.

— То есть ты сейчас пойдешь к себе и будешь спать, пока за окнами творится непонятно что? — я вскинула брови.

— Ага. И храпеть так, что все драконы от страха разлетятся.

— Так вот оно, секретное оружие Даармархского! — фыркнула я. — Могучий храп иртехана?

— Именно так.

Говорить об истории Ильеррской было куда проще, чем о нас.

О нас?

— Увидимся, Танни, — произнес Рихт, лишая меня необходимости затырять снова вспыхнувшую неловкость. — Я буду ждать.

Долгий взгляд — и Рихт вышел за дверь, оставив меня наедине со своими мыслями. А мыслей было ой как много, в частности о том, что он только что сказал.

Девушка?

Нет, серьезно?!

Нет, серьезно. Это серьезно, а я ни о чем серьезном думать сейчас не способна. В частности, о поцелуе, который почти не помню. Точнее, помню какими-то урывками. У нас с Рихтом все вообще как-то феерично: первый поцелуй — на пике Вдохновения, когда мне удалось первый раз войти в роль, второй я даже почувствовать не успела, потому что Гроу меня утащил во флайс, апеллируя к условиям договора, по которым в общественных местах я обязана появляться только с ним. А третий...

Третий вот так.

Когда из ощущений во мне остались только теплые губы на моих и желание продолжать.

А ведь я бы продолжила.

Если бы не пять минут, если бы Рихт не остановился, когда я вздрогнула, наверное, рядом с ним я действительно могла бы продолжить.

В ту минуту, когда я об этом подумала, за окнами смолкла сирена.

Молнией метнувшись к дивану, я схватила пульт и клацнула им. Первым врубился «Соларс Ван», и виды родного города сопровождались быстрыми словами репортера:

— ... драконы опустились на землю, все как один. Это невероятно!

Небо над пустошами Мэйстона действительно было чистым, ни единой точки.

— Что там происходит, Эйна?

— Ближе нас не подпускают, но, по последним сведениям, местр Халлоран с супругой уже прошли за кордон к драконам.

Камера чуть дрогнула, а в следующий миг на заднем плане появился вальцгард. Скажу сразу, в штатском они выглядят гораздо более приземленными, а в форме — просто отпад.

Стоявший на заднем плане парень мог играть в кино.

Легко.

И я бы смотрела только потому, что он там играет.

Вальцгард что-то сказал женщине-репортеру, а потом отступил в сторону.

— Что такое, Эйна? — несмотря на профессионализм, голос диктора едва уловимо дрогнул.

— Нас приглашают пройти ближе.

Невольно сдавила тонюсенький, как лист чипсов из водорослей, пульт.

Единственная возможность по-настоящему прикоснуться к миру ир்தханов для человека — в таких вот коротких репортажах. В том, что они позволяют увидеть и узнать, а позволяют они не так много. История Ильеррской — лучшее тому подтверждение, за такой короткий отрезок сценария я уже умудрилась найти кучу несоответствий. Что будет дальше, даже представить боюсь.

Перед глазами снова возникла рука Гроу на заднице... ну ладно, чуть повыше, Сибриллы, и мне захотелось запустить пультом в ни в чем не повинную плазму. В конце концов, какая мне разница, кого он там лапает? Гроу спас мне жизнь, я спасу его от таэрран, и все. На этом все.

Ах, да.

Еще попутно снимусь в его фильме, и все это время буду терпеть его физиономию поблизости.

Только какой чешуи было это все в холле у водопада?

А что, собственно, было?

Дракона твоего за ногу! Могу я хотя бы сейчас не думать об этом драконосамце?!

Тем временем репортер с оператором в сопровождении вальцгардов как раз дошли до точки. То есть до точки дошла я, а они до кордона парящих боевых флайсов и строгих шеренг вальцгардов.

— ... последний раз так близко подпускали прессу десять лет назад. Тогда мы стали свидетелями оборота, который считался невозможным, — голос репортера чуть подрагивал. — Свидетелями чего мы станем сейчас, я даже предсказать не берусь...

В ту минуту, когда вальцгарды расступились, у меня перехватило дыхание.

Драконы действительно расположились на границе пустоши, на земле. Рэйнар и Леона выглядели крохотными фигурками, затесавшимися между гигантских чудищ.

Драконы огромные.

В самом деле огромные, у них только глазищи размером с половинку

меня, но сейчас, когда сестра с мужем стояли рядом, это не имело значения. Сила иртехана такова, что способна развернуть зверя в сторону пустоши, заставить спать, есть, сидеть, лежать, взлететь в небеса... И сейчас я смотрела на то, как самые мощные существа на планете застыли перед супружеской парой.

Репортер молчала, в руках оператора едва уловимо подрагивала камера, и если честно, я их понимала. И сотрудников «Соларс Ван», и камеру. Видеть такое совсем рядом (учитывая, что людей к драконам не подпускают в принципе), это не для слабонервных.

В следующую минуту Рэйнар и Леона вместе шагнули к паре, расположившейся ближе всех. То, что это пара, я поняла сразу: одно из немногих, чему учат в школе — большая и страшная без гребешка — девочка, большой и страшный с гребнем — мальчик. То, что они сидят рядом, означает, что они пара. Пару драконы образуют раз и навсегда.

— С ума сойти, — выдохнула, наконец, репортер. — Кажется, сейчас мы увидим, как Председатель и первая леди отдают приказ.

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, закусила губу.

То есть одно дело знать, что такое возможно, и совсем другое — видеть. Воздух вокруг драконов колебался густым маревом, раскаленный от температуры их тел, и Рэйнар с Леоной стояли в этой плавящей кислород дымке. Невольно сглотнула, когда их ладони почти синхронно протянулись к зверям. Рэйнара — к мощному, крупному дракону, чья чешуя напоминала по цвету пурпур, а Леоны — к соседствующей с ним, темно-красной самке.

Слов отсюда, разумеется, было не разобрать, но огромные морды склонились перед такими хрупкими на вид людьми... тьфу, иртеханами, а потом в воздух взметнулись огромные мощные крылья. Вспарывая раскаленную дымку, разгоняя ее, звери одним рывком оттолкнулись от земли и вместе взмыли в воздух. От рычания, отразившегося во мне сквозь динамики визора, камера подпрыгнула так, что часть репортерши съехала из кадра, но вряд ли она сейчас смогла бы что-то сказать.

Шум хлопанья крыльев слился с хрустом каменной крошки: драконы один за другим взлетали и разворачивались, направляясь за удаляющейся парой. Камера в руках оператора растерянно скакала то за ними, то на Рэйнара с Леоной.

— Невероятно, — повторила, наконец, репортер, — это просто невероятно. Местр Халлоран...

Микрофон в ее руках чуть дернулся (видимо, руки дрожали).

— Вы можете объяснить жителям Аронгары, что мы только что

видели?

— Пресс-конференция состоится сегодня вечером, — произнес Рэйнар. — Но я хочу, чтобы все аронгарцы знали: они в безопасности.

Репортер продолжала что-то возбужденно бормотать, камера провожала Рэйнара с Леоной к флайсу, а я смотрела на свою сестру и понимала, что наши миры действительно несоизмеримо далеки друг от друга. Мне никогда не понять и не почувствовать их невероятную силу, силу их пламени, способную развернуть сотню драконов, как нашкодивших малышей.

Тайны иртеханов всегда будут только их тайнами, на пресс-конференции мы услышим то, что должны услышать. Об истинной причине будут знать только члены Совета и особо приближенные.

Так же, как и о том, что со мной сотворила Мелора.

Ой, все.

Не хочу.

Не хочу больше думать о Мелоре, о Совете, вообще думать не хочу.

Пока не выплусь, мне это противопоказано.

— Теперь мне можно в душ? — поинтересовалась у застывших рядом со мной вальцгардов.

— Теперь да.

И на том спасибо. Спасибо, что в номере есть чудесный халат, в который я могу завернуться, потому что моя одежда до меня пока еще не доехала, и когда доедет — неизвестно. А я безумно люблю свою пижамку с виарчиками, между прочим.

Никогда с такой радостью не избавлялась от одежды, как от драконова костюма, из которого выпуталась в считанные минуты. Стоя под душем, запрокинула голову и смотрела на тянущиеся по матовому стеклу капли.

Наверное, к лучшему, что я увидела Гроу с Сибриллой, потому что в том состоянии точно могла бы наделать глупостей. Таких, после которых приходится годами собирать ледяные куски сердца, тающие в руках.

«Ты все слишком серьезно воспринимаешь, — как-то сказала Имери, моя лучшая подруга. — Парни — они как хороший алкоголь, их надо распробовать. Далеко не факт, что тебе понравится, скажем, этот сорт тоньяса».

Наверное, она была права, у меня всегда все слишком серьезно.

В частности, поэтому я однажды позволила Лодингеру насажать мне кучу комплексов, с которыми справилась относительно недавно.

Но Гроу не Лодингер.

Он — неразбавленное пламя, однажды прикоснувшись к которому, я

рискую обратиться в пепел.

Или подсесть на него так, что мало не покажется.

Мне все равно никогда не стать пламенем, а участь Ибри меня как-то не сильно прельщает. Помимо сего прискорбного факта, девиц Джермана Гроу можно солить, и соленья в Аронгаре не переведутся.

Хотя Сибрилла Ритхарсон не из Аронгары, она из Ферверна.

Очередная иртханесса на жизненном пути знаменитого режиссера.

Или не очередная?

Глянула на свой покоцанный мобильный, понимая, что искать на нем информацию — себе дороже. Да и не собираюсь я ничего искать, потому что оно мне не сдалось.

Я действительно просто играю Ильеррскую.

А он просто снимает кино.

Все просто.

Глава 2. Танни

У кого-то утро начинается утром, у меня оно началось ближе к вечеру. Никогда не представляла, что смогу спать в присутствии двух посторонних мужиков. И уж тем более не представляла, что не смогу их выгнать, но когда засыпала и когда проснулась, они по-прежнему стояли у дверей. С теми же самыми выражениями лиц, ни дать ни взять, почетный караул.

— Ребят, вы хоть в туалет сходили? — поинтересовалась я.

Мою шутку никто не оценил, потому что главный окинул меня свежемороженым взглядом.

— А пожрать?

Пожрать, к слову, мне самой хотелось.

Зверски. Учítывая, что я отключилась и бревнышком провалилась в постели десять часов, аппетит у меня сейчас был просто драконический. Надо бы заказать себе много всего в ресторане, но сначала — звонок Леоне.

Я бы даже сказала: звонок Леоне вотпрямщас.

Все просто — это не про меня. В этом я убедилась, когда вышла из ванной и обнаружила вальцгардов на том же самом месте. Нет, я не ожидала, что за время моего отсутствия они испарятся, растворятся или каким-либо еще образом проявят свою активность, но хотя бы сделать вид, что они собираются по домам, можно было?

Или нет?

— Ребят, налет закончился, — сказала я главному.

Про себя я уже решила, что буду так звать парня со стрижкой под единичку. Его суровое волевое лицо и квадратная челюсть, а также ширина плеч в полтора раза больше моей и взгляды сверху вниз как бы намекали. Одним из таких меня сейчас и наградили, в упор.

— Закончился.

— Я не спрашивала. Точнее, спрашивала, но не о том. Я как бы спать собираюсь, вы так и будете здесь торчать?

— Да.

Нет, ну нормально, а?

— Что значит — да?

— Приказа оставить вас одну не было.

Понимая, что у меня был чрезвычайно трудный день, плавно переходящий в не менее трудную ночь, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов. Как перед танцевальной разминкой.

— Насколько я понимаю, вы должны были меня защищать во время налета...

— Нет.

Да, далеко мы так не улетим.

Вытащила из кармана халата свою мобильную хромоножку, выразительно на нее посмотрела и сунула обратно.

— Вы можете позвонить моей сестре?

— Нет.

— Это еще почему?!

— Потому что сейчас местра Халлоран занята.

— Это для вас она занята, — заявила я, чувствуя, что во мне кончаются запасы размеренного дыхания. — А для меня свободна всегда. Дайте мне телефон!

— Нет.

Справедливо рассудив, что мне откровенно лениво с ними цапаться, и что Леона скорее всего действительно сейчас очень занята из-за всей этой драконьей суеты, я завалилась спать. А проснувшись, увидела ту же самую картину. Не то чтобы я была против постоянного сопровождения... Хотя нет, я была против! Я была против того, чтобы в мое личное пространство вторгались два здоровенных парня, которые ходят за мной хвостом. И уж тем более я не собиралась с этим жить. Если Леона настолько занята, что за десяток часов не нашла времени отменить приказ, я ей о себе напомню. И о том, что я вообще-то живой человек со своим правом... спать одной! А не когда на меня глазеют вальцгарды.

Дисплей отзывался на прикосновения через раз... два, три, но я все-таки доколулась до контакта «Леона-сестренка» и нажала вызов. С десятого раза.

Когда пошел набор номера, облегченно вздохнула — до той самой минуты, пока мне бодрым голосом автоответчика не посоветовали идти подальше. То есть перезвонить позже или оставить голосовое сообщение.

Да чтоб вас!

Я выпуталась из-под одеял, плотнее запахивая халат, и только тут обратила внимание на стоящую в центре комнаты сумку.

Вещички! Родные мои!

Никогда в жизни так не радовалась своим драным джинсам и линялой футболке длиной по пятую точку.

— Выйдите, — сказала вальцгардам, — мне нужно переодеться.

— Вы можете переодеться в ванной.

Я, дракона вашего за ногу, хочу переодеться здесь!

— Не выйдете, значит?

Выражения лиц мужчин однозначно говорили, что нет.

— Ладненько.

Я вытащила присмотренные джинсы и майку, кажется, ту единственную, которую еще не надевала в Ортахарне, треугольник белья, а потом повернулась к вальцгардам спиной и сбросила халат. Кажется, со стороны двери донесся какой-то странный вздох. Судорожный такой, но я не обернулась. Я их просила выйти? Просила. Так что теперь пусть сами пеняют на себя.

Натянула трусики, вошла в джинсы и майку, после чего вскинув голову, прошествовала мимо очешуевших мужчин в ванную. Расчесываться, то есть продирать свои лохмы, потому что перед сном мне не хватило сил это сделать, и сейчас они торчали в разные стороны.

Интересно, Сибрилла когда-нибудь так выглядит?!

После душа.

С Гроу.

Рука сорвалась, и расческа бодро улетела в сторону душевой кабины. В который раз обозвав себя самкой оцехарры, резко нагнулась, чтобы ее поднять, и у меня потемнело перед глазами.

«Вниз, — в голове зазвучал голос Мелоры. — Вниз. Вниз... Вниз!»

Реальность начала расползаться пятнами, уступая место балкону и высоте, поглощающей меня без остатка, голова закружилась, и я поняла, что падаю. Падаю прямо в эту бездонную пропасть раскрывшихся подо мной нижних этажей.

Пальцы судорожно царапнули матовое стекло, и я кулечком повалилась на пол, прямо к расческе. Осознание этого накрыло, когда встроенные светильники перестали кружиться перед глазами двойной каруселью. Светильники, может, и перестали, а вот сердце ухало барабаном, руки тряслись, а по спине струился холодный липкий пот.

Оттолкнувшись ладонями, приподнялась и привалилась к дверце душевой кабины.

Подтянув колени к себе, зажимая в руках расческу, я смотрела на свою растянутую по глянцевой поверхности физиономию с глазами, размеру которых мог позавидовать мультяшный виаренок.

Что это, драконы меня дерят, только что было?!

Я в обмороки не падаю принципиально, ну ладно, может и не принципиально, но не падаю же. И какой чешуи у меня радиопомехи в виде голоса Мелоры?

Как-то очень не в тему вспомнились слова Рэйнара о том, что

ментальное вмешательство может привести не к самым приятным последствиям. Собственно, поэтому за него и судят так строго, и что он вообще имел в виду, когда говорил о «не самых приятных последствиях»? Мелора вкатил мне отложенный приказ, который считается одним из самых опасных и сложных. Рэйнар объяснял, что отложенные приказы требуют повышенной точности в исполнении, а если Ярлис на тройки училась?

Все эти мысли дружным виарым галопом протоптались по моему и без того далекого от безмятежного спокойствия разуму, и меня снова бросило в холодный пот.

Что будет, если я расскажу обо всем Леоне?

Можно подумать, я не знаю, что. Два мощных парня, которые стоят за этой дверью, возьмут меня под ручки, запихнут в телепорт, а вытолкнут уже в загородной резиденции Халлоранов, в «Скай Стрим». И буду я там до конца жизни виаров в мультики рисовать.

Пока с ума не сойду.

Так, все.

Опираясь о стену душевой кабины, я соскребла себя с пола и ментальным пинком подтолкнула к зеркалу. Ополоснула лицо холодной водой и вытащила зубную щетку. Пока чистила зубы, относительно пришла в себя: по крайней мере, глаза перестали выкатываться из орбит, а непривычная для меня бледность сменилась привычной смуглостью.

Вот, так уже лучше.

Подумаешь, голова закружилась. А я тут уже на десять лет вперед свою страшную участь представила, составила завещание... хотя завещать я могу только Бэрри, и то не факт, что кому-то такое счастье нужно.

Глубоко вздохнула, вернула щетку на место, наведальась в душ.

И спустя пятнадцать минут вышла из ванной с самым независимым видом. Вальцгардам ничего сказать не успела, потому что с воплем:

— Танни-и-и-и-и-и!!! — на меня налетел Ленард.

Я поняла это, когда от заданного парнем ускорения мы чуть не кувыркнулись на диван, а перед глазами мелькнула рыжая вихрастая макушка.

— Воу, воу, полегче, — я с трудом отцепилась от жаждущего обнимашек брата Теарин, точнее, от мальчишки, который его играл, и по совместительству моего друга. Как-то так получилось, что на съемках мы шустро нашли с ним общий язык.

— Танни, я к тебе уже приходил, — заявил он. — Но эти сказали, что ты спишь.

Я покосилась на «этих» и вздохнула.

— Я и правда спала.

— Ты вообще как?! Что случилось? Мне толком ничего не объяснили, просто спрашивали, как ты вела себя на съемках, а потом пришел хмурый Рихт и тоже мне ничего не сказал, поэтому теперь я с ним не общаюсь. Кстати! Ты где была, когда почти случился налет?! Мне предки весь телефон оборвали, хотя связь постоянно пропадала из-за перегрузки сети.

Все это Ленард выдал на одном дыхании, а потом уставился на меня, возбужденно сверкая глазами.

— Ну... в общем, мне пришлось ненадолго уехать.

— Почему?

Я приподняла брови.

— Это государственная тайна.

— Че-го?! — Ленард восхищенно на меня посмотрел.

— Ну или вроде того. В общем, я не имею права разглашать случившееся, поэтому... — я наклонилась к кулеру и налила себе водички, чтобы немного смягчить горло (оно подозрительно чесалось). Помимо «есть» еще и пить хотелось, тоже драконовски. — Я просто стала свидетельницей кое-чего, и об этом нельзя говорить.

— Свидетельницей? Ты знаешь, кто разрушил отель?!

Я поперхнулась водой и закашлялась. Так закашлялась, что Ленарду пришлось хлопать меня по спине, чтобы услышать ответ.

— Нет, — сказала я, когда отдышалась.

— Тогда что? — поинтересовался он. — Ой, забыл... А когда можно будет говорить?

— Никогда.

— Совсем?

— Совсем.

— Даже по секрету? — поинтересовался он таким шепотом, что я с трудом расслышала, о чем он говорит.

Покачала головой.

— Понимаю, — серьезно сказал Ленард и выразительно мне подмигнул, незаметно дернув головой в сторону вальцгардов. Ну это ему казалось, что незаметно. — Не буду больше спрашивать.

Я мысленно вздохнула. Дернул же меня набл за язык сказать про государственную тайну, ведь не отвяжется теперь. А если отвяжется, то надуется. Как на Рихта.

Кстати о Рихте...

Я вдруг отчетливо осознала, что не знаю, что ответить на его

предложение. Не представляю просто. Его слова «буду ждать» уж точно относились не к моменту нашей следующей встречи.

Да-а-а-а, влипла ты, Танни.

Влипла по самую макушку.

И ведь не уверена, что буду спать спокойно, если скажу: «Нет». Просто потому что когда за Лэргом закрылась дверь, я вздохнула с облегчением, а когда за Рихтом... хотела бы я знать, что случилось, когда дверь закрылась за Рихтом.

— Слушай, ты не в курсе, Рихт сейчас у себя? — поинтересовалась совершенно не в тему.

— Понятия не имею, — буркнул Ленард и сложил руки на груди так, что футболка с принтом известной молодежной рок-группы натянулась. — Мы с ним не разговариваем.

— Я же тебе сказала, это государственная тайна, — заметила я. — Его наверняка заставили подписать соглашение о неразглашении.

Вальцгард издал какой-то странный звук: не то подавился, не то пытался сдержать скептический смех, я же подумала совсем о другом. Рихт пришел хмурый, так сказал Ленард. Он действительно за меня беспокоился.

И да, он не спал всю ночь.

Потому что это случилось со мной.

— А-а-а-а... — многозначительно произнес Ленард. — Об этом я как-то не подумал.

— Рада, что разрешила твои сомнения. Так что сейчас мы пойдем к Рихту...

Ленард приподнял брови.

— Есть пиццу, общаться и смотреть пресс-конференцию.

Эта идея накрыла меня внезапно. Во-первых, под предлогом помирить Ленарда и Рихта я могу заявиться к нему в номер без каких-либо обязательств. Во-вторых, в номере Рихта не будет вальцгардов, присутствие которых постоянно напоминает мне о случившемся. И в-третьих, я смогу спокойно и рассудительно подумать, сделать выводы и принять решение.

Наверное.

Если спокойно и рассудительно — это вообще про меня.

— Когда там пресс-конференция? — поинтересовалась я, когда мы вышли из номера.

Парень округлил глаза.

— Ты что, не знаешь?

— А должна?

— Ну ты же...

Сестра первой леди, да.

От неминуемого позора меня спас главный, чей голос донесся из-за спины, как звучание электронного информатора.

— В двадцать один ноль-ноль по Мэйстону. Или в восемнадцать по Ортахарне.

Ого. Это значит, всего час остался?

Скажите мне, что вы бы меня разбудили.

— Так... о чем это я... — пробормотала, глядя перед собой. — Ленард, ты вообще знаешь, в каком номере остановился Рихт?

— Да, у него на двадцатом этаже номер, — он взглянул на меня. — Слушай! А ты разве не в курсе, что будут говорить на пресс-конференции?

Я хотела сказать, что даже все мои родственные связи не дают мне доступа к информации такого уровня, но тут меня посетила очередная гениальная идея.

— Я-то в курсе, — сообщила заговорщицки, тыкая в панель вызова лифта. — Но мне кажется, вам с Рихтом это тоже будет интересно.

И подмигнула Ленарду.

— Вау! Так та... информация была про драконов, да?

— Угу, — важно сказала я, искренне радуясь, что двери лифтов передо мной разошлись. Никогда не умела вешать драконью чешую на уши, особенно в течение долгого времени.

— Кру-у-уто! — выдохнул парень, шагая вслед за мной.

— Ага.

— И ты знаешь, почему это было, да?

Я сделала большие глаза и провела пальцами по губам (типа, молнию застегнула). Ленард, похоже, смирился, а я в очередной раз порадовалась, что больше с вопросами ко мне приставать не будут. Хотя совесть куснула за пятку, скотина такая. Вот не люблю я сочинительством заниматься.

Да и смотрели на меня сейчас чуть ли как на народную героиню, а народная героиня знала не больше стоявшего рядом парня. Учитывая, как иртыханы от щедрот душевных сцеживают информацию в массы (по капле, раз в два года), то оно в общем-то неудивительно.

От мыслей я очнулась ближе к номеру Рихта.

Постучала, раздумывая над тем, что делать, если его там не окажется.

Оказался.

Рихт распахнул дверь почти сразу. С мокрыми после душа волосами и полотенцем, обернутым вокруг бедер, он выглядел так, что моя челюсть потянулась вниз, повинувшись силе притяжения. Что я там говорила про

мужчин в форме? Ни один мужчина в форме не выглядит так, как мужчина без формы.

— Мы в гости пришли, — заметил Ленард. — Есть пиццу и смотреть пресс-конференцию. И если что, я беру свои слова про драного набла назад.

— Очаровательно, — сказал Рихт, глядя почему-то на меня.

— М-м-м-м, — ответила я.

— Проходите, — он отступил в сторону, и Ленард первым шагнул в номер, а я следом. Все еще не уверенная, что мой взгляд примагничивается к сильному прессу исключительно потому, что я там капельки воды увидела. Вообще почувствуй себя странно, называется: мы тут возмущаемся, что мужчины заглядывают нам в декольте, а я отлипнуть не могла от созерцания подтянутой фигуры и литых мышц.

— Я сейчас оденусь и выйду, — сказал Рихт, повернувшись и явив миру задницу.

Задницу, которая даже под полотенцем была вполне рельефной.

Дыхни на меня дракон!

Шаги за спиной заставили отвиснуть и обернуться: вальцгарды ввалились в номер вслед за мной.

— Э-э-э... а вы куда?!

— Приказ, — коротко ответил «номер один».

— Приказ?!

— Да. Наедине вас можно оставлять только рядом с Джерманом Гроу.

Рихт развернулся резче, чем я успела очешуять.

— Не знаю, какой у вас приказ, — это тоже совершенно не напоминало свойственное ему спокойствие, того и гляди пламенем дохнет, как дракон. — Но вы сейчас вломились в мой номер без разрешения и нарушаете мое личное пространство, на которое согласно конституции Аронгары имеет право каждый. Это первое. А второе: этой женщине здесь ничего не угрожает. Так что прошу.

Молчаливый поединок огненных стрел взглядов проходил как раз на линии меня, я даже подавила желание присесть (чтобы не зашибло ненароком). Не представляла, что у Рихта может быть такой тяжелый взгляд, и уж тем более не представляла, что люди могут так смотреть на иртеханов. Не уверена даже, что сейчас в Рихте было что-то от Даармархского, скорее, было что-то от Рихта, который мне пока еще не известен.

Сейчас, когда он больше не держал руки скрещенными на груди, я увидела огромный кровоподтек на ребрах (подарочек от Гроу), и едва заметно ссаженную на смуглой скуле кожу.

— Мы будем за дверью, — коротко отозвался главный.

После чего кивнул напарнику, и оба вышли.

Ш-ш-шух.

Это закрылась дверь за мощными спинами сопровождения.

Шварк!

Это уже за спиной Рихта, который скрылся в ванной.

Я выразительно поморгала, переводя взгляд с одной двери на другую, а потом прошла в номер. Надо будет на будущее запомнить, что эти парни слушаются Леону и Рихта. Рэйнара, наверное, тоже, но это к делу не относится. Вопрос только в том, почему они не слушаются меня.

И что Леона имела в виду, когда разрешила оставлять меня с Гроу наедине?

Ленард устроился на диване, вытянув ноги, и что-то листал на смартфоне.

— Есть пицца с острыми колбасками, — сказал он. — Ты любишь острые колбаски?

— Не особо.

— А с перцем гранко и ветчиной?

С перцем гранко у нас Гроу любит, подумалось мне. Жаль, нельзя принести Сибрилле такой же кофе, может, ее ледяное совершенство слегка пропотеет.

— Не особо.

— Да ну тебя. Тогда сама выбирай, — Ленард сунул смартфон в карман растянутых джинсов.

— Мне не на чем.

— Телефон забыла, что ли?

— Убила.

Я выудила свой и показала парню. Он присвистнул.

— Это как ты его вообще?

— Случайно.

Ко мне пришел Гроу и пригласил запрыгнуть во флайс через балкон.

При мысли о балконе меня снова бросило в холодный пот, и я решила, что ну его. И балкон, и Гроу. Потому что там, со своей Сибриллой, он точно обо мне не думает. И вообще, почему в его контракте не прописано, что он обязан на людях появляться исключительно со мной, а за всяких драконесс ему придется платить неустойку?

Самому себе, ага.

— Так... может, тогда с драконьими ушками?

Нет, драконьи ушки не имеют никакого отношения к драконам. Так

называются тонкие пластинки вяленого мяса, сложенные в форме ушей, настолько острые, что после их поедания дым из ушей идет.

От очередного отказа меня спас Рихт, который вышел из душа уже в рубашке и брюках (спасибо и на том), и невыносимо спокойный, словно это не он несколько минут назад выставил из номера вальцгардов. Не будучи ир்தханом.

— Что выбираете?

— Так пиццу же, — сообщил Ленард.

— Боюсь вас разочаровать, но я уже заказал ужин, так что сегодня без пиццы, — он подошел к нам. — Не знаю, хватит ли на всех, я заказывал только для себя и собираюсь есть много, так что клацать пастью не рекомендуется.

— Смотри сам без ужина не останься, — мигом вскинулся парень.

Я закатила глаза.

— Танни, а ты что стоишь?

— Я еще не проснулась.

Рихт кивнул:

— В таком случае у тебя есть целый час, чтобы это сделать до пресс-конференции, — меня легко подтолкнули к дивану, и я устроилась рядом с Ленардом.

Сам Рихт выбрал кресло, стоявшее сбоку, но долго в нем не просидел: стоило ему опуститься, как в дверь постучали.

— А вот и ужин, — легко оттолкнувшись от подлокотников, произнес он. — Вообще-то я вышел к вам в одном полотенце, чтобы покрасоваться перед официанткой, но вы все испортили.

Ленард сдавленно фыркнул, а я вспомнила про кровоподтек и зависла.

К счастью, Рихт ушел встречать ужин.

Ненадолго. Аэротележка влетела в комнату, подчиняясь пульта управления, и зависла рядом с журнальным столиком.

— Твои сопровождающие слегка напугали официанта, — как ни в чем не бывало заметил Рихт, когда я поднялась, чтобы помочь ему составить еду.

Ленард заржал.

— Он был бы счастлив видеть тебя в полотенце!

Рихт хмыкнул.

— Неужели? — спросила я.

— Ты сейчас про официанта и полотенце?

— Вообще-то про моих сопровождающих и официанта.

— Да, он решил, что здесь по ошибке остановилась какая-то очень

именитая личность.

— Ну в общем, он прав.

Рихт пропустил комплимент мимо ушей. Перекладывая накрытое крышкой блюдо, украдкой посмотрела на него, надеясь поймать ответный взгляд и вопрос в нем, но мужчина спокойно его отразил.

— А вот с приборами будет проблема... — задумчиво произнес он.

— Да ладно, какая проблема, — Ленард приоткрыл крышку жаркого. — Я вообще руками могу есть.

— Здесь есть комплекты, но они для разных блюд.

Рихт вытащил снизу запакованные в одноразовые футляры приборы.

— О, ну тогда точно никаких проблем!

— Поскольку нас много, предлагаю устроиться на полу. Надеюсь, никто не возражает? — Рихт посмотрел на меня.

— Неа, — первым у столика (низенького, рядом с которым весьма удобно сидеть), устроился Ленард.

Я села рядом, Рихт напротив нас.

— Угощайтесь.

Ленарда уговаривать не пришлось, меня, впрочем, тоже. Я утащила себе салат с морепродуктами, парни решили побороться за жаркое, и в неравной борьбе победила молодая наглость. Кусок, который Ленард себе откромсал, был в два раза больше того, что он оставил Рихту.

— Нард, ты не треснешь?

— Ха-ха! — возвестил парень. — Кто там говорил про пастью не клац-клац?

Все это здорово походило на дружеские посиделки, похожие на те, что у меня были в Мэйстоне. С Имери и ребятами, с которыми мы встречались еще несколько лет после школы. Потом наши пути как-то совсем разошлись, но Имери осталась. Пока она не начала приглашать к нам Гарджера, рядом с которым я всегда чувствовала себя третьей лишней. С прочими ее парнями — нет, а между ней и этим красавцем с бритой головой сразу возникла химия. Там все сразу было понятно, и предложение, которое он ей сделал, было всего лишь вопросом времени.

У Имери скоро свадьба.

Очешуеть.

Почувствовав на себе пристальный взгляд Рихта, очнулась и улыбнулась.

— Все еще не проснулась?

— Ага.

— Кстати, Танни мне рассказала про неразглашение, — с набитым

ртом заявил Ленард.

— Неразглашение? — Рихт приподнял брови.

— Да, неразглашение информации про драконов, — выразительно сказала я.

Чем плохи журнальные столики — дотянуться ногой до объекта, которому хочешь что-то передать нереально. В ту минуту, когда я об этом подумала, в дверь снова постучали.

— Это не номер, это проходной двор какой-то, — заявил Ленард.

— Между прочим, прохождение началось с тебя, — вернул ему шпильку Рихт.

Потом вздохнул и поднялся.

— Я сейчас. И если это твои сопровождающие хотят удостовериться, что я тебя не сожрал, я за себя не отвечаю.

— Может, у них секундомер сломался?

Рихт фыркнул.

— Надеюсь на это.

На миг обернулась, и Ленард спер из моей миски креветку. Последнюю, между прочим!

— Эй!

Парень довольно ухмыльнулся, а в следующий миг меня впаяло в пол.

Потому что за щелчком двери раздался голос Гроу:

— Надо кое-что обсудить.

Я обернулась очень не вовремя: наши взгляды встретились, и меня мазнуло огненной лентой его взгляда. Как водный полудракон умудряется сочетать в себе пламя, лед и первостихию, мне до сих пор было непонятно, но он умудрялся. Впрочем, все эти мысли тут же вылетели из головы, потому что Гроу выдал фееричное:

— Обжиматься в номере можете сколько угодно, но на людях до конца съемок вместе не появляться.

Че-го?!

Что ты сейчас сказал, ящерица безхвостая?!

Я взвилась в воздух со скоростью маленькой боевой торпеды и устремила к цели прямой наводкой, но меня перехватило силовое поле руки Рихта. Проще говоря, он выставил ее как шлагбаум, и если бы я не затормозила, вписалась бы прямо в драконорежиссера. Сам Рихт привалился к стене, обманчиво-расслабленно глядя на Гроу.

— Это все, что ты хотел сказать?

— Все, — на меня принципиально не смотрели, как если бы на моем месте маячило пустое пятно. — Для нее это может закончиться крайне

плачевной неустойкой, так что надеюсь, до тебя дойдет с первого раза.

— Дошло, — сообщил Рихт.

А потом шлагбаум поднялся, опустился за моей спиной, и меня притянули к себе. Так, совсем интимно, из-за чего я впечаталась бедрами в его бедра.

— Обжиматься, — Рихт сделал акцент на это слово, — будем только в номере.

У Гроу вытянулся зрачок, и вопреки всякой логике я прижалась к обнимающему меня мужчине еще более откровенно, отражая яростный драконий взгляд. Темные глаза полыхнули зеленью, а потом его режиссерское драконобесподобие вылетело за дверь. Странно, что не сквозь, потому что на первый взгляд он был в том самом состоянии, в котором можно проходить сквозь стены.

— Э... а вы что, правда обжимаетесь, что ли? — донесся из-за спины совершенно очешуевший голос Ленарда. — Или у вас уже роман?

— Не твоего ума дело, — Рихт кивнул на приоткрытую дверь ванной. — Танни, на пару слов.

Я даже не особо сопротивлялась, потому что где-то в груди плескало отголосками драконьего пламени. Стоило нам запечататься внутри, как Рихт меня отпустил.

— Никогда больше так не делай! — прорычал он.

Глаза его сверкнули так, что в них едва не вспыхнули отголоски алого огня. Разумеется, их быть не могло, но я столько раз представляла, как это добавить с помощью спецэффектов, что уже ничему не удивлюсь.

— Так — это как?

— Не прижимайся ко мне, если не имеешь это в виду.

Да вы не очешуели ли?! Всем скопом!

— Между прочим, это не я полезла с обнимашками, — сложила руки на груди. — Так что все претензии к себе.

— Я не лез с обнимашками, — процедил Рихт. — Я действительно тебя обнимал, Танни.

— Да ну? И про обжиматься ты тоже не говорил?

— Говорил. Но не потому, что хотел с тобой обжиматься...

Я приподняла бровь.

— Драконова задница! Танни!

— Драконова задница только что вышла за дверь. А я терпеть не могу, когда мне предъявляют претензии.

— Почему ты все время защищаешься?

— Потому что очень не люблю, когда мне говорят, что я должна

делать, а чего не должна!

Или потому, что Гроу только что разрешил мне обжиматься с Рихтом. Можно сказать, благословение режиссерское дал, чешуйчатый недоперекрыл!

— Не говорят, а просят. Разницу чувствуешь?

— Чувствую! Вот прямо сейчас чувствую. Стою и думаю — что это я чувствую? А! Это разница!

Не представляю, чем бы закончился этот разговор, если бы из-за двери не донесся ехидный голос Ленарда:

— Ну что? Обжиматься закончили?

Судя по выражению лица Рихта, он был готов убивать.

— Если закончили, выходите. Если нет, все равно выходите. Пока вы там тискались, пресс-конференция началась.

— Мы. Не тискались, — рыкнула я, вылетая за дверь.

— Ну-ну, — усмехнулся парень.

— Мы не тискались, — повторила я, вскинув руку. — Еще одно слово, и миска с салатом переедет к тебе на голову.

— Салата там уже нет, — философски заметила Ленард. — А то, что не тискались, заметно. Агрессивные оба — капец.

С хохотом, достойным злодея из ретро-фильма, парень улепетнул в сторону дивана, и я схватила воздух вместо футболки.

— Слааадкая парочка в ссоре!

Почему никто мне не говорил, что мальчишки могут быть такими противными?

— Из-за одного режисс-е-е-ра!

Поэзия так и прет, чтоб тебя дракон хвостом шваркнул!

— Слааадкий соус по ушам стекает, — заметила я в тон ему, — тех, кто чешуйней страдает.

Рихт прекратил нашу перепалку очень просто: врубил звук визора на максимум.

— Сегодня утром по всей стране...

У всех лопнули барабанные перепонки.

Я зажала уши и выразительно посмотрела на Рихта, Ленарда же, судя по всем контузило. Он просто моргнул и залип, как сидел, на диване.

— Все? Угомонились? — поинтересовался мужчина-с-пультом.

Это я почти прочитала по губам, потому что переорать визор на полной громкости достаточно сложно. Не говоря уже о том, что я по-прежнему прижимала к ушам ладони.

Рихт убавил громкость и вздернул бровь.

Я плюхнулась на диван рядом с Ленардом, игнорируя его насмешливый взгляд. Рихт устроился рядом в кресле, но я на него не смотрела. Ни на кресло, ни на Рихта, зато смотрела в зал, битком набитый репортерами со всех уголков Аронгары. Как они там друг у друга на головах не сидели — непонятно.

Впрочем, о репортерах я забыла сразу, стоило Леоне и Рэйнару появиться в кадре. О том, что они красивая пара, я знала всегда. То есть моя сестра в принципе красивая, ну и Председатель тоже ничего так. Мужская красота, помноженная на харизму и внутреннюю силу, одного взгляда хватает, чтобы дыхание на миг перекрыло, хоть я и не дракон.

Семейная жизнь не для меня, я всегда об этом знала, но почему-то сейчас, глядя на них, испытала острый укол зависти. Такой черненькой, со вкраплениями белого для очистки совести.

Нельзя же завидовать собственной сестре.

Или можно?

Диктор трепалась об оставшейся в прошлом экстренной ситуации, пока Рэйнар и Леона рука об руку вышли на сцену. Ведущий стандартно зачитывал правила, но я смотрела только на них. На то, как едва уловимый взгляд Леоны превращается в поддержку, на то, как едва заметная улыбка в уголках губ Председателя на мгновение делает его жесткое лицо удивительно светлым.

Не знаю, заметил ли это кто-то еще.

— Начнем, — голос Рэйнара разорвал воцарившуюся на несколько мгновений тишину. — Сегодня все мы стали свидетелями явления, которое не наблюдалось уже много тысячелетий.

Молчание. Вспышки камер.

— То, что мы видели сегодня, в последний раз произошло тоже в драконий месяц. Во времена, когда сила пламени иртыханов в нашем мире была на уровне настоящей.

— Что значит на уровне настоящей? — поднял руку один из репортеров.

— Это значит, что сейчас мы близки по силе ко временам Теарин Ильеррской и Витхара Даармархского. Предвосхищая главный вопрос, сегодня утром драконы обратились к нам за помощью.

Драконы обратились к нам за помощью?

Моя челюсть потянулась к полу, но я ее поймала, вовремя вспомнив о том, что удивляться мне не положено. Судя по воцарившейся в зале для пресс-конференций тишине, все собравшиеся придерживались того же мнения. То есть придерживали каждый свою челюсть.

— Драконы обратились за помощью? — первой нарушила паузу журналистка с короткой стрижкой. — Разве вы можете понимать их язык?

— Нет. Наше общение происходит на уровне магии и инстинктов.

— Разве по магии и инстинктам можно понять, почему приходили драконы?

— Можно. Когда между иртханом и зверем устанавливается связь, мы почти становимся единым целым.

По залу пронесся не то шепот, не то коллективный вздох.

Бр-р-р-р-р. То есть тьфу.

Надеюсь, я не стала единым целым с Мелорой.

О чем я вообще думаю, а?

Следующий вопрос задал невысокий мужчина с залысинами, экранная лента представила его как репортера из Флангстона.

— То есть вы хотите сказать, что драконы не собирались нападать?

— Совершенно верно.

— И что, они бы просто так ушли?

— Нет, они бы в любом случае дождались нас, — произнес Рэйнар. — Чтобы передать сообщение.

— Вы поэтому допустили первую леди в Пустоши? — это уже журналистка с косой челкой.

— Моя жена пошла со мной, потому что это и ее мир тоже. Ее город. Ее страна.

— И вы так спокойно об этом говорите? — снова репортер из Флангстона. — Раньше супруги правящих не выходили в Пустоши вместе с мужьями.

— Раньше супруги правящих не оборачивались, — ответил Рэйнар, чем вызвал волну смеха, ветерком пронесшуюся по залу.

— И все-таки, — не унимался мужчина. — Вы ею рисковали. Почему?

— Позвольте, я отвечу на этот вопрос? — Леона подняла руку. — Мой муж никогда не станет мной рисковать.

— Значит, вы пошли с ним не потому что его силы могло не хватить, чтобы развернуть драконов?

Ауч.

Леона посмотрела на говорившего так, что на его месте я бы превратилась в паленый хвостик набла и с шипением испарилась прямо в воздухе. Точнее, выражение ее лица осталось безукоризненно-вежливым, только в глазах мелькнуло ну очень знакомое мне выражение: подпалит — и не заметит.

Моя сестра!

— Я пошла с ним, потому что это мой долг. Мой долг стоять на защите города, когда такое происходит.

— Долг женщины?

Тут уже мне захотелось поджечь этому журналисту хвост. Честно — я бы, наверное, подожгла, но Леона отразила провокацию совершенно спокойно:

— Долг первой леди. В древности ир்தханессы вставляли плечом к плечу со своими мужьями.

Серьезно?!

— Но мы-то с вами живем сейчас.

— Верно. Мы современная семья, и мне вовсе необязательно сидеть где-то, когда в Пустоши волнения.

— Вы настолько уверены в своем муже?

— А вы в нем сомневаетесь?

Журналист стушевался, и этого замешательства хватило, чтобы Рэйнар поднял руку:

— Мы отклонились от темы. Прошу, вопросы по существу.

— Значит, драконы просили о помощи? — поднялась рыженькая журналистка с пышной копной волос. — Почему?

— Это связано с защитными полями, растянутыми над Аронгарой.

Ленард ткнул меня локтем в бок. Я посмотрела на него краем глаза, поймала вопросительный взгляд, и тут же вернулась на пресс-конференцию.

— С теми, что оберегают города?

— Именно. Как вы знаете, их воздействие таково, что не позволяет драконам заходить в мегаполисы. Достигается это частично за счет технологий, частично — за счет магии. Попадая под воздействие такого поля, драконы чувствуют себя некомфортно, если можно так выразиться. Точнее, некомфортно они себя чувствуют даже в пределах эха, как мы называем остаточные волны защиты, именно поэтому звери редко выходят из глубин пустошей. Но сейчас ситуация такова, что пламя ир்தханов стало сильнее.

Рэйнар обвел взглядом собравшихся.

— Как я уже говорил, сейчас наша сила на уровне тех времен, когда ир்தханы свободно оборачивались драконами. Это приводит к тому, что эхо защитных полей распространяется все дальше, сжимая границы обитания драконов. Земель, пригодных для их жизни, становится все меньше.

— То есть вы хотите сказать, что...

— Если продолжится в том же ключе, драконам будет негде жить.

Вскинул руку тощий, угловатый парень из Балт-Лар-Сити.

— Но поле же неизменно! — воскликнул он, когда Рэйнар ему кивнул. — Оно окружает города, а пустоши не трогает.

— Пустоши накрывает эхом, — повторил Рэйнар. — Там, куда доходят отголоски защиты, драконы не могут существовать. Не могут создавать пары и семьи, для них это все равно что для вас постоянно находиться в комнате, где играет тяжелый рок или звучит сирена. С каждым годом это «звучание» сжимает рамки их обитания, запирая зверей на тесных клочках земли.

Я почувствовала на себе пристальный взгляд Рихта и поняла, что грызу ногти.

Точнее, почти отгрызла один на указательном пальце. Пришлось сделать вид, что я просто потеряла губы, и снова уставиться в визор.

— Возвращаясь к тому, что я хотел сказать. Если так пойдет и дальше, драконов не станет.

— Совсем? — снова поднялась рыженькая.

— Совсем.

— Как скоро это произойдет?

— В течение двадцати, может быть, тридцати лет.

Последнее заявление встретили тишиной.

Такой тишиной, что чей-то судорожный вздох в зале показался чуть ли не вышеупомянутым тяжелым роком.

— Поэтому мы с женой сейчас обращаемся к вам, — я почувствовала, как по коже прошел мороз, от его странных, пугающих слов. Особенно кода Леона чуть шевельнула рукой (этот жест невозможно было заметить, если не смотреть на нее очень внимательно), коснувшись кончиками пальцев тыльной стороны ладони мужа. — Ко всем жителям Аронгары, от имени Совета. Решение, которое нам предстоит принять, мы будем принимать вместе. В ближайшее время состоится голосование, в котором примет участие каждый житель Аронгары старше шестнадцати лет.

Леона волнуется, это было заметно по слишком прямой спине и прямому, очень серьезному взгляду. В принципе, это все легко можно было принять за официальность, если не знать мою сестру. Ну а если знать, то станет понятно, что она никогда не будет сидеть так неестественно спокойно в такой важный момент.

— О каком решении речь? — спросил репортер из Балт-Лар-Сити.

— О решении отключить защиту над городами.

Пресс-конференция закончилась ближе к полуночи по Мэйстону,

потому что после такого заявления Рэйнару и Леоне еще долго пришлось отвечать на вопросы. В частности, о том, что уменьшать интенсивность щита бессмысленно, поскольку это все равно что его снять. Что закрывать города с помощью технологий без магии невозможно, потому что ни один энергоресурс не сможет круглосуточно выдерживать такие щиты. О том, что драконы не станут нападать на людей без причины, и что возможность предупредить налет в современном мире держится не только на защитном поле.

— Сомневаюсь, что большинство голосов будет «за», — сказал Рихт, выключая визор.

Возбужденный Ленард умчался к себе, общаться и обсуждать новость с друзьями, а мы остались одни.

— Почему сомневаешься?

— Потому что люди привыкли к тому, что драконы опасны. Слишком долго иртыханы держали такую линию.

— Они не держали, — попыталась возразить я, но Рихт приподнял бровь.

Ладно, держали.

Чтобы удержать власть, не стоит рассказывать о том, что по ту сторону щита обитают пушистые пуськи, которые даже не кусаются, если их сильно не разозлить. Ладно, Рэйнар выразился иначе, он говорил, что драконы нападают только если чувствуют угрозу, но если будет принято решение отключить щиты, цепи смотровых башен на границе с городами превратятся в непроходимый кордон. Любой тревожный сигнал поднимет вальцгардов и боевую технику в любую минуту. Дежурства на границе с пустошами будут, как в древности, и так далее, и тому подобное. Если честно, они с Леоней столько всего говорили, что в голове у меня сейчас была сплошная инфокаша.

В одном я была точно уверена: не хочу, чтобы драконы исчезали.

Не хочу, чтобы они страдали от щитов, потому что при всей моей любви к тяжелой музыке я бы свихнулась, если бы слушала ее постоянно.

— А ты что скажешь? — внимательно посмотрела на Рихта.

— Ну, мой голос будет за отключение. Точнее, был бы.

Ах, да. Я совсем забыла, что он в Аронгаре только по поводу съемок.

— Как думаешь, если такое началось, это происходит по всему миру?

— Думаю, да, — он кивнул. — Просто не каждый возьмет на себя смелость заявить о таком.

Смелость, да. И ответственность.

Не представляю, чего это стоило Рэйнару, зато отлично представляю,

почему Леона не брала трубку. Точнее, почему она вообще выключила мобильный.

Смартфон пикинул сообщением от Имери.

Я вздохнула, потому что прочитала его с десятого раза, защекодав дисплей и палец до нервного тика: «Нет, ты представляешь?»

— Как думаешь, к чему стоит готовиться? — спросила у Рихта.

Я бы спросила у Леоны, но прекрасно понимала, что ей сейчас не до меня. Вот совсем.

— К холодной войне с Ферверном.

— Ферверн тут при чем?

— У них гораздо более жесткая политика в отношении открытости людям.

— То есть они бы о таком промолчали?

— Подозреваю, что молчат.

— То есть им без разницы, если драконов не станет?

— Думаю, да. Учитывая, что подводных фервернских драконов эхо полей не касается, своей власти фервернцы не лишатся, даже когда умрет последний снежный или ледяной.

Про подводных фервернских драконов в школе был целый параграф. Я бы сказала, его надо не в зоокурс для средней школы включать, а в страшилки с рейтингом. Эти звери в полтора раза крупнее всех остальных, обитают в ледяных водах и выглядят как оживший кошмар зообиолога или даже бывшего драконолога. Шипастый небоскреб с плавниками, которые легко превращаются в крылья, прозрачными глазами и когтями размером с флайс. Радует только то, что на поверхность они выходят крайне редко. Не радует то, что они в воздухе и в воде чувствуют себя одинаково, как дома.

— Откуда ты столько знаешь про Ферверн?

— Отец интересовался этой страной и их политикой. Ругался не подоброму, говорил, что люди там еще более бесправные, чем в древности или во Времена Погасших Костров. Сейчас в Хайрмарге живет мой лучший друг, и впечатления у него примерно те же.

— Тогда почему он там живет?

— Уровень жизни, — Рихт усмехнулся. — По сути, если ты не родился на залежах драгоценных металлов, в Лархарре ловить нечего.

Да, Ферверн и Аронгара вечные соперники. Две страны, отмеченные сильными линиями правящих, перегнуть которые по уровню жизни и безопасности пока не удавалось никому.

Мы замолчали.

Я крутила в руках телефон и думала о том, с чего начать

несостоявшийся разговор, но за меня его начал Рихт.

— Танни, тебе вовсе не обязательно решать прямо сейчас. И напрягаться по этому поводу тоже необязательно.

— С чего ты взял, что меня это напрягает?

— С того, что ты пришла ко мне вместе с Ленардом.

Железный аргумент.

Поднялась, наконец-то сунув руки в карманы. Карманы — это счастье.

— Рихт, мне просто нужно время. Нужно время, чтобы к этому привыкнуть, понимаешь? Не знаю, как у тебя складывались отношения, но у меня с парнями был полный ноль, если не сказать минус. Я не умею быть с кем-то. Я никому об этом не говорила до тебя, и не уверена, что скажу кому-то еще...

Рихт поднялся так же стремительно, как надвигается ураган.

Шагнул ко мне вплотную, но облапать не попытался, за что я сейчас была искренне ему благодарна.

— Я предложил тебе стать моей девушкой, но я не имел в виду, что ты должна решать это прямо сейчас, — он смотрел мне в глаза. — Я буду ждать, сколько потребуется, Танни.

Если бы это было кино, сейчас бы пустили романтическую музыку.

Я поймала себя на этой мысли и так же мысленно пнула себя под пятую точку. За внутренний цинизм.

— Погоди. Я не договорила. У меня была попытка построить нормальные отношения, но она закончилась полной задницей. Из-за меня, — я оттянула карманы, подавив желание покачаться с носка на пятку. — То есть был один нормальный парень, с которым мы почти сошлись. Точнее, могли бы сойтись. Мы с ним общались, нормально. Как с тобой. Я видела, что я ему нравлюсь, и ... он, в общем-то, сказал мне то же, что и ты. Спустя пару дней я лизалась с другим на глазах у него. Знаешь...

Дерьмо.

Я замолчала, потому что не знала, что сказать еще. Та история с Тимом до сих пор сидела занозой где-то под сердцем. Да, я могла сделать это иначе, могла просто ему отказать, но на какой-то едва уловимый миг поняла, что он мне действительно нравится. У нас было много общего: нездоровое чувство юмора и тусовка 3D-графиков. В общем, я испугалась и поступила так, как поступила.

— А он?

— Что — он?

— Что он сделал, Танни?

— А что он должен был сделать?

— Лично я попытался бы выяснить, что за... — Рихт шагнул ко мне ближе. — Танни, ты в курсе, что сейчас ты пытаешься проделать то же самое? Так вот, со мной не прокатит. Я намерен сделать тебя счастливой, и я сделаю тебя счастливой. Хочешь мороженого?

Разрядить обстановку одной фразой — это по-нашему.

— С чего ты взял, что мороженое сделает меня счастливой? — фыркнула я.

Рихт укоризненно покачал головой.

— У меня четверо сестер, я же говорил, — он развернул меня за плечи и подтолкнул к мини-бару, где размещался встроенный планшет для заказа еды из ресторана. — Вперед.

Вперед не получилось, потому что мобильный снова задержался. Я успела только увидеть вызывающий номер «Леона-сестренка», когда дисплей мигнул и погас.

Судя по всему, навсегда.

Что такое не везет, и как с этим бороться. Судя по всему, мне стоит написать на эту тему книгу, и состоять она будет всего из одной страницы и одного слова: «Никак».

— Танни, что с твоим телефоном? — Рихт нахмурился, глядя на «сетчатый» дисплей, но ответить я не успела. В дверь не просто постучали, в нее заколотили, настойчиво так.

Мрачней еще больше, Рихт направился открывать, и его не снесло в сторону только благодаря габаритам. Вальцгарды чеканным шагом промаршировали ко мне, один с телефоном наперевес.

— Почему вы сбросили вызов?

Нет, ну это уже...

Мне в руку сунули мобильный, прерывая мыслепоток.

— Ответьте. Звонок от первой леди.

Для тебя первой леди, морозильник ты ходячий. Тем не менее поднесла смартфон к уху:

— Леона?

— Танни, ты почему бросила трубку?!

— Я не бросила. У меня же телефон убился, помнишь?

— Ах, да.

Ах, да?! Мне очень хотелось задать вопрос, с чего за мной по пятам ходят два шкафа, но я удержалась. Не при Рихте же.

— Почему ты не у себя?

Ничего себе, вопросик.

— А должна?

— Сейчас — да, — заявила Леона.

— Сейчас?!

— Возвращайся к себе, я наберу через пять минут.

Она отключилась раньше, чем я успела высказать все, что по этому поводу думаю. Из чистого упрямства хотелось остаться в номере Рихта (честное слово, мне двадцать шесть, и я сама могу решать, где мне проводить вечера!), но желание поговорить с сестрой откровенно (в частности, об этом) перевесило.

— Мороженка отменяется, — сказала я.

Рихт хмыкнул.

— Что ж, в таком случае запишем ее на будущее.

Я улыбнулась.

— Ага.

И слиняла быстрее, чем услышала: «Увидимся на съемках, Танни».

Кто-то мог назвать это бегством, я бы назвала это стратегическим отступлением, поскольку сегодня с какой-то радости выдала Рихту факт о себе, который даже отражению в ванной не рассказывала очень и очень долго. Над этим определенно стоило подумать, хотя в последнее время я вообще слишком много думаю.

Не к добру.

Ой, не к добру.

Леона была верна себе и перезвонила ровно через пять минут. Она в принципе всегда была пунктуальной, но после оперволеждения это возвелось в абсолют. Уверена, что если бы в момент ее обещания я запустила секундомер, то к моменту повторного звонка он показал бы пять минут с точностью до сотых долей секунды.

— Ну, рассказывай, — сообщила я, не позволяя кое-кому перехватить инициативу.

А то знаю я ее.

— О чем?

— Для начала о том, с какой радости я даже переодеться не могу, если на меня не смотрят два здоровенных лба.

И с какой радости мне можно оставаться наедине с Гроу.

Этот вопрос я мысленно записала на будущее, а вот имя задвинула поглубже, хотя бы пока. Стоило вспомнить режиссерскую физиономию, как у меня все внутри начало тлеть.

Обжиматься.

В номере!

Хотелось явиться к нему и сообщить, что он может обниматься с

Сибриллой до посинения. Судя по ее внешности, только посинение ему и грозит. И обморожение в самых ответственных местах, так ему и надо.

— Танни, ты здесь?

В этот момент я поняла, что выпала из разговора.

— Эм... да.

— Судя по всему, не очень. Связь прерывается?

— Ага, — обрадовалась предложенной сестрой подсказке. — Так что ты говорила?

— Я говорила, что завтра приедет смена твоей охраны.

Опаньки.

— Леона, мне не нужна охрана, — заметила я. Пока еще спокойно, но уже чувствуя, что начинаю заводится.

— Ошибаешься, — холодно ответила сестра. — Я очень надеюсь на твое понимание, Танни. И очень надеюсь, что вести себя ты будешь соответственно.

— Соответственно чему?! — вот этой фразой меня всегда легко было поджечь.

— Соответственно своему возрасту и статусу.

— А какой у меня статус?

— Ты — моя сестра.

Ну да, почти что титул.

— Мне. Не. Нужна. Охрана, — четко повторила я. — Я без нее обходилась все эти годы, несмотря на то, что твоя сестра. Обойдусь и сейчас.

— Не обойдешься, — хотела возразить, но Леона не позволила мне сказать и слова. — То, что с тобой произошло — вероятная провокация против Рэйнара.

А?

Чего-чего?!

Я присела на подлокотник, на всякий случай, потому что мало ли, что мне сейчас скажут.

— Ты не была на закрытой части заседания, — произнесла Леона. — Поэтому многого не знаешь. Включи видеосвязь.

Пришлось подниматься, топать к мини-бару и пристраивать смартфон вальцгарда на верхней полке между двумя стаканами. Себя я пристроила на барном стуле, и только после этого включила видео.

Сестра была в спальне (судя по виду из панорамного окна и маячку Лаувайс), уже с распущенными волосами, но выглядела она безмерно уставшей.

— Сегодня Рэйнар сделал то, что может ему обойтись очень и очень дорого, — негромко произнесла она. — В Совете мнения разделились пятьдесят на пятьдесят, он смог рассказать людям обо всем только потому, что слово Председателя всегда решающее.

— Погоди, — пробормотала я. — Ты хочешь сказать, что мы могли бы ни о чем не узнать?

— Могли бы, — Леона устало потерла виски. — Но речь сейчас не об этом. О том, что в ближайшее время на нашу семью будет большое давление. Поэтому я очень тебя прошу, Танни, будь осторожна в том, что делаешь и говоришь. Избегай... импульсивности, которой ты чаще всего руководишься.

Последние двадцать четыре часа я только и делаю, что избегаю импульсивности.

— Решением Рэйнара недовольны многие, и они будут использовать любую возможность, чтобы его зацепить. Поэтому рядом с тобой будет охрана. Поэтому, и еще из-за Мелоры.

Мелора-то тут при чем?! Или...

— Вы разобрались, откуда она узнала про обрезанную запись?

Леона нахмурилась, и я вскинула руки.

— Не для моих ушей, понимаю.

— Не в этом дело. Ментальный допрос все-таки проводили, Танни. Ее и ее отца.

Очешуешь.

— Все настолько серьезно?

— Более чем. Ярлис действительно ни о чем не подозревал. Перед тем, как приехать в Ортахарну, Мелора общалась с тем, кто помог ей все это проверить.

— То есть она не сама до этого додумалась?

— Ей предложили избавиться от тебя.

А...

Во мне как-то разом кончились слова, энтузиазм и заряд бодрости.

— Избавиться, — повторила я. — От меня.

Супер.

Леона пожевала губы.

— Этот кто-то подстраховал ее в Ортахарне, и у них бы действительно все получилось. Честно говоря, мы бы о нем даже не узнали, если бы не...

Гроу.

Гроу, который вытряхнул из Мирис то, что она должна была забыть.

Слепому виаренку понятно, что этому кому-то нужна была не я, а

Рэйнар, на слушании все к тому и шло. И если так подумать, меня бы действительно утопили в дерьме из прошлого: раскройся содержимое этой видеозаписи перед Советом, и у меня стало бы на одну причину больше шагнуть с балкона.

Спор.

Эту причину адвокат Ярлисов точно использовал бы.

Если бы не Гроу.

Гроу-который-лапал-Сибриллу-за-задницу.

Гроу-который-вытащил-меня-из-задницы.

— Сама Мелора ни разу не видела его в лицо. Даже его голос, скорее всего, синтезирован, а все способы общения приводят в информационные тупики. Поэтому этот кто-то либо гений...

Она не договорила. И виаренку ясно, что он не гений, а просто обладает властью и средствами.

— Никогда не думала, что в мире информационных технологий можно затереть все следы.

— В мире информационных технологий следы затереть гораздо проще, чем кажется.

М-да.

— Теперь ты все знаешь, — подвела итог Леона. — Поэтому, Танни...

— Поняла, — хмыкнула. — Буду ходить с охраной.

Сестра вздохнула с облегчением. По крайней мере, мне так показалось, потому что ее лицо просветлело, даже усталость отступила.

— Спасибо, — серьезно произнесла она. — Я рада, что ты понимаешь.

— Ты поэтому сказала, что меня можно оставлять только наедине с Гроу?

— И сколько раз за сегодняшний день ты оставалась с ним наедине? — сестра как-то мигом подобралась.

— А то ты не знаешь?

— Не знаю. Я сегодня весь день была занята.

Хорошенькое заявление. То есть если бы она не была занята, то уже знала бы каждый мог шаг?

Так, ладно, не будем об этом.

— Я вообще-то о другом спрашивала.

— Он ир்தхан, — Леона помедлила. — И я могу ему доверять.

Сестра посмотрела за мое плечо с таким видом, словно там происходил парад или нечто безумно интересное. Учитывая, что за моей спиной ничего интересного не было (я видела это через камеру), это было вдвойне интересно. У меня так и чесался язык спросить, хорошо ли она его

знает, и прыгал ли Гроу во времена их знакомства на все, что шевелится, но я решила, что это не в тему.

Не в тему, потому что не собираюсь я интересоваться его похождениями.

Ни прошлыми, ни настоящими, ни будущими.

Точка.

— Между вами вообще ничего не было?

Ну разве что самую малость.

— Нет, Танни. Не было, — вот теперь Леона серьезно смотрела мне в глаза.

— Но ты же говорила...

— Потенциальная пара — это не пара.

— А пара — это...

— Пара — это значит вместе и навсегда. Если иртыханы становятся парой, ни он, ни она уже не посмотрят ни на кого другого.

Ну круто, чего уж.

— Супер. А человек может стать парой иртыхана?

— Нет, — Леона посмотрела на меня еще внимательнее. — Танни, погоди...

— У меня тут вопрос по поводу Совета, — я успела перебить ее до того, как она развила тему. Но главное, до того, как тему развила я. — Когда состоится вынесение приговора?

— Пока не знаю, — лицо сестры вновь стало сосредоточенным и по-настоящему деловым. — В связи со всем происходящим это может несколько затянуться, но я дам знать, когда нужно будет готовиться.

Готовиться? К чему?

— Они что, могут мне отказать?

— В принципе, не должны...

— В принципе?

— Такое может случиться только если большинство проголосует против смягчения наказания. В Совете Гроу дорогу никому не переходил...

Кроме Ярлиса.

— Так что будем верить в лучшее. В любом случае, я научу тебя как говорить, что говорить. Не переживай, — сестра улыбнулась. — Прорвемся.

Мне бы ее уверенность.

Я человек, обращаться к главным иртыхам Аронгары с просьбой мне еще не доводилось.

— Прорвемся, — подтвердила я. И добавила: — Если что, я за

драконов.

— Я знаю, — серьезно кивнула она. — Мне бы и в голову не пришло, что может быть иначе.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи, договорились быть на связи и попрощались. После чего я еще с час выбирала себе новый телефон, потом минут пятнадцать пыталась объяснить девушке из интернет-магазина, что он мне нужен срочно, то есть рано утром, в итоге согласилась на доставку во второй половине дня и пошла спать. Несмотря на то, что я умудрилась проспять большую часть дня, сейчас у меня снова слипались глаза, а голова казалась тяжелой, как гирька. Так кто я такая, чтобы отказывать организму в простых житейских радостях?

Тем более что-то мне подсказывало, что очередной съемочный день будет веселым.

Если не сказать больше.

Глава 3. Танны

В есенье началось с утра пораньше, когда я проснулась с по-прежнему тяжелой головой, больным горлом и заложенным носом под бодрый стук в дверь. Я бы сказала, под грохот, который с постели мог поднять не только простывшую меня, но и безвременно почившего. Выбравшись из-под одеяла, я на ходу бросила на себя взгляд в зеркало и ужаснулась: глазки красные, волосы растрепанные, еще и на щеках румянец. Веселее не бывает.

Спросонья не сразу вспомнила, что вчера вальцгарды все-таки вышли из номера, оставив личное пространство лично мне. Что им могло понадобиться, я понятия не имела, но между нами уже было столько всего, что стесняться посчитала лишним. Поэтому и дверь распахнула без вопросов, чтобы наткнуться взглядом на физиономию Гроу. Яростную, надо сказать, физиономию, с которой эта самая ярость сползала ну очень выразительно, уступая место непонятым чувствам.

Визжать и отпрыгивать за дверь было бы как-то пошло, поэтому я просто сложила руки на груди, и тут же об этом пожалела. Топик пижамки с виарчиками натянулся, подчеркивая то небольшое, что он в принципе мог подчеркнуть. Например, заострившиеся от прохлады соски. Режиссерская дракономорда вытянулась, как гимнастка на растяжке, и я вздернула руки повыше.

— Ладэ, — мрачно сообщили мне. — Ты почему телефон выключила?

Судя по выражению этой самой дракономорды, сказать мне хотели много всего, но вот прямо сейчас передумали.

— Не выключила. Он убился, — сказала я тоном прокуренной оперной дивы в отставке.

Твоего ж дракона!

— Что у тебя с голосом?

— Ничего. Со сна, — я подавила новый приступ желания отползти за дверь, потому что под взглядами Гроу по коже скакали огненные виарчики. От этого мне становилось неуютно, а волоски на затылке становились перпендикулярно коже. — Так что?

Последнее прозвучало грубо. Исключительно потому, что внимательный взгляд и вот это вот присутствие сильно меня напрягало. Несмотря на торчащее в дверном проеме плечо вальцгарда, несмотря на то, что мне предстояло терпеть присутствие Гроу целый день, а потом

следующий день, и еще много-много дней.

— Выдвигаемся через полчаса, сбор в западном холле, — заявили мне. — Будь готова.

А потом развернулись режиссерской спиной.

— Всегда готова, — буркнула в нее и от души захлопнула дверь.

На обратном пути бросила на себя еще один взгляд в зеркало, и оставшиеся волоски тоже встали дыбом.

У-у-ужас.

Голова действительно напоминала бесполезную баклажку, в которую нагнали расплавленного металла. Если продолжится в том же духе, то к обеду я буду напоминать не Ильеррскую, а подбитого на лету виара. Поэтому с усилием продрав спутанные волосы и быстренько приняв душ, после которого меня начало знобить, я рванула не на завтрак, а в ближайшую аптеку. Там мне выдали пластинки, снимающие боль в горле и заложенность носа, а заодно пластинки от температуры, пояснив что у последних побочный седативный эффект.

Справедливо рассудив, что спать во время съемок не положено (тем более что температура у меня никогда высоко не поднималась), я наляпала себе одну на горло, другую на переносицу, и спустя пять минут (спасибо современной медицине!) уже была готова к боевым действиям. Читай, к съемочному дню под бдительным взором Гроу.

По возвращении меня ждал сюрприз: смена вальцгардов. В отличие от привычного морозильника с ножками и его напарника, эти были чуть менее шкафоподобные (хотя обманчивая видимость деловых костюмов и не скрывала физподготовки). Оба высокие, темноволосые и стильные. Меня передали с рук на руки, спасибо хоть не буквально, и попрощались до завтра. Проводив «единичку» с подчиненным задумчивым взглядом, вздохнула. К отмороженному и его номеру два я уже как-то привыкла, даже контакт с ними нашла. Почти.

А с этими мне что делать?

Не представляю, как наша компания будет смотреться в аэробасе. Не представляю, потому что несмотря на то, что сказал Рихт, я переживала о том, как меня примут после случившегося. Добиться расположения коллег стоило немалых усилий (читай, танца над пропастью), и мне бы очень не хотелось его терять. Сейчас бы, по-хорошему, не выделяться лишний раз, но...

— Ребят, может вы просто за аэробасом полетите? — спросила с надеждой, чиркнув ключом по замку.

— Нет.

Ничего, что внешне разные, по многословности они похожи, как братья-близнецы. Думаю, с закрытыми глазами я даже разницы не почувствую.

— Ну что со мной может случиться в битком набитом людьми транспорте?

— Вы полетите на отдельном флайсе, эсса Ладэ.

Еще лучше. Просить их высадить меня за углом, очевидно, бессмысленно.

— Кстати, это вам, — явный лидер в этой паре движением фокусника вытащил из-под пиджака крохотную плоскую коробочку и протянул мне.

Верт J-12. Смартфон стоимостью с флайсоцикл или даже простенький флайс.

— Подарок от первой леди, — пояснил вальцгард и отступил в сторону.

Я забрала коробочку и протопала в номер.

Искушение заняться крутышкой прямо сейчас было велико (эта штука разве что не умела варить кофе и приносить завтрак в постель), но я решила отложить знакомство с ней до вечера. Тем более что сейчас у меня оставалось очень мало времени, чтобы собраться и сообщить Гроу о том, что я лечу отдельно. Если честно, мне вообще ни о чем не хотелось ему сообщать, но режиссерская должность как бы намекала. Поэтому я быстро отменила заказ (а вот не надо было динамить меня с доставкой на утро!), покидала в сумку все самое необходимое, перекинула ее через плечо и вышла в коридор.

В компании вальцгардов, провожаемая едва заметными взглядами сотрудников отеля и встреченных нами гостей, вышла в западный холл. При моем появлении стало как-то подозрительно тихо, и я всерьез задумалась о том, что Рихт — неисправимый оптимист.

Его, кстати, нигде не было видно, равно как и Гроу, а вот Ленард помахал мне рукой.

— Всем привет, — сказала я и направилась к парню, вальцгарды двинулись следом за мной.

Да уж, не выделяться — это не про меня.

— Ленард, ты не в курсе, Гроу сегодня со всеми или отдельно?

— Понятия не имею, — парень пожал плечами. — А что?

— Мне надо кое-что ему передать.

— Если хочешь что-то ему передать, это можно сделать через меня, — низкий ледяной голос Сибриллы эхом отразился от сводов западного холла, стилизованного под алое ретро. В этом царстве огня она смотрелась

нелепо, как льдинка в плавильной установке, разве что эта льдинка наверняка могла бы заморозить плавильную установку.

Влет.

Она приблизилась к нам на своих умопомрачительных шпильках и остановилась, глядя на меня сверху вниз. Несмотря на каблуки, мы с ней были одного роста, но Сибриллу это совершенно не смущало. Аромат ее духов, таких же холодных, как она сама, изморозью протянулся по коже, в льдисто-голубых глазах мелькнула насмешка.

— Боюсь, это связано с рабочими моментами, — подхватила ее снисходительный тон. — Так что извини, но ты вряд ли имеешь к этому отношение.

Ленард икнул, а по губам Сибриллы скользнула улыбка. У нее даже помада (светлая), была словно припорошена инеем.

— Имею, и самое непосредственное, — она вскинула бровь. — Ты что, даже не удосужилась в кастинг заглянуть, Танни?

Я покосилась на Ленарда, и он сделал большие глаза. В ответ я тоже сделала большие глаза.

— Сибрилла Ритхарсон! — почему-то шепотом сказал он. — Хеллирия. И исполнительница главной темы саундтрека к Ильеерской.

Хеллирия. Сибрилла.

Когда я в следующий раз решу что-нибудь подумать, тюкните меня кто-нибудь по голове.

— Ну что, Танни? — иртеханесса улыбнулась. — Ты хочешь что-то передать Джерману?

Если она еще раз назовет его Джерман с таким милым оскалом, я тюкну ее.

— Да, — сообщила я с не менее милой улыбкой. — Если ты по совместительству еще и секретарь, передай, пожалуйста, Джерману, что сегодня я лечу отдельно.

Сибрилла наконец-то изменилась в лице, ледяная маска пошла трещинами, но что там из-под нее вылезет мне наблюдать не хотелось. Поэтому я обошла ее, еще раз вдохнув морозную свежесть раннего зимнего утра, как говорилось в рекламе какого-то умопомрачительного дорогого аромата, и направилась к выходу.

Не знаю, как насчет ледянеессы, а у меня внутри похрустывали снежинки, которые драконически кололись. Должно быть, так себя чувствует горка, внутри которой набирает силу извержение. То есть снаружи она вся такая снегом покрытая, а внутри кипит варево, способное расплавить все что угодно в считанные минуты.

Я относительно успокоилась, когда села во флайс, и мы набрали высоту. Солнце только-только поднималось над городом, и вершина Лимайны из-за этого казалась раскаленной. Со стороны выглядело невероятно красиво: когда пик-верхушка подобно маяку охраняющих города башен загорается, и свет от него начинает стекать по склонам, как раскаленный металл.

Что я там говорила про успокоиться? Внутри меня происходило все то же самое.

Когда я думала про терпеть Гроу каждый день, я даже не подозревала, что мне придется терпеть каждый день еще и Сибриллу.

Главное, чтобы не Гроу и Сибриллу вместе.

Но они же не могут быть вместе?

Да какая мне к драконам разница!

Сложив руки на груди смотрела на мельтешащие за окнами высоты, понимая, что я окажусь на месте раньше всех остальных. И что мне, спрашивается, с этим делать? Надо было попросить вальцгардов и водителя (да, у меня помимо охраны теперь еще и личный водитель нарисовался), чтобы подождали аэробас или хотя бы чтобы летели не по верхней аэромагистральной, но в тот момент я думала немного о другом.

Жаль, не взяла новенький телефон, чтобы почитать про вышеупомянутую звезду.

Звезду, ха.

Плагиаторша! Ее даже Ледяным голосом Ферверна называли по аналогии с Леоной.

К счастью, мы пошли на снижение быстрее, чем я успела попросить у своей охраны смартфон и начала изучать биографию местрель Ритхарсон вплоть до пятого колена. Пока что все, что я о ней знала — это то, что ее звезда взошла очень быстро и очень ярко светила. Особенно над Ферверном, но ее голос и первый альбом (в особенности, благодаря «Ледяной буре») покорили весь мир.

У заповедника нас традиционно дожидался внутренний транспорт, его было видно даже когда мы шли вниз по воздушному рукаву.

— Ребят, на пребывание в заповеднике нужен особый пропуск, так что...

— Разрешение получено, — негромко отозвался сидевший справа брюнет.

Ну кто бы сомневался, что оно получено.

— Я имею в виду, на территорию заповедника никто посторонний не пройдет, поэтому вы можете просто подождать снаружи.

— Нет, — ответил тот же.

В сочетании с темными волосами и смуглой кожей глаза-льдинки в его внешности смотрелись особенно эффектно.

— Нет?!

— У нас приказ, эсса Ладэ, не отходить от вас ни на шаг.

А на съемках они что, освещение держать собираются?

подавив желание треснуть себя ладонью по лбу (вальцгарда треснуть хотелось сильнее, но я подозревала, что это может плохо кончиться), откинулась на спинку. В очередной раз мысленно обозвав себя самкой оцехарры за то, что не взяла новый мобильный. Ладно, вечером мы с Леоной этот вопрос решим: уверена, ей бы тоже не понравилось, если бы за ней по сцене ходили два шкафчика.

Стоило флайсу опуститься на землю, как сидевший слева вышел и подал мне руку. Наверное, я бы даже ее приняла, если бы не заметила шагнувшего ко мне Рихта с коробочкой в руках. С коробочкой, в которой лежал смартфон.

Поэтому для начала я шагнула прямо на ногу вальцгарду, а потом треснулась головой о дверцу.

— Ауч!

Подозреваю, что вальцгард подумал то же самое, потому что ногу ему я отдала знатно. Только вальцгардская гордость не позволила произнести это вслух.

— Танни! Осторожнее, — Рихт кивнул моему сопровождению, глядя в мое лицо.

Я подавила желание потереть ладонью ушибленное место, когда коробочку протянули мне.

— Вот. Это тебе.

«С какой радости?» — хотела спросить я, но не успела. Серебристой флайс Гроу опустился рядом с нами, дверца поехала вверх. Еще до того, как это произошло, я увидела Сибриллу на пассажирском сиденье. Сибриллу, которая выпорхнула со своего места, когда Гроу на ходу подал ей руку. Это вообще напоминало танец или постановку: миг — и их пальцы соприкоснулись, другой — и она уже ступает на дорожку с таким видом, словно дорожка огненная, и сейчас ледянесе авансом вручат награду за роль Хеллирии. Следующий — и их пальцы разомкнулись, но в кино между ними точно проскочила бы искра или был сделан музыкальный акцент. По сравнению с этим мой выход напоминал попытки набла взлететь.

Я цапнула смартфон из рук Рихта раньше, чем успела это осознать.

— Спасибо, — сказала, глядя ему в глаза. — Это очень крутой подарок.

Подарок действительно был крутой. Флагман одной из ведущих компаний по производству смартфонов — Ренгданг.

— Конечно, не Верт J-12, но временно сойдет, я думаю.

— Временно? Верт — вообще понты.

— Рад, что тебе понравилось, — Рихт улыбнулся. — Посмотришь?

— Конечно! — я вцепилась в пленку с энтузиазмом раздирая ее ногтями, но в этот момент его драконорежиссерство шагнуло к нам.

— Ладэ, это тебе.

Верт J-12.

Верт J-12, четыре тысячи чешуек[1] мне на балкон!

Я смотрела на коробочку в смуглой руке, испытывая смешанные чувства. Потому что этой самой рукой Гроу вчера касался Сибриллы, и сегодня касался Сибриллы, и... почему-то это на миг стало неважным, когда я вспомнила, как он касался меня. Внутри что-то полыхнуло: опасно, яростно, дико, и я кивнула на подарок Рихта.

— У меня уже есть.

— Это тебе, Ладэ, — черты лица Гроу заострились. — Служебный. С выделенным номером, чтобы ты всегда была на связи. Со мной.

— Мы вполне можем общаться через Сибриллу, — я помахала рукой ир்தханессе. — Она ведь не против?

Взгляд драконорежиссера полыхнул.

— Не нарывайся, Ладэ. Ты уже нахамила Ритхарсон при всех, и если думаешь, что я буду это терпеть, то сильно ошибаешься. Никаких конфликтов на съемочной площадке.

Я — что?!

Сибрилла одарила меня очаровательной улыбкой, способной приморозить две средних Танни Ладэ, а потом отвернулась с видом, что ей совершенно не интересно то, что здесь происходит. Пока я пялилась на ее бледнейшее, мне в руки сунули коробку со смартфоном. Пальцы Гроу зацепили мои, и огонь этого прикосновения плеснул в ладонь.

— Отвечать в любое время дня и ночи. Это понятно?

Вот теперь мне захотелось запустить коробочкой в режиссерский лоб.

— Понятно, — ответила я.

Повернулась было к Рихту, но в спину мне ударило:

— Контракт, Ладэ. Не забывай про контракт.

Я хотела сказать, что с памятью у меня все в порядке, но в этот миг в воздушный рукав нырнул аэробас, а в ладонь Гроу легла изящная клешня

Сибриллы. Обманчиво-легко, и когда она бросила на меня насмешливый взгляд, мне снова захотелось запустить служебным смартфоном с выделенным номером в режиссерский затылок. Хотя лучше с двух рук: одним в Гроу, другим в Сибриллию, благо, оборудование позволяло.

То есть ему можно бить морду Рихту за то, что мы погулять вышли, а я должна молчать и мило улыбаться на все Сибриллины приколы? Ну просто пять!

— Танни, что между вами происходит? — негромкий голос Рихта выбил из состояния медленного закипания. — Между тобой и Гроу.

— Ничего, — буркнула я.

И не солгала ведь. Ничего, кроме моего на нем помешательства и его желания превратить меня в боевую пиар-единицу.

Наверное.

— Ничего?

Покачала головой и, демонстративно сунув режиссерский выделенный или выделенный режиссером смартфон в сумку, вернулась к распаковыванию Рихтова подарка. Спасибо ему, настаивать на продолжении темы Гроу он не стал, и когда я активировала номер сканированием радужной оболочки[2], просто кивнул в сторону заповедного аэротранспорта. Как раз в это время из аэробаса высыпали остальные, и я не стала задерживаться. Вальцгарды неотступно следовали за нами, а их присутствие добавляло «приятных» ощущений.

На меня снова все пилились, и от этого хотелось кусаться.

Больно.

Несмотря на то, что мест в выбранном Гроу аэрокаре еще было предостаточно, я залезла в пустой. Села спиной к режиссеру с Сибриллией, рядом со мной тут же устроилась охрана, и оттеснив одного вальцгарда, ко мне втиснулся Ленард.

— Ты чего такая мрачная?

— Я не мрачная, я серьезная.

— А серьезная почему?

Если у меня когда-нибудь будут дети, я сдам их няне без зазрения совести.

— Потому что рядом со мной охрана, и меня это бесит.

Охрана покосилась на меня с двух сторон. А я что? Я им предлагала снаружи подождать.

— Seriously бесит? Это же круто! — Ленард удивленно взглянул на меня.

— Чем?

— Ну... можно представить, что ты летишь на какую-то секретную миссию в сопровождении двух помощников.

Да, и секретная миссия называется: «Сыграй сцену номер семнадцать так, чтобы Гроу потерял челюсть в кустах».

— Или что тебя похитили злодеи, и тебе надо сбежать.

— От нас сбежать невозможно, — заявил тот самый брюнет. Таким тоном, что я чуть не проглотила жвачку, которую только что отправила в рот вместо завтрака.

Зато Ленард пришел в полный восторг.

— Круто! Они тебе даже подыграют.

Летающая вагонетка наполнилась, и вслед за первой взяла курс на съемочную площадку в заповеднике. Учítывая, что шли мы по диагонали, теперь я снова могла видеть Гроу и Сибриллу, чьи волосы развевались на ветру в лучших традициях жанра рекламных роликов. Интересно, долго она потом будет их расчесывать, или ее фиксатор склеивает волосинки так, что даже торнадо с ними справиться не под силу?

Почувствовав на себе пристальный взгляд Рихта, посмотрела на него.

Сидевшая рядом Гелла фыркнула и отвернулась к ассистентке, после чего я сделала вид, что любуюсь восходом над Саолондарским ущельем. Восход был красивым: солнце разогревало камень и скользило по листьям, добавляя яркости гораздо круче, чем самый навороченный фильтр.

Когда мы выгрузились у трейлеров, Гроу хлопнул в ладоши:

— Начинаем со сцены номер семнадцать, потом досъемки. Быстрее закончим — быстрее вернемся в Зингсприд. Полетели!

Интересно, если Сибриллу пнуть, она полетит?

Не знаю, как насчет Сибриллы, а вот меня слегка отбросило в сторону, когда Гелла зацепила меня плечом, шагая к трейлеру. На полном ходу.

Желание высказать ей все прямо на месте перебил Рихт.

— Танни. На пару минут.

Мы чуть отошли в сторону, пока съемочная группа растекалась по позициям: кто на берег — настраивать аппаратуру, кто в трейлеры, кто-то — как Ленард — гулять, дышать свежим воздухом и ждать досъемок. Я бы и сама сейчас с большим удовольствием погуляла вместо того, чтобы сидеть в трейлере и терпеть затянувшийся ПМС Геллы, но видимо, у меня без вариантов.

— Слушай. — Рихт коснулся моего запястья, переключая внимание на себя. — Поскольку мы с тобой говорим откровенно...

Мне уже начинать бояться?

— Мы с Геллой познакомились, когда меня утвердили на роль, — Рихт

провел рукой по волосам, глядя куда-то в сторону, но потом снова посмотрел на меня. Внимательно и очень серьезно: — Мы с ней встречались, Танни.

Ну супер.

То есть вот это вот все было, потому что «мы с ней встречались».

— Спасибо, что сказал, — сообщила я. — А главное — своевременно.

— Ты сейчас о чем? — Рихт нахмурился.

— О том, что у твоей бывшей плохое настроение всякий раз, когда она меня видит, а я узнаю об этом только сейчас.

— Что значит — плохое настроение? Она тебе что-то сказала?

Обернулась на вальцгардов: парни попались понимающие и не вторгались в личное пространство, за что им большое спасибо. Не тот это момент, который я бы хотела обсуждать при них. Если честно, этот момент я вообще не хотела бы обсуждать.

— Забей, — я махнула рукой.

— Не собираюсь я забивать, — Рихт шагнул ближе, и мне пришлось задрать голову, чтобы смотреть ему в глаза. — Танни, для меня это важно.

— Важно, что мне сказала Гелла?

— Важна ты.

— Со мной все в порядке, — я сунула руки в карманы.

— Опять закрываешься?

— Эй, влюбленные! — ехидный голос Геллы разорвал паузу моего неответа. Она вышла из трейлера и сейчас стояла, сложив руки на груди. — Я, конечно, понимаю, что у вас гормоны, и что я нереально крута, но за полчаса я грим все равно не сделаю. Так что...

Она вскинула брови, а потом развернулась и взлетела по лесенке. Хлопнула дверь.

— Слышал? — поинтересовалась я.

— Танни, — Рихт перехватил меня за руку, потому что я собиралась его обойти. — Мы расстались, потому что она не была готова к новым отношениям.

— Серьезно?

— Серьезно. Это не моя тайна, и не мне тебе ее рассказывать, но...

— Да не надо мне ничего рассказывать! — я отняла руку. — У тебя, похоже, тот же прикол, что и у Гроу: собери всех девушек съемочной группы и получи плавки с надписью «дракон года». Все, мне пора.

Спину мне пробуравили взглядом, но я не обернулась. Поднялась в трейлер, швырнула сумку на подставку и плюхнулась в кресло перед зеркалом.

— Лицо попроще сделай, Ладэ, — фыркнула Гелла.

— Только после тебя, — огрызнулась.

Начинались старые-добрые съемочные будни.

Ну или продолжались, потому что впереди маячила заезженная «сцена номер семнадцать», которую мне предстояло играть на глазах Гроу. И Сибриллы, чтоб ее дракон сожрал и вернул в мир непереваренной, но через задний проход. Ассистентка Геллы врубил переносной кондиционер на максимум, что в общем-то можно было понять: под солнышком в Саолондарском ущелье мы бы мигом превратились в барбекю, если бы не он. Тем не менее у меня опять заболело горло и пришлось лепить на шею еще одну пластинку. А потом быстренько (пока Гелла не взялась за лицо), еще и на нос.

В голове порхали виарчики и рычали дрангхатри, поэтому когда Гелла задала вопрос:

— Ты в порядке? — я не сразу поняла, что обращаются именно ко мне.

— В порядке, — сообщила я спустя минуту мыслительных умозаключений.

— Я уже думала, что стала невидимкой. Не мое дело, но по ходу, у тебя температура, Ладэ.

— Не твое, это точно, — хмыкнула я. — И по-моему, температура у тебя. Иначе с чего тебе так трогательно обо мне волноваться?

Гелла изменилась в лице.

— Да мне по чешуе, что с тобой будет.

— Во-от, это уже больше похоже на правду.

Больше мы с ней не разговаривали, а после кофе, которое мне принесла одна из ее помощниц, в голове относительно прояснилось. Это относительно я использовала на разучивание сценария, точнее, на повторение сценария, потому что если мы еще пару дней поснимаем эту сцену, я смогу играть ее посреди ночи даже во сне.

Стараниями Геллы и ее ассистенток образ Ильеррской как всегда был закончен вовремя, точнее, за две секунды до того, как дверь приоткрылась, и в трейлер заглянула Сибрилла.

— Девочки, вы уже готовы?

Не знаю, скрежетнули это мои зубы, или мой стул о краешек стола, но ее ледяной низкий голос вызывал сейчас только одно желание: взять ледокол. Вернусь в номер — первым делом удалю из списка покупок и прослушивания «Ледяную бурю». И все остальные треки из Сибриллиного альбома заодно.

— Готовы, — хмыкнула Гелла.

— Чудесно, — Сибрилла ослепительно улыбнулась. — Пойдем, Танни.

Нет, она издевается, да?

Да, она издевается. Я видела это в ее глазах, под маской фальшивой дружелюбности. Поэтому сейчас молча направилась к выходу, игнорируя улыбку на ледяной физиономии. Обойти иртханессу, увы, не представлялось никакой возможности: она раскорячилась в проходе, как виар по естественной нужде. Пришлось ждать, пока ее бледнейшее сползет по ступенькам. Грациозно, как правительница пред очи толпы выходит на балкон, и только потом следовать за ней. Точнее, ее обгонять — благо, я не гордая, пройду по травке.

— Не боишься запачкать костюм? — ударило мне в спину.

— Боюсь, — хмыкнула я. — Именно поэтому решила держаться от тебя подальше.

Вальцгарды топали за нами, и мне подумалось, что можно попросить их выкинуть Сибриллу в реку. Ну, наверное.

— Думаю, нам стоит кое-что сразу прояснить, Танни.

Да, пожалуй, так будет лучше.

Резко обернулась, и Сибрилла чуть не влетела в меня. Вот когда на этом лице проступали истинные чувства (хищность пополам с ядовитым раздражением), ей оно удивительно шло.

— Ребят, подождите чуть подальше, а? — попросила охрану. Не хотела, чтобы со стороны выглядело так, что я прячусь за спинами Леоны и Рэйнара.

Надо отдать им должное, вальцгарды все-таки отошли, оставив нам возможность пообщаться наедине.

— Не знаю, чего ты добиваешься, — сказала я, сложив руки на груди. — Но добивайся этого подальше от меня, о'кей?

Сибрилла наклонила голову. Да, она умудрялась стоять на утоптанной земляной дорожке в своих идиотских шпильках и не проваливаться. Генератор невесомости проглотила, что ли?

— Боюсь, так у нас с тобой ничего не получится.

— Надеюсь на это, — я мило улыбнулась. — А теперь, если мы все прояснили, я пойду.

— Не все, — прежде чем я успела отойти, Сибрилла шагнула ко мне, удивительно пластично. — Видишь ли, Танни, здесь все знают тебя, как вспыльчивую и претенциозную особу, которая держится за имя своей сестры.

Началось в заповеднике утро.

— Но я так не думаю. Я думаю, что ты достаточно артистична, иначе бы ты вряд ли зацепила Джермана.

Это сейчас такой комплимент был?

— Поэтому я хочу, чтобы ты сразу себе уяснила: у нас с Джерманом идеально совпадают огни. Совпадают настолько, что мы с ним станем парой в самом ближайшем будущем.

*Если штепсель совпал с розеткой,
Их стыдливо прикрой статуэткой.
Потому что негоже детям
На такое смотреть по утрам.
Если штепсель совпал с розеткой,
Значит скоро появятся детки,
Если пленку предохранительную
Не поставить парам-пам-пам.*

Я едва удержалась от того, чтобы процитировать этот пошляцкий стишок, который со времен средней школы (той, в которую я еще в старом районе ходила), прочно засел мне в память. В старом доме действительно еще были штепселя и розетки (не знаю, есть ли они сейчас), но с безопасными панелями я познакомилась только когда мы с Леоной переехали на Четвертый Остров в новую квартиру.

— Это очень любезно с твоей стороны, — сообщила я, — что ты делишься со мной такими интимными подробностями. Надеюсь, мне не придется выслушивать про то, в каких именно позах вы совпадаете? Я, конечно, уже перешагнула рубеж шестнадцать плюс, но порнуху не люблю.

Ну наконец-то выражение лица Сибриллы перестало напоминать лицо заколдованной сказочной иртханессы, обожравшейся маларрнелы, и превратилось в то, что она в себе содержала: в замороженный сок лица без подсластителя.

— Тебе не кажется, что ты слишком много себе позволяешь? — процедила она, раздувая ноздри.

— Не-а. И это я еще не начинала, можешь мне поверить. Поэтому когда в следующий раз полезешь ко мне с откровениями, имей в виду, я скажу вслух все, что думаю, невзирая на лица. Даже если потом ты опять побежишь жаловаться Гроу и будешь строить из себя недобитую виари. Все? Прояснила все, что хотела?

— Ритхарсон, Ладэ! — режиссерский голос прозвучал ну очень некстати. — Вы мне предлагаете снимать Ильеррскую без Ильеррской?

— Джерман, я вытащила ее из трейлера пятнадцать минут назад.

Реально? Я пятнадцать минут своей жизни убила на эту драную ледоконицу?

— И вы пятнадцать минут шли три метра?

Я не оборачивалась из принципа. Хотя нет, не из принципа: боялась, что не сдержусь, и этому драконосамцу в полной боевой готовности выскажу все, что о нем думаю. Прямо здесь. Тоже невзирая на лица.

Пара, чтоб его.

Сначала он, значит, почти совпадал с Леоной. Теперь очень хорошо совпадает с Сибриллой. Да пусть обсовпадается, ящерица в затянувшемся приступе перевозбуждения!

В отличие от меня Сибрилла направилась прямо к нему, и теперь ее голос уже звучал из-за моей спины:

— Я остановилась буквально на пять минут. Хотела наладить с Танни отношения...

Че-го?!

Вот теперь уже я не выдержала и повернулась к ним.

— Но она снова начала огрызаться.

Последние слова застигли меня на взгляде Гроу: глаза в глаза, и этот драконов взгляд, чтоб его владельцу до конца жизни воздерживаться, обжег так, что каждая косточка в теле превратилась в раскаленный стержень, по которому побежал ток.

— Ладэ, я неясно выразился? — жестко произнес он. — На съемочной площадке мы друг друга не цепляем.

Вот лучше бы молчал, честное слово.

Я приблизилась к ним, точнее, к нему: Сибрилла-ума-хватило отскочила в сторону, в кои-то веки не грациозно, иначе я бы ее просто отпихнула в сторону.

— Да ладно? — спросила, глядя ему в глаза. — То есть цеплять — это только тебе позволено?

— Следи за своим языком, Ладэ.

— Это ты следи за своим, — хмыкнула я. — А то лезет во все труднодоступные места всех легкодоступных особ, которые мне потом сообщают об этом, очевидно, с целью наладить отношения.

После этого, не считая театрального вздоха со стороны, и шагов вальцгардов, явно посчитавших обстановку накалившейся, над нами повисла тишина. Сквозь заливающий темные глаза Гроу зеленый огонь, отчетливо проступали вертикальные зрачки, черты лица обретали знакомую звериную хищность.

— Извинись, Ладэ, — произнес он.

— Перед кем? — уточнила я.

— Сначала перед Ритхарсон.

Ага, щас. Десять раз.

— Ну, если Ритхарсон для начала извинится передо мной, — я сложила руки на груди. — Потому что у меня серьезная моральная травма. Ее откровения по поводу совпадения ваших фитильков повергли меня в глубокий эстетический шок, потому что признаться честно, мне откровенно начхать, что там у вас горит, и в каких местах.

Зрочки дернулись, располосовав радужку.

— Штраф, — сказал Гроу, если можно так назвать рычание, в которое вплеталась человеческая речь. — В размере десяти процентов от гонорара.

Из-за низких интонаций буква «р» располосовала сгустившееся напряжение, как если бы к нам сюда и правда спустился дракон.

До меня дошло, что он сказал, только когда я выдрала себя из гипнотического поля зеленого огня, отвлекшись на вальцгарда.

Штраф, значит?!

Мне?!

— Да подавись, — сказала я и попыталась его обойти, но мне шлагбаумом планшета перекрыли дорогу.

— Второй будет двадцать, Ладэ. Учти это.

Краешком планшета меня подвинули назад: чтобы не мешалась на пути, видимо. Драконьим взглядом тоже зацепило самым краешком (потому что основной предназначался точно не мне), и этого хватило, чтобы внутри полыхнул огонь. Я дернула планшет из режиссерских рук и шваркнула им в ближайшее дерево. Как раз над головой Сибриллы, она едва успела пригнуться, закрывая голову руками.

Хрясь!

Режиссерская навороченная штукавина приказала долго жить, свалившись прямо к ногам резко побледневшей ледянеессы.

— Выписывай второй, — процедила, глядя Гроу в глаза, кивнула себе за спину. — И это не забудь включить в счет.

Крылья носа дракона хищно дрогнули, но я уже его обошла.

И, не оборачиваясь, направилась к реке.

С таким настроем не сцену номер семнадцать играть, а драконов останавливать, но драконов тут поблизости не наблюдалось. Точнее, наблюдалось целых полтора, но ни с чистокровным, ни с половинчатым я больше не хотела иметь ничего общего, кроме сугубо деловых отношений.

Правда, переключиться между деловым и неделовым оказалось

достаточно сложно, особенно когда драконоособь мужского пола меня обогнала, направляясь к помеченному кружочком месту съемок. Ладно, кружочков там не было, зато мне ткнули в искомое место с таким видом, что если я прямо сейчас не встану прямо сюда, на меня дохнут огнем, и я сама превращусь в фитилек.

Это я выполнила. Демонстративно, подчеркнуто вежливо, с такой непробиваемой физиономией, что мне могла позавидовать скала из Саолондарского ущелья. Стоя на этом самом месте и замечая всех, кого угодно, кроме вышеобозначенной особи, я себя уговаривала, что нужно просто включить режим «Ильеррская» и станет проще. По крайней мере, не будет возникать такого чувства, что у меня сейчас и впрямь случится извержение, и камешками, на которые меня расфигачит, прилетит всем окружающим.

Даже до Рихта достанет, хотя он сейчас задницу морозит в бодрящей речной водичке.

Штраф.

Мне!

За это... недосовпадение!

Да чтоб они в процессе к кровати примерзли, и это показали по всем каналам. Так и вижу заголовки: «Знаменитого режиссера с трудом отодрали от его ледяной пары».

— Ладэ, — подал голос знаменитый режиссер. — Сейчас будет дубль. Напоминаю, что Ильеррская идет купаться, а не дракона останавливать.

Да ты ж мой чешуйчатый! Какого набла ты говоришь моими мыслями?

— Я учту, — заметила я. — Надеюсь, на этот раз никакой дракон дубль не заперет.

В его глазах снова вспыхнуло пламя, но я уже отвернулась. Вдохнула воздух, который показался мне просто ледяным, отбрасывая остатки реальности, крошащейся вокруг меня на части. В конце концов, битый тэрринг мне цена, если я не смогу справиться со своими чувствами и сыграть. Не смогу сейчас переключиться — дам им очередную возможность шлепнуть меня по ушам.

Сибрилле, Гроу, Гелле.

Даже Мелора, уверявшая, что я не актриса, порадует. Из высокой башни Ярлисов под домашним арестом, или где там держат провинившихся иртханов до оглашения приговора.

Нет уж, пусть всеми чешуйками облиняют, но такого удовольствия я им не доставлю.

Поэтому к моменту, когда прозвучало:

— Приготовились! — я уже была спокойна, как обожравшийся виар.

Ровно настолько, чтобы с профессиональным безразличием встретить и проводить отзывающийся в груди огнем голос:

— Полетели!

— Танцующая для дракона, сцена семнадцать, дубль четвертый.

Ортахарна удивительно привычно осталась за спиной, а я шагнула в Огненные земли далеких времен. Шла навстречу звенящей прохладе, чтобы разбавить зарождающийся под солнцем зной. Расплетала волосы, чувствуя льющиеся под пальцами пряди. Вышла на берег, ударившись взглядом о каменную спину застывшего в воде мужчины, замерла.

Мгновение, пока я пыталась справиться с охватившими меня чувствами, оборвал он.

— Ты всерьез считаешь, что я не чувствую тебя, девочка?

Резкий разворот — и взгляд, навывлет — в упор.

Бегущий по венам огонь, питаемый его взглядом, который, кажется, способен испепелить не только мою одежду, но всю меня.

— Подойди.

Вода показалась холодной: невыносимо холодной, если не сказать ледяной. Возможно, из-за пламени, что бушевало внутри.

— Ты так сладко пахнешь, — слова змеились по телу огненными лентами.

Этот взгляд не просто обжигал, он клеймил, и я рванулась назад.

— Нет!

— Она выбрала меня, девочка. И ты знаешь это не хуже меня.

— Она — не я! — выдохнула резко. Яростно, отражая его темный взгляд. — Я вашей не стану! И уж тем более вы никогда не станете для меня первым.

Воздух из меня выбило за один удар, и на смену ему пришел огонь. Огонь его прикосновения, прикосновения спиной к раскаленной груди, от которой одежда не задымилась лишь потому, что мы стояли в воде.

— Теперь, — жесткий, сильный, злой голос разъяренного дракона, — ты только моя, девочка. Лучше тебе запомнить это сразу.

Скольжение его ладони по коже вряд ли можно было назвать лаской, никогда еще я не чувствовала так болезненно-остро, яростно, жестко. Никогда еще так не отзывалась на этот собственнический, властный призыв, рождающий внутри полубезумное желание покориться выжигающему мое тело огню. Огня становилось все больше, и вода только чудом не шла вокруг нас пузырями, вместо дыхания с губ срывалось раскаленное марево, а небо плыло перед глазами.

Поэтому когда с берега прозвучало:

— Стоп. Снято! — я с трудом вернулась в реальность.

Она (реальность эта) мельтешила перед глазами, в высоту неба вплетались разноцветные точки, а рука Рихта на моем бедре казалась просто ледяной. Так же, как и вода. Я вдруг осознала, что меня начинает потряхивать.

— Танни, — он развернул меня лицом к себе, — ты вся горишь.

— Мне это по сценарию положено.

— Издеваешься?!

— Да, и если ты меня сейчас не отпустишь, я отдамлю тебе ногу.

Торчать в воде дольше положенного съемками я не собиралась, поэтому шустро направилась на берег, оставив Рихта самого разбираться со своими заморочками. На берегу меня встретила ассистентка Геллы с пледом и кофе, но если в плед я с благодарностью завернулась, то кофе поперхнулась и закашлялась: он обжег и без того больное горло. Тяжелый режиссерский взгляд я проигнорировала, равно как и его желание вколотить меня им в землю по самую маковку. Не родился еще тот дракон, который может меня затоптать.

— Передохнули? Досъемки восемнадцатой. Выдвигаемся.

Восемнадцатая — это где Теарин танцевала на высоте?

Рихт шагнул к нам:

— Джерман, у Танни температура.

Да чтоб его закололо пледяными шерстинками!

Меня окинули режиссерским взглядом:

— У тебя температура, Ладэ?

И как-то так слишком внимательно спросили: настолько, что мне захотелось полить Гроу кофе. Вот меньше всего мне сейчас сдались его взгляды. Можно подумать, ему не начхать.

— Конечно, — отозвалась язвительно. — Я же живая.

— Я задал тебе вопрос, Ладэ.

— Нет у меня температуры, — я вернула стаканчик и плед ассистентке. — Мы будем снимать, или может, сразу давление мне измерим? И посчитаем кровяные тельца?

У Гроу дернулась бровь.

— Выдвигаемся.

Не глядя на Рихта, я вместе с операторами направилась к подъемной платформе (ее подогнали к скале, чтобы меня доставить наверх). Сквозь странный шум в ушах до меня дошло, что на платформу вместе со мной погрузился драконорежиссер. Опираясь спиной о металлический

блокиратор, не позволяющий свалиться отсюда даже спяну, хмыкнула:

— Будешь камеры строить, чтобы снимали, как положено?

В прошлый раз со мной наверху не было никого, только я и летающие камеры, которыми операторы управляли с земли.

— Буду смотреть вживую, все ли меня устроит, — хмыкнул Гроу. — Потому что кто-то разбил мой планшет, и с земли смотреть на то, что получается, я не могу. А теперь слушай внимательно: все, что тебе нужно сделать, это стоять на краю и смотреть вперед. Секундное дело, но очень важное.

Его слова звучали в голове эхом, но слушала я внимательно. Потому что «смотреть на краю и стоять вперед» отчетливо отпечатались у меня в сознании.

Как назло, меня начало потряхивать: то ли от ветра, который ознобом проходил по коже, то ли Рихт был прав, и у меня на самом деле случилась температура.

— Стоишь на краю, Ладэ. Теарин собирается спускаться и смотрит на реку, это будет кадр перед тем, как зритель увидит Даармархского ее глазами. Все поняла?

— Ага.

Выслушав стандартные команды, приблизилась к краю, глядя на реку, как и положено.

— Стоп. Снято.

Ну и чудесно, подумалось мне.

А потом я с какой-то радости опустила взгляд: туда, где камень скалы стремительно уходил вниз, врезаясь острым краем в землю. Перед глазами сгустилась ночь, и я вслед за камнем рухнула прямо в эту темноту.

В номере было темно и душно, как если бы в нем сломался кондиционер. Я ворочалась с боку на бок, но потом все-таки поднялась и направилась к балконной двери, чтобы ее открыть и впустить глоток свежего воздуха. Стоило мне потянуть ее в сторону, как перед глазами мелькнуло лицо Мелоры.

«Вниз!» — скомандовала она.

И я поняла, что руки меня не слушаются. Ноги тоже больше не слушаются, а покорно несут к перилам, хотя все внутри сжимается от осознания того, что должно случиться. Я знала, что за дверями стоят вальцгарды, но не могла произнести ни слова, не могла позвать на помощь, не могла открыть рта.

Отложенный приказ: так, кажется, это называл Рэйнар.

Именно этот приказ сейчас толкал меня вперед, заставляя взбираться на балконное ограждение. Перед глазами мельтешили огни, я уже знала, что сейчас произойдет, и тщетно пыталась остановиться. Тщетно, потому что искаженное яростью лицо Мелоры снова возникало перед глазами, губы беззвучно шевелились.

«Вниз».

Я шагнула и полетела в темноту, раскрывающуюся передо мной бездной. Только сейчас поняла, что приказ выполнен, и что я снова могу управлять телом, поэтому закричала. Закричала отчаянно, во всю силу легких, понимая, что на этот раз никто меня не спасет, и за падением неизбежно последует удар.

— Танни!

Меня тряхнуло прямо в воздухе, в этой непроглядной тьме, перевернуло, швырнуло в сторону, и я забилась, пытаюсь ухватиться хоть за что-то в стремительно ускользящей высоте.

— Танни, дракона твоего, Ладэ! Да проснись же!

Удар действительно последовал, только не такой, какого я ждала. Меня впечатало в стену, которая почему-то оказалась горячей и не такой жесткой, как должна быть, а потом еще раз тряхнуло, изо всех сил. Только после этого я поняла, что стена с какой-то радости держит меня руками, а еще от нее подозрительно пахнет горчинкой кофе и сигаретами. Широко распахнула глаза и обнаружила, что Гроу прижимает меня к себе, вглядываясь в лицо. И что между нами только преграда покрывала.

— Твою!.. — взвизгнула я, отпрянув назад.

От неожиданности он меня отпустил, и я повалилась на подушки, как виаренок после первого неудачного полета.

Понемногу до меня доходило, что все это был сон, а вот что Гроу делает в моем номере, на моей, между прочим, постели, до меня никак дойти не могло.

— Ты что здесь делаешь?!

— Сижу, — сообщил он.

Режиссер и правда сидел, подогнув под себя ногу, с таким видом, словно это не моя кровать, а его. Хотя, если присмотреться... действительно его. Это был драконорежиссерский номер, мой отличался от него только зеркальной обстановкой. То есть диван точно должен был стоять у другой стены, а кровать — наоборот, на его месте.

— Что я здесь делаю?! — выпалила я, понимая, что в ток-шоу «Эсса Оригинальный Вопрос» мне путь заказан.

— Лежишь, — у него как-то подозрительно раздулись ноздри. — И не

благодари.

— За что?

— За что?! За то, что ты чуть не кувыркнулась носом в камушки со скалы, Ладэ! — прорычал он, подавшись ко мне. — Ты в курсе, что тебе еле-еле сбили температуру в медпункте заповедника? В курсе, что такая температура может сделать с мозгами человека? Хотя сдается мне, тебе это уже не страшно!

От такого заявления я очешуела, если не сказать больше.

— За своими мозгами следи! А то сдается мне, их тебе отморозило! — рыкнула я, выпрямляясь.

Совершенно забыв о том, что под одеялом ничего нет.

То есть есть я, но на мне ничего нет.

Гроу натурально залип. Точнее, его взгляд залип на моей груди, на мгновение, но этого хватило, чтобы я снова вспыхнула. По ходу, с температурой в медпункте справились не до конца.

— Что, сисек никогда не видел? — поинтересовалась, подтягивая одеяло чуть ли не до подбородка и искренне желая драконорежиссеру провалиться хотя бы сквозь кровать. Хотя сейчас провалиться грозило мне, потому что под его взглядом я продолжала полыхать и запросто могла прожечь голый пятой точкой дырку.

Голой.

Пятой.

Точкой.

Дракона. Твоего. За ногу.

— Кто меня раздевал?! — поинтересовалась я, сжимая края покрывала так, что они вот-вот готовы были треснуть.

— Тебе правду сказать, или пощадить твое самолюбие? — поинтересовался он.

— Я тебя убью, — пообещала я. — Сейчас выкопаюсь отсюда — и убью.

— Раздевал тебя я, — с наслаждением произнес этот драконогад. — Хотя сдается мне, ты бы предпочла Паршеррда.

На этом моя толерантность к двуногим ящерицам дала сбой, и я с рычанием бросилась на него, намереваясь по меньшей мере влечь пощечину, а по большей — доломать нос. Чтобы не мог так ехидно ухмыляться.

Гроу перехватил меня за запястья, глаза его снова полыхали. Такой звериной хищной силой, которая отдавалась в каждой клеточке моего тела жалящими искрами.

— Не любишь правду, Ладэ? — поинтересовался он.

— Не люблю двойные стандарты, — рыкнула я, чувствуя, что покрывало снова ползет вниз. Только на этот раз между мной и Гроу остается всего одна тоненькая рубашка.

— И в чем же, спрашивается, заключаются двойные стандарты?

— Я бы загнула пальцы, но не могу, — процедила ему в лицо. — Впрочем, могу перечислить так: тебе можно совать меня носом в дерьмо, а когда я делаю то же самое, получаю штраф. Тебе можно шляться со своей местрель Ледяная Задница Ферверна где угодно, а если я появлюсь на улице с Паршеррдом, получу штраф. Так вот, знаешь, что я тебе скажу?

Я выразительно улыбнулась и показала ему средние пальцы. С двух рук.

Даром что они до сих пор были в тисках его ладоней.

— Все сказала? — зрачки Гроу расплосовали радужки, и сила иртехана обожгла от груди до самой пятой точки.

Той, которая без ничего, ага.

— Не-а. Можешь меня штрафовать, можешь увольнять, но с твоей парой дружбы у меня не получится.

— Она мне не пара.

— Что? — переспросила я, потому что это был не совсем тот ответ, который я ждала.

— Она мне не пара, — повторил Гроу, глядя мне в глаза.

Дико и глубоко.

Меня жгло так, что дышать становилось нечем, ни одна в мире температура с этим не сравнится, даже самая высокая. Но по ходу, это тоже влияет на мозги, потому что вместо того, чтобы рваться назад, я смотрела на его губы и вспоминала их жесткий вкус.

— И огни у вас, значит, не совпадали? — уточнила. — Или совпадали, но всего два раза?

Гроу плотно сжал губы, словно впервые в жизни пытался удержать то, что собирался сказать. Судя по тому, как вздулись вены на его шее, это что-то режиссера здорово пережало, и на миг мне даже стало стыдно: все-таки он действительно меня спас.

Снова.

В ту минуту, когда я об этом подумала, меня рывком впечатали себе в грудь, выбивая из нее воздух. А потом выжигая его остатки иссушающим жаром огненного жесткого поцелуя.

Сухие губы врезались в мои, сминая их вместе с остатками здравого смысла. Костер в груди полыхнул как под ветром, я рванулась вперед,

впитывая этот горький обжигающий поцелуй всем существом. Врываясь в его губы ответным, с каким-то диким полурычанием-полувсхлипом. Позволяя Гроу раскрыть мой рот бесстыдно и глубоко, отзываясь на бегущее по венам пламя.

Обжигающе-ледяное, иглами впивающееся в кожу.

Рождающее внутри странный, дикий, животный отклик, от которого тело звенело раскаленной струной. Наверное, струной я сейчас и была: протянутая от его пальцев, собравших мои волосы в горсть, до кончиков пальцев ног. Приподнялась, скользнув обнаженной грудью по его рубашке. Впиваясь ногтями в бугры мышц, сильнее вжалась в него, чтобы продлить это грубое прикосновение. Вдыхая сигаретный дым и горчинку кофе так интимно, что по телу прошла огненная дрожь.

Дрожь, которая перетекла в него и снова ворвалась в меня хриплым рычанием.

Губы обожгло яростным укусом, от короткой, но яркой вспышки потемнело перед глазами. Я впилась зубами в жесткие губы, пробуя их по-настоящему, в ответ меня протянули по себе: разведенными бедрами по жесткой ткани брюк, и между ног болезненно-сладко дернуло.

Горячо.

Остро.

Так сильно, что в губы ему я вернула выдох-рычание, а под моими пальцами затрещала ткань. Лишь на миг распахнула глаза, чтобы рухнуть в бушующую водную стихию в его глазах и наткнуться на странное голубоватое свечение. Под темным сатином рубашки льдом светился узор, из-за чего верх татуировки (дракон, с надломленным цветком в пасти) казался подсвеченным неоном.

Родовой узор.

Покрывало давно сползло, и между нами не осталось преград, кроме той, что сейчас мерцала перед глазами. Там, где я касалась этого свечения даже через ткань, кожа горела. Не просто горела, она полыхала, как низ живота, отзывающийся глубокой пульсацией.

Тем сильнее оказался контраст, когда по губам скользнула колючая прохлада.

Гроу отстранился слишком неожиданно, долгим выдохом отпуская наш поцелуй. Чуть подался назад, снова проводя между нами черту, и пламя в его глазах начало таять.

Пламя.

Которого у меня никогда не будет.

Я рванулась назад так же яростно, как мгновением раньше — к нему.

Неловко, закусив губу, когда скользнула чувствительной кожей по грубой ткани брюк. Стараясь не смотреть на отчетливое выступающее под ними желание и не думать о том, что сейчас вытворяла. Подтянула покрывало к себе, намереваясь свалить отсюда как можно быстрее, но меня перехватили за локоть.

— Далеко собралась, Зажигалка?

— К себе. В номер, — резко отняла руку. — Есть проблемы?

— Есть.

Прежде чем я успела договорить, Гроу достал из кармана брюк упаковку и с характерным звуком надорвал пакетик. Прежде, чем мои глаза выкатились из орбит, мне на шею уже наклепили пластинку.

— Комплекс от температуры и больного горла. Вчера удалось купировать воспалительный процесс, так что нужно просто соблюдать постельный режим.

Слова «постельный режим» от него прозвучали особенно выразительно.

— Сегодня мы заканчиваем досъемки...

— Сегодня?!

Я покосилась на балконную дверь, где солнце только-только собиралось взойти.

Да чтоб меня!

— Да, ты проспала почти сутки, — Гроу оттолкнулся от кровати и на удивление легко с таким... гм, желанием, поднялся. — После того, как свалилась с дикой температурой. Ну, почти свалилась.

Заодно чуть не свалилась со скалы.

— Некоторые туристы не обременены большим умом и регулярно гуляют без кепок, хватая тепловые и солнечные удары на раз. Специально для них, и для таких, как ты, в медпункте заповедника поставили охлаждающую капсулу. Так что тебе здорово повезло.

Повезло, что я упала в обморок рядом с Гроу, потому что иначе мне было бы до чешуи на охлаждающую капсулу. Если так подумать, мне в последнее время вообще несказанно везет. Не жизнь, а одно сплошное везение.

— Словом, сегодня мы заканчиваем досъемки, и вечером возвращаемся в Зингсприд. А до этого ты лежишь здесь и отдыхаешь. Без вопросов.

Я моргнула. Выразительно так.

— Ничего так, что я буду лежать в твоём номере?

— Не переживай, все уже десять раз додумали, что мы здесь делали.

Каждый в меру своей фантазии.

Что мы делали в его номере.

Что я... делаю... в его номере?!

Почти сутки.

Я здесь ночевала.

Ну полный абзац.

Взгляд метнулся к дивану: не тронутому ни формой тела, ни пледом.

— Я, знаешь ли, привык к комфортным условиям, — заметив его, ухмыльнулся этот драконогад.

— У тебя вообще совести нет?! Я была голая!

— Я тоже. Так что все честно.

Вот теперь во мне кончились слова, и это дало Гроу тактическое преимущество. Читай, возможность отправиться в душ, на ходу раздеваясь у меня на глазах, явив миру широкую спину, отмеченную рельефом мышц, крепкую задницу и мускулистые ноги. Пока я смотрела на эту задницу (в прямом и переносном смысле), в голове не было ни единой мысли. До той минуты, пока задница не повернулась, явив миру плоский подтянутый живот, и все остальное. В полной боевой готовности.

Да, вопрос про совесть снят.

— Активируй смартфон, — он кивнул на коробку, которую вручил мне вчера. — Лежи и отдыхай, Ладэ. Можешь еще обед заказать, но не больше.

Ы?!

— Да ты мне вообще кто?! — выдохнула я, когда обрела дар речи.

— Я тебе режиссер, — заметила эта драконья морда. — Еще вопросы?

— Всего один. Надеюсь, ты не сильно расстроишься, если моя охрана позвонит Леоне и доложит ей обстановку в меру своей фантазии?

— Честно? — Гроу приподнял бровь. — Мне без разницы. Когда мы с ней в последний раз общались по душам, она очень просила, чтобы я отказался от идеи снимать тебя в роли Ильеррской. Сначала она, потом Халлоран, в рекомендательно-приказном порядке. Как видишь, ты все еще здесь.

Наверное, температура и правда действует на мозги, потому что мне даже спорить с ним расхотелось. Хотя возможно, дело было в пластинке, от которой меня слегка повело. Видимо, комплекс от горла и температуры тоже имел седативный эффект.

— Надеюсь, в душе тебе будет хорошо, — фыркнула я.

Гроу прищурился:

— Поправишься, — это больше напоминало рычание, — и мы вернемся к разговору, как сделать мне хорошо, Зажигалка.

Хотела посоветовать ему утопиться, но передумала: мысли потекли как-то вяло, а голова стала совсем тяжелой. Я пристроила ее на подушке, завернулась в много всего повидавшее покрывало, и закрыла глаза.

Хаймарг, Ферверн

Столица Ферверна всегда казалась ему сложенной из кристаллов льда. Несмотря на яркое весеннее солнце, иглы небоскребов искрились холодом, хрупкие лучи ломались о стекла и конструкции из материала, способного выдержать натиск любого пламени. Лишь на миг оторвавшись от монитора, он пробежался взглядом по верхушкам заснеженных гор, вырастающих над пустошами. Пламя, которое питало его, билось в груди, стремясь обрести выход, а под ним ворочалось глухое, тщательно погребенное под ледяными пластинами выдержки, раздражение.

Он привык просчитывать все, но все просчитать невозможно.

Особенно когда приходится доверять другим.

Например, этой идиотке Ярлис, одержимой идеей восстановить справедливость и вернуть себе роль. Она была на месте, она видела ситуацию, но все равно не отказалась от воплощения задуманного.

Подлокотник жалобно скрипнул под ладонью, грозя покрыться льдом и рассыпаться хрустящей крошкой: в отличие от строительных сплавов, мебельные не способны выдержать натиск таких температур.

Дверь открылась и секретарь, высокая светловолосая девица, недавно появившаяся у него исключительно благодаря высокому уровню интеллекта и не менее высокой груди, приблизилась настолько, что он мог ощутить запах ее духов. Сладковатый аромат смешался с крепкой горечью, ударил по обонянию, будоража еще сильнее.

— Ваш кофе, местр, — девушка наклонилась, чтобы поставить поднос.

Волосы ее были убраны в идеальную офисную прическу: никаких тебе кокетливых завитков, которые обожала Лирта, ни единой легкой прядки на шее, якобы «выбившейся» случайно. Лирта обожала его провоцировать и обожала секс. Ее чувственность была запредельной, особенно на фоне сдержанных холодных фервернок. Уроженка Раграна, она приехала к Хаймарг в поисках лучшей доли, и не прогадала. Два года зарплаты, которая в Рагроне ей даже не снилась, должность помощницы старшего юрисконсульта в Ноддергер Харм.

Эта была другой.

Она метила выше, как минимум на место в отделе, об этом говорил пункт «образование» в ее резюме и взгляд.

Ледяной, как взгляд большинства его соотечественниц, тем не менее, когда на уровне глаз мелькнула ложбинка между грудей, ему стало без разницы. В общем-то, ему всегда было без разницы: женщины — это всего лишь инструмент. Как и все остальные, впрочем, а с любым инструментом нужно уметь обращаться. Чтобы прослужил долго, и чтобы использовать можно было максимально эффективно.

Ему нужно было сбросить раздражение и излишки пламени, которые бурлили в крови. Она для этого подходила, как никто другой.

— Иди сюда, — указал себе на колени.

Девушка вскинула на него серые глаза, холодные, без единой искры огня. У Лирты огня было, как в породистой ларрке (хотя к иртханам она не имела ни малейшего отношения), но Лирта осталась в прошлом. Сейчас он изучал ту, что стояла перед ним: откажется, начнет ломаться, назовет цену? Исходя из того, что ему доводилось видеть, он поставил бы на первое, но девочка оказалась умнее.

Покорно подошла, покорно опустилась на колени и расстегнула ширинку. И рот (идеальный благодаря неброской помаде), тоже раскрыла покорно, вбирая его в себя. Сдерживаться он не стал, отпуская пламя на полную: так, что родовой узор льдом потянул по коже, а подушечки пальцев покрылись узорами. Они искрящимися пылинками оседали на светлых волосах, когда он вцепился в ее идеальную прическу, направляя девчонку так, как нужно ему.

Рвущееся сквозь пальцы и поры пламя втекало в нее, заставляя содрогаться ото льда, пронзавшего все тело огненными иглами. Девчонка плотно сжимала губы, и бешено бьющаяся на ее шее жилка заставила его себя отпустить. Когда она отпрянула, ее колотило: сброс пламени для человека не проходит бесследно. В радужке вспыхивали искры льдистоголубого пламени, оживляя эти бесцветные глаза. Пожалуй, она вся была бы бесцветной, если бы не макияж.

Сейчас она поднялась, покачиваясь, явно не понимая, что с ней происходит.

— Что... что это было?

— Ледяное пламя, — коротко отозвался он, застегивая ширинку.

— Пламя? Но вы не сказали...

— Чего именно? — чуть подался вперед. — Что тебе будет больше, чем хорошо?

Больше чем хорошо, да. То, что девочка кончила вместе с ним, было видно по ее зрачку: чуть расфокусированному, и по тому, как острые соски упирались в блузку даже через белье. Пламя иртханов для человека

обладает одним интересным свойством. Возбуждающим.

Если бы не побочный эффект зависимости, все было бы идеально. Лирта, идиотка, сразу ничего не сказала, а когда сказала, было уже поздно. Ее повело настолько, что пришлось от нее избавиться.

Такой глупости он больше не допустит: привязка в современном мире — нонсенс, а лишнее внимание ему точно ни к чему.

Пока.

— Приводи себя в порядок, — произнес он. — И возвращайся к работе.

Раздражение отпустило, и он не собирался возвращать новое, отвечая на идиотские вопросы. В том, что девчонка никому ничего не расскажет, он не сомневался: доставленное в рабочем кабинете удовольствие — не тот вариант, которым женщине стоит хвастаться. А даже если и расскажет, это будет просто бабский треп. Все камеры в его кабинете работали только тогда, когда это было выгодно ему. Оборудование, вмонтированное в стены, позволяло обнаружить любое даже самое высокотехнологичное записывающее устройство или попытку вынести из этого кабинета то, что не предназначено для остальных.

В современном мире все войны информационные, и он подготовился к любой попытке вторжения.

Девчонку все еще трясло, когда она выходила из кабинета, но воздействие пламени спустя пару минут уже не отличить от высокой температуры.

Кофе остыл, и он брезгливо отодвинул от себя блюдце и чашку.

Взглянул на входящее по защищенному соединению: «Я сделал все, как вы просили. Когда закроете свою часть сделки?»

Уголки губ слегка дрогнули.

Все-таки поразительные существа — люди, от них воняет страхом даже из Аронгары, но они умудряются диктовать условия.

Пальцы легко скользнули над клавишами, набирая ответ: «Вызывайте службу спасения», — и переключились на видео.

Информационные системы — его вторая слабость после пламени. Возможности управлять миром с их помощью, по максимуму избегая посредников, он учился не год и не два. Так же, как убирать за собой любые следы.

Камера, вмонтированная в дорожные светильники в пентхаусе Марргента Гарренджера, показала искаженное судорогой лицо генерального менеджера «Гранд Пикчерз». Точнее, бывшего генерального менеджера, потому что активированный последним сообщением инсульт

оборвал его жизнь на пятьдесят девятом году.

— Говорил же, вызывайте службу спасения.

Отключившись, он смахнул с чувствительного монитора картинку камеры и взглянул на постер. Постер, который все остальные увидят лишь через несколько дней.

Девчонка с развевающимися за спиной волосами, в алом платье, которое костюмеры посчитали достойным эпохи Ильеррской, смело шагала в танце в огонь.

Полыхающий взгляд, как отражение пламени.

Стильная девочка.

Девочка с огоньком.

Ноздри чуть шевельнулись, когда он провел пальцами по ее лицу.

На первом постере последнего фильма Джермана Гроу Танни Ладэ зажигала всех одним только взглядом. Неудивительно, что этого полукровку от нее повело. Не зная он сам, что в предках Танни Ладэ иртеханы не отметились даже миллилитром крови, решил бы, что перед ним настоящая иртеханесса.

Раздражение и впрямь ушло, словно его не бывало. Расчет оказался верным, и все свели к Халлорану, пусть и дальше думают в этом направлении. Даже тупость Ярлис больше не отзывалась неприятной тяжестью в висках: когда он настраивал эту дуру на то, чтобы она столкнула девчонку с балкона, даже понятия не имел, чего может лишиться.

Танни Ладэ трогать нельзя.

Она первая и, пожалуй, единственная слабость этого амбициозного недоноска Гроу, с таким инструментом обращаться нужно очень аккуратно.

Пока не придет время.

— Местр Гранхарсен, — донесся из динамика голос секретаря (надо отдать ей должное, уже почти не дрожащий). — К вам эссерд Дормган, по предварительной записи.

Откинувшись на широкую спинку кресла, он перехватил с монитора пылающий огнем вызова взгляд девчонки, движением пальцев отбросил постер в корзину, и ответил:

— Пропусти.

[1] У взрослой особи дракона в среднем четыре тысячи чешуек.

[2] Личный номер мобильного телефона в Аронгаре у человека один на всю жизнь. На новых смартфонах активируется сканированием радужки. Исключение — служебные номера.

Глава 4. Теарин

Даармарх, Огненные земли
«О на носит моего ребенка».

Эти слова отдавались внутри гулкими ударами сердца. Сердца, которое почему-то болезненно сжалось, а потом забилось в сумасшедшем ритме, как случалось, когда завершался огненный танец. Во время скольжения по канатам, падения в обручи и между облизывающих мои одежды языков огня я была спокойна. Именно об этом я говорила себе сейчас: мне нужно успокоиться, отбросить все лишнее, сосредоточиться на том, кто я есть.

Я — Теарин Ильеррская.

Увы, сейчас Теарин Ильеррская была просто женщиной, которой было отчаянно больно.

Почему?

Я добилась всего, чего хотела. Тогда почему сейчас настолько горько?

— Ты довольна, Теарин? Ты спасла ей жизнь.

— Жизнь ей спасли вы. Поздравляю, местар.

Хотела сказать спокойно, равнодушно, холодно, но не вышло. Получилось язвительно, хотя в сложившихся обстоятельствах язвить было ни к чему. Радоваться надо: Ибри не пострадала, Сарр спасен, все замечательно.

Замечательно же?

Теперь понятно, как возникла привязка. Выносить ребенка иртехана для обычной женщины — задача не из легких, не говоря уже о ребенке Даармархского. Малышу нужен огонь, без него он просто не сможет полноценно развиваться. Если иртехан не станет вливать пламя в женщину, погибнут и мать, и дитя. Другое дело, что необязательно связывать это с сексуальными отношениями, но тут уже каждый выбирает сам. Не мне судить Великого Правителя Огненных земель.

Чтоб ему провалиться, не сходя с места.

Самой оставаться на месте стоило немалых усилий, но я оставалась.

— Как вам удалось ее допросить?

— Мне не удалось. — Даармархский шагнул ко мне. — После такого Ибри будет приходить в себя не один день, ментальное вмешательство ее бы просто убило.

— Тогда как?

Я готова была говорить обо всем, только чтобы не думать о ребенке.

Знаю, ко мне это не имело никакого отношения, но я не могла перестать чувствовать впивающуюся в сердце огненную искру, способную расплавить его дотла.

— Яд тархарри не так просто достать, и дело не только в деньгах. Наложницы не выходят в Аринту, но даже если бы выходили, ни она, ни простая служанка не могла выйти на того, кто способен его приготовить. Здесь нужно время и связи. И определенная свобода, чтобы ездить в гости к родным, например.

Как нэри Ронхэн.

— Ее служанка многое рассказала. Ронхэн действительно встречалась с тем, кто передал ей яд.

— А если бы все это не вскрылось? Вы бы отправили на смерть собственное дитя, местар? — голос все-таки предательски дрогнул.

— Разумеется, нет, — Даармархский нахмурился.

— Не вы ли приказали отправить Ибри в подземелья? — вскинула голову, чувствуя, как дрожат ноздри. — Женщину в положении. Мать вашего первенца.

Взгляд Даармархского потяжелел, но остановиться я уже не могла. Чувствовала, как его огонь набирает мощь в темных глазах, но не могла справиться с охватившим меня пламенем. Оно не имело ничего общего с природой моей силы, оно было чуждым, яростным и жестоким, сводило с ума и подталкивало к краю.

— Я с самого начала догадывался, что Ибри здесь ни при чем, — в голосе иртехана плескался раскаленный металл. — Я понятия не имел, кто замешан в попытке тебя убить, поэтому говорил то, что должны слышать все.

— Мне вы могли сказать! — прорычала я. — Должны были сказать!

— Я сделал то, что был должен, — ответное рычание прокатилось по комнате, заставив драконицу жалобно дернуться, желая прижаться к земле. Я же просто обхватила себя руками. — Отправил Ибри в подземелья и пустил слух, что она умерла от жуткого яда. Чтобы заинтересованные попытались узнать о ее судьбе, а дальше все было вопросом времени.

— Вопросом времени, — хмыкнула я, — было рождение вашего ребенка. Как давно вы знаете? Не месяц и не два, даже не три, верно? По моим подсчетам скоро пойдет четвертый, а то и пятый?

Понятно, почему Ибри предпочитала свободные платья и пренебрегала любыми облегающими нарядами. Почему не ходила с остальными на танцевальные тренировки, почему Мэррис так ее опекала.

Все это время!

А я, как и все, думала, что это просто капризы зацикленной на нежелании отпускать объект своего обожания женщины.

— Вы заставили Ибри сходить с ума от неизвестности, — вытолкнула сквозь зубы. — Не посещая ее, развлекаясь со мной?!

— Не забывайся, девочка, — шипение раскаленного металла под ледяной водой и пламенный взгляд.

Ударившись о него, сжала кулаки.

— Не забываюсь. Вы ясно дали мне понять, что мое мнение не играет никакой роли, когда приказали участвовать в отборе. Нисколько не заботясь о том, что я не намерена принимать участие в свадебных бегах, главный приз в которых — ваше каменное сердце, местар. Надеюсь, вы понимаете, что я на него не претендую?

Даармархский опасно прищурился, меня окатило огнем.

— Ты примешь участие в отборе. Это не обсуждается.

— Разумеется, не обсуждается! — выдохнула. — Что толку обсуждать что-то с тем, у кого на первом плане только собственное: «Хочу»?!

Он шагнул ко мне вплотную, перехватив пальцами подбородок, до боли сжимая его.

— Не смей повышать на меня голос, — рычание вливалось в меня, отзываясь убийственной силой его пламени. — Любую другую женщину на твоём месте я наказал бы за гораздо меньшую провинность.

— Я — не любая другая! — рванулась назад, и жесткие пальцы огнем мазнули по коже. — Или вы этого еще не поняли? Я не одна из тех, кто будет заглядывать вам в рот и с жадностью впитывать каждое ваше слово!

— Не сомневаюсь, — жестко припечатал дракон, — но если ты думаешь, что сможешь говорить со мной в таком тоне, ты ошибаешься. Ты получила мое покровительство, и пока ты на моей земле, ты под моей защитой. Принять участие в отборе — не такая большая плата за благополучие и спокойную жизнь, не так ли?

Каждое слово отзывалось пощечиной на и без того пылающих щеках. Не будь на мне сокрушающей пламени таэрран, подпалила бы здесь все, как неопытная девчонка, только-только овладевающая стихией.

— Не такая, — отозвалась жестко, в тон ему. — Мне только один вопрос интересен, местар. Если я пройду Отбор, как вы поступите тогда? Как будете разбираться со своей невестой, которая уже спит и видит, как примерить диадему Даармарха?

— Не волнуйся, Теарин, — это прозвучало пренебрежительно. — Последнее испытание ты все равно не пройдешь.

— Безмерно этому рада, — процедила ему в лицо.

Пламя в его глазах взметнулось с невиданной силой, и тут же погасло. Даармархский вышел за дверь так стремительно, что у меня перехватило дыхание. Унося с собой огонь, и сквозняк, на миг дернувший занавеси, окатил меня холодным воздухом.

Я резко обернулась и вышла на балкон, подставляя лицо ветру. Здесь, в Огненных землях, такой резкий и обжигающий льдом, он был нечастым гостем.

Дракон меня не отпустит, и когда он выберет жену, ничего не изменится.

Я все равно останусь его наложницей, его любовницей, его, пока он того желает. Если только не докажу ему, не докажу всем, на что я способна. Единственное, что принесет мне свободу, единственное, что перекроет клеймо таэрран — это победа в отборе. Иртханы ценят мощь пламени, но больше нее они ценят только внутреннюю силу, и это единственное, что позволит мне снова стать им равной. Обрести положение в обществе, выбирать самой: принять предложение правителя Даармарха или уехать из Аринты.

Чуть касаясь кончиками пальцев студеного мрамора, я стояла на балконе до тех пор, пока ветер не слизал со щек весь огонь и не остудил сердце. Только потом развернулась к вошедшим служанкам, которые покорно дожидались меня у ведущей на балкон арки.

— Позвольте проводить вас в новые покои, местари? — негромко спросила девушка с волосами цвета настоя гиранских корней. Чернее него только беззвездная ночь в пустоши.

И взгляд Витхара Даармархского, отпечатавшийся на сердце клеймом.

Расправив плечи, я шагнула в комнату, вынуждая девушек расступиться. Нет смысла больше оставаться здесь, и тянуть тоже нет смысла.

Я приму участие в Отборе.

Я пройду последнее испытание.

А потом, местар, мы с вами поговорим.

— Да мне уже надоело здесь валяться! Смотри, я совершенно здоров! — Сарр попытался оттолкнуться от жестких краев койки: опираясь ладонями, из положения сидя, с прямыми ногами на весу.

— Я не возражаю. Но лекарь категорически против того, чтобы ты возвращался в казармы.

— Это лекарь против всего вообще, — буркнул Сарр и медленно опустил назад.

Видно было, что упражнение далось ему через силу, и что сейчас на руке дрожит каждая мышца. Подозреваю, что каждая мышца пресса — тоже.

— Ты могла бы ему сказать, что от меня будет большая польза среди мужчин, чем среди простыней и подушек.

— Сказать я могу, — я действительно говорила сегодня с лекарем, и он объяснил, что Сарр очень медленно поправляется. Яд действительно был страшный, а воздействие огня невероятно сильным, поэтому брату лучше лишние несколько дней полежать в постели, чем потом свалиться во время какой-нибудь тренировки. — Но не уверена, что он меня послушает.

— Конечно, послушает, — уверенно заявил Сарр. — Ты ведь теперь местари.

Брат воспринял эту новость удивительно позитивно. Мысль о том, что я наложница Даармархского не давала ему покоя, но теперь он мог вздохнуть с облегчением. Невеста, точнее, претендентка на это почетное звание — вовсе не то же самое, что девочка для удовольствий. По крайней мере, как-то так я представляла себе ход его мыслей, иначе с чего такая радость и спокойствие?

После всего, что он пережил, я не хотела нагружать его истинным положением дел и говорить о том, что ничего не изменилось. Разве что обращались ко мне теперь по-другому, а еще в самом скором времени ко двору должны были прибыть две девушки из благородных семей, чтобы всюду меня сопровождать.

Мои нэри.

Потому что негоже претендентке на трон Даармарха довольствоваться обществом служанок.

С Даармархским мы за эти несколько дней больше не встречались, и к счастью. Стоило вспомнить, как опасно я сорвалась, и внутри начинало что-то подрагивать. Нет, я не жалела о том, что высказала ему все, но понимала, что второй такой встречи в ближайшее время не хочу. Честно говоря, я вообще не хотела с ним встречаться, но придется. В ближайшее время начнут съезжаться остальные претендентки, и когда они соберутся, состоится первое испытание и большой праздник.

Действительно, почему бы и нет. Знатные ир்தханессы будут сражаться за внимание одного дракона и место на троне, невероятное зрелище!

Как ни старалась я усмирить свои чувства по поводу отбора, получалось плохо. Все внутри протестовало, негодовало и воспламенялось, несмотря на сжимающуюся на шее таэрран. С каждым днем мне казалось, что она душит меня все сильнее: ведь именно с ней мне предстояло

появиться перед остальными. Все эти годы я жила среди людей, которым не было до нее никакого дела, теперь же каждую минуту буду в центре пристального внимания ир்தханов. Пусть даже мне нечего стыдиться, таэрран отрезает меня от их мира.

Меня, ир்தханессу с запертым пламенем.

Даармархский об этом прекрасно знал.

— Теа! Ты где? — голос Сарра.

Я взглянула на него, и брат нахмурился.

— Что последнее из того, что я говорил, ты слышала?

— Про лекаря.

— С ума сойти. Так ты поговоришь с ним?

— Поговорю, — сказала я. — Но обещать ничего не могу.

— Ты главное поговори, — произнес брат и осторожно откинулся на подушки.

Над верхней губой и на висках у него выступили капельки пота, и я с трудом удержалась, чтобы коснуться рукой лба. Лекарь говорил, что из-за воздействия пламени Даармархского у Сарра постоянно поднимается температура, а потом так же резко падает. Именно по этой причине он хотел понаблюдать его подольше.

Я дождалась, пока брат заснет, у него сейчас это происходило внезапно: на миг прикрыл глаза — и вот уже спит. Грудь ровно вздымается, взъерошенные от постоянной испарины волосы торчат в разные стороны язычками непокорного пламени. Когда Сарр засыпал, я была спокойна: лекарь сказал, что это естественно, и что во сне брат восстанавливается гораздо быстрее.

Посидела рядом еще несколько минут, пока сон не перешел в глубокий. Подтянула сбившееся на край койки покрывало, укутала Сарра и осторожно разгладила складки. Единственная нежность, которую я могла себе позволить, когда он спал, и когда рядом с нами никого не было.

Единственная, но так необходимая мне сейчас.

В лазарете было прохладно, в раскрытые окна врывался легкий ветер, а соленый, напитанный влажностью воздух, сейчас казался звенящим от свежести. Поразительно, потому что такая погода в этой части Огненных земель должна приходить разве что по ночам и во времена, когда на мир спускается зима. Сейчас же, в самый разгар цветения, заморозки оказались неожиданными.

— Куда пойдем дальше, местари? — спросила служанка, стоило мне выйти в коридор.

Девушки следовали за мной неотступно (пока не придут нэри), и

постоянно находились рядом, чтобы в любую минуту выполнить каждое мое поручение. Точно так же рядом со мной находились двое хаальварнов, которые везде нас сопровождали. Они были приставлены ко мне в качестве охраны, но почему-то еще больше заставляли чувствовать себя пленницей.

Возможно, так оно и было. Возможно, Даармархский считал, что я захочу сбежать, но бежать я не собиралась.

— К себе, — коротко отозвалась я.

Наш путь пролегал через весь дворец: несмотря на возможность беспрепятственно гулять по нему, я предпочитала проводить время у себя или в библиотеке. Давно я столько не читала, как за последние несколько дней: библиотека Даармархского была огромной, а испещренные узористым почерком свитки со всех уголков мира, становились единственной отрадой. Здесь я не только читала, но и записывала свою историю. Чтобы мне стало легче, отпускала свои чувства в сок паэрни, на раскатанные под прессами давленые листья нааргха[1].

Что же касается новых покоев, они оказались гораздо более роскошными, чем я могла себе представить. Здесь преобладали бронза и золото, разбавленный молоком цвет древесной коры и красный. Помимо спальни и комнаты отдыха, в несколько раз превосходившей по размеру комнату отдыха в покоях наложницы, теперь у меня была личная купальня и комната для гигиенических процедур.

Днем покои заливало солнце, превращая их в царство золота, вечером верх брала бронза, утяжеляя и придавая мрачности. Но вечером я не сидела в комнатах, отдавая предпочтение балкону.

Он, так же, как и все окна, выходил на город и пустошь. В этой части дворца мне безумно не хватало океана, пусть даже вечерами, когда над Аринтой зажигались огни, а подсвеченные факелами смотровые башни на границе города напоминали раскаленные иглы, вид отсюда открывался невыносимо прекрасный. Изломы гор: мягкие, сглаженные вечерней дымкой, казались размытыми, и над ними парили драконы.

Драконы, изредка подлетающие к городу, но тут же взмывающие ввысь и уходящие на свои земли. Сейчас их не было видно, поэтому я просто смотрела на столицу Даармарха: с такой высоты днем она напоминал подсвеченную солнцем карту на столе полководца.

— Местари, — служанка поставила на столик поднос с травяным напитком, который я просила ее принести, и поклонилась.

Да, балкон здесь тоже был в разы больше: на нем умещался не только столик, над которым утром можно было поднять навес, но и натянутый между столбов гамак, где я иногда отдыхала после обеда. А еще с этой

стороны замка постов охраны и хаальварнов было столько, что проскочить между ними не представлялось никакой возможности.

— Спасибо, — отозвалась коротко.

— Местари, к вам приходила Мэррис.

Это заставило резко обернуться, вперить в потупившуюся служанку пристальный взгляд.

Мэррис?

Мэррис, бывшая распорядительница гарема Даармархского?

— Что ей нужно?

— Она просила вам передать... — служанка даже побледнела слегка и начала запинаться. — Эссари Ибри... просит вас о встрече. Сегодня. Сейчас.

Ибри просит меня о встрече.

Первым порывом было отказаться, что я, разумеется, и сделала бы, если бы передо мной стояла Мэррис. Но Мэррис была умна, она не стала говорить со мной лично, а какой смысл отказывать служанке?

Новости про Ибри до меня не доходили, я знала, что она жива — и только. Этого мне было более чем достаточно, но сейчас, когда служанка о ней напомнила, в сознании как вспышка мелькнула мысль: если Сарр так тяжело перенес яд тархарри, каково ей? Наверное, это не должно было меня волновать, равно как ее дальнейшая участь и ее просьба, но оно волновало. Отчасти потому, что Ибри оказалась разменной монетой в руках нэри Ронхэн, желающей отомстить мне.

Во многих государствах на ментальные игры с сознанием людей смотрели сквозь пальцы, поэтому не наделенные принципами иртханы творили, что хотели. Превращали людей в послушных марионеток, заставляя исполнять свою волю. Нисколько не заботясь о том, какую опасность несет в себе ментальное воздействие: некоторые сходили с ума сразу, некоторые сводили счеты с жизнью, когда осознавали, что с ними произошло.

Во времена правления отца на землях Ильерры за такое полагалась таэрран, но после того, как Горрхат пришел к власти, все изменилось. В Даармархе, насколько я знала, тоже существовало наказание: шаэррнар, огненные плети, шрамы от которых оставались на всю жизнь. Вот только разве могло это утешить мать, лишившуюся сына или дочери? И много ли находилось свидетелей рядом с теми, кто хотел скрыть следы?

— Так что мне передать эссари Мэррис?

Служанка явно боялась: несмотря на то, что гарем распущен, и Мэррис вскоре покинет дворец, ее по-прежнему остерегались. Характер у

нее был не самый легкий, а еще она отличалась хорошей и долгой памятью. По этой старой памяти ей и не хотели приносить дурные вести: например, мой отказ.

— Ничего, — я бросила короткий взгляд на стынувший травяной напиток и шагнула в арку. — Пойдем.

Девушка вздохнула с явным облегчением и последовала за мной. В комнате отдыха к нам присоединилась вторая моя спутница, а в коридоре — хаальварны. Мы снова шли бесконечными коридорами, и лишь оказавшись в крыле наложниц, я сбавила шаг. Сейчас здесь было пусто и очень тихо: не звучали больше девичьи голоса, не доносился чей-то негромкий смех, шуршание туфелек по камню или шелест расписных одежд. Когда мы пересекали знакомый зал, я бросила взгляд на прайнэ. Задвинутый в угол, инструмент молчаливо застыл в ожидании прикосновения.

Почему-то именно это заставило меня внутренне содрогнуться: сколько лет они провели здесь, все эти девочки? Сколько лет ждали хотя бы взгляда или знака явиться к Даармархскому?

Эта мысль неожиданно вызвала желание что-нибудь расколотить. Да хоть тот же прайнэ, вместо этого я расправила плечи и снова пошла быстрее.

«Мы вырастили дочь, к которой ни один мужчина не подступится», — с улыбкой сказала мама, когда я заявила, что не собираюсь выходить замуж и сама смогу справиться с драконами.

Мне тогда было восемь.

«Мы вырастили дочь, которая себя уважает», — ответил отец и подхватил меня на руки.

Правда, тогда он считал, что я никогда не покину Ильерру и буду под его защитой. А потом под защитой Сарра, кого бы из знати Ильерры я ни выбрала себе в супруги.

Комнаты Ибри отличались от моих бывших лишь цветом интерьера — дымчато-золотым, как рассвет над океаном. В распахнутые настежь окна врывался ветерок, играющий легкими занавесями, по полу были разбросаны подушки. Совсем недавно на таких же рядом со мной сидела Аннэри.

Усилием воли прогнала от себя мысли о девочке.

— Ждите здесь, — последнее относилось к хаальварнам, когда навстречу нам из спальни вышла Мэррис.

— Я знала, что ты придешь, — сказала распорядительница.

Она не утратила своего лоска, и темная кожа по-прежнему была в

идеальном состоянии. Равно как и волосы: тугие, блестящие, собранные в высокую прическу. Наложницам полагалось ходить с распущенными, но Мэррис могла укладывать волосы, как ей вздумается.

— Поэтому передала мне просьбу через Фиру?

— Именно поэтому, — пухлые губы растянулись в улыбке, которая тут же погасла.

Присмотревшись, я увидела залегшие в уголках красиво очерченного рта складки и даже морщинки между бровей (видимо, в последние дни, ей доводилось хмуриться слишком часто).

— Ибри еще очень слаба, — негромко произнесла женщина. — Поэтому будь к ней снисходительна.

— У моей снисходительности есть границы, Мэррис.

Не дожидаясь ответа, шагнула в спальню. Оставляя за спиной распорядительницу, служанок и хаальварнов.

Колыхнулись шелковые волны штор.

Среди подушек и покрывал, на огромном ложе, Ибри казалась совсем крохотной и хрупкой. Бледная, с огненными пятнами на щеках и огромными глазами, она повернулась ко мне, стоило только приблизиться. Сейчас одеяла были сбиты в сторону (видимо, у нее снова поднялась температура), и под тонкой сорочкой отчетливо выступал животик. Стараясь не думать о том, что именно здесь был зачат этот ребенок, спокойно встретила ее взгляд.

Она попыталась улыбнуться, но губы искривились:

— Можешь злорадствовать, — выдохнула Ибри. — Ты победила, Теарин Ильеррская.

Имя мое она словно выплюнула.

— Я здесь по твоей просьбе, Ибри. Не забывай.

— Разумеется. Будь ты на моем месте, я бы тоже не отказалась на тебя взглянуть.

Вскинув брови, развернулась и направилась к двери, когда в спину мне ударило торопливое:

— Не уходи. Пожалуйста. Прости, я сама не знаю, что говорю... Теарин, мне нужна твоя помощь!

Должно быть, на последних словах я все-таки замедлила шаг, потому что Ибри заговорила еще быстрее, пусть и сбивчиво:

— Он... Витхар не позволит мне остаться, и я не смогу защитить своего малыша. Мой ребенок... от него избавятся, потому что он станет первенцем, потому что он будет мешать детям законной жены. Избавятся даже несмотря на то, кто его отец.

Все это она выпалила на одном дыхании, в тот момент, когда я уже почти отвела рукой стеклянные шторы, прикрытые тяжестью портьер со стороны комнаты отдыха. Почти отвела, но сейчас обернулась и на сей раз резко и быстро пересекла комнату, оказавшись у ложа Ибри.

— Когда зашла речь о зачатии ты об этом не подумала, верно?

— Подумала, — губы бывшей наложницы дрогнули, а глаза наполнились слезами. Она приподнялась, с трудом опираясь о постель дрожащими от напряжения слабыми руками. — Ты думаешь, что я сама это все устроила, верно?! Думаешь, что ребенок был для него неожиданностью? Я пила отвар ольхой каждый день, каждая из нас пила. Думаешь, я бы посмела?!

Она выдохнула это мне в лицо, а потом откинулась на подушки. Теперь ее била крупная дрожь.

— Я позову лекаря.

— Не надо. Это пройдет, — пробормотала она, стуча зубами. — Это огонь. Пламя ребенка борется за нашу жизнь.

Ибри на мгновение прикрыла глаза, ее худенькое тело дрожало, но дрожь постепенно затихала. Я же с сожалением смотрела на эту девочку, понимая, что ее ждет в самое ближайшее время. Многие правители или аристократы желали оставить себе сына или дочь от понравившейся наложницы, нисколько не заботясь о том, что с ней будет дальше. По мнению большинства, преимущества перевешивали риск и расставание с малышом. Разумеется, большинство после «такой чести» замечательно жили на откупные, особенно если у иртехана было не слишком сильное пламя. Но если оно такое, как у Витхара... Если этот ребенок — первый?!

Как он вообще додумался поместить своего первенца в такую хрупкую оболочку?

— Он сказал, что хочет от меня ребенка. Хочет, чтобы я стала его матерью, — Ибри вскинула на меня большие глаза.

Она не плакала, но они по-прежнему сверкали.

— Как думаешь, могла я ему отказать, Теарин?

— Могла, — ответила я, не задумываясь. — Не думаю, что Витхар стал бы настаивать.

У нее дернулись губы.

— Разумеется, ты бы могла. Потому что ты его не любишь. Но я люблю, скажи, какая женщина откажется родить ребенка от любимого мужчины?! Я думала, что у меня есть время, что он позволит мне остаться. Он обещал распустить гарем, но я всегда была на особом положении, и наш малыш...

Кажется, теперь я начинала понимать, что произошло. Ибри рассчитывала с помощью ребенка остаться во дворце даже после отбора, поэтому согласилась. Она думала, что у нее будет возможность таким образом привязать Даармархского к себе, но он привез меня, и я нарушила все ее планы. Вот только если с ней мне сейчас все стало понятно, то дракона я понять не могла.

Ни такой осознанной, целенаправленной жестокости, ни зачем ему потребовался первенец от Ибри. Сомневаюсь, что это получилось из-за его особого расположения к любимой наложнице. Насколько я успела почувствовать, Витхар не из тех, кто поддается сентиментальности и уж тем более не из тех, кто делает что-то просто ради собственного удовольствия.

Тогда почему?

— Когда меня отправят из дворца, мой малыш останется здесь совсем один, — закончила Ибри. Видно было, что она уже успокоилась, потому что из голоса ушла дрожь, а из глаз блеск. — Эсмيرا избавится от него, так или иначе. Возможно, не сразу, но... Теперь я знаю, что до любого можно добраться. Ты знаешь это не хуже меня, Теарин! Пожалуйста, обещай, что не позволишь причинить ему вред.

— И как ты себе это представляешь? — я вскинула брови. — Как, по-твоему, я смогу защитить твоего ребенка?

— Тебе нужно победить в отборе.

В ответ на такое я едва не рассмеялась. Удивительно, как мы с Ибри пришли к одному и тому же мнению, но по совершенно разным причинам.

— Тебе это тоже нужно, не так ли? — она положила руки на живот. — Ты спасаешь брата, я хочу защитить свое дитя.

Последние слова заставили меня нахмуриться: о моей истории мало кто знал, и если по дворцу разошлись слухи, значит, спасибо нужно сказать Хеллирии. Когда я думала о том, что мне придется предстать с таэрран перед сильнейшими Даармарха, совершенно упустила из вида сестру дракона.

Зря.

— Тебе нужна эта победа, — продолжала Ибри. — Мой ребенок тут ни при чем. Ты не причинишь ему вреда, когда станешь правительницей.

В идеальном плане Ибри был всего один промах: я не собиралась становиться правительницей Даармарха. И оставаться рядом с его правителем тоже не собиралась, но она была права. Мне нужно выжить, мне нужно защитить Сарра, и единственная возможность это сделать — выиграть отбор.

Что будет дальше, я загадывать не хотела, а сейчас мне нужно понять, с чем предстоит столкнуться в самое ближайшее время.

— Расскажи мне про Эмиру, — сказала я, присаживаясь на пуф, стоявший рядом с ложем, — все, что тебе известно.

Ибри облегченно вздохнула.

— Мне известно немного, но то, что я знаю... Она подруга Хеллирии, дочь одного из сильнейших иртханов Даармарха. Ее называют Черным пламенем Аринты.

— Черным? — переспросила я.

Цвета огней у иртханов разделялись по стихиям: алое пламя — огонь, зеленое — вода, синий — снег и лед, золото — пески.

— Черным, — невесело улыбнулась Ибри, — за цвет кожи и потому что после такого пламени как у нее, на земле остается лишь черный цвет. Эмира действительно очень сильна, Теарин. Странно, что ты о ней ничего не слышала.

Ничего странного, учитывая, как старательно я избегала общества подобных себе, а в Аринту и вовсе отказалась ехать. Помню, как ругался Наррз, когда говорил, сколько денег мы потеряем, но я была непреклонна. Мне удалось с ним договориться, только когда я пообещала усложнить номер новыми опасными трюками.

— Насколько она сильна?

— Очень. Ее мать — дочь правителя Надорги. Именно от нее она унаследовала цвет кожи, и...

Ибри помолчала и добавила:

— Эмира — первенец.

Эмира — первенец одного из сильнейших иртханов Даармарха и подруга Хеллирии. Неудивительно, что их с братом разговор на балконе повернулся таким образом. Неудивительно, что Хеллирия считает отбор «формальностью», особенно принимая во внимание тот факт, насколько сильно пламя ее брата. Правда, теперь у меня возникал совершенно другой вопрос: от кого на самом деле хотели избавиться?

От меня?

Или от Ибри?

Конечно, ребенок Даармархского и Эмиры по пламени может тоже быть сильным, но даже будучи полукровкой, малыш или малышка Ибри представляет угрозу для будущего наследника. Особенно если Витхар постоянно вливал в него пламя. Или не постоянно? Ведь он не приходил к Ибри после моего появления.

Или приходил, но не затем, зачем ей хотелось?

— Кто знал о том, что ты в положении? — спросила я.

— Что?

— Кто знал о том, что ты в положении? — повторила вопрос.

— Зачем...

— Просто ответить.

— Витхар, — Ибри недоуменно посмотрела на меня. — Мэррис и
лекарь.

Трое.

Значит, концов уже не найти. Да даже если Мэррис и лекарь хранили молчание, Даармархский вполне мог поделиться своими достижениями с сестрой, он ведь безоговорочно доверяет Хеллирии. С другой стороны, Эсмира — ее подруга, и говорить с ней о таком не очень разумно. Нет, вряд ли это был Витхар, но теперь это уже не имеет значения.

Если он все-таки приходил к Ибри (а зная о силе растущего малыша, должен был приходить, не могла она столько времени обходиться без его пламени), то ему нужно было делать это незаметно. Подозреваю, что и привязка у нее возникла именно потому, что перед своим путешествием, в котором нашел меня, он вливал в нее огонь.

Постоянно.

Помногу.

Осталось только понять, как Даармархский ее посещал.

По ногам тянуло сквозняком, но учитывая, что сидела я не напротив позвякивающих стеклянных штор, и даже в стороне от окна, то плотная драпировка стены, слегка примятая внизу...

Перед глазами вспыхнул зев потайного хода, через который дракон вывел меня к казармам. Когда мы шли по нему, я мало на что обращала внимание, но почти наверняка у этого хода десятки ответвлений.

Владелец замка должен иметь беспрепятственный доступ к любому.

Только ли он?

Осознание этого пронзило, как вспышка.

— Теарин, — Ибри заворочалась, вновь пытаясь подняться. — Теарин, ты обещаешь, что с моим ребенком не случится дурного?! Обещай мне! Скажи, что ты выиграешь отбор и защитишь не только Сарра, но и моего малыша. Скажи это!

— Я ничего не могу тебе обещать, Ибри, — поднялась, читая в ее глазах разочарование и страх.

— Ничего?! Но ты говорила...

— Что именно?

Щеки Ибри вспыхнули красными пятнами, хорошенькое лицо

исказилось от злобы:

— Ненавижу тебя! — прошипела она. — Ты такая же, как они все! Ты использовала меня, чтобы...

— Я тебя не использовала, — осадила зарвавшуюся девчонку. — Всего лишь выяснила, с чем мне предстоит столкнуться. Я выслушала тебя, и могу сказать только одно: с моей стороны твоему ребенку действительно ничего не угрожает. Я никогда не причиню ему или ей вреда.

Не дожидаясь ответа, развернулась и направилась к позвякивающим от ветра стеклянным шторам. Вслед мне полетела подушка, затем другая (и откуда только силы взялись?). То, что нам не стать подругами, я поняла уже давно, поэтому никакого удивления по этому поводу не почувствовала. Разочарования — тоже.

Что я чувствовала сейчас, сложно сказать.

Наверное, холод: наподобие сквозняка, что облизывал ноги и все-таки сумел пробраться внутрь.

Мэррис дожидалась меня, стоя у балконной арки. Короткий испытующий взгляд скользнул по моему лицу, и бывшая распорядительница прошла в спальню. За спиной зашелестели, затем звякнули шторы, а в следующую минуту мы со служанками уже вышли в коридор, где нас ждали хаальварны.

— Хотите прогуляться, местари? — спросила одна из девушек. — Верхний парк сейчас пустует, а там такая красота!

Да.

Очень.

Сейчас мы все прогуляемся.

— Следуйте за мной, — повернулась к хаальварнам, вновь направляясь в покои Ибри.

Успела только уловить недоумение на лице девушек-служанок, а в следующий миг воины шагнули за мной в комнаты. Один из хаальварнов резко отодвинул передо мной полог, шуршание ткани и звяканье стекла слились с высоким восклицанием Ибри:

— ... вы же слышали сами! Я сделала все, что могла...

Она осеклась на полуслове, замерла с открытым ртом, глядя на нас.

Первой ко мне повернулась Мэррис: неестественно-прямая, словно ее привязали к столбу.

И только потом — Хеллирия.

Выражение хорошенького личика едва сменилось с пренебрежительного превосходства на удивление, я же быстро шагнула к ней. Схватила за предплечье (цепко, не вырваться) и выволокла за собой:

сначала в комнату отдыха, а затем в коридор. Именно там Хеллирия и опомнилась, глаза сверкнули ледяным огнем, мои пальцы обожгло даже через одежду.

— Ты что себе позволяешь? — прошипела она, безуспешно пытаясь отнять руку.

Не говоря ни слова, я протащила ее мимо оторопевших служанок. Ладонь с острыми ноготками перехватила на лету.

— Еще раз попытаешься ударить, — сообщила спокойно, но жестко, — расцарапаю лицо, и на отборе рядом со своей подружкой будешь сидеть под вуалью.

Глаза сверкнули еще сильнее, и холодом окатило не только меня, но и ближайšie колонны. По ним даже иней прошелся, который, впрочем, тут же растаял. От непрогретых стен потянуло ледяной сыростью, Хеллирия резко отняла руку.

— Что ты наобещала Ибри? — спросила я. — Поговорить с братом, чтобы разрешил ей остаться во дворце? И что я должна была сказать? Что отбор мне не нужен, что я вынуждена принимать в нем участие? Витхар об этом знает, я сказала это ему в лицо.

— Ты лживая тварь, — прошипела Хеллирия. — Врешь как дышишь! Не знаю, чем ты его взяла, хотя догадываюсь...

Пощечину ей я влепила от души. Просто руки чесались, давно и так сильно, что не сдержалась.

— Ты... — ахнула ледяная, прижимая руку к пылающей щеке. — Ты...

— Не веришь — спроси у своего брата, — ответила холодно, в тон ей. — И следи за словами, Хеллирия. Теперь мы с тобой равны.

— Ты пожалеешь, — процедила она. — Ты ему никто, а я — его сестра!

— Тогда тебе не о чем волноваться, не так ли?

Вопреки представлениям Хеллирии, я не собиралась тащить ее к Витхару или устраивать сцены. Зато хотела закрыть один вопрос, раз и навсегда.

— Ты посоветовала своему брату от меня избавиться, но он не избавился. Это о чем-то да говорит, верно?

Вот теперь на ее лице, сквозь ненависть и ярость, отразилось настоящее изумление: вряд ли Витхар поставил ее в известность о том, как именно мне удалось это узнать. Что же касается Хеллирии, ей точно не помешает поволноваться на этот счет.

— Оставь меня в покое, Хеллирия. Если попытаешься навредить мне, или, упаси драконы, Сарру, пожалеешь именно ты. Я достаточно ясно

выразилась?

Ее лицо исказилось от злобы. Исказилось настолько, что сейчас напоминало хищную маску, тем не менее она расправила плечи и зашагала по коридору. Длинный шлейф платья стелился за ней гладью зимней реки, напряженные плечи под тканью платья напоминали острые вершины покрытых снегом гор.

Что касается меня, я повернулась к застывшим в отдалении служанкам и хаальварнам. Если девушки смотрели на меня с каким-то трепетным страхом, то лица воинов не выражали ровным счетом ничего. Они понадобились мне исключительно как свидетели, но чью сторону хаальварны примут в случае открытого противостояния, я знать не могла.

Да и не хотела сейчас об этом думать.

Мне. Все равно.

Ложь Ибри стала последней каплей, а стычка с Хеллирией выпила из меня все силы. Я безумно устала ото всех этих игр и интриг, устала постоянно оглядываться и искать скрытые мотивы за словами тех, кто меня окружает.

Поэтому и направилась в сторону Верхнего парка, предоставив девушкам подстраиваться под мой быстрый шаг. Хаальварны с этой задачей справились, а вот непривычным к такому служанкам приходилось очень быстро семенить следом.

Поэтому даже не обернулась, когда сзади раздался отчаянный крик Мэррис:

— Теарин... Местари, подождите!

Ей тоже пришлось за мной бежать, но с ней мне сейчас хотелось говорить меньше всего. Поэтому я не обернулась даже когда за спиной раздались поспешные торопливые шаги и шелест одежд.

— Теарин! — запыхавшаяся Мэррис схватила меня за руку, но тут же отдернула пальцы. В глазах ее мелькнуло самое что ни на есть искреннее отчаяние, именно это и заставило меня остановиться. — Теарин, пожалуйста. Ей не оставили выбора...

— Выбор есть всегда, — ответила я, порываясь ее обойти, но Мэррис перегородила мне дорогу.

— Не всегда. И не у всех. Ты когда-нибудь любила, Теарин?

Любила. Отца и маму, жизни которых Горрхат оборвал в один миг.

Люблю Сарра, люблю больше жизни и не задумываясь, эту самую жизнь за него отдам.

Но даже если бы я любила Витхара, ни за что не согласилась бы родить от него ребенка. Будучи в положении Ибри — не согласилась бы. И

уж тем более не попыталась бы воткнуть нож в спину той, кого просила о помощи.

Все эти мысли промелькнули у меня в голове в один миг, но я от них отмахнулась. Мэррис не нужны мои откровения и мои чувства, ей нужно знать, что я не стану мстить Ибри.

— Ибри и ребенку ничего не грозит с моей стороны, — повторила те же слова, что сказала наложнице. — Я никогда не причиню вреда ни ей, ни ее малышу. Но начиная с этого дня, с этой минуты, ее участь меня совершенно не волнует. Уйди с дороги.

Мэррис хотела что-то сказать, но наткнулась на решимость в моих глазах и отступила. Я же шагнула в анфиладу, которая вела в Верхний парк. По пути нам попалась ниша, в которой когда-то плакала одна из девушек: сейчас драпировка была поднята, и ниша пустовала. Пустовал и гарем, но почему-то именно в эту минуту звенящая тишина некогда оживленных коридоров ударила особенно больно. Хлестко, как порвавшаяся струна, словно во мне и правда, действительно что-то порвалось.

«Тебе не придется справляться с драконами, — сказал мне отец, когда снова опустил на землю. — Это — удел мужчин. Мужчина должен быть сильным».

«А женщина?» — спросила я, задрав голову. Поймала улыбку мамы и снова взглянула на отца.

«А женщина поможет ему эту силу сберечь и умножить. Своим пламенем. Своей любовью», — ответил он и обнял маму.

В тот момент, когда эти слова прозвучали в сознании, я ускорила шаг.

Ворвалась в свежесть раскидистых деревьев и благоухающих цветов, устремила к небольшим резным качелям, с которых было видно океан и утес. Это место было единственным, где парк не огородили высокими балконными перилами. Не огородили исключительно потому, чтобы не портить красоту, которую можно было увидеть с качелей: на подъеме казалось, что взлетаешь в небо, на спуске — что вот-вот коснешься океана пятками.

Два шага до отвесной стены замка.

Два шага, отделяющие качели от головокружительной высоты над океаном.

— Оставьте меня, — сказала служанкам и хаальварнам. Сказала не своим голосом, потому что боялась, что мою слабость увидят все.

Они действительно остановились, а я пробежала до качелей и рухнула на разбросанные по ним подушки. Обвила руками цепи, оттолкнулась.

Раз — и ветер подхватил меня, помогая взмыть ввысь. Обжег

пылающие щеки, срывая скупые слезы.

Мамочка, папа, как же мне вас не хватает!

Как не хватает вашей мудрости и силы, вашего безграничного терпения и любви...

Два — и я уже лечу назад.

Ветер свистит в ушах, сверкает раскаленный лучами солнца океан. Сверкает так, что больно глазам, но это сейчас. Ночью он опять превратится в ревущее чудовище, воды которого скрывают кораллы и рифы, а из глубин которого поднимаются волны, способные накрыть самого крупного дракона.

Три — и снова вверх.

Как же я устала быть сильной...

Да и была ли когда-то?

Четыре — падение вниз, и я прижимаюсь щекой к холодной цепочке. Позволяю этому холоду ворваться в меня, пропускаю сквозь себя и отпускаю.

Пять.

Отпускаю одновременно с руками: разжимаю пальцы — и больше ни за что не держусь. Я отлично ловлю баланс, но подушка соскальзывает с сиденья. Осознание этого приходит слишком поздно, меня швыряет вперед. Прямо в разверзшуюся подо мной пропасть.

Огромная тень накрыла раньше, чем я успела испугаться. Тень, от которой повеяло не прохладой, а нестерпимым жаром. Порыв окатившего меня воздуха был раскаленным, как в бане, меня подбросило вверх, или тень ушла под меня. Мелькнула огромная морда с горящим алым пламенем глазами, и в следующий миг я свалилась прямо на спину дракона.

Мощным взмахом крыла меня чуть снова не снесло в сторону, протащило по зверю, ссаживая кожу. Вцепившись в черепицу чешуек, я едва сумела сгруппироваться и усесться верхом. Пригибаясь к обжигающей спине дракона, выровнялась настолько, чтобы удержаться до той минуты, когда придется защищаться.

Вот только чем?

И как? Если на мне таэрран...

Как его подпустили так близко к замку?!

Эту мысль выбило вместе с воздухом: дракон резко развернулся, стрелой заскользил над замком, огибая его. Сложив крылья, устремился вдоль балконов, и, когда подошел достаточно близко, я этим воспользовалась. Скользнула по мощной шее, используя чешую, чтобы зацепиться и оттолкнуться. Бок обожгло болью, но я уже перелетела через

ограждение и спрыгнула на мраморный пол.

Рычание, от которого содрогнулись даже стены, эхом отозвалось во мне.

Перекатившись по полу, вскочила, чтобы увидеть стремительный для такого мощного зверя разворот.

Дракон завис напротив меня: огромный, цвета глубоководного коралла. Воздух вокруг него дрожал, словно вот-вот воспламенится.

Я попятилась, налетела на столик, с которого с грохотом свалился поднос. Остывший травяной настой расплескался по полу. Взгляд зацепился на оставшийся на диванчике палантин, завернувшись в который, я вчера вечером сидела здесь.

Здесь?..

Он принес меня... ко мне?!

Прежде чем эта мысль оформилась, воздух вокруг дракона и впрямь вспыхнул. Алое пламя охватило мощную фигуру зверя, крылья раскрылись во всю ширину, чтобы мгновением позже тоже взорваться огнем. Я успела только вздохнуть, когда бушующее пламя прокатилось по замковой стене, истончаясь до едва заметной, раскаляющей воздух дымки над перилами.

Из которой ко мне шагнул Даармархский.

Одежды на нем, разумеется, не было, родовой узор полыхал так, что было больно смотреть. Пламя прокатывалось под смуглой, еще хранящей очертания чешуи, кожей. Раскаляло ее изнутри, заставляя сверкать металлом, и это была единственная осознанная мысль перед тем, как пальцы дракона сомкнулись на моей шее. От неожиданности выкинула руку вперед, защищаясь, но он с легкостью ее перехватил. Сдавил запястье так, что я вскрикнула.

— Думала свести счеты с жизнью?! — прорычал он. — Думала таким образом избежать отбора, Теа-р-р-рин?!

Что?!

Он что, всерьез считает, что я готова сигануть в пропасть только ради того, чтобы не принимать участие в его идиотском отборе?!

— Думала, — прохрипела я, тщетно пытаясь вырваться из хватки дракона. — Но не о том. А вот вам, похоже, не мешает думать почаще, местар! Я не из тех, кто так легко разбрасывается даром жизни!

— Неужели?! — его и без того низкий голос сейчас был гортанным рычанием зверя, не до конца перестроившиеся голосовые связки горловыми звуками рождали во мне дикий, будоражащий жар. — Тогда что ты делала на качелях? Почему пр-р-рыгнула?

— Я не прыгала! — прорычала ему в лицо, когда хватка на шее

ослабла. — Подушка соскользнула, и я вместе с ней.

— Думаешь, я в это повер-р-р-ю?!

— Верить или нет — ваше дело, местар, — выдохнула в жесткие губы.

Возвращая яростный взгляд прямо в пляшущее в его глазах драконово пламя, рванулась назад.

Тщетно.

Меня броском впечатали в мощную грудь. Обжигая о пылающую кожу, еще не остывшую после мгновенного оборота, и моя вспыхнула вопреки моей воле. Пламя прокатилось по рукам и груди, заставляя выгнуться в его руках, отзываясь на призыв зверя. Никогда не представляла, что это может быть так остро: когда сокрушающая сила дракона обрушилась на меня, мир перевернулся и сузился до окруженных пламенем вертикальных зрачков.

Даармархский с рычанием впился в мои губы, и я зарычала в ответ, царапая огненные плечи ногтями, вжимаясь бедрами в напряженный, каменный пах. Сильные пальцы прошли по моей спине, укусы ожогов под этими прикосновениями я чувствовала даже сквозь одежду. Вдыхая яростный огонь вместе с воздухом, который сейчас был для нас один на двоих, вместе с поцелуем, от которого губы стали невыносимо чувствительными.

Даармархский прихватил их зубами, и я ответила с удвоенной силой.

Металлический привкус, жар, скольжение языка по ранке.

Дикая, животная дрожь.

Звериное рычание заставило выгнуться дугой, подставляясь под жесткие ласки. Судорожно вдохнуть ставший ледяным воздух, когда дракон отстранился, и выдохнуть, когда меня толкнули к перилам, сдергивая шаровары. Я едва успела опереться ладонями о ледяной мрамор, когда он ворвался в меня: пламенем, мощью, желанием.

Глубоко, яростно.

В следующий миг кожу обожгло укусом.

Жестким, собственническим, прокатившемся по телу дрожью. В ритме резких, сильных рывков, рождающих внутри звериное, болезненно-острое наслаждение. Пламя дракона, текущее сквозь меня, заставляло срываться на крики. Хотя вряд ли это можно было назвать даже криками — оно больше напоминало дикое, рвущееся из груди рычание. Воспламенившееся хриплым стоном, когда я содрогнулась от дикого удовольствия.

По обожженной укусом коже скользнуло не пламя, но его подобие: дыхание дракона. Горячие пальцы с силой сжались на моих бедрах, и ответное рычание вспыхнуло во мне новой волной жара и наслаждением, от которого подогнулись ноги. Меня подхватили под живот, и только

благодаря этому я не сползла вниз.

От рывком подаренной свободы низ живота дернуло, а потом так же дернуло тканью по бедрам: Даармархский подтянул мои шаровары наверх.

— Не думай, что можешь сбегать от меня, Теарин, — голос дракона уже звучал совершенно иначе. По-прежнему низкий, но лишенный звериных горловых интонаций.

— Я не собиралась от вас сбегать. — Резко обернулась, глядя ему в глаза: медленно, очень медленно зрачки стянулись в круги, а сквозь огонь проступила темная радужка. — И сбегать от ответственности тоже. Мне напомнить вам, что у меня есть Сарр?

— Верно, — ноздри его едва уловимо шевельнулись. — Поэтому в следующий раз, когда решишься на подобную глупость, думай о нем. И о том, что в следующий раз наказание может быть гораздо более жестким.

От того, как это было сказано, меня затрясло.

Наказание?! Так вот что это только что было?!

В два шага преодолев отделяющее меня от дивана расстояние, подхватила палантин и протянула дракону:

— Прикройтесь, местар. И немедленно оставьте меня одну.

— Снова пытаешься мне приказывать, девочка?

— Что вы, местар. Как можно. Просто напоминаю, что я теперь претендентка на трон Даармарха. Поэтому прошу относиться ко мне соответственно и не сверкать своей... наказалкой.

Вместо наказалки сверкнули глаза дракона, но я уже отвернулась.

Кажется, нужно серьезно изучить правила столь ненавистного мне отбора. Потому что сейчас только они и могут меня защитить.

[1] В древности в Аронгаре использовали раскатанные листы нааргха и густой вязкий сок паэрни, не стирающийся даже под водой, чтобы сохранить и передать знания.

Глава 5. Танни

Зингсприд, Аронгара

К ожа горела от поцелуев: огненных, оставляющих на теле отметины ожогов. Дыхание сбивалось, или его перехватывало от плавящего воздух, дрожащего над нами пламени. В этом пламени не было места мне, но именно я в нем сейчас сгорала, подставляясь под ласки грубых, чуть шершавых ладоней, скользящих по коже. Царапающих ее, как и щетина на подбородке, когда жесткие губы прихватывали внутреннюю поверхность бедер.

Пламя втекало в меня сквозь эти прикосновения, сквозь горячее, обжигающее дыхание, заставляющее дрожать всякий раз, когда оно касалось чувствительной кожи. И вслед за ними ее бессовестно касался рот и язык, простыня трещала под судорожно сжатыми пальцами, дымилась в каждой точке прикосновения к ней наших тел. В зеркальном потолке отражались сплетенные мы, в самом откровенном и бесстыдном смысле, который только можно представить.

Пламя окутывало нас зеленоватой дымкой, клубилось языками, тянущимися к нашему отражению, и я содрогалась, когда в отражении дракон поднимал голову, чтобы на меня посмотреть. В глазах, расчерченных вертикальными зрачками, бился огонь зверя — неукротимый, мощный и яростный.

— Ты будешь гореть вместе со мной, Зажигалка, — хрипло говорил он, и от этого голоса я содрогалась, как от самой глубокой ласки.

А потом приподнимался, чтобы развести мне бедра, и смуглая кожа разрасталась чешуей. В миг, когда мы становились единым целым, я задыхалась в беззвучном крике, и пламя врывалось в меня с невиданной силой, опустошая, иссушая, заставляя биться под ним.

Гореть от кончиков пальцев ног до расплескавшихся по подушкам волос, которые облизывали жадные языки огня. В миг, когда над нами раскинулись мощные крылья, а лицо Гроу окончательно утратило человеческие черты, я содрогнулась от наслаждения и взвыла, когда мне в щеку словно ткнули головней.

— Дракона твоего за ногу!

Из сна меня выдернуло, как мясо из кипящего супа виарьими зубами: быстро, резко, из жара в прохладе. Пару мгновений я хватала губами воздух, а потом повернулась к пристроившейся рядом виари,

припечатавшей меня своим огненным носом.

— Бэрри!!!

От моего вопля могло снести даже особь покрупнее, вот и эту бессовестную особь сдуло с кровати аккуратно под нее. Точнее, когда она по старой виареночной памяти попыталась спрятаться там, где я не достану, у нее застряла башка. С пару секунд я «наслаждалась» виброкроватью, после чего Бэрри освободилась и обиженно умчалась на кухню. Если так можно выразиться в квартире-студии.

— Виур-р-р, — донеслось оттуда жалобное.

Вчера по возвращении она не отходила от меня ни на шаг, а ночью, видимо, взгромодилась на постель. Вспомнив, как меня встречали, даже на миг устыдилась, но тут же отмахнулась от этого чувства. Виари вообще очень легко избаловать, а неподчиняющийся командам зверь в принципе опасен. В первую очередь для самого себя: рыкнет на улице на кого-нибудь — и проблем не оберешься. Особенно учитывая, что кристалла у нее нет.

— Сама виновата, — огрызнулась я. — На постель нельзя, бесстыжее ты парнокогтистое.

Хотя кто из нас более бесстыжий — спорный вопрос. Мне вон вообще секс с драконом приснился.

Я зоофилка. Или гроуфилка.

Даже не знаю, что страшнее.

Прижала ладони к горящим щекам, пытаюсь вытряхнуть ну очень живую картину из сознания, но она не вытряхивалась. Напротив, горящий зеленым пламенем взгляд снова вонзался в мой, а простыни под спиной плавилась от охватывающего тело огня. Ощущение, когда в тебя впиваются тысячи раскаленных игл, но ты не чувствуешь боли, наоборот — внизу живота все сжимается от сумасшедшего, дикого животного наслаждения, снова отозвалось внутри сладкой пульсацией.

Отголосками удовольствия, которое... м-м-м-да, перешло в реальность.

Все, читать Ильеррскую на ночь я больше не буду, а то они там зажигают, а мне потом снится... всякое.

Зеркальные потолки.

Крылья. Чешуя.

И прочие извращения.

Усилием воли вытряхнула себя из кровати и потащила в ванную: из Ортахарны я вернулась вчера поздно вечером. Очень поздно вечером, и чтобы окончательно справиться с остатками простуды, сразу завалилась спать. Сразу заснуть не получилось, поэтому и дочитала тот кусочек архива

Ильеррской, дабы не вылезать из постели.

Температуры у меня сейчас и правда не было, зато на мне был запах Гроу.

Этого запаха не должно было быть (я всего лишь спала весь день в постели в его номере, а по возвращении в Зингсприд сразу приняла душ), но...

Он был. Терпкий, врезающийся в сознание и не оставляющий даже сейчас, когда я чистила зубы.

Сигареты. Кофе.

Горчинка и соленый шоколад.

От которого кожу покалывало огненными иголочками.

Так, все.

Думать об этом сейчас точно не вариант.

Из ванной я выскочила быстро и понеслась по привычному маршруту: покормить Бэрри, погулять с Бэрри, собраться на работу, по ходу дела заливаясь кофе. С кофе у меня вообще долгие и сложные отношения, я не умею его готовить. Не знаю, в чем дело. Казалось бы, кофемашина не должна делать разницы между простыми людьми, но если я и какая-нибудь другая девушка, ни разу до этого не пользовавшаяся этим агрегатом и не видевшая его в глаза, решим одновременно приготовить кофе, у нее получится в разы круче. У меня — вонючая бурда.

Но я все-таки стараюсь.

Никто не скажет, что я не стараюсь.

Попробовала кофе, привычно поморщилась и направилась на балкон. Все-таки в том, что я не умею его готовить, есть свои плюсы: если бы умела и то, что у меня получается, мне нравилось, я бы уже спилась. В смысле, вместо крови у меня был бы кофеин, а глаза изменили бы цвет на цвет кофейных зерен.

С такими мыслями я распахнула двери и вышла подышать воздухом.

С теми же мыслями шагнула к перилам и глянула вперед, на раскинувшийся вокруг меня Зингсприд. Чтобы мгновением позже опустить взгляд.

Чашка улетела вниз, город скользнул вверх, а когда я открыла глаза, надо мной застыла встревоженная морда. Глаза: один голубой, другой желтый, из ноздрей вырываются струйки дыма.

— Виуррр?

— Уррви, — ответила я.

Я лежала у себя на балконе, глядя в высокое зингспридское небо, чесала Бэрри между ушей и пыталась смириться с одной совершенно дикой

мыслью.

Я.

Боюсь.

Высоты.

Во флайсе было некомфортно. Если в огромном кондиционированном салоне между двумя могучими вальцгардами может быть некомфортно. Я настолько привыкла к тому, что меня по утрам вносит в аэроэкспресс и прижимает к стеклу (навык девочки из подземки — пробираться к дверям в числе первых, чтобы тебя не зажалой последней, никуда не делся), что сейчас мне этого не хватало. С одной стороны. С другой — не пришлось ползти на прозрачной капсуле лифта наверх на аэростанцию, и то радость. В общем, когда я смотрела на утренний Зингсприд сквозь лобовое стекло, меня разве что слегка подташнивало. Падать я точно не собиралась (по крайней мере, по ощущениям), хотя даже если бы собралась, держали меня прочно.

Зажужжал мобильный (да, тот, который Рихтов). Из чистого упрямства я оставила дома оба верта, они составляли друг другу отличную пару: один — серебристо-синий, как льды Ферверна, другой огненный, как пламя. Думаю, не стоит говорить, кто какой подарил.

«Я. Жажда. Подробностей. Сегодня», — гласило сообщение от Ширил Абрамс.

Судя по тому, что она написала мне в такое время, подробностей она жаждала очень сильно. Собственно, она жаждала их еще вчера, но когда Шири возвращала мне ключи, на нее произвели огромное, я бы сказала, неизгладимое впечатление синяки под моими глазами и колючий взгляд «номера один». Настолько произвели, что она просто попрощалась со мной и слилась на фразе «до завтра».

Ну вот завтра и наступило.

Лично на меня — всеми конечностями.

«Я попробую выбраться вечером», — написала ответ.

«Что значит — попробую?»

«С Гроу никогда и ни в чем нельзя быть уверенной».

«Так, а вот с этого места поподробнее, пожалуйста».

«Тьфу на тебя. Я вообще-то имела в виду работу».

«Ну, я тоже имела в виду работу», — смайлик с приподнятыми бровями.

Я поняла, что сейчас мы до чего-нибудь точно допишемся, и сунула телефон в сумку. Подальше от «чего-нибудь».

Телефон дернулся снова.

Снова.

И снова.

Пришлось доставать: мессенджер разрывался от гневных сообщений Шири:

«Так что?»

«Эй, не смей меня игнорировать!»

«Танни Ладэ, я сидела с твоей хвостатой!»

Последнее был убийственный аргумент, поэтому я написала:

«Позвоню, как закончу», — и поймала ответное сообщение:

«То-то же», — с хитрой рожей подмигивающей иглорыцки. Кто придумал нарисовать смайлы с иглорыцкой, большой вопрос, но подумать об этом времени не было, потому что мы вдруг резко сбавили скорость, а один из вальцгардов коснулся гарнитуры над ухом.

— Хорошо. Понял, — произнес отрывисто, а потом скомандовал водителю: — На Восточную обводную.

— Что там? — поинтересовалась я, когда флайс резко увели направо.

Верхняя аэромагистраль, обычно свободная, сейчас была заблокирована полицейскими, уровнем ниже творилось какое-то небывалое столпотворение и, несмотря на отличную звукоизоляцию, частично эхо сигналов долетало даже до нас.

— Демонстрация, — коротко отозвался вальцгард.

— И что демонстрируют?

— Нежелание жить под одним небом с драконами.

Больше я вопросов не задавала, но когда мы отлетели на достаточное расстояние, все-таки приподнялась на сиденье, чтобы глянуть в ту сторону. Флайсы на средней аэромагистрالي двигались, игнорируя правила, то есть просто летали по кругу, напрочь заблокировав движение по одной из главных аэромагистралей Зингсприда. Из-за этого по обводным путям пустили и аэроэкспрессы: я видела гуськи стальных лент, упирающихся друг другу носами в хвосты.

Стоило мне чуть увести взгляд в сторону и почувствовать высоту, как меня снова замутило, и я плюхнулась на сиденье.

Трижды дерьмо!

Чтоб Мелоре до конца жизни гадить камнями размером с кулак.

И что мне, теперь, спрашивается, с этим делать? Когда у Ильеррской до чешуи трюков на высоте?

Я вытащила мобильный снова и вбила запрос: «Как победить страх?»

Первой же строчкой выдало сайт с полезными советами делать то, что

боишься, и делать это постоянно, но при одной мысли о том чтобы выйти на балкон и посмотреть вниз, желудок подобрался к горлу и попросился на выход.

Спокойно, родной, мы летим на работу.

То, что там будет спокойно, я обещать не могу, а вот твердую землю под ногами — вполне.

Несмотря на обводную магистраль, мы прибыли вовремя. У моего сопровождения, разумеется, были не только пропуск, но и допуск (подозреваю, что на все уровни «Гранд Пикчерз», о которых даже бывалые сотрудники киностудии не знают). Мы запрыгнули в кар, который уже дожидался нас (ну а чему тут удивляться-то), и полетели к девятнадцатому павильону, по которому я уже успела соскучиться.

И по Гроу тоже.

Почти.

Эта мысль пришла ко мне настолько неожиданно, что я чуть ей не подавилась, как сегодня кофе. Когда феерично свалилась у себя на балконе.

Да, мысли в моей голове в последнее время — одна краше другой. Хэй, Таннечка, ты еще не забыла, что он — наполовину дракон, и что его пламя всегда будет тянуть его в сторону бледнокожих драконесс? Ну или не очень бледнокожих, это уже дело десятое.

Стоило подумать о Сибрилле, как настроение поползло вниз, а-ля температура по столбику термометра старинного образца. К счастью, мы уже прилетели: возле дверей павильона, на залитой светом площадке, я увидела Рихта. Он разговаривал по мобильному, и я спрыгнула с подножки прямо к нему.

— При...

Развернувшись ко мне спиной, Рихт шагнул в павильон так резко, что двери сомкнулись за его спиной зубами со звучным: «Клац».

— ... вет, — закончила я, обращаясь к дверям.

А потом сунула руки в карманы и шагнула следом.

Двери автоматически распахнулись передо мной, и мы с вальцгардами шагнули в прохладу павильона.

— Ребят, притормозите на пару минут, — попросила я и ускорила шаг.

Не то чтобы в моем характере объясняться по поводу и без, но мы с Рихтом так и не поговорили толком. Для начала я отключилась, потом весь день спала в номере Гроу, а когда пришло время уезжать из Ортахарны, выяснилось, что Рихт уже уехал, и поговорить нам так и не удалось.

Ходил он быстро, кстати.

Не угонишься: я вот угналась только на повороте к гримерным.

— Эй, парень. Поздороваться не хочешь?

Он остановился так резко, что я не влетела в него благодаря умению мгновенно группироваться и хорошей координации.

— Да. Очень хочу. Танни, здравствуй. Это все?

Вздыхнула.

— Слушай, я понимаю, что...

— Ты понимаешь? Правда? — он приподнял брови и глаза сверкнули. — Нет, Танни, вряд ли ты понимаешь. Иначе не стала бы отсыпаться в номере Гроу после того, как мы с тобой обсуждали совместное будущее.

Мы с тобой обсуждали — прости, что?

— Мы с тобой обсуждали Геллу, — хмыкнула я и сложила руки на груди. — Точнее, ваш с ней недолгий роман, если не ошибаюсь.

— А, то есть это была месть? Отлично. Считай, что она удалась.

— Какая, дракон тебя раздери, месть, Паршеррд?! — я поняла, что начинаю заводиться. — Мне было плохо, я свалилась с температурой, а проснулась в номере Гроу.

— Очень удобно, — ноздри его раскрылись, брови, напротив, сошлись на переносице: ни дать ни взять дракон в пубертатном периоде. — И ночевала у него ты по той же причине? По той же причине потом не выползала из его номера до отъезда?

— Откуда такая осведомленность? — я вскинула брови. — Ты под дверями сидел?

— Может и сидел, — в голос Рихта ворвалось рычание. — Но тебе же на это наплевать, правда? Для тебя все это игра, Танни! Начиная с Ильеррской и заканчивая отношениями и чувствами других людей. Начиная с того парня и заканчивая мной: все, что тебя интересует — это танцы и твоя персона под вспышками камер. В этом вы с Гроу очень похожи, так что знаешь, я ничуть не удивлен, что проснулась ты именно в его номере.

От того, как это было сказано, меня здорово потрянуло.

— Я рада, что ты так классно разбираешься в людях, Паршеррд. Безумно рада, что ты разобрался во мне, и возвращаясь к моей игре чувствами других людей, отвечаю: нет. Я не играю чувствами, и нет — я не буду твоей девушкой. Счастливо!

Облетев его с такой скоростью, которой может позавидовать дракон, я пронеслась по коридору в сторону своей гримерки. Шваркнула за спиной дверь, а я плюхнулась в кресло и только после этого выдохнула (не огнем, к счастью):

— Всем привет!
— Утро не задалось? — насмешливо поинтересовалась Гелла.
— Тебе виднее, — вернула ей ехидную улыбку и уставилась на себя в зеркало.

Волосы почему-то лежали на удивление ровно (возможно, сказалось путешествие во флайсе, когда два шага от него и два шага до него никак не влияют на прическу), зато глаза сверкали. Точно так же сверкало что-то внутри: сверкало, искрило, и билось в разные стороны, как оборванный провод под напряжением.

«Для тебя все это игра, Танни!»

Да умойся, писиколог недоделанный!

Игра. Чувствами.

С той поры, как Лодингер здорово меня развел (не представляю, где в то время были мозги, хотя представляю, но вслух говорить не буду), любое упоминание об играх с чувствами вызывало у меня нездоровую реакцию. Да, может я испугалась отношений и отвадила того парня, когда целовалась с другим, но его чувствами я точно не играла. И уж тем более я не прусь от вспышек камер, и с Гроу мы вообще не похожи.

Вот совсем.

Или похожи?

Спросить мне было не у кого: Гелла не вызывала желания с ней дружески поболтать, стилист, который снова занялся моими волосами, был в ударе и всю обсудил свои новые шмотки, которые успел приобрести до старта продаж новой коллекции через именитого друга. Девочки-ассистентки внимали ему с благоговейным трепетом, а я думала.

Думала о том, что единственное, что нас связывает с Гроу — Ильеррская.

Или уже нет?

Скользящие по спине горячие пальцы, сбивающееся дыхание и горячий на груди родовой узор. Его хриплое: «Поправишься, и мы вернемся к разговору, как сделать мне хорошо, Зажигалка».

Такое низкое, напоминающее рычание, втекающее в меня и бьющее в голову.

По ходу, вся моя проблема в том, что рядом с Гроу мне все время что-то бьет в голову, после чего я с ней не дружу. И нет, такого в моей жизни не было никогда, чтобы при одном воспоминании о мужчине начинать чувствовать себя зажигательным элементом. Одна искра по щелчку его пальцев — и все, до свидания, Танни.

А дальше что?

— Сцену повторять будешь? — уточнила Гелла. — У тебя есть последние полчаса, пока Бирек возится с волосами.

Сцена.

Сцена, дракона мне на балкон! Вчера Гроу прислал расписание на сегодня, я собиралась посмотреть его утром, но после случившегося на балконе напрочь забыла.

— Танни, милая, не вертись. — Бирек мне подмигнул. — Кстати, хочешь пару советов по стилю?

— Угу, — на автопилоте ответила я и полезла в сценарий и в почту.

— Тебе стоит выбрать более женственный образ.

— Танни, хочешь кофе? — девушка-ассистентка влетела в гримерную с подставкой на восемь стаканчиков.

Как-то так получилось, что их со стилистом слова совпали, и хорошо, что кофе я не взяла раньше, потому что могла бы изобразить гейзер.

— Ага, ага, — Бирек поймал мой совершенно ошалевший взгляд в зеркале и приподнял край футболки двумя пальцами. Идеальные, отполированные ногти блестели, как и его рубашка навыпуск от специальных нитей. — Вот что это? Что это такое?

— Моя любимая футболка, — буркнула я, одергивая ее.

— Ну-ну, — стилист хмыкнул. — Что там написано? Кекс, смех, секс? Это кредо подростка или твое по жизни?

— Тут написано, — я растянула футболку: — Драконы рулят и педалят.

И нечего наезжать на майку, где дракон сидит за рулем флайса, а крылья торчат из окон. Можно подумать, это не отражение того, что происходит в нашем мире.

— Просто чудесное обрамление для женщины твоего возраста. Снимай этот ужас, я основательно берусь за прическу. Кто-нибудь, подайте халатик!

— Эй! — хмыкнула я. — На возраст попрошу не намекать.

— А зря, — Бирек пропустил между пальцами прядь моих волос. — Туфельки на шпильке, платице помоднее... и ты преобразишься и расцветешь, как Даармархский цветок.

Драконы меня дери, до чего я еще не дочитала?

Кстати, о дочитала...

— В общем, если захочешь, обращайся, — певуче подвел итог стилист. — Я помогу сделать из тебя женщину, Танни Ладэ.

На этот раз кофе я уже взяла, но тут же вернула на подставку. Чтобы не случилось какой-нибудь неожиданности.

В письме от Гроу значились пожелания скорейшего выздоровления и плотный график на сегодня. Плотный, потому что нам предстояло играть сцену с Даармархским, где они ругаются из-за участия в отборе. Поскольку Ибри из этого уравнения изъяли, мне сцена чувствовалась неполной, но как говорится, против сценария не попрешь. После этого шли сцены с Ронхэн, Хеллирией и Даармархским, знакомство с наложницами, и много чего еще павильонного, если успеем.

Большой пласт сценария выпадал из-за невозможности съемок в Лархарре (судя по тому, что пока речь о новой командировке не заходила, вопрос так и не решился), и вообще большая часть сцен шла вперемешку. К счастью, у меня в голове была более-менее полная картина, поскольку сценарий я прочитала полностью. Правда, чем больше я узнавала из архивов Ильерской, тем менее полным он мне казался.

Вчитываясь в роль, я отключилась ото всего остального, а потом как обычно завертелось, и в себя я пришла уже на выходе из гримерной.

Перед предстоящей встречей с Гроу меня немного потряхивало, и вовсе не из-за съемок, как мне бы того хотелось. Просто что бы там себе ни надумал Рихт, расстались мы вечером в профессиональном ключе. Ну, почти: если не считать скользнувшей по талии руки, когда мы вместе выходили из номера под прицелы вальцгардовских взглядов.

— Увидимся, Зажигалка, — сказал он.

Еле слышно, но так, что меня всю перетряхнуло, несмотря на количество успокоительного.

— Ладэ! — рыкнула Гелла, увидевшая, что я закусила губу.

— Упс.

— Тебе упс, а мне десять минут рабочего времени. В кресло, живо!

В итоге меня выпустили из гримерной на десять минут позже, и когда я явилась на съемочную площадку, Гроу уже был там. Я его слышала еще когда шла по коридору, и ладони слегка вспотели.

Следующее ускорение я придала себе самостоятельно, когда шагнула к декорациям, где проходили последние приготовления.

Несколько шагов до съемочной площадки, отделявшие меня от него.

И миг, когда он обернулся.

Наверное, только Гроу умел так смотреть: один пристальный взгляд, и ты уже чувствуешь себя раздетой. При этом совершенно до чешуи, что на тебе — маечки с драконами, дизайнерские платья или шмотки из последней коллекции, которые удалось урвать через именитого друга.

— Ладэ. Ты как себя чувствуешь?

Если он о том, нет ли у меня температуры, то есть. Вот сейчас на него

смотрю — и температура поднимается.

— Чудесно.

— Чудесно. Тогда приступаем.

Чудесные приступления. Этот термин пришел мне в голову, когда я шла мимо Гроу и меня шибануло запахом кофе и дыма. Терпкого, резкого, горящего на губах даже сейчас.

Рихт дожидался в декорациях, которым мог позавидовать дворец Даармархского. Серьезно: кругом роскошь, шелка, арка с выходом на однотонный фон, куда мы дорисуем океан. Поэтому когда Теарин выйдет на балкон...

При мысли о балконе у меня вспотели пальцы. Не знаю, как это возможно, но видимо, из солидарности с ладонями.

Спокойно, Танни, там нет балкона. Нет там балкона, я сказала!

— Ладэ, сюда, — мне указали на арку. — Смотришь на дверь, туда только что уволокли Ронхэн. Паршеррд, чуть в сторону.

Насколько проще было бы снимать по порядку. Так хоть немного удалось бы урвать эмоции, безжалостно откромсанные сценарием.

— Напоминаю, основной конфликт в отборе. Пару минут на настроиться.

Основной конфликт в том, что Рихт смотрел сквозь меня. То есть я бы тоже с удовольствием сквозь него посмотрела, но подозреваю, что тогда у нас получатся не Даармархский с Ильеррской, а «сладкая парочка в ссоре из-за одного режиссера» (с) Ленард.

Я попыталась отбросить реальность, но она приклеилась ко мне, как цветок пушманника. Это липучий сорняк, который цепляется за одежду (чешую, лапы) и собственно таким образом разносится по планете. Произрастает эта гадость даже в выжженных пустошах, отличается мерзким запахом и пятнами, которые после такой прилипучести вывести невозможно.

— Проблемы? — Гроу шагнул к нам, сунув руки в карманы.

— С чего ты взял? — голос Рихта звучал ну очень ехидно.

— С того, что ты рассматриваешь стену за спиной женщины, которую хочешь сделать своей.

— Стену? — хмыкнул Рихт.

— Судя по выражению твоей физиономии, Паршеррд — да.

У Рихта на скулах заиграли желваки:

— Давай я буду делать свое дело, Гроу, а ты свое.

— Я в настоящий момент делаю свое, — Гроу ткнул в мою сторону. — Мне нужен Даармархский, а не Паршеррд.

— Будет. Тебе. Даармархский, — ноздри Рихта дрогнули.
— Я надеюсь, — Гроу отступил в сторону. — Готовы?
Не знаю, как будет дальше, но кивнули мы с Рихтом синхронно.
— Приготовились!

Отбор. Отбор. Чешуев отбор.

Нет мыслям о Рихте. Нет мыслям о балконе.

— Полетели!

Вниз головой. Со скалы.

Я сглотнула, вспоминая сумасшедшую скорость на верхней аэромагистральной, танец на уступе и Лимайну. Теперь эти воспоминания отзывались желанием сжаться в комок или во что-нибудь вцепиться всеми конечностями.

Дерьмо, дерьмо, вот же дерьмо!

— Танцующая для дракона, сцена тридцать пять, дубль первый.

— Ибри была в сговоре с Ронхэн, — голос Рихта звучал в голове, вызывая странный сбой системы.

Потому что в реальности Ильеррской все было по-другому.

— Неужели? — я попыталась вернуть себя в Огненные земли.

Тщетно.

— Стоп!

Ну разумеется. Я бы сама себе стоп сказала.

Гроу окинул нас пристальным взглядом.

— Спрашиваю еще раз: в чем проблема?

На сей раз вопрос относился ко мне.

— Ни в чем, — пожала плечами.

— А если подумать?

А если подумать, напротив меня стоит Рихт, с которым я сцепилась из-за того, что спала у тебя в номере. И еще меня самую малость тошнит от высоты. Последнее под испытующим взглядом Гроу почему-то показалось особенно острым.

— Мне сложно перестроиться между эмоциями Ильеррской и сценарием.

Поразительно, но меня даже не стали раскатывать по всем имеющимся поверхностям, только прищурились. Так многозначительно, что искра внутри полыхнула на полную.

— Архивы Ильеррской, Ладэ, нужны для более глубоко вхождения в образ, а не для создания себе проблем.

— Поняла.

— Отлично. Приготовились.

Огненные земли. Отбор. Ильеррская.

— Полетели!

— Танцующая для дракона, сцена тридцать пять. Дубль второй.

— Ибри была в сговоре с Ронхэн.

— Неужели?

А еще в этой реальности Даармархский не спасал жизнь Сарра.

— Стоп!

Ы.

— Ладэ, на минуту, — Гроу кивнул.

Пришлось перешагивать через художественно разбросанные по полу подушки и идти за ним. Отошли мы достаточно далеко — от съемочной группы, которая всем составом косилась на нас. Похоже, о моем выздоровлении в номере знал не только Рихт, с другой стороны... не настолько же я наивна, чтобы верить в избирательную силу распространения информации в коллективе.

— Спрашиваю еще раз, — он внимательно посмотрел на меня. — В чем проблема, Ладэ?

Тебе списком выдать или по отдельности?

— Я уже объяснила.

— Ага, и я даже поверил. На пару секунд.

— Слушай, ты режиссер или психолог?

— Режиссер и психолог недалеко друг от друга ушли, если им нужно вытряхнуть главную роль в образ.

— А, — фыркнула я. — Так бы сразу и сказал.

— Зажигалка, прекращай изображать иглорыцку, — Гроу шагнул ко мне вплотную, и я с трудом подавила желание сдать назад. — Можешь делать вид, что вчера ничего не было сколько угодно, но я не собираюсь. И не собираюсь прятать глаза всякий раз, когда тебя хочу.

А?

— Так что говори, в чем засада, и будем двигаться дальше.

Для полного счастья мне сейчас не хватало услышать...

— Потому что мне нужна Ильеррская в твоём исполнении. Но гораздо больше мне нужна ты.

Аут.

Полный.

— В каком смысле нужна? — уточнила я.

— Если я сейчас начну объяснять, Зажигалка, нам будет не до съемок.

Да мне уже не до съемок.

— Предлагаю обсудить это сегодня за ужином.

— У нас сегодня ужин?

— Ага.

— Джерман, почему съемки стоят? — голос над ухом, сухой, как хруст пластика под ботинком, раздался очень не вовремя. Обернулись мы с Гроу как-то очень синхронно: чтобы наткнуться на его дерьможуйство, читай Ронхарда Гайера. Облаченный в стального цвета костюм, в очках с квадратной оправой, исполнительный продюсер умудрялся смотреть на нас сверху вниз, хотя ростом похвастаться не мог. — Если не ошибаюсь, вы и так выбились из графика в Ортахарне. Проблемы в Лархарре ты тоже не разрулил, хотя именно ты курировал этот вопрос. У тебя какие-то сложности?

— Не совсем понимаю, при чем тут ты, Рон. Со своими сложностями я вполне могу разобраться сам.

— Пока не заметно, — по мне скользнули взглядом а-ля терка из кухонного комбайна. — Сегодня до обеда предоставь мне обновленный график по съемкам и подвижки по делу в Лархарре.

— По Лархарре я отзвонился Гарренджеру. График с учетом последних правок тоже у него.

— Гарренджер мертв, вчера не явился на работу, во второй половине дня его обнаружила домработница. Инсульт. Я временно исполняю обязанности генерального менеджера, на этой неделе решится вопрос с заменой, но вряд ли они найдут кого-то лучше меня.

— Серьезно? У них закончились профессионалы?

Гайера перекосило. На миг.

Потом сухая физиономия приняла свойственную ей форму.

— Теперь ты работаешь на меня, — тонкие губы попытались переварить улыбку, но видимо, в дерьможуях эта программная функция встроена с багами. — И честно говоря, мне положить на твою гениальность. Я не могу тебя уволить, Джерман, но устроить тебе серьезные проблемы — очень даже. Подумай над этим. И не забудь: до обеда.

Гайер снисходительно похлопал Гроу по плечу. В мечтах.

В реальности он едва коснулся натянувшейся на плече рубашки, когда его запястье перехватили и движением-вспышкой вывели за спину. Я даже «ик» не успела сказать, как исполняющего обязанности генерального менеджера скрючило в неловкой позе, а со стороны съемочной группы кто-то ахнул.

— Руки будешь распускать со своими девочками, — сообщил Гроу, — это первое. Уволить меня ты не можешь, в этом ты прав, на остальное

положить мне. Это второе. И третье: обновленный график будет у тебя до обеда. По поводу ситуации в Лархарре пока изменений нет.

Он разжал пальцы, и Гайер резко выпрямился. Лицо его побагровело, глаза сверкали яростью.

— Я буду настаивать на смене режиссера!

— Настаивай, — Гроу повернулся к нему спиной и хлопнул в ладоши. — Что уставились? Спектакль окончен, продолжаем. Танни?

Мое имя прозвучало как-то очень неожиданно.

— Продолжаем, — сказала я, возвращая ему прямой взгляд.

Гайер никуда не делся, а показывать этому наблюдрыгу свою слабость я точно не собиралась. Равно как и то, что у нас на съемочной площадке что-то не так. Решительно направилась к декорациям, всей кожей ощущая два взгляда: один — Гроу, от которого по коже бежали искры, другой — гайерский, от которого хотелось отмыться. Стряхнув с себя последний, как липучую гадость пушманника, шагнула к арке и яростно встретила взгляд Рихта.

Который, как ни странно, тоже горел огнем.

— Приготовились.

Станным образом этот голос окончательно вывел меня из реальности Зингсприда, выбрасывая в Аринту, к Даармархскому.

— Полетели.

— Танцующая для дракона, сцена тридцать пять, дубль третий.

— Ибри была в сговоре с Ронхэн, — голос, напоминающий приглушенное рычание.

— Неужели?

— Яд тархарри не так просто достать. Наложницы не выходят в Аринту, но даже если бы выходили, ни она, ни простая служанка не могла выйти на того, кто способен его приготовить. Здесь нужно время и связи. И свобода, чтобы выходить за пределы двorca.

С той минуты, как не стало родителей, я ничего не боялась. Никогда — пока Аннэри не рухнула мне на руки, пока я не осознала, что Сарр сидел с нами за одним столом.

— И вы хотите, чтобы я осталась здесь? Хотите, чтобы доверила вам свою жизнь и жизнь своего брата, хотя вы за собственным гаремом не можете уследить?

Взгляд дракона полыхнул огнем, но я сжала кулаки и шагнула к нему.

— Вы заставили Ибри сходить с ума, — процедила яростно. — Не посещая ее, развлекаясь со мной?! Вы это спровоцировали, местар!

— Не забывайся, девочка, — Даармархский шагнул ко мне, ударяя

волной силы и пламени.

— Не забываюсь. Вы ясно дали мне понять, что мое мнение не играет никакой роли, когда приказали участвовать в отборе. Нисколько не заботясь о том, что я не намерена принимать участие в свадебных бегах, главный приз в которых — ваше каменное сердце, местар. Надеюсь, вы понимаете, что я на него не претендую?

Пламя вспыхнуло сильнее, чтобы мгновением позже оборваться под заслонкой почерневшей, плотной, как камень остывшей магмы. Взгляд стоявшего передо мной мужчины стал жестким и страшным:

— Ты примешь участие в отборе. Это не обсуждается.

— Разумеется, не обсуждается! Что толку обсуждать что-то с тем, у кого на первом плане только собственное: «Хочу»?!

Пальцы легли на мой подбородок, сдавили до боли:

— Не смей повышать на меня голос, — прорычал он. — Любую другую женщину на твоём месте я наказал бы за гораздо меньшую провинность.

— Я — не любая другая! — отшвырнула его руку, кожу под этим рывком обожгло. — Или вы этого ещё не поняли? Я не одна из тех, кто будет заглядывать вам в рот и с жадностью впитывать каждое ваше слово!

— Не сомневаюсь, но говорить со мной в таком тоне ты не посмеешь, Теарин. Ты получила мое покровительство, и пока ты на моей земле, ты под моей защитой. Принять участие в отборе — не такая большая плата за благополучие и спокойную жизнь.

Дернулась, словно он меня ударил.

— Не такая, — выдохнула, чувствуя, как дрожат ноздри, в тон ему. — Но если я пройду Отбор, как вы поступите тогда? Как будете объясняться с той, что уже готова примерить диадему Даармарха?

— Не волнуйся. Последнее испытание ты все равно не пройдёшь.

— Безмерно этому рада!

Камень в глазах Даармархского треснул, но я уже резко развернулась и шагнула в арку.

— Стоп! Снято!

Когда я повернулась к съёмочной группе, меня трясло: трясло от чувств Ильеррской, от моих собственных, когда я осознала, что сцена завершена. Ассистент оператора поднял вверх большой палец, гаффер вскинул растопыренную ладонь, и я дала пять так, что звон плеснул в кончики пальцев.

Резкие шаги Гайера разорвали тишину, но в его сторону никто даже не посмотрел.

Все смотрели на нас.

Гроу смотрел на нас. Точнее — смотрел на меня. Зажигая во мне пламя, сравниться с которым не мог даже огонь Теарин и Даармархского, вместе взятых.

Глава 6. Танни

Б ирек оказался прав: большинство моих вещей напоминали одежду подростка. Джинсы с драными коленями, шорты, мини-юбки, чулки, майки всех фасонов верхние, майки нижние, кеды, кроссовки и целое одно платье. Я купила его на распродаже, когда мы с Имери зимой шопинговались по летним вещам. Простенькое, пестрое, длиной чуть ниже колена. С поясом, запахищающееся а-ля халат, рукав три четверти и треугольный вырез.

Когда я его примеряла, мне показалось, что оно будет прикольно смотреться с кедами, поэтому и взяла. В общем, да. Теперь мне предстояло явиться в кедах в дорогой ресторан. То, что это будет ресторан, меня поставили в известность, когда мы закончили съемки. Какой именно, не сказали, но зная Гроу, это явно будет не Гритлэйн. К слову, сейчас я бы даже не стала отказываться от платья, туфель и помощи Геллы, но их больше никто не предлагал.

Именно на этой мысли я выдернула из шкафа единственное платье и отправилась собираться на свидание.

С.В.И.Д.А.Н.И.Е.

У меня. Очешуеть.

Это слово из восьми букв казалось забытым, как оставшаяся в далекой юности наивность. И если случившееся в Ортахарне напоминало спонтанное помешательство (то есть Лимайна, фрукты, вино и все дела), то сейчас я целенаправленно собиралась именно туда. На свидание, то есть.

Из недр стоявшей в углу шкафа-купе коробки был извлечен утюжок. Им я выравнивала волосы, в ход пошла даже вся нехитрая косметика, которая у меня имелась (половинка карандаша для глаз, тушь энной степени давности и губная помада, засохшая, как земля в пустоши). На последнюю пришлось плюнуть (фигурально), а потом я решила, что сойдет и бесцветный блеск для губ с защитой от солнца. Вот без чего я в Зингсприде на улицу не выходила — так это без него.

С полчаса работы, и волосы легли на плечи тяжелыми литыми прядями, глаза заручились стрелками, ресницы распушились и потемнели, а губы чуть заблестели. Девица, смотревшая на меня из зеркала немного шальными глазами, имела с Танни Ладэ общего разве что мозги, и то я была не особо уверена. Поправив лямки бюста, я направилась в комнату, где нахлобучила платье и надела кеды.

«Каблуки меняют женщину», — так говорила какая-то умная

законодательница мод, и Леона любила ее цитировать.

Проблема была в том, что мои единственные каблуки до сих пор в плену у Гроу, и возвращать их мне, он, кажется, не собирается. Фетишист драконов.

Нет, ну серьезно, что ему стоило привезти мои туфли на съемки?

Если он их не выбросил, конечно.

Действительно, с чего я взяла, что они все еще у него?

Покосилась на мобильный, и в груди неприятно дернуло. Мысли о Рихте отозвались саднящим чувством, но я от него отмахнулась. На съемках мы разругались всласть, то есть разругались Даармархский и Ильеррская, но попытки помириться (равно как его драконоособенное ампула — с Теарин) Рихт не предпринимал. В перерывах он вообще общался со мной крайне сдержанно, исключительно по-деловому, и я отвечала тем же. Не очень-то и хотелось.

— Вирр? — Бэрри взирала на меня снизу вверх разноцветными глазами.

— Да, примерно так.

— Вирр, — заметила виари и, прежде чем я успела сделать шаг назад, потерлась мордой о краешек платья, оставляя длинный мокрючий след.

— Ы! — взывала я и рванула в ванную его замывать.

Провела рукой рядом с краном, и чудом не облилась с головы до ног, потому что когда принимала душ, выставила уровень напора на максимум. К счастью, вовремя успела отскочить.

Я как раз возилась с полотенцем и феном, когда в дверь постучали.

Наверное, никогда еще мое платье не казалось мне таким простецким, а я — такой несуразной. Особенно учитывая то, как выглядела Сибриллия сегодня на съемках. Она приехала чуть позже, и разумеется, заглянула на площадку «чтобы поздороваться» в полном боевом раскрасе. То есть с легким утренним макияжем, на своих дватисантиметровых шпильках и в облегающем платье. Окатила всех своими духами, потом — низким тягучим голосом, и удалилась в примерную.

Усилием воли придала себе пинка в соответствующем направлении.

Что я как малолетка, честное слово?

Распахнула дверь и уставилась на Гроу, который окинул меня взглядом. Таким, свойственным только ему, от которого сразу стало жарко, и наличие платья показалось досадным недоразумением. Я буквально чувствовала, как режиссерский взгляд скользит по мне от корней тяжелых (спасибо гелю для укладки) волос, по губам, которые внезапно вспыхнули. Точно так же вспыхнула и ложбинка между грудей, и в общем... все остальное.

— Вирр, — сказала Бэрри, сунув любопытную морду мне под руку.

— Привет, блохастая, — Гроу щелкнул ее по носу, и виари дернулась назад. А потом, нисколько не стесняясь наличия за дверями вальцгардов, меня втокнули внутрь.

В следующую минуту дверь захлопнулась, и губы обожгло поцелуем. Таким, от которого дыхание выветрилось вместе с остатками мыслей, все, что от меня осталось — это большое, покрывшееся огненными мурашками «Ы», зажатое между телом режиссера и стеной. Которая (чтоб ее) сейчас показалась не просто холодной, а ледяной по сравнению со скользящими по щеке пальцами и губами, раскрывающими мои в огненно-иссушающем поцелуе.

— Не удержался, Зажигалка, — хрипло заявили мне.

Губы в губы, глаза в глаза.

Только сейчас я поняла, что вторая рука режиссера чем-то занята. С трудом вырвавшись из этого темного смерча, читай драконовзгляда, опустила глаза и увидела свои туфли.

Те самые, на умопомрачительной шпильке, которые я оставила в ВИП-ложе.

— Давно собирался вернуть, — сообщил Гроу. — Но все никак не мог дожждаться подходящего случая.

— Ты — и не мог? — с меня наконец сползло оцепенение из разряда «мне десять лет, я целовалась с мальчиком», на смену ему пришло состояние «Танни-шманни». Это состояние вообще-то придумала Имери, и возникало оно у меня всякий раз, когда я уходила в отрыв, или отрыв уходил в меня.

В общем, неважно, главное — суть.

— Думал, ты будешь против, если я притащу их на съемочную площадку.

— С чего бы? — пожала плечами, возвращая ему пристальный взгляд.

Губу я все-таки закусила, непроизвольно, поэтому пришлось ее облизать. Не без наслаждения отмечая, как темнеют глаза Гроу, хотя казалось бы, куда уж темнее. Прежде чем я успела этим насладиться основательно, меня нехитрым маневром уронили на тумбочку в холле. Иными словами, сделали подсечку, подхватили за талию, и в следующий миг моя пятая точка уже повстречалась с поверхностью.

— Эй!

Гроу приподнял брови.

— С того бы, — этот драконосамец опустился на одно колено и перехватил мою ногу раньше, чем я успела моргнуть. Учитывая, что он

оказался аккурат у меня между бедер (благо, платье позволяло), с такого расстояния нужный угол зрения мог открыть много всего интересного.

Горячая ладонь скользила по моей ноге, поддерживая ее на весу, пока не наткнулась на преграду обуви.

— Ты что делаешь? — поинтересовалась я.

Хрипло, потому что легкие поглаживания вызывали во мне те самые нереальные чувства, от которых мозг выключался окончательно.

— А на что это похоже? — спросил Гроу, отгибая задник.

Дракон меня задери, я даже не представляла, что обувь можно снимать *так*. Медленно, сантиметр за сантиметром, повторяя щиколотку, ребра стопы, касаясь напряженной пятки. И все это — не отпуская моего взгляда, позволяя собственным зрачкам раскрыться во всю звериную вертикаль. Из-за глубокого темного цвета они бы вообще слились с радужкой, если бы не тонкая окантовка зелени. Подрагивающие ноздри делали Гроу еще больше похожим на дракона, и воспоминание о зеркальных потолках с силой ударило мне в голову. С такой силой, что я снова закусила губу, глядя как его пальцы стекают по моей коже.

Кед с глухим «бум» свалился на пол, но мою ногу отпустить не торопились.

Прошлись по ней массирующими движениями: мягко разминая, пуская искры по всему телу.

— Вряд ли на съемках получилось бы сделать так, — низкий голос вызывал только одно желание: зарычать.

Хотя вру.

Еще одно желание он вызывал определенно, и поклясться могу, эта дракономорда об этом знала.

В ту минуту, когда я об этом подумала, Гроу подхватил туфельку и так же медленно надел мне на ногу. После его прикосновений кожа горела, и я чувствовала облегающий стопу материал каждой клеточкой.

Понимая, что если он проделает то же самое со второй, ни в какой ресторан мы уже не пойдем, я шустренько стянула кед, отбросила в сторону и сунула ногу в стоящую рядом туфлю. После чего так же шустро вскочила.

— Мы случайно никуда не опаздываем? — поинтересовалась, оглаживая платье.

Гроу поднялся стремительно, но текуче: почти телом по телу.

Я едва подавила желание отпрянуть, когда мне уже кивнули в сторону двери:

— Не терпится поужинать, Зажигалка? — тембр его голоса напоминал

нечто среднее между рычанием дракона и распевкой. В общем, я понимаю, почему оказавшиеся рядом с ним женщины теряют голову и труссы.

Не знаю, что быстрее.

— Учитывая, что я сегодня съела всего один сэндвич во время обеда — да.

— Чудесно.

Я вот тоже так подумала.

Особенно когда мы вышли за дверь, оставив за ними воспоминания о скользящих по моей стопе пальцах и снопах искр, рассыпающихся от каждого такого прикосновения. Вальцгарды за нами не пошли: приказ о возможности оставлять меня наедине с Гроу работал и по сей день, вот только сейчас я уже не была настолько уверена, что это было правильное решение. По крайней мере, если Леона не хотела устроить нам служебный роман, а она совершенно точно этого не хотела.

— Куда мы едем? — спросила между делом, чтобы остановить поток мыслей, сворачивающих совершенно не в том направлении.

— В «Хрустальную иглу», — Гроу ткнул в панель вызова лифта.

А я поняла, что мне нужно было остаться в кедах. Нет, мне совершенно точно нужно было остаться в кедах, потому что падать с каблучков гораздо неприятнее.

«Хрустальная игла» — одна из самых крутых высоток Зингсприда.

Ладно, скажу так: «Хрустальная игла» — это достопримечательность бывшей столицы Аронгары, куда ежедневно стекаются тысячи туристов, чтобы подняться на самую верхнюю точку.

Семьсот метров над океаном.

Семьсот метров сверкающего стекла и металла (последний не виден), а на самом верху — ресторан. Ресторан с прозрачными полами, стеклянными стенами, на высоте, при одной мысли о которой желудок сжался до размера орешка и начал подбираться к горлу.

К счастью, именно в этот момент двери лифта распахнулись, и я ввалилась в них под глухой аккомпанемент сердца. Сочным «хрумк» створки скользнувшей вниз кабины отгрызли дверь моей квартиры и оставшихся там вальцгардов от окружающей меня реальности. Запоздало мелькнула мысль, что надо было отправить ребят погулять, ну или попросить их погулять с Бэрри. А что? Надо же пользоваться преимуществом «сестра первой леди».

— Зажигалка, у тебя такие глаза, потому что ты в восторге, или ты хочешь что-то мне сказать? — поинтересовался Гроу, пристально глядя на меня.

Перевела на него взгляд, чувствуя, как сердце стучит в подушечках ледяных пальцев.

— Я? Нет, ничего. Я в восторге, — заявила как можно более небрежно.

Что там говорили про борьбу с собственными страхами? Нужно делать то, что боишься?

Значит, будем бороться.

И начнем прямо сейчас.

— Ты уверен, что проблем с Гайером не будет? — спросила я.

Сама не знаю, зачем спросила. Наверное, чтобы не думать о «Хрустальной игле», или о смуглых, скользящих по панели управления флайсом пальцах. Они двигались с той же легкостью, как минута ранее — по моей ноге, и это вызывало, ну... весьма определенные чувства.

— Не будет, — отмахнулся Гроу. — Гайер из тех, кто любит угрожать, но боится действовать.

— На площадке он выглядел очень целеустремленным.

— До того, как я его нагнул, или после?

Я не выдержала и фыркнула.

Профиль Гроу отчетливо выделялся на фоне скользящего за стеклом города. В этот момент я выяснила две вещи: первое — если смотреть на небоскребы через стекло, мой желудок на выход не просится, и второе — горбинка на носу ему идет. Не желудку, понятное дело, режиссеру, который похитил мой мозг.

М-да.

Что ни говори, а с романтикой у меня весьма странные ассоциации. Сейчас, когда я на него смотрела, мне хотелось снова коснуться чуть колючей щетины на подбородке. И возможно, не только щетины.

Последняя мысль увела меня в непроходимые дебри, из которых можно было не выбраться, поэтому я отвернулась и сквозь лобовое стекло стала смотреть на город. Сейчас мне страшно не было, вот ни капельки.

— А с Лархаррой?

Гроу пристально на меня посмотрел. На миг, правда, но тем не менее, на этот миг мы поменялись ролями: его взгляд скользнул по моему профилю, по линии губ и подбородка. Не выдержала и повернулась к нему.

— Тебя это правда интересует?

— А не должно? — хмыкнула я. — Мы вроде как команда.

— Мы действительно команда, — подтвердил он. — И ты молодец, Зажигалка.

— Ладно, комплимент принят, — я поспешила свернуть с темы:

почему-то когда меня ругают, мне гораздо спокойнее, чем когда хвалят. Особенно когда меня хвалит Гроу, у меня от этого шаблоны в крошку и мозг кипит. Одно радует, если он кипит, значит, он все еще есть. Мозг, в смысле. — В общем, если это проблема, можешь не отвечать.

— Нет никакой проблемы, — хмыкнул он, уводя флайс на восьмерку. Так называли аэромагистраль, обтекающую Зингсприд понятно по какой форме. — Точнее, есть, но она в Хайрмарге.

— О как.

— Ага. Это мой отец.

В этот момент я порадовалась, что пристегнута и что вообще сижу. Ляпнуть не в тему — это дар, который достался мне в нагрузку при рождении. Тем не менее сдавать было уже поздно, поэтому я уточнила:

— За на кой?

— Ему нужен наследник.

— И...

— Срочно.

О как, дубль два.

— Иными словами, меня хотят видеть в Хайрмарге до конца весны. Я сказал, что до конца года, он обиделся, из-за этого возникли дипломатические проблемы в Лархарре.

Мне как-то разом вспомнился наш разговор в пустошах и слова Гроу о том, что он уходит из шоу-бизнеса из-за драконов. Из-за того, что невозможно запереть пламя в себе, из-за того, то невозможно разорваться на два мира.

— Почему? — я отпустила ремень и на этот раз развернулась к Гроу полностью.

— Почему — что?

— Почему ты не отказался от Ильеррской? Если хочешь вернуться?

— Потому что она объединяет все, что меня заводит, Зажигалка. Это то, что я действительно должен сделать.

Короткий взгляд сказал мне гораздо больше всего, о чем мы говорили раньше. Вот чего я на самом деле понять не могла — так это какой ледяной задницей надо быть, чтобы не дать сыну спокойно снять последний фильм? Последний фильм, чтоб меня. Не представляю, что бы я чувствовала, если бы мне пришлось бросить работу над спецэффектами. Ну к драконам, даже думать не хочу.

Хотя я вообще мало шарю в том, что происходит в мире иртханов.

Тем более — в их ценностях. Леона в свое время сломала шаблон и стала певицей, покоровшей мир, теперь толпа иртханесс жаждет подобной

славы. Правда, представить Рэйнара режиссером у меня не получалось, как я ни старалась. Да если честно, я и не старалась.

А вот представить Гроу политиком...

— Скажи лучше, до чего ты дочитала в Ильеррской, — его голос вытряхнул меня из размышлений на тему «вариации возможного будущего».

— До наказалки.

— Девочки любят погорячее?

Я хмыкнула.

— Мальчишки тоже. Даармархский вообще дракона в штанах удержать не может.

— На нем не было штанов.

— Это оправдание!

— Это физиология. После спонтанного выброса такой силы, особенно после мгновенного оборота, всегда просыпается инстинкт размножения. Так что произошедшее — закономерная реакция на самку. На самку, которую отметило его пламя.

— О-че-шу-еть. Я-то подумала, что это чуть больше, чем просто «закономерная реакция на самку».

— Иртханы после оборота больше звери, чем люди, — Гроу скользнул пальцами по шкале скорости, и меня слегка вдавило в сиденье. — Особенно иртханы того времени.

Я хотела сказать, что некоторые от них недалеко ушли и в нашем, особенно с такими-то суждениями, но в этот момент взгляд зацепился за кончик «Хрустальной иглы», вырастающий над остальными высотками, и мой энтузиазм иссяк. В следующий момент мы уже вынырнули из-за поворота, и перед нами взметнулись ввысь семьсот метров моего кошмара. Парковка рядом с ней была разрешена только нижняя, верхние уровни предназначались исключительно для эвакуации (чтобы не портить вид постоянно мельтешащими поблизости флайсами).

Пока мы садились по рукаву, я чувствовала себя вполне сносно.

Пока добрались до высоких дверей на фотоэлементах — тоже.

Даже когда оказались внутри, в просторном искрящемся гранями хрустального октаэдра зале. На нас пялились все, но это «все» прошло мимо, пока мы шли к лифту. Капсула скоростного подъема раскрыла перед нами свои ледяные руки, точь-в-точь как мои. Гроу приобнял меня за талию, и мы шагнули внутрь.

В этот миг в голове у меня была одна-единственная мысль: «Дышать ровно и не позволять глазам выпрыгивать из орбит». Правда, в миг, когда

двери закрылись и капсула скользнула наверх, эта мысль вместе со внутренностями улетела куда-то в космос.

Высота сквозь стеклянный рукав перед глазами слилась в сплошное мельтешение, под ногами сужался зрачок стартовой платформы.

Я зажала руками рот, а потом рванулась в сторону выхода, колотя по панели остановки и задыхаясь. Лифт дернулся, вместе с ним дернулась я, а в следующий миг сильные руки легли мне на талию и рывком развернули к себе.

— Нет! — заорала я, вырываясь из его рук. — Нет, нет, нет!

Понимая, что сейчас увижу бесконечные метры бездны под собой, зажмурилась, но тут же снова распахнула глаза: стекло стремительно стало матовым.

— Режим непрозрачности, Зажигалка, — жестко произнес Гроу. — Его придумали специально для тех, кто переоценивает свои силы.

Нескольких секунд мне хватило, чтобы справиться с паникой.

И еще нескольких — чтобы до меня дошел смысл сказанных им слов.

Он что, знал, что я боюсь высоты?!

Выражение гроуфизиономии подсказало: да, знал.

Видимо, жажда крови отразилась у меня в глазах, потому что мои запястья перехватили ну очень вовремя. Перехватили и впечатали меня в ставшую непрозрачной стену, вжимая в нее своим телом. Его губы оказались совсем близко от моей шеи, и на миг запах сигарет смешался с запахом моего геля для душа.

От того, как сверкнули его глаза в этот миг, внутри что-то дернуло. Дернуло с невиданной силой, и я дернулась в его руках в такт ей. Увы, Гроуновский захват — это нечто нерушимое. Примерно как каркасы современных высоток, хотя я больше чем уверена, что их порушить гораздо легче. Не оставляя попыток вырваться, я попыталась уйти в сторону, в итоге меня еще сильнее вдавило в стену, а режиссерское колено вошло аккуратно между моих бедер.

То-то сейчас служба безопасности «Хрустальной иглы» развлекается.

— Пусти, — процедила сквозь зубы. — Пусти, пока я тебе не отбила все самое ценное.

— Ты уже чуть не отбила мне все самое ценное, — прорычали мне в лицо. — Когда чуть не рухнула со скалы. А потом когда начала заикаться на съемочной площадке. Думаешь, я совсем идиот?

— Не думаю, я в этом уверена! Можно было просто спросить?!

— Можно. А ты бы ответила?

Зрачок снова дернулся в вертикаль.

— Я у тебя десять раз спросил, — сейчас рычание стало потише, но взгляд по-прежнему оставался звериным. — Ты что мне сказала на съемках? А когда мы ехали в лифте? Все в порядке. О'кей. Я не представлял, как иначе вытащить это из тебя, Зажигалка.

Да, не сказала бы. Я не привыкла делиться своими слабостями, и уж тем более не привыкла на них упираться.

— Я сыграла? Сыграла. Что тебе еще нужно? — процедила ему в лицо.

— Нужно, чтобы ты говорила со мной, — хватка на моих запястьях ослабла, и Гроу отступил в сторону. — Нужно, чтобы о таком дерьме ты сообщала мне незамедлительно. Ты в курсе, к чему может привести эта чешуйня? К тому, что ты никогда больше не выйдешь подышать на балкон, не говоря уже о том, чтобы самостоятельно исполнять трюки.

Он был прав, и я это прекрасно понимала.

Понимала, тем не менее не могла отделаться от желания как следует ему врезать. Я чуть ли не в истерике перед ним билась, чего не позволяла себе никогда и ни с кем. А все потому, что кое-кто решил кое-что проверить.

Резко развернувшись, ударила по панели этажей, и кабина ухнула вниз.

Я же сложила руки на груди, плотно сжимая губы. Плотно — потому что много чего ему хотелось сказать. Очень много. Давно накопилось.

— Зажигалка.

Я не обернулась, не обернулась и тогда, когда двери выпустили меня в холл. Пролетела через него, опасаясь съехать куда-нибудь не туда на каблуках, но то ли сегодня мне везло, то ли ярость придала устойчивости. Только оказавшись на улице, глубоко вдохнула соленый океанский ветер.

— Танни, — меня подхватили под локоть, но я тут же ушла от этого прикосновения:

— Не смей. Меня. Трогать.

— После успеха «Мир без тебя» я увлекся экстримом и трюками, — неожиданно произнес Гроу. — А спустя несколько месяцев попал в жуткую аварию на флайсоцикле. Меня собирали по частям и собрали, подозреваю, исключительно моему умению группироваться. Первое, что сказал мой тренер, когда пришел в больницу, и когда я смог говорить, разумеется, это что мне надо возвращаться как можно скорее.

Я, уже готовая выдать ему все что думаю на стоэтажном аронгарском, осеклась, а он продолжил:

— Врачи крутили пальцами у виска, но я вылез из восстановительной капсулы и на следующий день отправился на полигон. Мне было страшно.

Мне было до одури страшно, но я садился на этот долбаный флайсоцикл с одной мыслью — я хочу продолжать этим заниматься. Хочу снова слышать свист ветра в ушах и подниматься на высоту, хочу исполнять трюки, от которых захватывает дух, а не до конца жизни ездить на заднем сиденье флайса с личным водителем. Среди каскадеров существует одно негласное правило: если ты упал, поднимайся и иди. Сразу. Не жди завтра, не тяни до следующего раза, но главное — дай знать о своем страхе тому, кто рядом. Чтобы он вовремя успел подхватить.

Я не знала, что сказать, поэтому мотнула головой в сторону возносящейся на семьсот этажей стеклянной иглы:

— Нас там еще не потеряли?

— Без понятия, — хмыкнул Гроу. — Я не заказывал столик.

От такого откровения я очешуела еще больше.

— Пойдем, — он кивнул в сторону побережья. — Здесь по пути есть отличная бургерная в стиле ретро. Можем посидеть внутри, а можем взять что-нибудь на вынос.

Когда-нибудь я его убью. Нет, правда.

Потом, может быть, и пожалею, но это будет потом.

— А что насчет борьбы со страхами? — поинтересовалась ехидно.
(22009)

— У нас впереди целые выходные.

Не дожидаясь ответа, режиссер поймал мою руку и решительно переплел наши пальцы раньше, чем я успела подумать: «Ы». Тут впору уже со страхами совсем другого толка бороться, но почему-то сейчас рядом с ним не было страшно. То ли у меня окончательно отключился мозг, то ли это было временное помешательство, но мне не хотелось отнимать руку.

«У нас впереди целые выходные», — это прозвучало так многообещающе, что сейчас я понятия не имела, что с этим делать.

Выходные.

У нас.

Высотка осталась за спиной, равно как и парковка (только сейчас я обратила внимание, что парковались мы не на территории «Стеклянной иглы»). Город разрастался вокруг неоновыми огнями, а в меня сквозь ладонь Гроу втекало яростное, уверенное тепло. Сильное, по-мужски жесткое сплетение пальцев не позволяло отстраниться, и в этот момент я снова подумала об Ибри.

Был ли у нее шанс этому не поддаться?

Сдается мне, ни одного.

Глава 7. Танни

— А потом вы трахнулись?

Я чуть не подавилась кашей, которая попросилась обратно под пристальным взглядом Ширил Абрамс. Таким пристальным, который однозначно говорит: «Давай, выкладывай все горяченькое в подробностях, иначе я с тебя живой не слезу».

— Нет, — ответила я, тщательно прожевав кашу и запивая ее свежавыжатым соком маларрнелы.

— Нет?! — в изумрудных глазах Шири отразилось не то непонимание, не то разочарование.

— Нет. Я же сказала, мы пошли...

— В бургерную, я помню, да, — отмахнулась первая красotka «Хайлайн Вайнерз», одной из ведущих студий по созданию спецэффектов в Аронгаре. — Но я думала, это все бла-бла-бла. Как в школе, помнишь: пойдем в кафе «Драконья чешуя», а на самом деле в толчок.

Я икнула.

Н-да, я конечно понимаю, что представить себе Джермана Гроу и бургерную в одном флаконе достаточно сложно, но мы действительно пошли в бургерную. Взяли там два тридцатисантиметровых разорвихлебало: я сказала, что сожру эту башню раньше, чем он успеет моргнуть, а Гроу сказал, что единственное, что я сделаю раньше него — это обляпаюсь с ног по уши. В общем, окольными путями мы доплелись до набережной, где на скорость сожрали эти несчастные бургеры, которые благодаря Зингспридской жаре даже остыть толком не успели. И да, я понимаю, что это не совсем то времяпровождение, которое представляется любой нормальной женщине рядом с Джерманом Гроу, но оно имело место быть.

Я действительно обляпалась соусом и не заметила как, зато победила. А потом были пальцы, скользящие по уголкам моих губ и совершенно непохожий ни на что поцелуй, когда жесткие губы на миг накрыли мои, заставляя огонь внутри растекаться по венам. Этого поцелуя оказалось неожиданно мало, и я потянулась за вторым уже сама. Потом был третий, четвертый, пятый — и все разные, до тех пор, пока не сбилось дыхание, а огонь внутри не набрал такую силу, что мир показался раскаленным горном. Внезапная прохлада, принесенная ветром с океана, отрезвила, а потом осталось только высокое звездное небо, колючие снежинки песка под

голыми ногами и его куртка, накинутая на мои плечи. Ветерок щекотал босые пятки (туфли я сняла), а щеку — прядь его волос.

Мы валялись на песке, болтали о съемках, о моем и о его переезде в Зингсприд. Гроу впервые задумался об этом на гастролях «Мир без тебя», а спустя пару месяцев ему предложили экранизацию одного популярного романа.

— Эй, Танни! — Ширил ощутимо ткнула меня в плечо ноготком. Форма ее ногтей выглядела по меньшей мере опасной (острая, сужающаяся на кончиках в жало). — Значит, бургерная. А потом вы трахнулись?

Я на всякий случай отставила кашу подальше: во-первых, есть мне не особо хотелось, а во-вторых, вопросы Ширил вызывали у меня странное желание — сварить ей кофе. От печенья она отказалась, потому что не хотела портить фигуру, от свежевыжатого сока тоже, потому что он мог негативно сказаться на недавно отбеленных зубах. Больше в моем доме не нашлось ничего, что я могла бы ей предложить, разве что корм для Бэрри. Последняя, кстати, сидела рядом с нами с грустным видом голодающей несколько лет подряд виари. В ее глазах однозначно читалось, что сойдет и печенье, и свежевыжатый сок, и каша — вообще сойдет все, чем мы сочтем нужным с ней поделиться.

Но я не сочла.

Потому что по ее отцу помнила: стоит один раз дать слабину, как кормить со стола придется постоянно.

— Нет, Шири. Мы пошли гулять.

— Гулять? — красивые губы, отмеченные ярко-красной помадой, растянулись в улыбке. — И ты хочешь, чтобы я в это поверила?

Честно, я уже жалела, что решила обо всем ей рассказать. Просто вчера вечером она набросала мне столько гневных смс, что отказаться от встречи было бы черной неблагодарностью (она в самом деле здорово выручила меня с Бэрри). Зато теперь я пожинала плоды этой благодарности в чистом виде.

— То есть ты хочешь сказать, что я встала в субботу... в свой законный выходной в девять утра, чтобы услышать, что вы с Гроу еще ни разу не трахнулись?

— Хочешь кофе?

Ширил на мгновение задумалась, потом кивнула, и я направилась к кофемашине.

— Кстати, как дела у тебя? — воспользовавшись ситуацией, быстренько перевела тему.

— У меня? А что у меня?

— С Джарсом.

— А, мы расстались, — Ширил накрутила на палец длинный рыжий локон.

Я чуть не уронила пакетик с кофе.

— Слушай, я...

— Да забей, чешуйня это все. Я избавилась от страшного зануды, вернула ему кольцо и теперь полностью свободна.

Ширил помахала рукой у меня перед носом. Рукой без кольца.

Это только мне кажется, что после расставания с женихом надо выглядеть хоть чуточку более расстроенной? Пристально взглянула на Ширил, но расстроенной она не выглядела. От слова совсем.

— И не смей уходить от темы! Я надеюсь, у тебя планы на сегодняшнюю ночь?

Да, дракона мне на балкон, спать!

— Я не...

— Не пойми меня неправильно, Танни Ладэ, но такие мужчины, как Гроу... — Она подперла кулачком подбородок. — В общем, они для того, чтобы было что вспомнить в старости. Этакое приключение на один раз, понимаешь? Ну да, ты понимаешь.

Она мне подмигнула, и в эту минуту мне захотелось надеть ей на голову резервуар из кофемашины.

— Для кого-то может быть, — хмыкнула я.

— Фу, ну ты и стерва, — Ширил сложила руки на груди. — Между прочим, я ни о чем не жалею. Или ты хочешь сказать, что намерена выйти за него и родить ему десять драконят? Ау, подруга! Иртханы не женятся на людях.

Вот можно подумать я этого не знала.

Можно подумать, не думала перед сном исключительно о том, что будет, когда он уедет в Ферверн. Сибрилла наверняка тоже уедет в Ферверн, да и не только Сибрилла. Если Гроу договорится с отцом, вокруг него будет настоящий сибриллий склад. В смысле, толпа иртханесс, желающих выскочить за него с разбегу, невзирая на прошлое, будущее и настоящее.

Но даже если отбросить иртханесс (хотя что-то мне подсказывало, что толпу иртханесс отбросить сложно), оставалось еще пламя.

То самое пламя, которого у меня нет и никогда не будет.

— И полуиртханы тоже, — подвела итог Ширил. — Особенно такие как Гроу. Так что заканчивай маяться дурью, устрой с ним зажигательную ночку, и тебя попустит. Да и мужику страдания облегчишь, он уже наверняка затрахался тебя выгуливать.

— Ширил, заткнись.

Это прозвучало неожиданно даже для меня самой, но хорошенький рот подружки приоткрылся и сложился буковкой «о».

— Танни Ладэ, ты на него запала!

— Заткнись, — повторила я.

— Запала! — взвизгнула Ширил. — О-че-шу-еть! Ты не просто запала, ты встряла по самые ушки, да? Как эти чокнутые девицы, которые просят подписать им сиськи, и все такое?!

Прежде чем я успела запечатать кофемашину или рот Ширил близлежащим печеньем, мелодичная трель звонка заставила меня обратить взгляд на напульсник.

Мы с Гроу договаривались встретиться сегодня около трех, и я до сих пор не была уверена, что это хорошая идея. Но сейчас на часах было всего одиннадцать, поэтому я просто прошлепала к двери (как была, в тапочках и пижаме с огоньками). Вальцгарды, именно эта смена, меня видели и без пижамы, поэтому даже за халатом не зашла. По дороге мне пришла гениальная идея пригласить их посидеть с нами, потому что в их присутствии Шири становилась относительно вменяемой.

Поэтому распахнула дверь со словами:

— Ребят, как вы смотрите на то, чтобы... — и осеклась, не договорив.

На пороге стоял Рихт.

Рихт, дракона мне на балкон.

И я в пижамке с огоньками.

Впрочем, додумать я не успела, Рихт не успел открыть рот, но за нас все успела Ширил. Она прыгнула со стула и направилась к нам своей легкой походкой, цокая каблучками. Надо отдать ей должное, если эссу Абрамс поставить рядом с местрель Ритхарсон, ледяное сияние последней несколько поблекнет. У Шири огненные волосы и глаза цвета молодой листвы. Добавить сюда ее легкий летний сарафанчик алого цвета, алую помаду — и получится огонь в чистом виде.

— Танни Ладэ, а ты полна сюрпризов, — произнесла она, мягко смыкая губы и тут же их размыкая, но глядя при этом исключительно на Рихта. — Познакомишь нас? Впрочем, не думаю, что Рихт Паршеррд нуждается в представлениях, а вот я...

Да, к такому жизнь меня не готовила.

— Рихт Паршеррд, это моя коллега, Ширил Абрамс.

Наверное, стоило сказать «бывшая», но Гроу обещал, что я буду делать спецэффекты, так что кто его знает, как оно обернется.

Ширил протянула ему руку с такой грацией, что у меня отвисла

челюсть.

Что касается Рихта, он коротко пожал ей пальцы и тут же взглянул на меня. А я что? А я тут в пижамке. С огоньками.

— Танни, пригласишь меня войти?

— Да пожалуйста, — хмыкнула я, развернулась и направилась в сторону шкафа-купе.

Разгуливать перед Рихтом в таком виде я точно не собиралась.

— Фи, как невежливо, — донеслось мне вслед. — Но Танни у нас сегодня в ударе, грубит по поводу и без. Пойдемте, Рихт, кофе скоро будет готов. Вы же не против, если я буду называть вас Рихт?

Я приподняла брови, но комментировать не стала. Дверь за моей спиной хлопнула, потом я хлопнула дверью ванной и уставилась на себя в зеркало. Вот спрашивается, где были мои мозги? Или у них тоже выходные вместе со мной и Гроу?

Впрочем, как выставить Рихта поизящнее я не придумала даже сейчас, поэтому просто переоделась в шорты и свободную рубашку. После чего вернулась на кухню, где Ширил уже разливались горланом. Этих горланов одно время записали в вымирающий вид, потому что их почти всех пожрали виары. Отличались они красивым оперением, голосами а-ля Сибрилла и роскошными хвостами, торчащими единственным пером на полметра в высоту. Правда, перо это было такой расцветки, что спрятаться с ним в пустоши не представлялось никакой возможности.

— Значит, вы снимаетесь вместе с Танни? Это просто потрясающе! Знаете, несмотря на то, что я работаю со спецэффектами...

Рихт взглянул на меня, и Ширил осеклась. Он смотрел так, словно просил о помощи, но я ему помогать не собиралась. В конце концов, вчера именно я хотела ему все объяснить, только ему это не сдалось. А теперь не сдалось мне, да и вообще, по большому счету, все объяснения — это чешуйня.

— О! Хотите кофе? — Ширил вновь подскочила, услышав писк кофемашины.

Я не без злорадства наблюдала за тем, как Рихту подают сваренный мной кофе. Точнее, пытаются подать: Шири открывала один шкафчик за другим, и, наконец, сдалась:

— Танни Ладэ! Где у тебя чашки?

— Здесь, — сообщила я и резко распахнула один из нижних ящиков, больно треснув Рихта по коленке.

Он поморщился, а я взгромоздилась на стул и вернулась к каше. Она уже остыла и по вкусу напоминала нечто среднее между детской пюрешкой

и начесом из виарьей шерсти.

— Кто хранит чашки внизу?! — возмущенный голос Шири.

— Я.

В эту минуту до меня дошло, что я могу выставить Рихта безо всякой на то причины, и я уже повернулась к нему, чтобы сказать, что у нас девичник, но наткнулась взглядом на умилительную картину. Бэрри положила морду ему на пострадавшую коленку и смотрела в глаза с тем же самым видом, с которым совсем недавно смотрела на нас. Рихт почесал ей между ушами, и она заурчала.

— Как ее зовут? — спросил он, глядя мне в глаза.

— Бэрри, — буркнула я и отвернулась.

— Привет, Бэрри. Ты у нас красавица, да?

Вирчание стало громче, словно в комнату залетел радиоуправляемый флайс.

— Так! — Ширил наконец разобралась с чашками, налила кофе и уселась между нами, оттеснив Рихта от меня. — Пьем кофе! Хотите печенье?

При этом она ловко и изящно подцепила одно из вазочки, словно и не говорила мне о том, что сладкое вредит фигуре. Будем надеяться, что они сейчас разговорятся и уйдут вместе.

— Танни? А ты кофе не будешь?

Рихту пришлось чуть отклониться, чтобы посмотреть на меня.

Его взгляд зацепил обнаженные коленки Ширил, но совершенно на них не задержался.

— А у меня сок, — я подняла стакан.

И с наслаждением отметила, как скривился Рихт, когда отхлебнул кофе.

— Вкусно? — Шири повторила его маневр, с той же грацией, что с и печенкой, словно в рекламе снималась.

Поперхнулась, закашлялась и отставила чашку.

— М-м-м-м... необычно.

Отодвинула ее еще подальше.

— Так мы остановились на спецэффектах. Знаете, я всю жизнь мечтала о том, чтобы посидеть на кухне со звездой...

С одной звездой ты уже не только посидела, но и полежала.

Сама не знаю, откуда во мне взялось это настроение, может, маларрнелу остервином удобряли?

— Ну то есть так, чтобы вот прямо посидеть, познакомиться поближе, — Ширил ослепительно улыбнулась и решила закинуть одну

ногу на другую. При этом как бы невзначай отпихнула Бэрри и коснулась краешком туфельки лодыжки Рихта. Он решительно отодвинул чашку с блюдцем и поднялся:

— Ширил, в других обстоятельствах я был бы счастлив с вами поговорить, но я пришел к Танни по очень важному делу. Вы меня обяжете, если оставите нас наедине прямо сейчас.

У Ширил вспыхнули щеки.

Она вскочила так, что чуть не опрокинула барный стул:

— Танни, может, ты что-нибудь уже скажешь?!

Я пожала плечами:

— Созвонимся?

Изумрудные глаза сверкнули.

— Ну ты и стерва!

— Ты сегодня это уже говорила.

Ширил скорчила рожу, подхватила сумочку и вылетела за дверь. Не забыв громко хлопнуть ей напоследок. Что касается меня, я повернулась к Рихту:

— Тоже ждешь, чтобы я что-нибудь сказала?

Он покачал головой.

— Танни...

— Не, — я вскинула руки. — Уволь. Давай ты сейчас тоже выйдешь в ту дверь, потому что я видеть тебя не могу, Паршеррд!

Странное чувство: вчера я почти справилась с этим, но сегодня, стоило ему явиться, как все внутри снова закипело с невиданной силой.

Рихт глубоко вздохнул, а потом шагнул ко мне.

— Танни, я накосячил. Я крупно облажался, это факт, но может ты меня хотя бы выслушаешь?

— Зачем? — поинтересовалась я. — Ты меня вчера выслушал? Или показал *опу, когда я попыталась с тобой поговорить? Знаешь, не вижу ни малейшей причины не показать ее тебе, а еще лучше...

Я указала ему на дверь:

— Выход найдешь? Так же, как вход?

Гм... Только сейчас до меня дошло, что Паршеррд мой адрес не знает. Вряд ли он спрашивал его у Гроу, а никто другой из съемочной группы у меня не бывал.

— И как, кстати, ты нашел вход?

— Вход? — Рихт нахмурился.

— Откуда ты узнал мой адрес? — я поднялась.

Он плотно сжал губы, но потом все-таки произнес:

— Я звонил твоей сестре.

— Ты — что?

Прищурилась, недоверчиво глядя на него. Да ну нет, это развод какой-то, как он, в конце концов, мог дозвониться до первой леди, особенно до мегазанятой первой леди, у которой с одной стороны перепуганные драконы, с другой — в точности такие же люди?

— Сначала я позвонил в фонд Аргастель Халлоран, — сообщил Рихт.

Я потянулась за кофе, который он не допил, и залпом опрокинула в себя.

Дерьмо редкостное, зато мозги прочищает хорошо. Аргастель Лиция Халлоран — матушка Рэйнара, то есть Председателя. У нее есть свой благотворительный фонд, модный журнал, и... в общем-то, этим она и занимается. Помогает попавшим в беду и задает моду: недавно ввела в нее брюки, юбки-клеш, и какую-то еще донельзя романтизированную байду. Такие разноцветные повязочки на голову, которые стоят как сдвоенные уши виаров.

— Сначала меня хотели послать, но потом услышали мое имя и передумали. С тобой так не сработает, нет? — Рихт внимательно на меня посмотрел.

Понял, что не сработает, и перестал улыбаться.

— Меня с ней все-таки соединили и спустя две минуты, когда я объяснил Аргастель, кто я, чего я хочу и почему, она дала мне личный номер твоей сестры. Которая тоже хотела меня послать...

— Но потом услышала твое имя и передумала? — фыркнула я.

Все-таки додуматься позвонить Леоне... м-да.

Это надо очень сильно хотеть со мной встретиться.

— Нет. Я объяснил ей все, как есть, и теперь хочу объяснить тебе, Танни. У меня были целые сутки, чтобы смириться с мыслью, что ты ночевала в номере Гроу...

— Во-первых, не ночевала, а валялась с температурой в отключке, — я опустила на стул и отпихнула Бэрри, попытавшуюся незаметно стянуть печеньку. Если уж на то пошло, я не собиралась ему ничего объяснять, но после услышанного промолчать не могла. — Мне было реально плохо, Рихт.

— Это я тоже понимаю. Теперь. Но когда вспоминаю, что ты...

На скулах его заиграли желваки, он шагнул ко мне.

— В Лархарре совершенно иные традиции. Женщина никогда не появится рядом с мужчиной, если они не обручены. Не говоря уже о чем-то большем.

Какое счастье, что я не в Лархарре.

— Это традиции моего государства, но не твоей страны, и ... Наблов хрен, Танни! Я наехал на тебя, потому что с ума схожу от ревности. Потому что когда я попытался узнать, что с тобой, меня просто выставили. Потому что ты мне даже не позвонила!

Стоп. Стоп-стоп-стоп.

— Это кто тебя выставил?

— Те, кто сейчас стоят за дверями.

Гм.

Я взвилась в воздух пружиной. Чудом избежав столкновения с Рихтом, преодолела отделяющее меня от двери расстояние и рывком ее распахнула.

— Ребята, на пару слов.

Вальцгарды дружной толпой в количестве двух боевых единиц зашли в квартиру. Скептический взгляд Единички, как всегда, подмороженный, однозначно говорил о том, что он в курсе, о чем пойдет речь.

— Так... кажется, нам пришла пора познакомиться. Как зовут меня, вы уже знаете, а вас?

— Ронгарсхан Местерхард, — представился Единичка.

— Вертергарн Симхорд, — это уже второй.

Наблов хрен, да. Кто придумывает имена иртханам?

— Значит, так, Рон. Верт, — я вдруг подумала, что второго парня зовут, как самую раскрученную в мире марку мобильного. — Кто-нибудь потрудится мне объяснить, что произошло в Ортахарне, когда он...

Я кивнула себе за спину.

— Ко мне приходил?

— Мы его развернули, — ответил, разумеется, Рон.

Если я когда-нибудь выговорю эти имена (а для начала вспомню), напишу своей учительнице по истории и-мейл, что она облажалась, называя меня неспособной к усвоению больших объемов информации. Кто же виноват, что если сложить всех правителей Аронгары штабелем, гора получится выше, чем Вайовер Грэйс. И всех их нас заставляли помнить поименно.

— Это я поняла. Почему?

— Приказ.

— Чей? — у меня глаза на лоб полезли. — Моей сестры?

— Нет. Пока мы находимся при вас, мы поступаем под начало иртхана, обозначенного местром Халлораном.

— И...

— Местр Гранхарсен запретил пускать к вам кого-либо.

Чешую. Мне. В рот!

— Ладно, — сказала я, понимая, что у меня вот-вот сорвет крышечку ото всех этих оригинальных новостей. — Кофе хотите?

— Мы при исполнении.

— Вы при исполнении не жрете, что ли?

Вальцгарды переглянулись.

— В общем... — я покосилась на Рихта. — Сейчас. Пять минут, ладно?

Они вышли, не сговариваясь.

Стоило двери за ними закрыться, как я посмотрела на Рихта.

— М-да, — сказала я. — Кажется, мы оба дали.

— Не то слово, — подтвердил он. — Мир?

— Мир.

Рихт потянулся ко мне, но я покачала головой:

— Не надо.

Он нахмурился, снова плотно сжал губы.

— Все еще злишься? Понимаю, Танни. Вчера я вел себя, как влюбленный мальчишка, а не как достойный тебя мужчина, но я все исправлю.

— Исправлять нечего, Рихт, — я сунула руки подмышки. — Мы с тобой классно общаемся, предлагаю это так и оставить.

— Ты собиралась подумать над моим предложением.

— Это было давно.

— Это было несколько дней назад.

— Это было давно, — повторила я. — За это время многое изменилось.

— Что, например?

— Например, я.

Я оттопырила карманы на заднице и покачалась с носка на пятку. Поймала себя на мысли, что так любит делать Гроу, и замерла.

— Это из-за него? — потемнев лицом, произнес Рихт.

— Это из-за меня.

Теперь потемнели его глаза. Потемнели, как у Даармархского перед пробуждением пламени и алой вспышкой. Он снова плотно сжал губы, словно хотел что-то сказать, но передумал.

Тем не менее молчание, грозящее стать неловким, нарушил первым:

— Доброго дня, Танни.

— Доброго дня, Рихт.

Он потрепал взирающую на него Бэрри по голове и вышел. Я

проводила его, даже посмотрела, как захлопнулись двери лифта. Терпеть не могу ситуации из разряда «давай останемся друзьями», от них в душе примерно такой же вкус, как от моего кофе.

Кстати, о кофе.

— Ребята, заходи! — я отступила в сторону, пропуская вальцгардов в квартиру. Покосилась на кофемашину: — Знакомьтесь, это Бэррилайн Первая, сокращенно Бэрри. Бэрри, это Рон и Верт. Они будут тебя любить и гладить, пока я...

Чуть не ляпнула: на свидании с режиссером, но вовремя прикусила язык.

— Зафята.

Язык я и правда прикусила знатно.

— В общем, рефят... кофе дефайте сами, — я ткнула в сторону агрегата, пакета с зернами, сахаром и вазочки с печеньем.

И направилась в ванную.

Мне еще надо прическу сделать. И подумать, что надеть, потому что после вчерашнего соуса платье в стирке.

Но главное — сразу прояснить с местром Гранхарсеном, что своей жизнью я распоряжаюсь сама.

— Купальник есть?

Этим вопросом местр Гранхарсен ввел меня в состояние глубокой задумчивости и даже немного сбил боевой настрой, с которым я готовилась ко встрече. Подозреваю, что не только у меня: вальцгарды перестали жевать и наострили уши. Точнее, это я заметила, что они перестали жевать, потому что обед, который я сочинила между делом, им зашел. Поначалу, правда, они отказывались, но когда я пожала плечами и пошла готовить себе (разумеется, на троих), они приманились на запах, почти как Бэрри. Из чего я сделала вывод, что даже будь ты трижды суровый вальцгард, если очень хочется жрать, отморозенность здесь бессильна.

— Есть, — сказала я, чувствуя странный подвох.

— Местр Гранхарсен, — Единичка отодвинул тарелку и поднялся, — мне же не нужно напоминать вам о том, что эсса Ладэ не умеет плавать?

— Вот как, — местр Гранхарсен посмотрел на меня.

Тяжело так посмотрел, прищурившись.

Я сделала вид, что пошла за купальником, мысленно желая вальцгарду подавиться. В договоре по Ильеррской, точнее, в дополнительном соглашении был пункт, где я подтверждала, что умею плавать. В общем-то, я и собиралась научиться, но в последнее время события валились на меня

с такой скоростью, что до бассейна я еще не дошла.

Ну упс.

Купальник у меня и правда был, кстати, новый. Ярко-красный халтер, с белой паутиной на груди, закрывающей ту самую ложбинку (которая есть у всех женщин с нормальным размером груди), и заканчивающейся под ключицами.

Я демонстративно запихнула его в сумку: благо, она подходила как для пляжа, так и для похода в пустошь, на случай, если придется отбиваться от драконов, и развернулась к Гроу. Он уже расслабился, как может расслабиться хищник, разве что постукивал пальцами по предплечьям.

Многозначительно так.

— Ну, что стоим, кого ждем? — поинтересовалась я, топая к двери. На ходу обернулась к вальцгардам: — Посуду за собой помоете. И с Бэрри погуляете. Два раза.

Судя по слегка обалдевшему взгляду Единички (вот не прилипало его имя к нему, ну никак), даже его проняло. Ну а что они думали, я их просто так кормить буду? И вообще, думать надо, что говоришь. Предатель!

— Тебя так впечатлили пляжные посиделки, что сегодня ты решил позагорать? — поинтересовалась я у Гроу как ни в чем не бывало.

— Тебе не кажется, что ты кое-что забыла мне сказать? Снова.

— Я собиралась учиться плавать.

— Собиралась.

— Ага.

К моему великому счастью, пришел лифт, туда я и нырнула. Гроу шагнул вслед за мной.

— И тебя не смущал тот факт, что в сценарии есть сцены с водой?

— А должен? — я снова сунула руки в карманы.

Увы, в моем шкафу не нашлось ничего лучше, чем джинсы и майка набекрень, но пробежаться по магазинам я все равно не успевала. Зато взяла реванш с прической: сделала эффект мокрых волос.

— Как минимум, да, — прорычал он. — Это правила техники безопасности.

— Ой да ладно. Ты меня с небоскреба подхватил, неужели позволил бы мне утонуть?

— Это не смешно, Танни.

— А я и не смеюсь.

— Не заметил! — последнее он выдал так, что у меня зазвенело в ушах. Точнее, прокатилось таким громогласным эхом, отдалось в пупке и заставило желудок поджаться к позвоночнику.

— Не смей на меня рычать! — огрызнулась я и вылетела на подземную парковку.

Гроу перехватил меня за локоть и притянул к себе.

— Еще одна такая новость — вкачу штраф.

— О, давно мы про штрафы не говорили, — фыркнула. — Не объяснишь, почему ты промолчал, что вальцгарды под твоим началом?

— А должен был? — в тон мне поинтересовалась эта дракономорда.

— Должен! — рыкнула я в тон ему. — Потому что это непосредственно меня касается.

— Или потому, что Рихт Паршеррд нажаловался, что его не пустили?

А... Ы...

Когда?!

Первый членораздельный вопрос затесался в мои мысли в ту минуту, когда мы подошли к флайсу. Вот откуда, спрашивается... точнее, откуда — понятно. Как они успели? Когда я в ванной обреталась, что ли?! Или когда я их за дверь выставила?!

Та-ак...

— На секундочку, — сказала я, выдернув локоть из цепких драконопальцев. — Они что, тебе все докладывают?!

— Не все, а только то, что считают важным.

— Важным? — поинтересовалась я.

— Ага, — сигнализация пискнула, как придушенный виар, и дверца иссиня-черного, как чешуя фервернского подводного дракона, флайса пошла наверх.

Нет, это вообще нормально?!

— Ты не имеешь права лезть в мою частную жизнь!

— В личную, — поправил Гроу, указывая ключами на сиденье. — Имею, потому что А — у нас с тобой контракт, Танни Ладэ, и В — ты моя девчонка. Еще вопросы?

Да. Только один.

— Чего?!

— Садиться будешь, девочка-очешуенчик?

Жаль, у меня в сумке не осталось планшета (его так и не вернули пока): я бы треснула Гроу. Треснула так, чтобы мозги на место встали.

— Это тебе кто сказал?

— Ты.

— Серь...

Договорить мне не позволили, подтолкнув к флайсу и зажимая между ним и собой. Тот зазор в пару миллиметров, который между нами остался

— не считается. Ситуация точь-в-точь, как вчера перед сви... перед прогулкой в бургерную, правда сейчас меня не спешили целовать. Просто смотрели в глаза, и от этого взгляда кожа покрывалась пупырышками, а внутри просыпался мини-вулканчик. Я прямо чувствовала, как от него постукивает в черепушку (Выпусти меня отсюда, Танни Ладэ, я здесь лишний. Подпись: Твой мозг).

— Ты, — произнес Гроу, по-прежнему ко мне не прикасаясь, но так, что все волоски на коже выстроились а-ля вальцгарды. — Твое тело. Твои взгляды. Каждый твой жест, Зажигалка.

Мужчин с такими голосами надо обходить стороной. Или использовать противоядие в виде искажающих волн, превращающих бьющий под дых тембр в гнусавый фальцет. От его «Зажигалка» у меня и так срывало крышу, сейчас же над головой фитилек взвился.

— Может, уже поедem? — поинтересовалась я, стараясь вытолкнуть из своего голоса предательскую хрипотцу.

— С удовольствием. Я же тебе говорил: садись.

Сесть-то я села, особенно когда этот драконосамец легко оттолкнулся от флайса, напоследок скользнув по мне фирменным взглядом «одежда офф». И почему я сейчас чувствую себя самкой оцехарры?

— Хорошо хоть не самцом, — хмыкнул он.

Обошел флайс и опустился на соседнее сиденье. Мы стартанули раньше, чем я успела сказать «ик» и пристегнуться.

То, что про самку оцехарры я спросила вслух, до меня дошло спустя полминуты, когда воздушный рукав уже выпустил нас на верхнюю аэромагистраль без очереди.

— Куда мы сейчас? — поинтересовалась, потому что решила взять тайм-аут, перед тем как популярно объяснить местру Гранхарсену, что стать чьей-то девчонкой без собственного на то согласия нельзя.

— В «Аква Фриз».

— В экстремальный аквапарк?!

— Ты знаешь другой «Аква Фриз» в Зингсприде? — на меня бросили быстрый взгляд. — Сегодня поработаем над твоим страхом высоты и заодно научимся плавать.

— Хорошенький способ от меня избавиться, — сообщила я. — Если я не сдохну от разрыва сердца, меня можно будет утопить. Только учти, что там будет полный аквапарк свидетелей...

— Не будет, — невозмутимо отозвался «я тебе режиссер».

— То есть как?

— Ты думаешь, что я стал бы выставлять твой страх на потеху тысяч

аронгарцев и гостей города? Этот аквапарк только наш с тобой, Зажигалка. Пока нам не надоест.

Что?!

К счастью, этот выразительный вопрос в стиле мимопроходящего обитателя района, в котором я выросла, остался во мне. Я побоялась, что поперхнусь, поэтому с пару секунд не дышала точно, а потом переспросила:

— Ты что, выкупил аквапарк?

— Сдался он мне, — хмыкнул Гроу. — Нет, я выкупил всего один день в аквапарке.

Сдается мне, было не сильно дешевле.

Собственно, Аква Фриз — это один сплошной экстремальный аттракцион. Детей туда не пускают в принципе, там есть насыпь для серфа, где может прилететь доской по голове, совершенно безумные аттракционы погружения (по желанию в открытых или закрытых капсулах), бассейны с волнами размерами с три этажа, вышки и много чего еще интересного. Литтоновой ягодкой на пироженке, правда, является горка высотой сто пятьдесят четыре метра. Сто пятьдесят четыре метра ты летишь вниз по узком желобу с одной мыслью: «Почему я не составил завещание»?!

— И что, меня туда пустят?

Помнится, когда я смотрела репортаж про это заведение, я думала туда наведаться, но была одна маленькая проблемка: перед тем, как войти внутрь, нужно проплыть до суши. То есть войти внутрь можно, но за зоной раздевалок сразу бассейн, и если ты не умеешь плавать, к остальным аттракционам просто не попадешь. В общем, если перенестись во времена Даармархского, в виде препятствия там такой глубоченный ров, а если быть точной — ровище с водой, который нужно переплыть, чтобы наслаждаться всеми прелестями экстрима. Этот ров раскопали и достроили после того, как такие же умники как я ставили подпись на планшетах фейсконтроля, что плавать умеют, а потом спасателям приходилось выуживать их из воды.

— Я договорился, — отмахнулся Гроу. — Пройдем по мостику спасателей.

Это правило было нерушимым в связи с техникой безопасности, но видимо, даже техника безопасности бессильна перед деньгами.

Да, подозреваю, что выкупить аквапарк было дешевле.

Я покосилась на пролетающий мимо аэроэкспресс, покопалась для вида в сумке и сделала очередной многозначительный вывод: очки остались дома. Поскольку в голове у меня давно творилось что-то вроде шоу Наррза с виарами, я решила больше не задавать вопросов и

ориентироваться по ситуации.

Аква Фриз занимал огромную территорию, поэтому был виден издалека. Мне доводилось летать мимо него, но сейчас обычно усыпанные людьми желоба горок, аттракционы и бассейны пустовали. Это даже с высоты смотрелось диковато, не говоря уже о том, когда мы вошли в воздушный рукав и приступили к снижению.

Парковка, разумеется, тоже пустовала, а вот двери, ведущие в холл, дружелюбно перед нами распахнулись несмотря на перегороженный неоновыми столбиками вход. Администраторы в форменных платьях синхронно улыбнулись нам, не теряя лиц даже когда осознали, что перед ними Джерман Гроу. Хотя может, они не увлекались современным кино, и в таком случае сейчас вместо нас видели парочку «богатые и долбанутые».

В общем, да.

Богатым из нас был только один, а вот долбанутыми мы оба, причем на всю голову. Иначе я бы не согласилась сюда приехать.

Может, поинтересоваться на ресепшене, есть ли у них реанимационная капсула?

— Эссерд Гроу, — когда Гроу положил карточку на стойку, девица чуть подалась вперед, из-за чего декольте ее стало чуть более глубоким. — Добро пожаловать.

Ее волосы были стянуты в хвост, за который мне очень захотелось дернуть. Коллега от нее не отставала, украдкой поглядывая в его сторону с таким видом, словно хотела сожрать. Иначе с чего ей облизывать губы и осторожно закусывать нижнюю?

— Эсса Ладэ, — обратилась она ко мне, пытаясь одновременно объять зрением нас двоих. Так и косоглазие заработать недолго. — Добро пожаловать. Прощу, ваши документы.

Пока ваши-наши документы проверялись, я задрала голову, чтобы не смотреть пожирающих Гроу глазами драконофилок. Наверху, под огромным прозрачным куполом, сквозь который щедро вливался солнечный свет, расположился удивительный спиралевидный аквариум. Рыбки в нем плавали по желобам, напоминая о том, где мы находимся, а все эти желоба складывались в узор-логотип: ракушку в пасти дракона.

— Пожалуйста, ознакомьтесь с правилами техники безопасности, — нам подсунули планшеты, и я, не глядя на всякие «если у вас больное сердце, бегите отсюда сломя голову», наскоро пролистала четыре страницы и поставила свою подпись.

— Позвольте вашу руку?

Я позволила и вздохнула с облегчением, когда на меня нацепили

браслет. Надеюсь, эти две девицы не единственные здесь из персонала: судя по тому, что за стойкой, рассчитанной на двадцать администраторов, были только они, штат сегодня слегка сократили. В общем, если они так пялились на одетого Гроу, не представляю, как будут пялиться на раздетого.

Ыгм...

Стоило подумать про раздетого Гроу, как в кондиционированном холле стало жарко.

— Зона, где вы можете переодеться, справа по коридору. Карта с аттракционами встроена в ваши браслеты. Приятного отдыха!

Девушка, которая надевала на Гроу браслет, чудом не задымилась. Возможно, спасла врожденная выносливость и внутренний термостат.

Он едва на нее взглянул и подхватил спортивную сумку:

— Пойдем, Зажигалка.

Коридор раздваивался, как язык все того же подводного фервернского: мальчики налево, девочки направо.

— Встретимся на выходе, — подмигнул Гроу, а я шагнула в нужном направлении.

Непривычная тишина и глазки камер, бесчисленные дверцы раздевалок. Переоделась я быстро, а вот разглядывала себя в купальнике долго. Нет, ну в кого я все-таки такая тощая, а? Мама никогда не была слишком худой, и грудь у нее выделялась даже под наглухо застегивающимся платьем. Папаша, чтоб ему икалось и пукалось, тоже не вот тебе задохлик, одна я стройняшка в стиле «палка с ребрами».

Оценив свою внешность на С с плюсом, плюс — за мышечную массу и благодаря этому крепкую задницу, я решила, что заморачиваться больше не буду, и направилась к камерам хранения. Отыскав по сигналу браслета нужную, запихнула туда сумку, вытащила прилагающийся водонепроницаемый чехол для мобильного, но подумав, его тоже решила оставить в ящике.

А вот с чем я здорово пролетела — это с солнцезащитным кремом. Надо бы вернуться на ресепшен и купить, но сначала предупрежу Гроу.

В аквапарк вышла, щурясь и прикрывая ладонью глаза. Направо — солнышко светит, отражаясь от воды и обретая силу неоновых прожекторов, налево... гм... дракон. Светит. Мощной грудью и широченными плечами. Татуировка на смуглой коже при таком освещении казалось выжженной, а не набитой.

Дракон.

В одних плавках.

— Здесь можно зомбиапокалипсис снимать, — сообщила я, честно

стараясь не смотреть на подтянутый живот и дорожку темных волос, уходящую под линию плавок.

Танни, челюсть подбери, а то воды нахлебаешься.

— Можно, — согласился Гроу, окинув пустынные каменные дорожки долгим взглядом, после чего кивнул на охранный мостик, где стояли двое в фирменных кепках, рубашках-поло и шортах. — Пойдем.

— Мне нужно солнцезащитный крем купить, — сообщила я, отвлекшись на взирающих на нас спасателей.

— У меня есть. Сейчас принесу.

Гроу развернулся, наконец-то заслоняя собой солнце (в отличие от меня, он был в солнцезащитных очках).

— О'кей, тогда я тут подожду.

Расслабиться и повернуться ко рву лицом я не успела.

Одно движение, короткая подножка — и я лечу напрямиком в водичку.

Бульк!

И водная гладь сомкнулась над моей головой.

Я бы заорала, но воздуха вокруг не было, вместо этого повсюду была вода. Вода сверху, снизу, сбоку, справа, слева, в носу, в ушах, в жо... В общем, да, так я себя и почувствовала: грудь словно сдавило тисками, а потом я бешено заколотила руками и ногами, отчаянно рванулась навстречу льющемуся солнечному свету. В такт этому колотилось сердце, как сумасшедшее, до боли в груди. Меня вытолкнуло вверх, как поплавков, в полуметре от края. Кашляя, хватая ртом воздух и все еще отчаянно молотя руками по воде, я рванулась к бортику, в который вцепилась дрожащими от напряжения пальцами.

Наверное, они бы так и продолжали дрожать, если бы не режиссерские ноги, возникшие на уровне моих глаз.

— С первым разобрались, — донеслось сверху.

Что, простите?!

Я подтянулась на руках, забыв про дрожь, а заодно и про то, что чуть не утопилась к драконьей бабушке, выскочила из бассейна.

— Совсем озвезденел?! — прорычала ему в лицо. — Я захлебнуться могла!

— Не захлебнулась же. Тем более что я был рядом.

Из эмоций во мне остались только невнятные, из слов — только нецензурные.

— Знаешь, когда ты рядом, — процедила я, — со мной постоянно случается какая-то *опа. Поэтому я лучше пойду.

О, проняло, наконец-то!

Глаза сверкнули даже под очками, которые режиссер снял так, что чудом дужки за ушами не оставил.

— Ты вообще умеешь быть благодарной, Танни Ладэ?

— За что? За эпичный полет вверх тормашками?!

— За то, что ты поплыла.

— Я бы поплыла и без этого, — прошипела, с трудом сдерживая адреналиновую дрожь. — Знаешь, в чем твоя проблема, Гроу? Ты считаешь, что тебе лучше знать, как лучше для всех!

— А твоя — в том, что ты представления не имеешь, чего хочешь сама! — прорычал он. — Бегаешь от меня с первого дня в VIP-ложе, хотя давно пора себе признаться в том, что ты тоже меня хочешь, Ладэ. Но это слишком для твоего самозамкнутого мировосприятия.

Самозамкнутого?!

— Хочу? — вскинула брови. — Ага, хочу. Но в отличие от тебя, я думаю головой, а не тем, что у меня в трусах. Все, счастливо оставаться!

— А ну вернись, — прорычали мне в спину.

В ответ я вскинула руку со средним пальцем.

— Ладэ, мы не закончили! — сильная ладонь обожгла плечо, пустив по телу сноп искр, но я так резко ее стряхнула, что они рассыпались в воздухе.

— Закончили, — сказала я. — Скажешь слово «контракт» — и в понедельник можешь не ждать. Все, Гроу, с меня хватит. Отвали! Просто отвали от меня, ага?

Я развернулась и влетела в прохладу коридора, ведущего к раздевалкам. С меня по-прежнему текло: с волос, с купальника, отовсюду. Я вспомнила, как делала эту дурацкую прическу, два часа на нее убила, обожгла палец, и... от души врезала по шкафчику, а потом провела браслетом вдоль замка. Дверца распахнулась, возвращая мне сумку с одеждой.

Переоделась я быстро, отжала волосы и купальник, даже душ не стала принимать.

Промчалась мимо очешуевших администраторов, снова вылетела на жару, чуть ли не бегом, по дорожкам, уводящим из аквапарка, и только у рукава подъема на аэроэкспресс остановилась, переводя дыхание. На миг представилось, что сейчас я могла бы идти по дорожкам между бассейнами (не плевать ли мне на всяких драконов), чуть не повернула обратно, но потом вспомнила, как меня стряхивают в воду, как она смыкается надо мной. Это его равнодушное: «С первым разобрались», — и едва сдержала идиотский порыв разреветься.

Да, только этого мне и не хватало для полного счастья.

Было бы из-за чего!

Пнув ни в чем не повинную плитку, я взвыла и поскакала на одной ноге до парковки таксофлайсов. Ненавижу Гроу!

Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

Таксофлайс взмыл ввысь, в сторону удаляющегося аквапарка и горок я старалась не смотреть. Чтобы я еще раз, хоть еще раз доверилась этому... дракнохмырю! Да пусть меня год непрерывной диареи поразит, если я соглашусь куда-нибудь с ним поехать по доброй воле. И его — если вздумает произнести слово «контракт» в сочетании с фамилией Ладэ.

— Высадите у супермаркета, — буркнула я, когда мы добрались в мой район.

— У «Шайн Флоу»? — уточнил водитель.

— Да.

Если долго мотаться между полками с тележкой — полегчает. Seriously полегчает, особенно если случайно забрести в ряды холодильников и взять два литровых ведрища с замороженным кремом. Одно — литтоновое, другое — шоколадное. А, нет, лучше три, можно еще вот это, с камартовым фларом и орехами.

Расплатившись, я сгрузила покупки в сумку, выудила мобильный: пропущенных звонков не было.

Не очень-то и хотелось.

В лифте я прислонилась к стеночке, похлопывая себя мешком по ноге и думая о том, что в кои-то веки на выходных можно будет завалиться спать. Как выяснилось, не можно: стоило дверям распахнуться, моему взору представился не кто иной, как Диран Барт. То бишь мой отец.

Если день мог стать еще более радостным, он им только что стал.

Багровое папашино лицо выражало крайнюю степень негодования, и вскоре стало понятно, почему: вальцгарды (говорила же, умнички!) отказывались пускать его на порог моей студии, и правильно делали. После смерти мамы он сбежал, оставив нас с Леоной на пороге выживания, а единственная его попытка примирения и желание изобразить отца закончились в школе после ситуации с Лодингером одним коротким и емким: «Шлюха».

В общем, когда лифт явил нас друг другу, папаша изменился в лице, хотя что-то мне подсказывало, что он сам совсем не изменился. Просто если дерьмо засохнет и покроется коркой, внутри оно не перестанет быть дерьмом.

— Танни! Как я рад тебя видеть!

Вот я и говорю, совсем не изменился.

— А я тебя нет, — попытка обойти его ни к чему не привела, потому что Диран шагнул мне наперерез.

— Нам надо поговорить.

— Не надо.

— Эсстерд Барт, вам ясно дали понять, что вас не хотят видеть, — тяжелая рука Единички легла на плечо отца, и он раздул ноздри.

— Так и будешь прятаться за спиной Леоны?

Я глубоко вздохнула и сунула Единичке пакет с мороженым.

— Поставьте в холодильник, пожалуйста.

У меня получалось быть удивительно вежливой, а это значит, что дело дрянь. Лучше налет, чем вежливая Танни Ладэ.

— Вы уверены, эсса Ладэ? — спросил вальцгард.

— Да. И закройте дверь, — пресекая его возражения, добавила: — Если что, я заору, и вы его пристрелите. Или скормите Бэрри.

Судя по тому, как быстро вальцгард выполнил мою просьбу, ему мой настрой понравился. Зато Дирану он не понравился от слова совсем: его перекосило еще сильнее. Образ жизни, видимо, папашу не пощадил, потому что в светлые волосы въелась основательная лысина, лоб прорезали глубокие морщины, а уголки губ загнулись книзу. Даже странно представлять, что когда-то я называла этого мужчину «папа», а он подбрасывал меня в воздух и ловил.

До сих пор не представляю, что это было.

— Ишь как ты заговорила, — процедил он. — Когда за спиной сестра первая леди — несложно быть храброй, да?

— Сейчас у меня за спиной только воздух, — спокойно ответила я. — А у тебя дверь. Закрытая. Что в общем-то, однозначно говорит о том, что тебе здесь не рады. И мне ну нужно больше десяти секунд, чтобы четко обозначить одну позицию: я не хочу тебя больше видеть. Никогда.

— Мне нужны деньги.

От такой наглости очешуел бы сам Джерман Гроу, чтоб ему свалиться в бассейн с иглорыцками. Что уж говорить обо мне.

— А больше тебе ничего не нужно?

— Больше — нет. И я пришел к тебе, чтобы говорить по-хорошему, ты сама начала на меня наезжать.

— Говорить по-хорошему ты не умеешь, — хмыкнула я. — Поэтому даже не пытайся.

— Бенар закончил школу, и ему нужно поступить в Университет, — кажется, папаша меня в упор не понимал. — Нам нужны деньги, чтобы

мальчик получил высшее образование.

Бенар, по ходу, это мой братец по отцу. То есть когда он сбежал от нас с Леоной, то сразу запрыгнул в койку к другой. Подозреваю, чтобы сделать Бенара и забыть про оставленных на произвол судьбы девчонок, как страшный сон.

— Предлагаю вашему мальчику пойти работать, — сообщила я. — Это все?

— Поверить не могу, — издевательски хмыкнул он. — Я ведь воспитывал тебя, как родную дочь.

Я не подавилась исключительно потому, что от дурной привычки ходить со жвачкой избавилась лет пять назад.

— Ночами вкалывал, чтобы ты и твоя сестрица, — последнее он будто выплюнул, — не сдохли с голоду. И что я получил взамен? Нет уж, Танни, так не пойдет. Фотограммы в сети однозначно говорят, что ты не бедствуешь.

Диран вытащил мобильный и явил моему взору фотки, где Гроу несет меня на руках. Подозреваю, что это не громыхнуло на всю Аронгару только потому, что все разом переключились на проблему драконов и людей. В общем, можно было сказать, повезло. Дважды.

Диран не мой отец.

Эта новость доходила до меня через странный шум в ушах, который доносился отовсюду: видимо, папаша создавал фоновые шумы.

— Даже если гонорар тебе еще не выплатили, связь с этим мужиком и два амбала за стеной при всем желании не позволят причислить тебя к разряду бедствующих. Так что если ты немного поможешь своей семье, а точнее, тому, кто тебя вырастил...

— Меня вырастила Леопа.

— Леопа, ха! Да Леопа даже не сообщила тебе, что твоя мамаша мутила сразу с двумя, и от кого из нас ты — большой вопрос. Словом, если не хочешь, чтобы я всем об этом рассказал, придется чуточку помочь нам и Бенару. Если поможешь, так уж и быть, в память об отношениях с твоей матерью я ничего не скажу про...

В память о матери?

Я вломила отцу коротким замахом, он пошатнулся и влетел в дверь. Громыхнул об нее всеми своими костями, и она тут же распахнулась.

— Все в порядке, — коротко сказала я Единичке. — Я сейчас.

Дверь закрылась, а я шагнула вплотную, к злющему как стадо оголодавших наблов Дирану.

— Значит, так, — сказала, отогнув первый палец и чувствуя, как

сердце колотится в ребра. — Еще раз появишься рядом со мной, разговаривать с тобой будут они.

Кивнула на дверь и отогнула второй.

— Мне плевать, что ты о себе возомнил, но если вздумаешь марать память моей матери своими скрюченными ручонками, я лично тебе переломуаю каждый палец. Это понятно?

— Понятно, — процедил он.

На небритой скуле раскрывалось красное пятно, и я подавила желание вытереть руку о джинсы.

— Вот и ладненько, — обошла его и шагнула к двери. Уже занесла руку, чтобы постучать, когда услышала.

— Как думаешь, тебе позволят сниматься дальше, если увидят, как ты прыгаешь с балкона?

Я остановилась.

Вместо кулака с дверью соприкоснулась ладонь.

— Да-да, у меня есть потрясающая запись, — ухмыльнулся Диран. — Совершенно потрясающая, на которой неудавшуюся самоубийцу ловит ее хахаль. Удивительно, почему об этом происшествии сообщили, как о неполадках в системе водоснабжения из-за подземных толчков, а? И кстати, если ко мне придет кто-то от Халлорана, если меня арестуют, если я исчезну или со мной что-нибудь случится, эта запись тут же окажется у журналистов. Во всех крупнейших СМИ Аронагары. Так что подумай хорошенько перед тем, как жаловаться своей знаменитой сестрице. Не всякое дерьмо можно отмыть.

Я обернулась — резко, но он уже шагнул к лифту и вдавил палец в панель.

— Тебе просто нужно помочь семье, Танни. И ты больше никогда о нас не услышишь.

Несколько секунд я созерцала довольную улыбку на его самовлюбленной физиономии, а потом двери захлопнулись. Я вспомнила, что у меня ключи, и чиркнула ими по замку.

— Эсса Ладэ, все в порядке? — это уже спросил помощник Единички.

— Ага.

Я прошла к холодильнику, на ходу потрепав Бэрри по голове. Не знаю, что творилось в голове у виари, но у меня там не было ни единой связной мысли.

Наскоро накидав себе в миску замороженный крем из всех ведерок, кивнула вальцгардам.

— Ребята, угощайтесь.

Сбросила сумку рядом со стулом, вытащила телефон.

«Твоя мамаша мутила сразу с двумя, и от кого из них ты — большой вопрос».

Знала ли Леона об этом? Не могла не знать, просто не могла.

Или не знала?

Я воткнула ложечку в мороженое с такой силой, что чуть не расколошматила креманку.

Так.

Сейчас мне определенно нужен тайм-аут. Тайм-аут, чтобы я немного пришла в себя, потому что я могу наделать много глупостей.

Зачем-то сходила в ванную, ополоснула дрожащие руки и снова вернулась на кухню. Отодвинула креманку.

Подвинула назад.

— Вирр? — Бэрри подошла и села рядом.

— Вирр, — ответила я.

А потом подтянула к себе смартфон и открыла архивы Ильеррской.

Глава 8. Теарин

Даармарх, Огненные земли

О блужившись свитками, я игнорировала тяжелые вздохи за спиной. Мои нэри — две молоденькие ир்தханессы, прибыли пару дней назад. Одновременно с первой претенденткой, с которой мы пока не встречались. Равно как и с теми, кто появился вчера и сегодня утром: возможные будущие правительницы появлялись в Аринте одна за другой. Официально первое знакомство должно было состояться на открытии отбора, и никто из претенденток не горел желанием нарушать это правило. Учитывая, что большую часть времени они проводили в своих покоях, либо в Сердце Аринты, встретиться мы могли разве что случайно, потому что я не вылезала из библиотеки.

За несколько дней вытащила на свет и проштудировала почти всю информацию по отборам со времен проведения самого первого. Поскольку отец считал это варварством, раньше меня они не интересовали, зато сейчас приходилось восполнять пробелы в образовании.

Отборы подчинялись внутренними правилам, в каждом государстве своим. Были, разумеется, и основные, вроде тех, что претендентки должны находиться каждая в равных условиях, что испытания не должны подвергать их жизнь или здоровье опасности, что знаки внимания, которые оказывает будущий супруг, должны в равной мере распространяться на всех, и так далее, и тому подобное.

Вне испытаний, предписанных распорядком встреч и совместных пиров видаться с будущим возможным супругом воспрещалось, чему я сейчас была несказанно рада. Желание огреть Даармархского чем-нибудь потяжелее (например, его самомнением, тяжелее в Огненных землях я вряд ли что-то найду) не пропало, напротив, с каждым днем становилось все более нестерпимым, особенно когда я вспоминала про «наказание». Что скрываться, вспоминала я часто, гораздо чаще, чем мне того хотелось бы, вот и приходилось отвлекаться — в библиотеке.

— Местари Теарин, — раздался звонкий голосок.

Я обернулась: девушки откровенно маялись от скуки. Одна (темноволосая смуглянка) с трудом сдерживалась, чтобы не зевнуть, вторая, которая сейчас как раз обратилась ко мне, заправила за ухо шоколадный локон. Они устроились на диванчике, который, в отличие от разбросанных по просторному залу столов, стоял рядом с бесчисленными,

возносящимися под сводчатые потолки стеллажами. Видимо для того, чтобы притомившиеся в поисках необходимых свитков могли передохнуть, а потом снова браться за нелегкий труд. К слову, хранящийся под стеклом листовик (разглаженные листы нааргха, сложенные один на другой, в которые были вписаны номера полок и перечислено, где и что расположено) действительно был тяжелым. Поэтому и передвигался по залу он на специальном постаменте на колесиках.

— Совсем скоро обед, — произнесла нэри, указывая на гигантские песочные часы, содержимое которых почти пересыпалось в нижнюю половину, знаменуя подступающий полдень. — Вы просили напомнить, если снова увлечетесь.

— Да, спасибо. Я уже почти закончила.

До начала отбора мы будем есть в моих покоях. После того, как состоится открытие, нам придется обедать и ужинать в общем зале, с другими претендентками и их нэри. Вероятно, мои спутницы были этому несказанно рады, потому что стоило разговору свернуть на отбор, как глаза девушек загорались. Для них это представлялось чем-то вроде развлечения, возможности посмотреть на красивую дворцовую жизнь, и, быть может, построить глазки симпатичным стражникам и хаальварнам. Как по мне, так вся эта «отборная» суэта ничем не отличалась от гаремной, разве что называлась по-другому.

И это было еще одной причиной, почему мне хотелось отделить самомнение Даармархского от него и хорошенько приложить Великого Дракона по голове.

Увы, все это пока оставалось в мечтах, а в реальности в самом скором времени мне предстояло первое испытание. Число испытаний, равно как и их суть, всегда варьировалось и оглашалось для претенденток заранее. Иногда за день, иногда за неделю до того, как оно должно было состояться — в зависимости от того, какая требовалась подготовка. Испытания никогда не назывались все сразу, последнее и вовсе держалось в строжайшем секрете. В редких случаях испытание объявляли день в день, минута в минуту: будущая правительница должна была уметь быстро принимать решения.

— Мы еще вернемся сюда после обеда? — спросила нэри-смуглянка, когда я поднялась.

Она тотчас подбежала ко мне, чтобы помочь собрать свитки, явно счастливая, что мы наконец-то ненадолго оставим библиотеку. Я же окинула взглядом коробки, в которых знания жались друг к другу аккуратными трубочками. Не думаю, что найду тут что-то новое, разве что

очередное описание варварского обряда по проверке девственности на глазах возможного будущего мужа.

Да, такое действительно существовало в древности на самых первых отборах, и если претендентка оказывалась женщиной, ей назначали десять шаэртнар (за то, что осмелилась оскорбить будущего супруга) и выгоняли с позором. Когда весть о наказании распространилась, на отборах перестали появляться иртханессы, имевшие ранний опыт с мужчинами. Впоследствии это проверка вообще была отменена, но и того, что я читалась, хватило, чтобы отбить желание изучать историю отборов.

— Не думаю.

— О! — нэри не могла сдержать радости. — Тогда возможно, вы захотите отдохнуть после обеда, а потом мы отправимся в Сердце Аринты?

— Фархи! — шикнула на нее вторая, приблизившись к нам, и та тут же опустила глаза. — Простите, местари Ильеррская, Фархи еще не знает о том, что произошло.

Я хотела поинтересоваться, откуда знает она, но не стала. Неловкие вопросы лучше не задавать, тем более что дворцы и слухи сплетены так же прочно, как паук и паутина в процессе ее создания.

Тем не менее нэри была права: я избегала Сердца Аринты из-за того, что случилось. Из-за того, что там погибла Аннэри, из-за того, что чуть не погиб Сарр. С братом сейчас все было хорошо, лекарь даже разрешил ему вернуться в казармы и продолжить обучение, но я все равно не могла избавиться от чувства, что каждое дерево и каждый ароматный цветок в этом парке пропитаны смертоносным ядом тархарри. Вся красота этого места для меня утратила свою прелесть.

— После обеда мы можем подняться в Верхний парк, — ответила я. — Там тоже очень красиво.

И вид замечательный, если, конечно, не падать с качелей.

Девушки покорно склонили головы, тщательно скрывая разочарование: им хотелось посмотреть Сердце Аринты. Я бы с радостью их отпустила, но нэри не дозволялось оставлять свою местари на протяжении всего дня. Именно во время отбора: очевидно, чтобы соблюсти правило не-встреч с будущим мужем, или упаси Небо с кем-нибудь еще.

— Местари Ильеррская, как думаете, кого назначат распорядительницей? — спросила Фархи, когда мы вышли из библиотеки.

— Не представляю.

На отборе обязательно будет распорядительница, причем согласно правилам, это должна быть исключительно женщина-иртханесса. Обычно ею становилась родственница правителя, замужняя или вдовая, и меня

искренне радовало, что Хеллирия не подходила под последний пункт. Мать Витхара умерла, а других родственниц-иртханесс у него не было, поэтому с наибольшей вероятностью просто пригласят женщину из знатного рода.

— Хорошо бы не местари Хеллирию, — пробормотала девушка и тут же закрыла рот ладонями. — Ой...

Последнее донеслось приглушенно, в глазах ее отразился испуг.

— Местари Хеллирия не может стать распорядительницей, — строго заметила нэри Лирхен, сверкнув изумрудами глаз. — А тебе стоит меньше болтать, Фархи.

— Все в порядке, — заметила я, глядя на перепуганную до полусмерти девчонку, лицо которой стремительно заливала бледность. — Все, что сказано между нами, между нами и останется, но Лирхен права: тебе следует быть более осторожной в словах.

Нэри отняла руки от лица и закивала:

— Простите пожалуйста, местари. Это больше не повторится!

— Надеюсь.

Дальнейший путь мы продолжили в молчании: с появлением нэри хаальварны больше не ходили за мной по пятам — видимо, по правилу о равных условиях для претенденток, но покои по-прежнему охраняли. Впрочем, покои всех претенденток охранялись, так что тут условия отбора нарушены не были.

Не успели двери сомкнуться за нашими спинами, а нэри — предложить мне устроиться за столиком, пока суетящиеся служанки накрывали обед, как раздался негромкий стук. Один из хаальварнов вошел в комнату, быстро склонил голову, принося извинение за вторжение.

— Местари Ильеррская, к вам пришли.

— Кто именно? — я вскинула брови.

— Мать нэри Ронхэн.

Удивиться я не успела, потому что из коридора раздалось рыдания и громкий, рвущийся голос:

— Умоляю, пустите меня к ней! Умоляю!

Я шагнула вперед, и хаальварн отступил, открывая передо мной дверь. Иртахнесе, чей полный отчаяния взгляд натолкнулся на меня, наверняка было не больше, чем Мэррис, но красные от слез глаза и опущенные уголки губ делали ее значительно старше. Миг — и она рванулась ко мне, падая на пол и обнимая мои ноги.

— Спасите мою дочь, — сквозь рыдания выдохнула женщина. — Умоляю, спасите мою дочь!

— Выйдите, — отрывисто произнесла я.

Коротко, спокойно, но так, что нэри и служанок как ветром сдуло, остался только хаальварн.

— Я не имею права оставить вас одну, местари.

— В таком случае оставайтесь, — не стала пререкаться я. — А вы поднимитесь. Как я могу вас называть.

— Ильмира... Ильмира Наргхорн.

— Что же, местари Наргхорн, — я указала ей на диван. — Садитесь.

Она опустилаась, не отводя глаз, словно боялась, что стоит ей разорвать зрительный контакт, и я прикажу выбросить ее из своих покоев.

— Если вы знаете, кто я такая, то вы наверняка знаете и что произошло, — я села напротив нее. Только сейчас отметила, что они с Ронхэн очень похожи: те же черты лица, тот же волос.

— Знаю, — всхлипнула она.

Я смотрела на эту женщину, не представляя, о чем говорить дальше. Знает ли она, что ее дочь убийца? Разумеется, знает, она только что в этом призналась. Знает ли, что благодаря ей чуть не погиб мой брат? Наверняка. Про Ибри — большой вопрос, но если ее допустили к дочери, скорее всего, знает и об этом. Вот только для Ильмиры Наргхорн нэри Ронхэн все равно дочь. Дитя, которое она приложила к груди незадолго после первого крика, и если это дитя выросло убийцей, для нее это ничего не меняет.

— Я сделаю все, что вы скажете, — потухшим голосом произнесла женщина. — Я сделаю для вас все, местари Ильеррская. Только спасите ее...

— Помолчите, — я чуть повысила голос. — Ваша дочь чуть не убила моего брата, местари Наргхорн. Она хотела подставить беременную женщину, которую могли казнить без сожалений. Я понимаю ваши чувства, но даже если бы я могла вам помочь, я бы не стала. Нэри Ронхэн заслужила наказание, и она ответит за то, что сделала.

Женщина сжала пальцы с такой силой, что ткань ее одежд затрещала.

— Значит, нет, — сказала она.

— Нет, — решительно ответила я.

— Муж говорил мне, — усмехнулась она, даже не глядя на меня. — Говорил, что я должна оставить все как есть.

— Ваш муж был прав, — не желая больше продолжать этот разговор, я поднялась.

— Ваш брат... — сказала она, запрокинув голову. — Он жив, верно? Вы живы и та женщина тоже жива?

— Мы живы лишь благодаря счастливой случайности, — мне было нелегко смотреть на нее сверху вниз, но и продолжать этот разговор тоже

было нелегко. — Уходите, местари Наргхорн. Не рвите себе сердце.

Она коротко улыбнулась.

Коротко и отрешенно, а потом бросилась вперед. Наверное, я бы не успела среагировать, но успел хаальварн. В мгновение ока он перехватил женщину, вцепившуюся в нож для резки фруктов. Лезвие рассекло одежду вместе с кожей, а после хаальварн вывернул руку женщины, и сталь глухо звякнула о ковры. Не в силах поверить в то, что произошло, я смотрела на расплывающееся по платью ир்தханессы пятно, а женщина громко, надрывно завывала.

Дверь распахнулась, на пороге появился второй хаальварн, за его спинами маячили перепуганные лица нэри и служанок, а ир்தханесса, которая обмякла на миг, с силой забилась в руках мужчины.

— Пустите! — с губ ее срывались не то хрипы, не то вой. — Пустите, пустите, пустите! Я хочу умереть раньше, чем моя дочь!

Хаальварн спеленал ее крепко и поволок к выходу, под испуганные ахи служанок, и только тут до меня дошел смысл ее слов.

— Стойте! — крикнула я, в два шага догнала тащившего Ильмиру воина и заглянула ей в лицо: — Вы сказали: умереть?

Женщина подняла на меня мертвые глаза.

— Не говорите, что вы этого не знали, местари Ильеррская, — теперь она мое имя выдохнула как проклятие. — Говорят, что местар Даармархский помешался на вас. Говорят, что он готов на все, о чем вы только его попросите. Моя дочь умрет, а вы будете с этим жить! Живите и наслаждайтесь, но рано или поздно вы поймете, что такое утрата. Поймете, когда лишитесь самого близкого человека в мире.

— Ваши пожелания несколько запоздали, местари Наргхорн, — я посмотрела ей в глаза. — Я уже лишилась матери и отца, и я знаю, что такое утрата. Знаю, как никто другой. Уведите ее.

Развернувшись, я направилась на балкон и не обернулась, когда за моей спиной хлопнула дверь.

— Местари... — осторожный голос Фархи за спиной. — Местари, все хорошо?

— Все, — коротко отозвалась я.

— Вы позволите накрыть обед?

— Пусть накрывают.

За время нашего разговора я ни разу не обернулась. Вцепившись в перила, позволяла ветру подхватывать выпущенные из косы пряди, отбрасывать их за спину и снова осторожно вытягивать, словно руки умелой служанки делали мне прическу.

«Смертная казнь — это то же убийство, — говорил отец Горрхату. Я подслушивала их разговор, прячась на дереве, куда забралась незадолго до их появления и до того, как услышала голоса, развлекалась тем, что обрывала бледно-кремовые лепестки цветов, сдувая их с ладони. — Никто не вправе лишать жизни другого, будь то правитель, его советники или собрание суда, сколь бы много человек, основывающихся на общем решении, ни считало свой приговор верным. Жизнь дается нам свыше, и только Небу решать, когда она прервется».

Горрхат слушал и соглашался, чтобы спустя несколько лет убить моего отца.

Смертная казнь.

В отличие от Ильерры, в Огненных землях не было тюрем для людей. Суровые работы по прокладыванию новых подземных дорог, в шахтах или каменоломнях, на которых долго не выдерживали — за разбой, нападение на людей, убийство или насилие, отрубленные кисти — за воровство. За нападение на иртхана — смертная казнь, приговор приводится в исполнение на месте, либо в течение суток.

Смертная казнь иртхану полагалась за убийство иртхана или участие в заговоре против правителя. Нэри Ронхэн (попытка убийства) должно было достаться тридцать шаэррнар и таэрран на всю жизнь. Невозможность покидать дом родителей, а после — супруга (если, конечно, кто-то пожелает взять ее замуж с таэрран и такой историей) без сопровождения последних, невозможность появиться в обществе.

Положив ладони на перила, я вглядывалась в дневную жизнь Аринты. Смотрела на город, пока от сверкающих под солнцем крыш не заболели глаза. А после развернулась и направилась к дверям, перехватила взволнованные взгляды нэри, но не остановилась. Рывком дернула тяжелую бронзовую ручку, шагнула в коридор:

— Сопроводите меня к местару Даармархскому, — сказала хаальварнам.

Они подчинились безоговорочно, даже судорожный вздох Фархи меня не остановил. Да, я знаю, что по правилам отбора я не имею права искать встреч с Витхаром, но...

Аннэри умерла у меня на руках.

Сарр чуть не умер.

Ибри с ребенком — тоже.

Но даже то, что все это мне пришлось пережить снова, не отменяло того, что смерти нэри Ронхэн я не хотела. Ее смерть не вернет Аннэри. Не отменит страданий Сарра. Она только умножит их: для ее семьи, для

близких, которым придется оплакивать дочь.

Миновав множество переходов, дворцовых анфилад и лестниц, мы, наконец, оказались в другой части дворца. Перед темными дверями, утяжеленными бронзовой отделкой, стояла стража.

— Местари Ильеррская хочет переговорить с местаром, — коротко произнес хаальварн.

— Боюсь, это невозможно, — сурово ответил тот.

Судя по нашивкам, покоящимся на широких плечах, рангом он был постарше тех, кого назначили мне в охрану.

— По какой причине? — уточнила я.

— Вам нельзя видаться с местаром до начала отбора.

— Этот вопрос ни коим образом не относится к отбору, — холодно сказала я. — Немедленно пропустите нас.

— Не имею права.

— Вы отказываете особой гостье местара во встрече с ним?

Воин даже не пошевелился. Искключительно благодаря тому, что у него открывался рот, можно было понять, что передо мной не статуя и не восковая фигура.

— Я соблюдаю правила, установленные местаром. Вы — одна из претенденток на трон Даармарха, и встреча с местаром может указать на особые условия, которые будут восприняты превратно.

— Правила отбора могут быть нарушены, — я шагнула к нему вплотную, оказавшись лицом к лицу. — Если речь идет о вопросе жизни и смерти. Не так ли?

Воин колебался, но все же кивнул. Копья разошлись, и я шагнула вперед.

— Именно так, местари Ильеррская, — голос Витхара почему-то донесся со спины.

Я обернулась, чтобы встретиться взглядом с драконом и услышать:

— И вы только что прошли вступительное испытание.

Вступительное. Испытание.

Волна захлестнувших меня чувств обрушилась с такой силой, что потемнело перед глазами. Огонь, плеснувший сквозь сердце, не имел ничего общего с тем пламенем, которое когда-то было мне родным, но потерялось под удушающей петлей таэрран. Из-за спины Даармархского выступила Мэррис, и кажется, в этот момент я поняла, кто станет распорядительницей отбора. Потому что во взгляд женщины вернулись уверенность и жесткость, с которой я познакомилась в день нашей первой встречи.

Я сжала пальцы так, что ногти впились в ладони.

До боли, стряхивая эмоции, способные разрушить меня одной лишь своей силой.

Мне всегда удавалось сдерживать свои чувства, но сейчас они бились во мне, запертые в точности так же, как мое пламя. Бились и грозили испепелить меня дотла.

Со стороны анфилады донеслись шаги (шелест платья и чеканный шаг хаальварнов), и в залу, соединяющую крылья замка, вошла еще одна претендентка. Волосы, убранные под легкую сетку и скрепленные на затылке вуалью, кожа не столь смуглая, как у девушек Аринты, но и не бледная, как у северянок.

Увидев нас, она резко остановилась, на сосредоточенном лице отразилось изумление, но долго оно не продлилось. Снова шаги, еще одна претендентка с сопровождением. За ней следующая. Еще одна. Девушки с хаальварнами выходили с ведущего к анфиладе балкона одна за другой. Лица их всякий раз выражали одно и то же: серьезность, волнение, сменяющиеся сначала недоумением, затем изумлением. Лишь на двух я отметила схожие чувства — похожие на те, что охватили меня.

Ярость, запечатанную под маской непроницаемого спокойствия, бушующий огонь, укрощенный лишь благодаря выдержке.

Одной из них была девушка, что вошла первой.

Другой — Эсмيرا.

Черное пламя Аринты.

«Она будет Даармарскому идеальной женой», — подумала я. Кожа ее цвета темной бронзы и волосы чернее безлунной ночи идеально впишутся в интерьер, а жесткость черт и снисходительный взгляд свысока оттенят драконье самомнение. И пламя — алое, мощное, на миг охватившее зрачок в угольно-черной радужке. От его силы заколебался потревоженный воздух, но тут же успокоился, когда Эсмيرا вскинула голову, только трепещущие ноздри выдавали ее чувства. На меня она не смотрела, она вообще не смотрела ни на кого, только на Даармархского, и прищур дракона однозначно говорил о том, что зверь чувствует зверя, как пламя отзывается на пламя.

Ладони под ногтями дернуло, но я тут же расслабила пальцы.

Нельзя позволять собравшимся видеть мою слабость.

Двенадцать девушек, включая меня, собрались в зале, двенадцать претенденток застыли неподвижно, как статуэтки.

Мэррис приблизилась к нам:

— Добро пожаловать в Аринту и на отбор, местари. Сегодня каждой

из вас предлагалось сделать непростой выбор. Вступительное испытание, которое вы только что прошли, говорит о вашей рассудительности, оно заключалось в том, что правительница не должна руководствоваться личными мотивами в вынесении приговора.

— Вступительное испытание?! — выдохнули совсем рядом. — Вы с ума сошли?!

— Да, и вторую его часть вы только что провалили, местари Хармен.

Девушка ахнула.

— Вы выгоняете ее за то, что она сказала правду?

— И вы, местари Ольгхарн.

На этом желание что-либо говорить у претенденток иссякло, двоих из них тут же вывели хаальварны под всхлипы с одной стороны и возмущения с другой. Что касается Эсмиры, уголок губ иртханессы пренебрежительно дернулся.

— Умение совладать с эмоциями, когда того требуют обстоятельства — немаловажно для будущей правительницы, — подвела черту Мэррис. — Все вы, здесь собравшиеся, продемонстрировали такие качества, а стало быть, достойны бороться за право стать местарой Даармарха.

Сказала бы я, что думаю по поводу вашего права, но у меня есть брат.

На этот раз я даже не стала пальцы сжимать и выдержала угольно-тяжелый, обжигающий взгляд дракона. Пусть подавится своим превосходством.

— Из семнадцати вас осталось десять, и я искренне вас поздравляю, — продолжала вещать распорядительница. — Меня зовут Мэррис, и на протяжении всего отбора я буду помогать вам, сообщать о сути испытаний, ко мне же вы можете обращаться по любому вопросу, будь то условия пребывания или правила отбора. Согласно правилам этикета, все претендентки должны поздороваться с местаром. Прошу.

Подходите по одной, местари. Здесь на всех хватит.

Я едва удержалась, чтобы не сказать это вслух, потому что присутствие Даармархского не лучшим образом влияло на мою рассудительность. Оно вообще странно действовало на все, что я считала своей сутью, стирая границы и принципы, поглощая меня без остатка.

Мэррис отступила в сторону, зато вперед шагнула Эсмира. Темно-синее платье едва уловимо переливалось скользкой тканью, сверкало крошкой драгоценных камней, из-за чего казалось, что она облачена в ночь. Иртханесса на миг склонила голову и что-то негромко произнесла. Когда пальцы Даармархского соприкоснулись с ее ладонью, я отвела взгляд. Встретилась глазами с девушкой — той, что вошла первой, она смотрела на

меня, а не на мою шею. В отличие от остальных.

Сейчас, когда первые эмоции схлынули, таэрран закололо от иголочек взглядов. Недоумевающих, изумленных, злорадных, но в большинстве своем говорящих: «Что она здесь делает? Почему ее не выставили вслед за теми двумя?»

Эсмира прошла мимо нас с видом уже состоявшейся правительницы: расправив плечи, остановилась чуть поодаль. Ее место заняла другая девушка, остальные уже беззастенчиво рассматривали меня. Особенно пристально — яркая иртханесса с волосами цвета облаченной в пламя меди. Ее красивые чувственные губы изогнулись в усмешке, когда она скользнула взглядом по моей шее, а потом отвернулась.

Исключением в гляделках, пожалуй, была первая девушка, которая отвела взгляд и теперь смотрела лишь на Даармархского.

Следующей в приветствии стала медноволосая, оттеснив претендентку, уже сделавшую было шаг вперед, она направилась к дракону и слегка наклонила голову, кокетливо улыбнувшись, награждая его взглядом из-под ресниц. Мы стояли достаточно далеко, чтобы слышать, о чем они говорят, но я подозреваю, что здесь акустика зала уносила негромкие слова приветствий в другую сторону.

Все, как и должно: при всех, но наедине.

Я не рвалась на приветствие, потому что желание приложить местара усиливалось с каждой минутой, и я уже примерно представляла себе, что скажет Мэррис: «Бить будущего супруга копьем по голове нельзя, местари Ильеррская, поэтому покиньте отбор немедленно».

Тем не менее моя очередь подошла, потому что претендентки закончились. Предпоследней подходила девушка, которая не сочла таэрран поводом чтобы рассматривать меня, как диковинную зверушку. Когда мы проходили мимо друг друга, она даже склонила голову в знак приветствия, и я на него ответила.

Приятная девушка.

Не то что стоящий напротив дракон, у которого вместо мозгов угольки.

Задумавшись об этом, я не сразу поняла, что забыла склонить голову, а когда поняла, было уже поздно.

— Почему вы молчите, местари Ильеррская? — хриплый голос отозвался внутри меня, как призыв, но я щелкнула драконицу по носу.

— Вряд ли вам понравится то, что я хочу вам сказать.

— Вот как, — теперь его голос уже напоминал рычание.

Приглушенное такое.

— Именно так, местар, — я не стала и дальше играть с этикетом,

склонила голову и позволила ему взять мою руку в свою.

Живое пламя плеснуло в ладонь, отзываясь в самой глубине рывком ударившего о ребра сердца, но и его я успокоила воспоминанием об Эсмуре. И о женщине, которая кинулась за ножом, чтобы себя убить.

Да, с «успокоительным» я явно перегнула, потому что раздирающие меня чувства вернулись, а вместе с ним и желание высказать ему все. К счастью, «равные условия» не позволяли местару Великому задерживать меня дольше, и я не без удовольствия повернулась к нему спиной. Стоило мне подойти к остальным девушкам, как Даармархский кивнул хаальварнам и решительно направился к дверям, куда меня столь решительно не пускали.

Действительно, зачем же тратить свое драгоценное драконье время на тех, кто будет суетиться, чтобы попасть в драконью по... то есть чтобы стать правительницей и родить ему сильных наследников.

Стоило дверям сомкнуться за его спиной, отметив уход легким лязгом металла, как Мэррис снова подняла руку, привлекая внимание.

— Завтра состоится открытие, на котором каждая из вас должна будет рассказать о себе, — распорядительница окинула всех нас взглядом, — это не испытание, а знакомство, тем не менее советую подготовиться к нему основательно. Помимо рассказа о себе вам предстоит объяснить перед всеми собравшимися, почему вы хотите стать правительницей, но главное — почему вы считаете себя способной справиться с такой ответственностью. На сегодня это все. Встретимся завтра, девушки, а сегодня отдыхайте и готовьтесь к пиру в честь открытия.

Я не стремилась как можно скорее покинуть зал, тем более что Эсмуре успела первой, а потом на выходе образовалось небольшое столпотворение. Дождалась, пока оно рассосется, и только потом вышла на уже пустующий балкон. Вцепилась дрожащими пальцами в ледяной мрамор, с наслаждением вдохнула свежий соленый воздух, понимая, что до этой минуты дышала через раз.

Значит, завтра мне придется объяснять, почему я считаю себя достойной стать правительницей Даармарха?

Что ж, я объясню.

Объясню, местар, и посмотрим, как это испытание выдержите вы.

За два часа до выхода мне принесли платье (по традиции первым подарком дракона каждой претендентке был наряд для первого выхода, по традиции его же она надевала в случае победы) и украшения к нему. Тонкая ткань казалась невесомой, она лилась под пальцами туманной дымкой в

солнечных лучах, и, казалось, нежнее нее не найти во всем мире. Что касается украшений, то они больше напоминали драконью чешую. Эта чешуя растекалась по моим плечам, оттеняя разрезы на рукавах, металлические нити стекали по обнаженной спине, огненными каплями камней раскаляя золото и оттеняя шлейф. Такие же капли застыли в украшениях для волос, подчеркивая цвет густых прядей, сплетенных в замысловатую прическу по всей длине.

Если Даармархский хотел сделать акцент на том, кто я есть, ему это удалось. Наверное, я действительно могла бы так выглядеть — на приеме, во дворце отца. Встречая с ним и с матерью делегации из других стран, и возможно, если бы нам когда-то довелось встретиться, я вышла бы к нему, одетая именно так.

В белое с золотом. Цвета Ильерры.

Подарок Даармархского идеально вписался в то, что я хотела о себе рассказать. Золото коснулось и моего лица: искусный узор чешуи на висках и на скулах делал меня еще больше похожей на драконицу. Узор я писала сама, красками, которые принесли по моей просьбе, вспоминая технику Мархит. Пожалуй, этот узор занял больше времени, чем все предыдущие сборы, но получилось лучше, чем я могла себе представить. Роспись коснулась не только моего лица, но и запястий, и шеи над таэрран, и груди.

В том, что старания удались, я убедилась, когда мои нэри застыли, едва на меня взглянули.

— Вы правда так пойдете, местари? — уточнила Лирхен.

— Правда.

— Но ведь по правилам в образ для первого выхода изменения можно вносить только по согласованию с местаром.

— Я не меняла образ, — поднялась, позволяя струящейся ткани лаской скользнуть по коже, а металлической чешуе контрастом тяжести лечь на плечи. — Я всего лишь его дополнила.

И правда: платье на мне то, что прислал местар, украшения тоже, даже прическу служанки делали по согласованию с Мэррис. Про узоры никто ничего не говорил.

Девушки переглянулись: они тоже были уже одеты. Бледно-голубые платья, гораздо более простые, чем у меня, прямые, перехваченные на талии «чешуйчатыми» поясками, заплетенные в свободные косы волосы украшены каплями камней, на запястьях — пластины браслетов, и все это одинаковое. В этот день нэри должны выглядеть именно так, в остальное время они могут одеваться по собственному желанию в любые наряды. Единственное требование — их платья должны оттенять мои.

— Когда мы выходим? — пробормотала Фархи, сцепив пальцы.

— За нами должны прийти, — напомнила Лирхен. Она держалась нарочито небрежно, но именно в этой небрежности угадывалось волнение.

Судя по всему, мои нэри волновались больше, чем я.

Хотя если бы я сказала, что не волнуюсь, это была бы ложь. Несмотря на всю решимость, несмотря на все случившееся, в глубине души я все еще не могла представить, что принимаю участие в отборе. То, что это необходимость, способная спасти меня и Сарра, способная вернуть мне возможность распоряжаться моей жизнью, не отменяло того, что сегодня я впервые выйду под взгляды аристократов Аринты. Под взгляды иртеханов, для каждого из которых таэрран — приговор.

Поэтому от того, как я выйду сегодня, зависит очень и очень многое.

В двери негромко постучали, и Лирхен бесшумной тенью скользнула к ним.

— Местари, — вошедший хаальварн почтительно склонил голову. — Вам пора.

Кивнула, направляясь к дверям. Девушки молча последовали за мной, в тишине, нарушаемой лишь тихим шелестом шлейфа, казалось, слышен стук наших сердец. В знакомом коридоре хаальварн указал налево.

— Сегодня нам сюда, местари.

В эту сторону я еще ни разу не ходила: крыло, где располагался зал пиршеств и приема особых гостей, было отделено от основного дворца. Чтобы в него попасть, мы прошли по балкону, удерживаемому массивными каменными опорами как с одной, так и с другой стороны. Океан бился о скалы справа и слева, и в этот миг казался настолько потрясающим и безбрежным, что мое дыхание подхватил ветер, на миг унося с собой.

Мы прошли в широкие двери, распахнутые настежь, и оказались в просторной зале, где уже собрались все девушки в сопровождении своих нэри. Стоило войти, как все взгляды устремились к нам. Я чувствовала, как превосходство стекает по складкам моего платья, бессильно бьется о чешую, сменяясь изумлением уже совсем иного рода. Изумлением, в которое врывается раздражение, но ярче всего был один взгляд. Эсмира стояла чуть в стороне, вздернув голову. Ее платье насыщенно-черного цвета книзу и в шлейф раскрывалось пластинками темно-красных чешуек. В свете факелов они «горели» пламенем, как оттеняющие темную кожу иртеханессы рубины, но куда ярче горел ее взгляд.

Неприкрытой, обжигающей ненавистью.

— Местари, — голос Мэррис разорвал воцарившуюся с моим появлением тишину. — Сейчас, когда мы все собрались, еще раз хочу

поприветствовать вас от лица правителя Даармарха и выразить глубочайшее почтение каждой из вас.

— Подумать только, — донесся едва различимый шепоток. — Она даже не иртханесса... неужели кому-то нужно ее почтение?

Почему-то я вовсе не удивилась, когда повернулась и увидела медноволосую девушку в платье под цвет ее глаз — сиреневом, подчеркнутом чешуей из белого золота. Выражение ее лица, чуть брезгливое, однозначно говорило о том, что она думает о распорядительнице, стоявшие рядом нэри в кремово-золотистых платьях в точности копировали эмоции своей местари, и я отвернулась.

— За теми дверями все уже дожидаются вас. По традиции, мы выйдем все вместе, но каждая из вас получит возможность рассказать о себе в порядке очереди, — Мэррис кивнула на золотую чашу, стоящую на столике. — Здесь десять номеров, подходите, и мы определимся, когда состоится ваш выход.

Как и следовало ожидать, первой вперед шагнула Эсмירה, следом за ней — рыжая. У столика они оказались одновременно, но стоило Эсмуре обратить на соперницу взгляд, как та отступила. Унизанные тонкими кольцами темные изящные пальцы (словно обвитые раскаленными нитями) скользнули в чашу и вытащили крохотный свиток. Иртханесса вложила его в ладонь Мэррис царственным жестом.

— Местари Сьевирр. Номер один.

— Ну кто бы сомневался, — пробормотала медноволосая.

— Вы что-то сказали, местари Ларгер? — Мэррис вперила в нее жесткий, непроницаемый взгляд.

В эту минуту я подумала, что сейчас мы с ней очень похожи: и ей, и мне приходится отстаивать свое право здесь находиться, ни она, ни я, не имеем возможности выказать даже самую малейшую слабость.

— Ничего, — вздернула нос иртханесса.

— Впредь постарайтесь, чтобы ваше «ничего» звучало более уместно, — холодно произнесла Мэррис и кивнула на чашу: — Прошу.

Медноволосой досталось представляться восьмой, и она, недовольная, отошла к своим нэри. Претендентки подходили одна за другой, не торопились только мы с девушкой, с которой вчера обменялись приветствиями. Платье кремового цвета подчеркивало тон ее кожи, тонкие украшения-чешуйки из платины дополняли женственный образ. Ей досталось представляться четвертой, а мне — девятой, еще две девушки вытянули номера после нас, и жеребьевка была завершена.

— Напоминаю, что пока одна из вас говорит о себе, — Мэррис обвела

нас взглядами, — все остальные остаются в тени. Только после того, как представление будет закончено и местар пригласит рассказавшую о себе девушку за стол, я объявлю следующую. А сейчас следуйте за мной.

Хаальварны распахнули высокие тяжелые двери, и мы вслед за Мэррис шагнули в зал.

Огромный, в дальней стороне которого дугой растянулся стол. Пламя плясало в расставленных у сцены чашах, жадными лентами рвалось ввысь из настенных, образуемых сомкнутыми крыльями каменных драконов, но там, где стояли мы, царил полумрак. Музыка, льющаяся над залом, при нашем появлении оборвалась, голоса стали тише. Я отмечала собравшихся за столом иртханов, не задерживая взгляд ни на ком. Пожалуй, кроме Даармархского: он, как и полагается правителю, сидел прямо напротив сцены. Кресла по правую и левую руку от него, для особых гостей, пустовали. Сегодня такими гостями стали мы — пир в честь открытия отбора, десять претенденток, каждая из нас займет место рядом с ним.

Первой на сцену вышла Мэррис, и голоса стихли окончательно. Я чувствовала, как таэрран сжимается на шее подобно лапе дракона, и ничего не могла с этим поделать. Сколько лет я жила с этим клеймом, вдали от мира, который когда-то был моим, и которого я лишилась в день утраты родителей. Сколько лет убеждала себя в том, что это ничего не значит, но только сейчас по-настоящему осознала, как мне не хватает огня. Сила собравшихся на представление иртханов клубилась по залу.

Моя же молчала, заглушенная таэрран.

На этой мысли я поняла, что пропустила приветственные слова Мэррис, захватив только последнее:

— ... Местари Сьевирр.

Эсмира шагнула на сцену, оставив нэри за спиной. Им предлагалось присоединиться к пиру позже, когда все участницы расскажут о себе, потому что на сцене не было места никому, кроме претенденток.

— Приветствую всех собравшихся, — голос у нее был низкий и тяжелый, как рождающаяся в глубине тянущихся к земле туч гроза. — Оказанная мне честь, честь находиться среди вас, честь представлять свой род и претендовать на ответственность правительницы Даармарха, велика. Моя вам искренняя за нее благодарность, местар.

Взгляды Эсмиры и Даармархского встретились, и он кивнул.

— Как ее не разорвало от чувства собственной значимости? — донесся ехидный шепот.

Даже не оборачиваясь, я знала, кому он принадлежит.

— Род Сьевирр не нуждается в представлении, — Эсмира обвела

взглядом зал, и я отметила пару иртханов, которые смотрели на нее особо внимательно. Темнокожая женщина, и жилистый, крепкий мужчина, в глазах которых светились гордость и превосходство, по всей видимости, ее родители. — И я не буду отнимать у вас время, рассказывая все то, что вы и так знаете. Лучше просто покажу.

Иртханесса шагнула к самому краю сцены, едва шевельнув пальцами.

Никто даже вздохнуть не успел, как в зале мгновенно стало темно.

Только что мы видели сидящих за столом, а потом на нас обрушилась черная, непроглядная ночь и потрясенная тишина. Впрочем, ни первое, ни второе долго не продлилось, потому что придушенное магией Эсмиры пламя вспыхнуло снова. Огненные нити скручивались в пышущие жаром узоры над ладонями иртханессы, раскаляя чешую ее наряда докрасна.

Миг — и с рук Эсмиры сорвались огненные плети, хлестнувшие под своды зала, выхватывая из темноты лица собравшихся одно за другим: потрясенные, изумленные, восхищенные. Сила, прокатившаяся над нами волной, сложилась в воздухе в огненного дракона, который расправил свои крылья, заполнив собой весь зал. От струящейся в каждой частичке воздуха мощи перехватило дыхание, кто-то из девушек ахнул.

В миг, когда дракон повернулся к сцене, Эсмира протянула к нему руку. Огромная морда почти коснулась тонких пальцев, и при таком освещении иртханесса действительно казалась черным пламенем. Объятая маревом огненного создания, в черном, словно полыхающем платье, Эсмира была великолепна. В минуту, когда сдавленная тишина в зале перешла в волнообразный шепот, огненный зверь раскрыл пасть и выдохнул пламя, прокатившееся вдоль сцены и возвращающее в чаши то, что укрыла его создательница.

Слева.

И справа.

Из чаш ввысь ударили огненные фонтаны, а дракон снова взмыл под самые своды, и, подхваченный вихрем магии иртханессы, рассыпался лентами огня. Пылающие искры сыпались вниз, не долетая до собравшихся, таяли одна за другой звездным дождем. В миг, когда он прекратился, вдоль стен снова вспыхнуло пламя, а Эсмира склонила голову, показывая, что закончила.

Зал взорвался аплодисментами, не просто аплодисментами — грохотом оваций и гудением бесчисленных голосов. Я видела лица иртханов, в их глазах еще отражалось пламя, и не только среди собравшихся: у всех стоявших рядом претенденток зрачки непроизвольно вытянулись в вертикаль, отзываясь на зовущую, яростную мощь огня.

Эсмира же, словно не замечая этого всего, спустилась со сцены, направляясь к столу. Купаясь в отголосках собственной силы, вызвавшей невероятный отклик, во взглядах и всеобщем признании, в прокатывающихся по залу приглушенных голосах.

До той минуты, пока Даармархский не поднялся: тогда все стихло.

— Добро пожаловать, местари Сьевирр, — от того, как прозвучал его голос, я содрогнулась.

Хрипло, яростно, и пламя в его глазах сейчас предназначалось только ей. Пусть мы и стояли далеко друг от друга, я знала этот голос и видела радужку, раскаленную докрасна.

— Благодарю, местар, — ответное полурычание эхом разнеслось по залу.

В тот миг, когда их пальцы соприкоснулись, мне стало нечем дышать.

А потом она опустилась на стул, который дракон для нее отодвинул, ближайший к нему. Вскинула голову, глядя на нас, в темноту, на губах ее играла улыбка. Холодная, жесткая улыбка, и взгляд — обжигающий, как лезвие раскаленного меча.

— Может, мне прямо сейчас домой поехать? — пробормотала одна из девушек с нервным смешком.

— Тебе может и стоит, — фыркнула медноволосая. — А вот я точно останусь. Подумаешь — огненный дракон!

Ее зрачок еще подергивался, но уже не так сильно, другие тоже приходили в себя.

Мэррис шагнула на сцену, чтобы объявить следующую претендентку, но я на нее не смотрела. Я вообще больше ничего не видела, кроме бесконечно прокручивающейся в сознании картинки воспоминаний о прикосновении, отозвавшимся в глазах дракона алой стихией. Иртханы не сдерживали свою силу, но почему-то именно этот взгляд раскаленной иглой ворочался в сердце.

Разжигая пламя совершенно иного рода.

Пламя, сводящее меня с ума.

Вторая девушка шагнула на сцену, но ее приветствие прошло незамеченным. Едва ли кто-то из гостей взглянул в ее сторону и услышал, что она сказала. Даармархский смотрел, разумеется, но смотрел так, как мог бы рассматривать говорящую статуэтку: красивую, искусно выполненную умелым скульптором, но по-прежнему остающуюся статуэткой. Разумеется, отдавая дань традиции, он подал иртханессе руку и точно так же отодвинул ближайшее кресло: этого требовал этикет, места рядом с правителем девушки занимали согласно жеребьевке.

Третья ир்தханесса тоже рассказывала про свой род, который истоками уходит к первым ир்தханам. Когда Мэррис представила четвертую, я перехватила взгляд девушки, которой предстояло выйти на сцену. Она расправила складки кремового платья, чтобы скрыть волнение. Пламя, сжигающее меня изнутри, по-прежнему облизывало сердце своими беспощадными языками, но именно ее взгляд почему-то отрезвил. После выступления Эсмиры, показавшего ее истинную мощь, ни одна из претенденток не чувствовала себя спокойно.

— Удачи, — негромко произнесла я.

— Спасибо, — улыбнулась она, и добавила: — И тебе, Теарин.

Задаваться вопросом, откуда она знает мое имя, не стоило: если уж о простой распорядительнице разошлись слухи, то что говорить о претендентке с таэрран.

Задерживаться на этой мысли я не стала, предпочла сосредоточиться на предстоящем и, когда Джеавир (эту девушку звали именно так), спустилась со сцены, снова окинула взглядом собравшихся. Хеллирия сидела слева от брата, рядом с пустующим пока креслом для девятой или десятой претендентки. Для себя я уже решила, что обойду стол с другой стороны, чтобы оказаться рядом со светловолосым ир்தханом: то же место справа занимал мужчина.

Мужчина высокий, это было видно по широким плечам, явно выделяющийся из всех присутствующих. Цвет волос и кожи выдавали в нем северянина, а пронзительный ледяной взгляд только подчеркивал происхождение гостя. В отличие от хаальварна, который сопровождал нас в Аринту и в котором угадывалась северная кровь, этот выглядел истинным Ледяным. Так называли сильнейших ир்தханов Севера, но мысль об этом ушла, стоило Мэррис назвать следующую претендентку.

Ир்தханесса с волосами цвета огня шагнула вперед, и я поняла, что мы остались втроем: я, Мэррис и девушка, которая спрашивала, не стоит ли ей сразу уехать.

Восьмая.

Медноволосая выступает восьмая, значит — следующая я.

Мысль об этом прокатилась по телу волной пламени, но пламени ледяного, словно я сама была уроженкой Севера. Дыхание перехватило, как во сне я смотрела на ир்தханессу, говорящую в зал, глядя, как в ее руках распускается огненный цветок, чьи лепестки дрожат, подчиняясь движению ее пальцев.

Выступление Ольхари было встречено громкими аплодисментами, тем не менее гораздо более спокойными, нежели чем Эсмиры.

Мэррис снова шагнула на сцену, и сердце пропустило удар.

Я чувствовала, как лед течет по позвоночнику и бьет в пальцы. Чувствовала, как мир сжимается до точки, в которой стою я, и снова раскрывается острыми гранями предстоящего.

В день, когда мне предстояло лишиться своего огня, я тоже поднималась на помост. Поднималась к развалившемуся на переносном троне Горрхату, под сотнями взглядов, и эти взгляды впивались в меня иглами сочувствия, равнодушия или торжества. Тогда я была одна, но сейчас, когда Мэррис прошла мимо меня, коротко и как бы невзначай коснувшись пальцами моей ладони, когда из-за стола на меня смотрела Джеавир, смотрела с мягкой полуулыбкой, словно пытаюсь поддержать, я стряхнула остатки оцепенения и шагнула на сцену.

Пламя из чаш опалило мое лицо жаром, по рядам собравшихся пронесся едва различимый шепот. К этому я была готова, равно как и к тому, что под бесчисленными изумленными взглядами таэрран на шее снова сомкнется раскаленным кольцом. Я сбросила это ощущение, как остатки гаснущего пламени с пальцев.

— Меня зовут Теарин Ильеррская, — произнесла я без лишних церемоний. — И прежде чем мы продолжим, хочу, чтобы вы знали, что я оказалась здесь не по своей воле.

Тишина, рухнувшая на зал после этих слов, была такой, что я слышала свое дыхание. Возможно, благодаря особой акустике его слышали и собравшиеся, но до меня больше не доносилось ни звука. Взгляд Даармархского: тяжелый, темный, наливающийся огнем, врывается в мое сознание куда яростнее любых слов, бил по натянутым, как струны прайнэ, нервам, но я не остановилась.

— Я родилась в стране, которая столь далека от этих мест, сколь и известна. Известна в первую очередь тем, что никогда не вела войн и всем необходимым способна обеспечить себя сама.

Ильерра действительно очень далека.

Очень. От самой крайней точки Даармарха до нее четыре месяца пути. Немногие решатся на такое путешествие, кроме вечно странствующих торговцев, которые этим живут. Покупкой подешевле, продажей подороже, сама же Ильерра ни в чем не нуждается, и в этой обособленности есть своя прелесть. Была.

Нашему народу хватало скота и урожая, товаров, которые производили ильеррцы. Мы редко выбирались в большой мир, и до нас мало кто добирался. Вся наша политика была внутренней и строилась преимущественно на невмешательстве во внешний мир. Единственный раз,

когда отец с мамой выезжали за пределы Ильерры — налет в Берунсе, ближайшем городе-государстве (в месяце пути от Ильерры) под управлением семьи иртеханов. Родителей тогда не было около полугода, пока отец умирал драконов, хаальварны помогали восстанавливать город, а мама с помощницами оказывала помощь пострадавшим.

Кажется, именно тогда я впервые услышала имя Горрхата. Сильнейшего хаальварна в седьмом поколении иртеханов, в его жилах текло чистейшее пламя.

Возможно, именно поэтому отец оставил Ильерру на него.

— Родилась первенцем, — продолжила я и обвела взглядом присутствующих, не равнодушным, но не и пристальным.

Таким, какому меня учила мама.

«Ты должна проявлять к своим подданным интерес, дочка, — говорила она. — Ровно столько, сколько чувствуешь на самом деле. Многие считают искренность и правду проявлением слабости, но в них сокрыта такая сила, которой может позавидовать любое даже самое мощное пламя».

— Мой отец, правитель Ильерры, был предан своим другом и соратником, Горрхатом. После переворота я лишилась родителей, пламени, дома, но у меня остался брат. Я увезла его из Ильерры, и долгие годы мы путешествовали с представлением, в котором я исполняла акробатические трюки в огненном шоу. До того дня, когда во время выступления меня заметил местар.

Ладони Даармархского легли на стол, словно он собирался подняться, но вокруг было слишком много иртеханов. Слишком много традиций, которые сейчас держали его надежными якорями, но одну ему все-таки придется нарушить. Придется, если он хочет видеть меня на этом отборе. Я отметила сгущающееся в глазах правителя Даармарха пламя, и сейчас оно не имело никакого отношения к Эсмуре.

— Он пожелал видеть меня своей наложницей, — произнесла я. — А после — одной из участниц отбора.

Откуда-то донесся сдавленный вздох, Хеллирия побелела до состояния скатерти, Эсмуре, напротив, полыхала так, что чуть ли не дымилась.

— Как я уже сказала, я оказалась здесь не по своей воле, — подвела итог. — Но я полюбила Аринту, пусть даже ее виды открывались мне только с балконов этого замка. Полюбила ее полуденный зной и шум океана, как когда-то любила игру ветра в тонких ветвях Ильерры. Я стану достойной правительницей, потому что выжила и уберегла брата тогда, когда казалось, что это невозможно. Я стану достойной правительницей, потому что в моих венах течет сильнейшая кровь, наполненная огнем

памяти о моих родителях. Я стану достойной правительницей, потому что люблю Даармарх: таким, каким он открывался мне во время бесконечных путешествий и переездов. Я стану достойной правительницей для вас...

Снова скользнула взглядом по всем собравшимся:

— И достойной супругой для вас, местар, если Вы по-прежнему желаете видеть меня на отборе.

Я замолчала, но ответом мне была тишина.

Она по-прежнему стучала в висках пульсом, но страх ушел. Кажется, подобное я испытывала только единожды — когда решилась на побег. Побег из Ильерры мог спасти Сарра и меня, а мог стать последним, что я делаю в своей жизни. Тишина тянулась над залом, пыталась рухнуть на плечи тяжестью, но я стояла, расправив их, и ждала.

До той минуты, пока Даармархский не поднялся — обманчиво-спокойный, только ноздри подрагивают, как у готового напасть зверя. И голос, точь-в-точь, хриплый, рокочущий:

— Я счастлив видеть вас на отборе, местари Ильеррская.

Сердце рухнуло вниз, но этого никто не видел.

Для всех я просто шагнула со сцены.

Первая ступенька.

Вторая.

Третья.

В миг, когда туфелька мягко коснулась пола, еле слышный шорох шлейфа поглотил грохот взорвавших зал аплодисментов.

Мне казалось, что воздух сгущается с каждым шагом, а шум затихает, словно я падаю в воду, погружаюсь все глубже с каждой минутой. Тем не менее я приблизилась к столу и ни разу не споткнулась. С легкой полуулыбкой подала руку Даармархскому и даже не вздрогнула, когда в пальцы плеснуло огнем.

— Местар.

— Добро пожаловать, местари Ильеррская.

Голос его звучал низко, как зарождающаяся в земле ярость пламени, огонь был в его глазах, вливался в меня, грозя испепелить дотла. Я лишь слегка склонила голову в знак приветствия и позволила ему проводить себя до своего места. В миг, когда собиралась сесть, еле слышный рокочущий шепот скользнул по коже когтями искр.

— Поговорим потом, Теарин.

— Как скажете, местар, — спокойно вернула ему этот вызов.

И опустилась в кресло, позволяя придвинуть его к столу.

Стоило Даармархскому отойти, как зал снова взорвался звуками:

голосами, стихающими овациями, шорохами. Движение вокруг и сотни впивающихся в меня взглядов, теперь уже совершенно иных. Не снисходительно-высокомерных, изумленных, скорее заинтересованных и внимательных. Меня рассматривали все, даже девушки, сидевшие рядом: рассматривали так, словно видели впервые. Исключение составляли Ольхария и Эсмيرا. Если первая демонстративно вздернула нос и смотрела исключительно на сцену, от Эсмилы веяло пламенем. Не менее яростным, чем от дракона, который только что вернулся на свое место.

Странно, что стол рядом с ними еще не дымится.

— Смело, — раздался низкий, чуть хрипловатый голос слева.

Я повернула голову: ровно настолько, чтобы встретить морозный взгляд, во льдах которого искрились смешинки.

— Мы разве представлены? — спросила так же негромко.

— Не вижу в этом проблемы, — иртехан чуть подался назад, и, когда наполнивший мой кубок слуга отошел, добавил: — Янгеррд.

— Просто Янгеррд? — я вскинула брови.

— Не люблю усложнять.

Сквозь волнующую зал заинтересованность по мне снова мазнуло огнем: взглядом Даармархского, а следом — Хеллирии. Этикет допускал общение претенденток с другими мужчинами, разумеется, если оно не нарушало приличий, поэтому я позволила себе эти взгляды проигнорировать. В конце концов, какое мне дело до того, что кто-то закипает, как котелок на костре. Особенно после его пламенных гляделок с Эсмилрой.

Продолжить разговор у нас не получилось, поскольку Мэррис объявила последнюю претендентку, и девушка рассказывала о себе. Ее выход традиционно встретили овациями: несколько сглаженными, а я снова повернулась к собеседнику:

— Что ж, просто Янгеррд, приятно познакомиться. Откуда вы?

Он приподнял брови.

Удивительно светлые, белее разве что снег, и то не уверена. Его волосы, стянутые в хвост, напоминали сверкающий на солнце иней, и кожа — тронутая свойственным лишь северянам загаром, придавали образу иртехана экзотичность.

— Из Флангеррманна, — сообщил он. — В Аринте по важному делу.

Я оказалась права. Истинный северянин.

— Вы пересекли океан? — выдохнула невольно.

— У меня не было другого выбора.

— Подозреваю, что дело очень важное.

— Очень.

Жестких губ коснулась улыбка, и я невольно улыбнулась в ответ. Разговаривать с ним и дальше было бы лишним, поэтому я отвлеклась на Мэррис. Распорядительница сообщила, что на сегодня представление, то есть отборная суэта завершена, и что в ближайшие несколько дней претенденткам предстоит знакомиться с местаром. Иными словами, общаться с ним лично и на свиданиях. Дни встреч тоже предстояло выбрать путем жеребьевки, завтра ближе к вечеру, а пока нам предлагалось отдыхать и наслаждаться пиром в нашу честь и по поводу открытия отбора.

Музыканты, которые на время остались в тени, снова вернулись с чарующей музыкой, а вскоре появились и танцовщицы. Гибкие, словно змеи, они извивались лентами, подхватывая льющееся в зал звучание. Вуали парили над ними искрящейся дымкой, золотые одежды подхватывали блики огня.

Смотреть на представление в качестве гостя было более чем непривычно, и в эту минуту я поняла, насколько истосковалась по танцу. По настоящему танцу, который огнем втекает в тебя, заставляя парить и взмывать в воздух вместе с языками пламени. Отшатнуться — но только чтобы снова рвануться вперед, позволяя огню жадно потянуться к тебе. Отзываться на него, как на самую неистовую ласку, закрыв глаза. Падать вниз, чтобы взлетать в ритме бьющих в самое сердце барабанов.

Воспоминания о шоу, об Эргане и об оставшейся в прошлой жизни свободе были настолько яркими, что я закусил губу.

— Задумались? — в реальность меня снова вернул северянин.

— Немного.

— Знакомые воспоминания?

Я пожала плечами.

— Да, я люблю танцы.

— Вы любите танцевать.

— Вот как?

— Огненное шоу.

— Я сказала, что была акробаткой.

— Ваши движения говорят сами за себя.

— Вы можете отличить акробатку от танцовщицы?

— Акробатка не станет смотреть на танец так, как вы.

— И как же я на него смотрю?

— Вы горите.

Этот разговор уже переходил все допустимые границы, поэтому я предпочла не отвечать. Поразительно, но я не чувствовала огня этого

иртхана, и даже не представляла, откуда он здесь взялся. Северян, по крайней мере со столь явно выраженной внешностью, здесь не наблюдалось, но у любого визитера из Флангеррманна (северной державы, ничем не уступавшей Даармарху), по меньшей мере, должны были быть спутники. Не говоря уже о том, что пересечь океан способен не каждый: если в наших водах драконы относительно спокойны, то северные подводные — самые настоящие чудовища. Страшные своей неукротимой мощью и агрессией, но главное — своей особенностью не поддаваться приказам.

Танцовщиц сменили трюкачи, играющие горящими кольцами, трюкачей — артисты, разыгравшие небольшой, но яркий спектакль. Я бы с радостью пообщалась с Джеавир, но она сидела слишком далеко от меня. Разговаривать с медноволосой не было ни малейшего желания, поэтому я просто наслаждалась отмеренной мне передышкой.

Даармархский изредка бросал на меня такие взгляды, что мне следовало обратиться горсткой пепла, но у меня на жизнь были другие планы. Даже несмотря на то, что данное им обещание, до сих пор отзывалось во мне будоражащими искрами. Даже несмотря на то, что Хеллирия всячески поддерживала брата в его начинаниях, пытаясь пригвоздить меня к стулу иглами ярости. Сегодня ей пришлось изменить своей страсти к серебру, в платье бронзового цвета, цвете Даармарха, она выглядела особенно утонченной и хрупкой. Тем контрастнее на хорошеньком лице выглядела адресованная мне злоба.

Спокойно вздохнуть получилось лишь когда я оказалась у себя в комнатах. Нэри (взволнованные, со сверкающими глазами) пожелали мне спокойной ночи и с моего разрешения удалились к себе. Я же с наслаждением выпуталась из подарка дракона, и, когда служанки разобрали прическу, едва не застонала от блаженства. Отпустив девушек, направилась в купальню, чтобы расслабиться перед сном.

Опустившись в подогретую, благоухающую цветами воду, закрыла глаза. На пару минут, не больше, как мне показалось, но открыла я их от ощущения растекающегося по телу огня. Огня, который отзывался в самой глубине меня так сильно и яростно, как никакой другой. Осознание этого обрушилось на меня вместе с волной всепоглощающей мощи, когда Даармархский шагнул ко мне и рывком вытащил из воды.

Глава 9. Танни

Зингсприд, Аронгара

Н аверное, стоило продолжить внеклассное чтение про Ильеерскую, но у меня в голове не было ни единой связной мысли. Не было с вечера субботы, когда я, отложив мобильный, все-таки позвонила Леоне. Немалым облегчением оказалось узнать, что сестра ни о чем не догадывалась, когда Рэйнар при первом знакомстве «исследовал» ее прошлое, акцент он делал именно на нее, а не на меня. Собственно, наш разговор вышел коротким: пообещав не убивать папашу и разобраться в вопросе, сестра поблагодарила за откровенность и отключилась. В том, что Леона в бешенстве я поняла именно когда она произнесла:

— Ты правильно поступила, Танни, — таким сокрушительно-спокойным тоном.

Мы с ней никогда не отличались сдержанностью, но сейчас, спустя столько лет, положение в обществе сделало свое дело. Леона злилась так, что у меня мобильный только чудом не раскрошился льдом прямо в руках. Я чувствовала ее, а еще чувствовала, что для нее действительно очень важен мой звонок. Оставалось только надеяться, что я действительно поступила правильно, но выкинуть мысли о Диране и маме из головы не получалось.

Ведь что-то же в нем было, если мама вышла за него замуж, но сейчас я решительно не представляла, что. Кусок дерьма, который общался со мной, ничем не напоминал мужчину, который водил нас с Леоной в парк и на те крохи денег, которые мог выкроить от зарплаты, покупал леденцы, замороженный крем и билеты на аттракционы. Но даже учитывая то, как он поступил позже и то, что его характер оставлял желать лучшего, шантаж совершенно не вписывался в этот образ. Хотя бы потому, что смелостью Диран Барт никогда не отличался, а здесь фактически шел против Председателя. Конечно, существовала маленькая вероятность, что он искренне верил в успех своего бизнес-предприятия и думал, что я поведусь на угрозы, но у любого идиотизма должен быть предел.

Словом, вместо того чтобы отдохнуть и расслабиться, я ходила и думала только об этом. О том, кто на самом деле может оказаться моим отцом, если Диран сказал правду, о том, что у мамы был роман сразу с двумя мужчинами, и о том, что будет, если Леона подтвердит его слова.

Захочу ли я узнать, кто он?

Захочу ли я с ним встретиться? Захочет ли этого он?

Но главное — что между ними произошло, если мама вышла замуж не за него, а за это вот?

Я думала об этом, бесцельно шляясь по зингспридской набережной, глядя на накатывающие одну за другой волны. Думала, рассекая дорожку в бассейне (да, я все-таки туда дошла и выяснила, что теперь умею плавать). Думала, когда мы с Бэрри трусцой скакали по парку: она за любимым мячом, а я за ней, а за нами вальцгарды. Думала, когда засыпала, глядя сквозь балконные двери на искрящийся огнями город.

И совсем чуть-чуть думала о Гроу.

Самую капелюшечку.

О том, что могло бы быть, если бы меня не швырнули в тот ров с водой. Не знаю, с чего: возможно, как раз из-за бассейна, в котором я сначала взяла дорожку с глубиной мне по плечи, а потом перебралась на ту, где стояли тумбочки для ныряния. Пару раз я даже открывала чат сообщений, но потом закрывала. Что, спрашивается, я ему напишу: «Ты конечно, хрен драконий, но я теперь умею плавать»?

В итоге я так ничего и не написала, зато поучила роль в соответствии с новым графиком. В киноверсии Ильеррской из нее выдрали до чешуи значимых моментов (в частности, то самое вступительное испытание), но съемок это не отменяло. Поэтому я сидела и зубрила, отмахиваясь от не дающих покоя мыслей с переменным успехом и вспоминая старую добрую школу, в которой точно так же надо было заучивать наизусть тексты.

Особенно на фервернском языке.

В общем, к тому моменту, как я снова оказалась в гримерной, в голове у меня творилось непонятно что. Мысли про отца, желание позвонить Леоне и спросить, как идут дела (честно говоря, останавливала только вся эта тема с драконами, которая набирала обороты с каждым днем). Об этом говорили везде: в прессе, на телевидении, в кофейне, даже девочки-ассистентки Геллы. Я застала обрывок их разговора, влетев в гримерную на полном ходу.

— ... я все равно не представляю, как это — если драконы будут в городе?

— Не в городе, над нами просто не будет щита.

— Но это же значит, что они в любой момент могут напасть?.. — она увидела меня и осеклась.

В глазах отразился испуг, словно я сейчас схвачу ее за руку и потащу к Рэйнару за инакомыслие.

— В древности иртханы оберегали города безо всяких щитов, —

сказала я, сбрасывая сумку. — И ничего, человечество не вымерло.

— В древности случались налеты, — возразила ассистентка.

Продолжить разговор мы не успели, потому что влетело их начальство. Раздувая ноздри, шваркнула по стулу так, что он проскрежетал по полу и подъехал к зеркалам.

— Тебе особое приглашение нужно, Ладэ? — сверкая глазами, поинтересовалась Гелла.

— А тебе нужно к психоаналитику, — не осталась в долгу я.

Гелла скривилась, но я уже плюхнулась на стул, не имея ни малейшего желания развивать эту тему. Что они там с Рихтом не поделили, не мое дело, но пусть сами с этим справляются, ко мне это не имеет ни малейшего отношения. Мне бы со своими отношениями разобраться, в частности, к одному именитому режиссеру.

Как ни странно, если в выходные об этом думалось относительно спокойно, как само собой разумеющееся (ты же взрослая умная девочка, правда, Танни?) то сейчас меня снова начинало потряхивать. При одной мысли о встрече с Гроу, о том, что он шагнет ко мне и посмотрит в глаза, в груди разгорался костер. Какой там костер, огненный вихрь, ураган, перехватывающий дыхание и уносящий с собой остатки всех «но» и «если», куда там Ильеррской с Даармархским с их драконячьими игрищами.

Я хотела этой встречи и одновременно не хотела.

Потому что до ужаса боялась сказать: «Спасибо, что научил меня плавать».

Потому что понимала, что за этой фразой пути назад уже не будет, и что возможно, он мне и не нужен.

Путь.

А что нужно?

Или, точнее, кто?

Ой, Танни, не о том ты думаешь перед съемками. Совсем не о том.

Из гримерной я вышла слегка во взвинченном состоянии, стараясь не сворачивать свои мысли из Огненных земель в Аронгару. Хотя бы потому, что прекрасно помнила, чем это заканчивается.

Убийством дублей.

Когда оказалась на съемочной площадке, Гроу уже был там. Привычно раздавал указания, старший ассистент по декорациям носился, как тупнотый виаром за ляжку, а я на миг замерла. Просто потому, что до мгновения, когда он обернется, остались считанные шаги, а я так и не определилась с тем, что хочу сделать. Или сказать.

Оператор посмотрел в мою сторону.

Время остановилось, ну или потекло очень медленно.

Гроу все-таки обернулся. Я не успела понять, почему его взгляд огибает меня по касательной, поэтому тоже обернулась. Чтобы увидеть Даармархского, читай Рихта, с букетом цветов.

Букет солнечно-огненных аррензий, в Аронгаре они знаменуют страсть и все к ней прилагающееся.

Это еще что за...

— Танни, — произнес Рихт, глядя мне в глаза, — я вел себя, как последний засранец. Скажи, ты сможешь меня простить?

Кто-то из ассистенток (кажется, со стороны Гроу), судорожно вздохнул. Я же вцепилась в Рихта, прямо в его руку повыше локтя и с милой улыбкой обернулась на остальных:

— Мы на минуточку.

Режиссерский прищур впаялся в меня раскаленной печатью, но я уже поволокла Паршеррда в сторону гримерных. Точнее, он шел сам, и со стороны, наверное, это вообще смотрелось как то, что мы мило удаляемся под ручку, но ничего милого в этом не было. Больше всего на свете мне сейчас хотелось треснуть его букетом по голове, и пусть это не совсем обычная реакция на аррензии, мне было плевать. Я не была так зла с того момента, как он заявил мне «Привет, Танни», — и оставил целоваться с дверью павильона.

— Ты что творишь?! — выдохнула ему в лицо, стоило нам свернуть к гримерным, к уютному диванчику и кулеру с водой, рядом с которыми в свое время произошел наш эпичный разговор с Мелорой.

— Я не откажусь от тебя, Танни.

— Рихт, твою... драконью сущность! Мы же все выяснили!

— Не все, — он швырнул букет в сторону, и тот жалобно хрустнул слоями обертки. — Тебе ничего не светит рядом с Гроу, ничего хорошего, Танни, и я не собираюсь тебя ему отдавать.

От такого заявления я очешуела окончательно.

— А может я сама буду решать, что мне светит и с кем?

— Решать ты, конечно, можешь что угодно, — глаза его сверкнули темным огнем: ну чисто Даармархский, особенно в сейчас, в гриме. — И на твои решения я не претендую, но я не собираюсь смотреть на то, как он делает тебе больно.

— А, то есть тебе можно делать мне больно, а ему нет?

Рихт плотно сжал губы.

— Ты мне это до конца жизни будешь вспоминать?

— До конца жизни — это слишком долго, Рихт, — я зацепилась взглядом за лежащий на полу букет, и мне почему-то стало дико его жаль.

Наклонившись, подхватила цветы, которые вообще были ни при чем. Огненные лепестки раскрылись, аррензии благоухали так, что у меня кружилась голова. Некстати вспомнилось, как Рэйнар завалил нашу квартиру аррензиями (чешуя его знает, сколько их там было), но они стояли повсюду. Мне пришлось вытащить все вазы, тазики, ведра и прочую утварь, имеющуюся в наличии, чтобы поставить их в воду. Море цветов — это про тот случай, несмотря на позднюю осень я открыла все окна, чтобы было чем дышать, но Марр все равно чихал. А мне никто не дарил цветов. Точнее, не дарил до этой минуты.

— Танни, — Рихт шагнул ближе. — Я понимаю, как я накосячил, и я... ну не могу я отмотать время назад и все исправить. Я просто хочу быть с тобой, понимаешь? И если тебе нужно время, чтобы это понять, я буду ждать. Буду ждать, сколько потребуется...

— Ждун отсохнет, — рычащий голос Гроу ворвался в его слова раньше, чем Рихт успел закончить.

— По-моему, тебя это не касается, Джерман, — прорычал Рихт в тон ему.

— А по-моему, касается. Ты сейчас говоришь с моей девчонкой.

Прилетели.

— Это правда, Танни? — Рихт внимательно на меня посмотрел.

Испытывая смутно желание треснуть цветами сначала одного, потом другого, и до кучи себя, я покачала головой.

— Нет.

— Нет? — Гроу недобро прищурился.

— Не помню, чтобы ты меня о чем-то спрашивал!

Цветы вырвали из моих рук и повторно швырнули на пол. Там снова что-то хрустнуло, а Гроу шагнул к Рихту:

— Я, наверное, неясно выразился в Ортахарне, Паршеррд. Держись от нее подальше.

— В моем контракте ничего такого нет, Джерман.

— В ее есть, — режиссер жестко улыбнулся. — Сунешься к ней еще раз в широко-показательном жесте — Ладэ получит штраф. Что там на этот счет прописано в лархаррском кодексе мужской чести?

У Рихта снова сверкнули глаза: видно было, что он с трудом сдерживается.

— Что бы там ни было прописано, Джерман, ты с этим явно не знаком.

— И не собираюсь знакомиться. Ты сейчас саботируешь съемки — это

первое, и второе — подставляешь ее, — в меня ткнули пальцем, как в кулер с тумбочкой. Хотя сдается мне, у кулера с тумбочкой в глазах Гроу и то больше авторитета, чем у меня. Потому что именно так обо мне сейчас и говорили, как если бы я была собственностью «Гранд Пикчерз» и внештатный сотрудник попытался меня спереть.

Да не пошли бы вы!

Я развернулась и вылетела в коридор, оставив двух драконов (одного половинчатого, другого фальшивого) разбираться самих. Впрочем, судя по шагам, Гроу посчитал разборки излишними. С Рихтом.

— Стой, Ладэ.

Ага, щас.

— Я сказал, остановись.

Он перехватил меня за локоть раньше, чем я успела свернуть на площадку.

— А я говорю — идите в зад, ваше режиссерство, — процедила ему в лицо. — Я вам не трофей и не переходящий приз, чтобы решать за меня!

— Ошибаешься. В процессе съемок за тебя решаю именно я, Ладэ, и сейчас ты тратишь рабочее время.

В процессе съемок?! Рабочее время?! Замечательно!

— Да ну?! С чего бы Рихта не пустили ко мне, когда я болела? Тогда мы вроде были не в процессе съемок.

— С того, что Паршеррду нечего делать в моем номере.

— Да не вопрос, — я дернула локоть, но тщетно, захваты у режиссера знатные. — Только тогда в твоём номере была я, и спросить меня ты забыл.

В темные глаза ворвался зеленый огонь.

— О чем? Твое эпичное появление с Паршеррдом в Ортахарне и так прошло мимо исключительно потому, что у всех головы были забиты драконами.

— Твоя эпичная драка с Паршеррдом в Ортахарне прошла мимо исключительно потому, что у всех головы были забиты драконами! — рявкнула я.

Огонь взметнулся вихрем, кожу полоснуло льдом.

— Увидела цветочки, и все, сопли до пола, улыбка до ушей? — поинтересовался Гроу.

Че-го?!

— Представь себе, некоторые в отличие от тебя умеют ухаживать! — хмыкнула я.

Глаза полыхнули, как неисправный софтбокс, а от пальцев по руке разве что ледяные стрелки не побежали.

— Если желаешь углубить свое с ним знакомство, сделаешь это после того, как закончатся съемки. Если дождешься и не сдохнешь со скуки на первом свидании.

— Если подыхать со скуки — значит просто сходить в аквапарк, а не лететь в воду, сверкая задницей — то нет, не подохну! — прорычала я. — И кстати, сейчас именно ты тратишь рабочее время.

Это, похоже, сработало, потому что хватка ослабла.

Я рванулась и направилась туда, откуда по сути, вообще не стоило уходить, то есть на съемочную площадку.

Рабочее время — значит, рабочее время.

В процессе съемок — значит, в процессе съемок!

«Ладэ получит штраф».

Да засунь его себе в задницу и контрактом затрамбуй, хрен чешуйчатый!

С этой мыслью я вылетела из коридора, чтобы наткнуться на убийственный взгляд Гайера.

Рядом с бывшим исполнительным продюсером, а ныне исполняющим обязанности генерального менеджера стоял какой-то мужик. Ростом с Рихта, но телосложения куда более худосочного; темноволосый, с широким носом и раскосыми глазами.

— Почему я абсолютно не удивлен, что в очередной раз прихожу на съемочную площадку и вижу, что никто не работает? — поинтересовался Гайер, глядя сквозь меня. На кого, наверное, уточнять не надо.

— Ты уверен, что сможешь заниматься своими непосредственными обязанностями, если постоянно будешь бегать на съемочную площадку? — недобро поинтересовался Гроу, направляясь к нам.

Впрочем, направился не только он: два застывших чуть поодаль бугая тенями выросли из-за спины хлипкого Гайера. Они недвусмысленно намекали на то, что если кто-то рискнет прикоснуться к неприкасаемой туше, то будет иметь дело с ними. Видимо, Гроу тоже это понял, потому что на губах режиссера возникла саркастическая ухмылка, из-за чего Гайер плотно сжал губы, невыразительно-сухое лицо исказилось от ярости.

— Не в твоих интересах мне дерзить, Джерман. Ты знаешь, что решил Совет директоров.

— О, так вас можно поздравить?

Я не сразу поняла, что эти слова сорвались с моих губ, а когда поняла, Гайер уже повернулся ко мне.

— Кстати, о вас, эсса Ладэ. Вы, не имея актерского образования, находитесь на съемочной площадке только милостью Джермана Гроу и

благодаря своему умению вихлять задницей...

— Еще одно слово, — заметил Гроу, сунув руки в карманы, — и твоя задница до конца жизни будет вихляться в инвалидном кресле, Рон.

Он шагнул к ним, нисколько не смущаясь присутствию шкафообразных секьюрити, шагнул настолько уверенно, что Гайер попятился, очевидно, забыв о последних. Но тут же вспомнил и расправил плечи, чтобы казаться больше. Насколько это было возможно рядом с режиссером, потому что Гроу в плечах был ощутимо шире, несмотря на плюс-минус одинаковый рост.

— Возвращаясь к теме. Чиррон Хайндстрем — хореограф с двадцатипятилетним стажем, — дерьмой кивнул на стоявшего рядом мужчину, который за все это время не проронил ни слова и вообще изображал столб. — Член официальной государственной танцевальной ассоциации Аронгары, семикратный чемпион мира по фигурной пластике, и отныне именно он будет заниматься постановками танцев в этом вертепе. Никакого своеволия, ни шага в сторону без его одобрения, ни одного движения без согласования с ним. Это понятно?

— То, что член, я вижу, — хмыкнул Гроу. — У меня хореографическое образование, поэтому в услугах семикратного чемпиона мира мы не нуждаемся. Спасибо, что радеешь за наше общее дело, но мы справимся сами.

Гайер кивнул шкафу слева, и тот протянул ему планшет. С видимым удовольствием новопровозглашенный генеральный менеджер «Гранд Пикчерз» коснулся пальцем сенсора, после чего вручил планшет Гроу.

— Приказ, Джерман, — он выделил слово «приказ». — За подписью председателя Совета директоров. Если у тебя есть какие-то проблемы, то лучше говори об этом сейчас, у меня уже есть по меньшей мере четыре адекватные кандидатуры на твое место, и все они горят желанием работать. Работать по-настоящему, а не устраивать съемочный балаган, в том числе горят желанием найти решение проблемы в Лархарре.

У Гроу дернулась бровь, он сунул в руки Гайера планшет с такой силой, что того качнуло назад.

— Придешь ко мне с назначением нового режиссера — тогда и поговорим, Рон, — хмыкнул он.

— Приду, Джерман. Рано или поздно приду, — удивительно мягко для такого хрустящего куска дерьма заметил Гайер. — И ты прекрасно понимаешь, что сколь бы крутыми ни были твои картины, с этой ты налажал столько, что при желании тебя можно снять прямо завтра. Начиная с нее...

Он кивнул на меня.

— И заканчивая тем, что простаивает оплата павильона и массовки в Лархарре. Поэтому, и только из расположения к твоим ранним заслугам, когда ты еще был относительно адекватен... — Тонкие губы тронуло подобие улыбки. — Я не заставлю тебя переснимать танец на скале, в котором по мнению эстерда Хайндстрема нарушены все возможные техники, и по которому любой смыслящий в танцах кинокритик перечислит все косяки, не стесняясь в выражениях. Поэтому давай не будем усугублять...

Он потянулся было рукой к плечу Гроу, но тут же отдернул ее. Видимо, память о хрусте собственных костей еще была свежа.

— Сразу оговорюсь, эстерд Хайндстрем подчиняется напрямую мне, поэтому уволить его ты не можешь. Работай, Джерман. Просто работай, и возможно, у нас с тобой еще получится поладить.

— Это вряд ли.

— Ты сам это сказал.

Небрежным жестом вручив левому секьюрити планшет, Гайер развернулся и направился к выходу, шкафы направились за ним. Я попыталась перехватить взгляд Гроу, но мне его не досталось, зато досталось гафферу, который что-то намудрил с освещением.

Хореограф кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание, но ему это не удалось.

— Что застыли? — неестественно спокойно поинтересовался Гроу.

Так неестественно, что по залу прокатилась морозная волна.

— Один-один в пользу Гайера, — шепнул ассистент звукозаписи, когда я шла мимо.

— Угу, — негромко подтвердило его начальство, читай звукооператор. И добавило: — Мы все умрем.

Никто не умер: по крайней мере, на съемках. Не сказать даже, что Гроу был особенно злой, ну или это мы подсуетились, потому что пример гаффера был весьма показательным. Член, то есть хореограф (за глаза теперь все называли его именно так), с высоты своего положения осознал, что делать ему сегодня здесь нечего, и слинял. Что касается меня, то я вспомнила, где его видела раньше — в записях соревнований и показательных выступлений по фигурной пластике. Он сворачивался в такие крендельки, которые у любого человека с костями вызывают закономерный вопрос.

КАК?!

Впрочем, сейчас этот вопрос меня волновал меньше всего. На первом месте были цветы, которые обнаружились в гримерной в вазе и на которые Гелла смотрела так, что сразу становилось понятно, почему она с утра была не в настроении. На втором — отсутствие Ленарда на съемках и с ног на голову перевернутый график. Парень должен был приехать после обеда, но не приехал, и вместо сцены с Сарром мы снимали очередной разговор Даармархского и Теарин. Сибриллия тоже не появлялась, но если по поводу нее я не переживала (даже если она случайно провалилась в канализацию и сейчас не может оттуда выбраться), то по поводу Ленарда — очень даже.

Рихт не знал, куда тот подевался, остальные в съемочной группе тоже, поэтому освободившись и оказавшись в машине, я первым делом набрала его, чтобы узнать, как дела.

— Танни? — казалось, он очень сильно удивился.

— Нет, это инопланетянин, который завладел ее телом, — ответила я. — И ты теперь знаешь мой секрет, поэтому придется тебя убить.

— Кончай прикалываться, — донеслось из трубки сквозь смехок. — Ты чего?

— Хотела узнать, как дела, — заметила я. — Или это для тебя слишком?

— Да нет, — голос его, на самом деле, был невеселым. — Вообще-то я посрался с предками.

— Из-за чего?

— Из-за съемок. Завалил пару тестов, и началось.

Я вздохнула. По старой памяти, Леона тоже несколько расстраивалась, когда я приносила плохие оценки, но в основном все наши ругачки сводились не к оценкам, а к моему самовыражению и мировосприятию. Что, в общем-то (сейчас я это понимаю), было совсем не лишено смысла, потому что временами я вела себя как последняя засранка.

— Сказали, что если это повторится, это последнее кино, в котором я снимаюсь, ну и вообще... разозлились.

— Они не на тебя злятся, а на себя.

— За что? — поинтересовался Ленард.

— За то, что подписали контракт, хотя ты еще учишься. Поспоришь могу, им в школе не приходилось переключаться между двумя реальностями.

Он фыркнул.

— Учитывая, что отец — стоматолог, а мать финансист, вряд ли они верят в существование других реальностей. Странно, что они мне вообще разрешили сниматься.

— Потому что они тебя очень любят, — хмыкнула я. — Так что не грузись, все образуется. Тебя поэтому сегодня не было?

— Угу, — голос его стал еще более унылым. Я бы включила видео, но рядом с вальцгардами, пусть даже с Единичкой и его напарником, которые уже стали мне как родные, это точно было лишним. — Теперь придется пересдавать, а на этой неделе еще два, и еще один в начале следующей. Спасибо хоть Гроу все сцены со мной перекинул на следующую неделю, иначе я бы вздернулся.

Постойте-ка...

— Так он ради тебя график изменил?

— Ну да. Мы с ним в субботу вечером говорили, — Ленард вздохнул. — Я думал, он орать будет, ну или выдаст что-нибудь в своем стиле, но он сказал, что подумает, что можно сделать. И все перекроил. В общем, как-то так.

— Круто, — сказала я. — Ну тогда удачи тебе с тестами.

— Спасибо, — неожиданно серьезно отозвался Ленард. — И спасибо, что позвонила.

Я фыркнула.

— Волнуешься за меня? — он протянул это так ехидно, что мне захотелось дать ему в лоб. — Сестрееееенкаааа?

— Да иди ты! — от души пожелала я и отключилась.

В мессенджер тут же упало сообщение-смайл: дракон с высунутым языком, который был чуть ли не вполтину больше его морды. Я ткнула в соседний — дракон, показывающий задницу в полете. Не знаю, чем закончился бы наш обмен интеллектуальными сообщениями, если бы Единичка не произнес:

— Красивые цветы.

Красивые, да.

Они лежали у меня на коленях, роскошный букет, разве что обертка слегка помялась от того, что их нещадно швыряли. Тем не менее сейчас я подумала о том, что зря их забрала, потому что взгляд Гроу, когда я выходила с ними из гримерной, был чересчур говорящим. Сквозь равнодушие мазнуло ледяным огнем, отголоски которого тут же растаяли, а его режиссерство свинтило в неизвестном направлении, даже не попрощавшись.

Не сказать, что я на него уже не злилась, хотя по большому счету... почти не злилась, да. По сути, он был прав: в сложившихся обстоятельствах вломить мне штраф за несоблюдение условий контракта мог не только он, но и Гайер. В том, что последний сделает это с превеликим удовольствием,

я не сомневалась. Равно как и в том, что за смещение графика без согласования можно здорово огрести.

Тем не менее Гроу его сместил, потому что у Ленарда проблемы с учебой. То есть сначала он спихнул меня в бассейн, а потом выслушал этого парня и перекроил график под него. Зная, что если Гайер удосужится сверить порядок сцен, когда снова внезапно нагрянет с инспекцией, могут возникнуть большие проблемы.

Дорога до дома уже привычно не заняла много времени.

Бэрри вылетела ко мне, и я потрепала ее по голове: виари приплясывала в нетерпении — есть, а потом гулять. Я сбила с ног кеды один за другим, оставила мобильный на тумбочке (яркой вспышкой в сознании отпечаталось, как Гроу надевал мне туфли), после чего направилась на кухню. Надо будет спросить у Леоны, когда они с ним работали вместе, он тоже отличался столь... гм, противоречивым характером?

Стоило вспомнить о Леоне, как снова вернулись мысли про отца.

Бэрри захрустела кормом, а я привалилась к столешнице, глядя на довольную виари.

Интересно, сколько времени нужно Председателю, чтобы решить такой вопрос? И как скоро Леона позвонит?

В ту минуту, когда я об этом подумала, мобильный заорал голосом Ланды Этри.

Пара секунд ушла на то, чтобы осознать, что это не Леона (на нее у меня стояла другая мелодия). Следующие — на то, чтобы доскакать до мобильного, и еще несколько я втыкала на дисплей, пока не ткнула в «принять вызов».

— Танни, привет.

— Привет.

Это большее, на что меня хватило. Пока.

То есть я помнила наш с Гроу разговор о спецэффектах, но не ждала, что это будет так быстро, и что Нил лично мне позвонит.

— Я побеседовал с Гроу... В общем, он объяснил, что на съемочной площадке произошло недоразумение.

На нашей съемочной площадке главное недоразумение — это он сам.

— И просил, чтобы я оставил за тобой должность координатора.

А-а-а?!

— С возможностью принимать участие в создании спецэффектов, касающихся Ильеррской. Так что если ты не против... — Нил кашлянул. — В общем, я могу тебе предложить поработать по контракту. Мы сегодня

обсудили с юристами, как это все оформить, на время съемок. Ты уверена, что справишься? В смысле, что тебе хватит времени?

— Хватит, — сказала я, когда обрела дар речи, хотя сейчас меня интересовало немного другое. — Слушай, Нил, когда ты сказал, что Гроу просил, чтобы ты оставил за мной должность... это в чем выражалось?

Судя по молчанию, Нил слегка подзавис.

— В смысле? — донеслось, наконец, из трубки.

— Ну, я имею в виду, я же вроде как уволена.

— Даже не вроде как, — вот теперь Нил выглядел слегка смущенным. Точнее, звучал, потому что видеосвязи не было.

Угу, в наш век информационных технологий все происходит легко и просто: в добровольно-принудительном присылается соглашение о расторжении, поскольку я «не прошла испытательный срок». И все, спасибо-до свидания.

Мне даже расчет за закрытые проекты на карточку капнул уже.

— Так ты ответишь на мой вопрос?

— В пятницу вечером мы пообщались втроем. С генеральным, которому Гроу обстоятельно расписал, почему хочет именно тебя.

— По видео?

— Зачем? Он лично к нам приезжал.

— М-м-м-м... — сказала я. — Куда?

— Танни, ты трезвая?

Не уверена. Не уверена, что я вообще не сплю. То есть пока я в пятницу собиралась на свидание, Гроу лично смотался в «Хайлайн», чтобы убедить их взять меня обратно? Пусть даже по временному контракту, но другой они мне сейчас вряд ли смогли бы предложить. При такой занятости на съемках.

— Да я просто устала. Съемки — это...

— Утомляет, да, — фыркнул Нил. — Я видел фотографии, ты там такая... уставшая.

Мне захотелось побиться головой о стену. Представляю, как это выглядит со стороны: Гроу едет в «Хайлайн», чтобы лично объявить о том, что хочет меня в координаторы, после того, как я появляюсь во всех кинотеатрах страны (зачеркнуто) источниках массовой информации у него на руках. Вот почему нельзя сделать все по-человечески, а?!

Ну что ж за дракон такой!

— Нил, это не то, что ты думаешь.

— Да ничего я не думаю, Танни, — донеслось из трубки. — Спецэффекты ты делаешь круто, остальное меня не касается. В общем,

высылаю контракт. До связи.

Распроставшись с Нилом, я мысленно досчитала до десяти.

Ладно, слово Гроу сдержал, но теперь весь «Хайлайн» считает, что я с ним сплю!

Впрочем, если фотографии просочились в сеть, теперь все, кто их видел, считают, что я с ним сплю. Драконы спасли мир, то есть меня. То есть меня до сих пор не обложили журналисты исключительно потому, что внимание аронгарцев приковано к одной-единственной проблеме: сосуществование с драконами без защитной системы, к которой все привыкли.

Правда, если раньше я со стопроцентной уверенностью могла сказать, что все действия драконорежиссера — это методы продвижения, то теперь стопроцентной уверенности во мне не осталось вообще. Ни по поводу чего, кроме разве что одного: я должна поговорить с Гроу. Прямо сейчас.

«Прямо сейчас» немного отложилось, потому что я увидела лежащий на тумбочке букет, пошла ставить его в воду и думать о том, с чего начать разговор. Не придумывалось, поскольку наше общение было далеко от нормального. Что уж говорить, все, что со мной происходит, далеко от нормального, но сейчас я чувствовала себя вдвойне странно. В конце концов подумала, что полчаса роли не сыграют, и решила вывести страждущую виари на прогулку.

Бэрри радостно скакала по парку, то и дело порываясь взлететь, но поводок каждый раз надежно притягивал ее к ноге. Слишком много людей, случайно заденет кого-нибудь крылом — визга и проблем не оберешься. На Четвертом острове Мэйстона с этим было попроще, особенно зимой. Идешь, а вокруг никого, поэтому Леона частенько отпускала Марра (папашу Бэрри) порезвиться. В Зингсприде хоть и темнеет рано, все равно тепло, поэтому гуляющие с утра до ночи не переводятся, да и парк будет побольше и поуютнее. Вот и приходится виари изображать примерную девочку.

Вопрос в том, кого сейчас изображаю я.

Неужели так сложно просто позвонить и сказать: «Спасибо»?

Я вытащила мобильный, посмотрела на него и потеряла о джинсу вспотевшей ладонью.

Да, это сложно.

Особенно после того, что произошло сегодня на съемочной площадке.

Пришлось включать режиме «Танни Ладэ — тряпка», так я вытряхивала себя из всех серьезных жизненных ситуаций, когда хотелось свернуться клубочком, а на деле надо было просто дать кому-нибудь в лоб.

Нет, сейчас ситуация конечно была немного другая, хотя бы потому, что в лоб никому не стоило давать, но...

Я решительно открыла контакты и чуть не выронила мобильный из рук, потому что он снова зазвонил, и на сей раз это была Леона.

Нервы во мне напоминали канатики, по которым я не советовала бы ходить даже Теарин, возможно, именно поэтому мой голос прозвучал хрипло:

— Да?

— Танни, привет, — тон Леоны говорил о том, что разговор будет серьезным. — У меня для тебя две новости...

— Хорошая и плохая? — я подавила желание хихикнуть.

Интересно, почему так? Ничего не курила, а чувствую себя слегка укуреной.

— Обе важные, — сестра юмор не оценила. — Во-первых, стала известна дата повторного заседания по делу Ярлис и Гроу. Оно состоится в эту субботу, ближе к вечеру. В Мэйстоне.

Я ощутила, как желудок медленно (как первоклашка на уроке физкультуры по канату) поднимается к горлу.

Нет, по сути от меня особо ничего не требовалось, кроме как предстать перед двенадцатью самыми важными иртханами Аронгары и попросить их об одолжении. Ладно, Рэйнар не считается, но остаются еще одиннадцать.

— В четверг вечером у меня будет возможность пообщаться не на бегу. Я позвоню и расскажу, как все будет проходить, и как тебе стоит себя вести на заседании.

— Угу, — сказала я, — а вторая новость?

— Вторая новость о твоём отце, — голос Леоны стал чуть более прохладным, словно она пыталась справиться с охватившими ее эмоциями. — Мама действительно встречалась с двумя мужчинами, Танни. И один из них иртхан.

Глава 10. Танни

Мама Леоны, настоящая мама, Шайна Анж (оперная дива, взошедшая на пик своей карьеры совсем молодой), была наполовину иртханессой. Она об этом так и не узнала: стараниями своего дяди, прикрывавшего собственную ж*пу и спасавшего репутацию семьи, уехала из Аронгары в Рагран, на родину моей мамы. Там они и познакомились: Эрмина Ладэ подрабатывала у нее горничной. Шайна была напрочь лишена того, что называют снобизмом, поэтому с моей мамой они подружились. Когда случился налет, в их высотку врезался дракон. Шайна закрыла Леону собой и погибла, но моя мама успела спасти малышку и спуститься с ней в убежище.

Дядя Шайны, к слову, оказался той еще тварюгой. Он забрал маму с Леонкой из Раграна (чтобы до них «случайно» не добрался кто-нибудь еще). Несколько лет они жили в Зингсприде, потом перебрались в Мэйстон, где оставались под... гм, под наблюдением, о котором, разумеется, не знали. Тем не менее с одним из таких наблюдателей мама и встречалась, хотя в то время уже была знакома с Дираном. Подозреваю, что приставленному к ней иртхану просто захотелось развлечься. Мама была красивой и экзотичной, как все рагранки: удивительное сочетание смуглой кожи, темно-фиолетовых глаз и густых вьющихся темных волос невольно притягивало мужские взгляды.

Что между ними на самом деле произошло, никто не знает, но именно после разрыва с ним мама почти сразу вышла замуж за Дирана Барта. Леона не озвучила этого вслух, но почему-то казалось, что она считает моим отцом именно иртхана. Или просто мне так хотелось в это верить. Наверное, хотелось, да, потому что после этого разговора с я шальными глазами по старой памяти вышла на балкон, чуть не кувыркнулась с него от головокружения, вернулась обратно в комнату и долго сидела на кровати, глядя как меняются местами огни города: одни вспыхивают, другие гаснут.

Пусть вероятность этого была пятьдесят на пятьдесят, мне казалось, что пятьдесят иртханских наиболее вероятны. Иначе с чего мне так «гореть» от Гроу? Ладно, предположим сейчас это я еще могла как-то объяснить, но в самом начале, когда мне реально хотелось треснуть его планшетом?

Сцепив холодеющие пальцы на коленях, я кусала губы и думала о том, что сказала Леона. Она вообще мало что сказала, видно (точнее, слышно

было), что от этой темы ей самой не по себе, но и того, что я узнала, было более чем достаточно. Кровь иртхана неотличима от крови человека, пока не проснулся огонь. Чтобы выяснить, кто мой отец на самом деле, нужен тест ДНК.

Завтра после работы мне с вальцгардами предстояло приехать в одну частную, но весьма известную Зингспридскую клинику, чтобы это свое ДНК там оставить, а после уже от меня ничего не зависело. Но я все равно сидела и думала, думала, думала. О том, что возможно через пару недель (или даже раньше), я увижу свой огонь.

Настоящий огонь!

Леона сказала, что если подтвердится вариант отцовства иртхана, огонь мне нужно будет раскрывать в срочном порядке, но очень и очень осторожно. Очень плавно, чтобы не спровоцировать выброс, какой случился у нее, потому что пламя у иртханов обычно просыпается в подростковом возрасте. Если его не вытащить на поверхность, может произойти спонтанный всплеск, который ни к чему хорошему не приведет.

После того, как мне надоело пялиться на ночной город, я полезла в сеть. Иртханы хоть и оберегали свои секреты достаточно тщательно, после определенных событий (а именно оборота Леоны и Рэйнара, и прихода последнего к власти) открытости в мире стало значительно больше. Репортеров даже приглашали в Райгенсфорд, мэйстонскую академию, где обучались иртханы, и позволили прикоснуться к некоторым таинствам учебного процесса. В частности, ко владению пламенем, которое у каждого из иртханов было свое.

Зарождалось оно в центре ладоней, в смысле, визуальное его проявление, и выглядело действительно как язычки пламени, только разных цветов. С той лишь разницей, что поджечь что-либо могли только иртханы, управляющие огненной стихией или истинные. Чем первые отличаются от вторых, не объяснялось, ну там вообще мало что объяснялось: открытость была весьма специфическая. Тем не менее для людей иртханы перестали быть чем-то далеким и недостижимым, такой вариацией человекоподобной нечешуйчатой покусачи. Правда, менее крутыми и опасными они от этого не становились и ничего серьезного о себе все равно не рассказывали.

Например, как это самое пламя пробуждается, когда (это я узнала от Леоны), как это сделать, и все в том же духе. Несмотря на это я с упорством маньяка шерстила сеть в надежде откопать что-нибудь, что поможет мне понять или с полной уверенностью почувствовать это пламя в себе. Спрашивать такое у Единички и его напарника мне казалось бессмысленным (все равно ничего не расскажут), поэтому я терзала

поисковик.

Ничего не нашла, выпила пять чашек кофе, даже не почувствовав его дерьмового вкуса, и почти решилась спросить об этом у Гроу, когда контекстная сволочь... то есть контекстный поиск подбросил мне в новостную ленту огонька. Правда, не совсем такого, как я искала.

«Джерман Гроу и Сибрилла Ритхарсон, — гласила статья. — Как сочетаются вода и лед?»

Ангиной они сочетаются.

Захлопнула ноутбук и поднялась, правда, тут же рванула крышку наверх и клацнула ссылку.

«Впору назвать Джермана Гроу, знаменитого своими провокациями режиссера, коллекционером звезд», — распинался какой-то журналист.

— Виу? — спросила Бэрри, в ее глазах читался негласный вопрос: если спать не будем, то может, будем есть?

— Не виу, — отрезала я.

И снова уткнулась в монитор с упорством ужаленной в зад виари.

«Сначала Мелора Ярлис, которая по какой-то причине покинула проект о Теарин Ильеерской, впоследствии Танна Ладэ, которая заменила ее на этой роли...»

Снимки, подтверждающие его слова, мельтешили перед глазами (видимо, потому что мне уже пора спать). Гроу с Мелорой в ресторане, Гроу с Мелорой в каком-то клубе, Гроу со мной, держит меня на руках.

Гроу с Сибриллей.

Мне не составило особого труда понять, где они.

«Их по праву можно назвать самой скандальной парой столетия: Сибрилла Ритхарсон, дочь фервернского магната, в крови которой отметились сильнейшие правящие династии Севера; иртеханесса, отказавшая одному из самых видных политических деятелей своей страны. И Джерман Гроу, или Джерман Гранхарсен, отказавшийся от политики ради шоу-бизнеса».

Как и обычно в таких статьях было много бла-бла-бла, но я не сводила глаз с даты статьи: опубликована несколько часов назад. Не нужно было даже прилагать особых усилий, чтобы понять, что фотографии свежие. «Самая скандальная пара столетия» под ручку выходила из «Хрустальной иглы», ослепительно улыбаясь друг другу.

В отличие от Единички с напарником эта парочка ко мне относилась, как к досадному недоразумению. Может, у них просто не было возможности проникнуться моей решительностью и силой характера

(потому что перед ними я не переодевалась), но как бы там ни было, с этими вальцгардами мы ограничивались короткими: «Здравствуйте — до свидания», и мне даже в голову не пришло бы звать их на кофе. Пусть даже собственноручно приготовленный, потому что мой дерьмовый кофе тоже не для каждого, знаете ли. Особенно не для тех, кто смотрит на тебя сверху вниз с отсутствующим выражением лица.

Поэтому я не удержалась от искушения наступить на лакированный ботинок, когда садилась во флайс. Ладно, я может и не подарок, но смотреть на меня так не позволено даже иртыханам. Когда выяснится, что я тоже одна из них, подпалю им хвост, и не только им, одной драконоособи мужского пола заодно. Представила полыхающие штаны Гроу, и мне полегчало. Правда, ненадолго: стоило флайсу взмыть по рукаву на аэромагистраль, как все тщательно запикиваемые куда поглубже чувства вернулись.

Моя девчонка, значит, да?

А эту ледяную недостатую ты в «Хрустальную иглу» потащил, чтобы сценарий обсудить или снабдить руководством по наилучшему вхождению в образ?!

Желание высказать Гроу все с каждой минутой только усиливалось, поэтому я воспользовалась старым добрым средством — щелкнула пультом. Лететь нам было недолго, по верхней аэромагистральной особенно, поэтому раньше я не пользовалась встроенным в панель перегородки визором. Сейчас же мне надо было заняться хоть чем-то, чтобы не влететь в примерную в настроении Геллы. Зато теперь я ее понимала.

Ну, почти.

С Рихтом у них отношений не было, но это не мешало ей искренне желать отвинтить мне голову. Сибрилле я не просто хотела голову отвинтить, но и подпалить что-нибудь, чтобы остальным не обидно было.

— Эсса Ладэ, вы звук забыли включить, — сухо напомнил вальцгард.

— Да вы что? — огрызнулась.

Но звук все-таки включила.

Нашла «Соларс Ван», родной канал Мэйстона, и, разумеется, попала на передачу, где обсуждали предстоящее голосование. Там присутствовали ведущие драконологи Аронгары, которые в прямом эфире готовы были ответить на любой вопрос. В короткую паузу между сыплющимися на них сомнениями людей, ведущая со стрижкой-каре, подчеркивающей ее острый подбородок, решила напомнить вновь присоединившимся, о чем идет речь.

— Как нам всем известно, проблема, которая недавно всколыхнула мир, может привести к полному вымиранию драконов. До объявленного

голосования, в котором примет участие каждый совершеннолетний житель Аронгары, остается чуть меньше двух месяцев. Не скрою, что для всех и каждого из нас это событие является очень важным, переломным моментом. Последний раз мы оставались без щита... Напомни мне пожалуйста, Стир?

Ее напарник-ведущий, стильный блондин с косой челкой, взглянул в камеру.

— Сто пятьдесят лет назад, когда этой технологии еще не существовало.

— Да, именно сто пятьдесят шесть лет назад была изобретена технология удержания голосовым сигналом на расстоянии. Сейчас мы знаем об этом гораздо больше, и...

— Если верить нашим уважаемым гостям, никакой опасности для современного человека отключение щита не содержит. Кордоны вальцгардов будут круглосуточно дежурить на границе города...

— А современные смотровые башни будут оборудованы устройствами слежения, которые позволят зафиксировать приближение драконов в радиусе ста километров. Таким образом, мы сумеем подготовиться к любому налету задолго до того, как драконы об этом подумают. А у нас очередной интересный вопрос! — ведущая взглянула на планшет. — Скажите, местр Нардген, какова вероятность, что налеты после отключения защиты участятся?

— Никаких предпосылок к этому нет, — отозвался иртхан с зачесанными назад, если не сказать с зализанными волосами. — Драконы не нападают, если их ничто не тревожит. Поэтому дальнейшее использование защиты, я бы сказал, как раз может спровоцировать агрессивное поведение. Мы вытесняем их с земель, на которых они могут спокойно существовать и размножаться, доставляем серьезные неудобства.

— То есть фактически, защита сама по себе является угрозой?

— Не совсем так, — уклончиво ответил иртхан. — Точнее, пока они не пришли к нам, защита была стопроцентной защитой, но сейчас, если драконы по всей стране решились выступить с просьбой о помощи, мы просто не имеем права ее игнорировать.

Да, от вопроса ушел ловко.

— Еще вопрос, — на сей раз заговорил ведущий. — Какова сейчас ситуация в других странах, и почему подобного не происходит, например, в Ферверне?

— Мы не располагаем компетенцией отвечать на такие вопросы, — развел руками иртхан, — ситуация в других странах нам доподлинно

неизвестна, а говорить, основываясь на предположениях и теориях, в таких обстоятельствах просто неосмотрительно.

— Да, это очень, очень спорная тема, — ведущая бросила на зрителей профессиональный взгляд. — Тем не менее, если верить соцопросам, шестьдесят четыре процента аронгарцев готовы поддержать инициативу мэстра Халлорана и Совета Аронгары. Мы не хотим, чтобы драконы погибли, и это внушает надежду...

Да, это определенно внушает надежду.

Мы пошли на снижение, и я щелкнула пультом. Пожалуй, в том, что касается драконов, мое решение и до новостей про отца было весьма однозначным. Сейчас же я просто не представляла, как можно считать иначе. По сути, сохранение защиты — это геноцид, и если кто-то оправдывает себя тем, что будет спокойнее спать... ну, этим «кому-то» явно надо проветрить мозги.

Интересно, когда у меня проснется пламя, меня подпустят к драконам?

При мысли об этом сердце ухнуло вниз.

Драконы...

Очешуеть.

Я смогу общаться с драконами!

Мы с вальцгардами вытряхнулись из флайса и пересели на кар, мигом метнувшийся к девятнадцатому павильону. Спасибо драконам, я почти забыла про Гроу, но стоило мне оказаться внутри, как все разом вспомнилось: и улыбочка Сибриллы, от которой журналист только чудом не ослеп. После чего на радостях накатал статью о том, как будет счастлив мэстр Гранхарсен, то есть тьфу, ферн Гранхарсен (в Ферверне нет разделения обращений, как в Аронгаре, поэтому что человек, что ир்தхан, все одно: ферн) тому, если их семьи сплетутся корнями.

Подозреваю, что ферн Гранхарсен понятия не имел о том, что он должен быть счастлив, а при мысли о том, как Гроу корнями сплетается с Сибрилкой, у меня начинал дергаться глаз. Должно быть, именно поэтому я с трудом вписалась в поворот и чуть не вломила лбом в дверь гримерной, которая открывалась передо мной чрезвычайно медленно.

Сегодня Гелла пришла первой: ни ассистенток, ни Бирека еще не было, поэтому она сидела, водрузив ноги на перекладыны высокого стула и, подперев кулаками подбородок, смотрела на себя в зеркало.

— Привет, — буркнула моему отражению.

— Привет, — я сбросила сумку на диван. Сорвала с верха пирамидки стакан и плеснула себе воды из кулера. — Не спится?

— А тебе? — фыркнула Гелла.

Уж не знаю, в курсе она выхода Гроу с Сибриллой или нет, но сегодня мне с ней ссориться не хотелось.

— Вообще никак, — сказала я и плюхнулась на соседний стул. Выразительные круги под глазами как бы намекали на то, что мне сегодня только в хорроре сниматься, о чем я и сообщила Гелле. Она покосилась в мою сторону и снова фыркнула, а я задала вопрос, который еще вчера ни за что не стала бы задавать: — Слушай... что произошло у вас с Рихтом?

Гелла резко развернулась ко мне.

— Растрепал уже, да?!

Я пожала плечами.

— Вообще-то Рихт просто сказал, что вы встречались.

— Странно, что он не сказал, почему мы расстались! — она вскочила так резко, что стул отъехал на пару метров.

Судя по свирепому выражению ее лица, мой вопрос все-таки был лишним, но продолжить мы не успели: танцующей походкой в гримерную вошел Бирек.

— Девочки, привет, — устроив стильную сумку на своей тумбочке, стилист подошел к зеркалу. Длинная косая челка почти полностью скрывала левую половину его лица и переливалась серебром. Насмотревшись на себя, он почти сразу снова повернулся к нам: — Так, и что у нас на повестке дня?

Поскольку Гелла смотрела куда угодно, только не на меня, Бирек покачал головой:

— Опять поцапались?

— Не твое дело, — огрызнулась она.

Он вскинул руки:

— Эй, Гел, полегче! Я все понимаю, но от негативных эмоций появляются морщины.

— Я сюда на работу прихожу, а не на сеансы психотерапии! — рыкнула она. — К тебе это тоже относится, Ладэ.

Я вскинула брови:

— У меня ощущение, что вопрос «почему» риторический. С таким характером, как у тебя.

— У тебя характер просто отпад! — Гелла сложила руки на груди. — Вероятно, именно поэтому Гроу дефилирует с Сибриллой по ресторанам.

Ах ты ж...

— Да мне по*рать, с кем он дефилирует, — оттолкнувшись пальцами от стекла гримерного столика, поднялась. — Потому что, как ты вчера заметила, у меня есть Рихт.

Выражение лица Геллы стало совсем уже зверским, но в этот момент Бирек шагнул между нами.

— Хватит! — рявкнул он неподобающе высоко даже для его звящего голоса. — Угломонитесь обе, пока я...

— Не задушил меня своим парфюмом? — издевательски хмыкнула Гелла, а потом резко развернулась к двери, снабдив меня на прощание емким: — Стерва!

— Истеричка, — не осталась в долгу я, отступая и плюхаясь на стул.

Стоит ли говорить, что обстановка в нашей гримерной сегодня утром была далека от дружеской? Бирек дулся на Геллу, Гелла всех игнорировала, ассистентки у нее носились с вытаращенными глазами, из чего я сделала вывод, что если в имени или фамилии творческого человека присутствует буква «Гэ», то это Говорящая Гроактеристика.

Напряженность в гримерной мешала сосредоточиться на роли, вдобавок ко всему заряжала желанием кому-нибудь зарядить. Поэтому когда я вышла на съемочную площадку в полном боевом раскрасе и не обнаружила Гроу, очень сильно этому порадовалась. Решила, что у меня есть время подышать воздухом и расслабиться, но не успела сделать и двух шагов, как великий режиссер заявился в павильон с прицепом. Прицеп звонко цокал каблуками, рассыпая ледяные искры величия и аромат духов, при этом выглядела такой довольной, что мне захотелось испортить ей настроение вотпрямчас.

Сибриллия взглянула на меня сверху вниз и отвернулась, что касается режиссера, он на меня вообще не взглянул. Оценив декорации и освещение, дождался, пока Рихт подойдет поближе и вскинул руку.

— У нас на следующей неделе гаремные съемки и съемки начала отбора в четырнадцатом. По этому поводу, и поскольку местрель Ритхарсон у нас не знакома с большей частью коллектива, в пятницу вечером всем составом выдвигаемся в «Форсайт», будем знакомиться заново и общаться в неформальной обстановке. Отсутствовать нельзя, семейные обстоятельства не принимаются. Есть вопросы?

— У меня, — вперед выступил хореограф, который, оказывается, все это время стоял чуть поодаль. Я даже представить себе не могла, что семикратные чемпионы мира по фигурной пластике могут быть такими незаметными. — Если не ошибаюсь, сегодня во второй половине дня должны состояться съемки танца Ильеррской для Даармархского. Почему не подготовлены соответствующие декорации?

Дротик взгляда Гроу вонзился аккурат в высокий лоб семикратного чемпиона:

— Эта сцена сдвигается на пару недель.

— Могу я узнать, почему?

— Потому что я так решил.

Теперь их взгляды скрестились, и на площадке ощутимо заискрило.

— Вы считаете, что вправе таким образом распоряжаться моим рабочим временем? — говорил хореограф негромко, но в отличие от резкого напора Гроу на площадке холодало даже от звука его шагов.

— Ни в коей мере, — Гроу указал на часы. — И если бы вы не приехали на съемочную площадку в первой половине дня, вам бы не пришлось тратить свое рабочее время, эсстерд... прошу прощения, я совершенно забыл ваше имя, потому что моя ассистентка сообщила бы вам о перестроенном графике. Кстати, об ассистентках...

Он наконец-то повернулся ко мне и кивнул на стоявшую в стороне худенькую брюнетку с раскосыми глазами:

— Ладэ, это твоя новая ассистентка, Лира Принг, познакомьтесь в процессе. Все, спектакль окончен, съемки продолжаются.

Хореограф прошел мимо меня столь стремительно, что меня окатило его резковато-пряным парфюмом и тихой яростью. Подавив желание обернуться, направилась к декорациям.

— Нарывается, — шепнул гаффер ассистенту оператора, когда я проходила мимо них.

— Гроу по жизни нарывается.

В том, что он нарывается по жизни, я не сомневалась, но сейчас меня больше волновало другое. Драконорежиссер по-прежнему на меня не смотрел, а когда смотрел в мою сторону, то получалось исключительно сквозь. Я же пыталась понять: пятница. Он сказал, что у нас вечеринка в пятницу, а в субботу вечером состоится слушание в Мэйстоне. Сомневаюсь, что его не поставили в известность.

Ему настолько положить или наоборот?

Мне удалось перехватить прямой взгляд Гроу, и на миг меня знакомо обожгло. Впрочем, только на миг: он тут же отвернулся. Сибриллия процокала к нему (в своем умопомрачительном, льющемся в такт каждому плавному движению бедер, платье), наклонилась и что-то сказала на ухо. Когда режиссерская рука легла на ее талию, меня обожгло снова, на этот раз уже не по-детски.

Я вылетела со съемочной площадки в коридоры, чтобы ненароком никого не прибить. Ну или не высказаться, не стесняясь в выражениях, на глазах у всех. Глотнула обжигающе-ледяной водички из кулера, но прохладнее не становилось, напротив. Огонь растекался в груди

драконовой силой, а желание треснуть Гроу по голове чем-нибудь тяжелым из реквизита стало невыносимо-ярким. Мысленно я вломила ему софтбоксом и добавила режиссерским креслом, а в реальности смяла стакан и запустила им в стену.

Как назло, именно в эту минуту рядом нарисовалась Сибриллия, чтоб ее порвало на ледяные лужицы.

— Волнуешься перед съемками? — поинтересовалась язвительно-светским тоном.

Видимо, режиссерский планшет над головой ничему ее не научил.

— Как ты догадалась? — поинтересовалась я.

— По твоему лицу, — заметила она. — Его нет. И кстати, Танни... проигрывать тоже надо уметь.

Она прошла мимо меня в сторону туалетных комнат, а я сорвалась к себе в гримерную. Не была уверена, что когда ледяная швабра пойдет обратно, обойдется без штрафа.

— Что это ты такая взъерошенная, Ладэ? — поинтересовалась Гелла.

Бирек подпрыгнул, услышав эти слова, взгляделся в мою прическу, а потом укоризненно посмотрел на нее. Она язвительно фыркнула и тоже вышла.

— В ближайшее время в туалет не ходите, — посоветовала я ассистенткам. — Там две змеи.

Девушки переглянулись, стилист вздохнул, а я снова посмотрела на себя в зеркало.

Потом — на свои драные джинсы и футболку по самые бедра, валяющиеся на диване. М-да, если нас с Сибриллой поставить рядом, я в лучшем случае буду выглядеть как школьница рядом с местрель-Ферверн-сегодня-и-навсегда.

Не знаю, куда еще завел бы меня мыслительный процесс, если бы я не наткнулась на взгляд стилиста в отражении.

— Бирек! — резко развернулась к нему, из-за чего он подпрыгнул еще раз и прижал ладонь к сердцу.

— Вы смерти моей хотите?

— Не сейчас так точно, — отмахнулась я. — Твое предложение по смене имиджа еще в силе?

Я смотрела в зеркало и пыталась найти себя. То ли я действительно не привыкла к тому, что выгляжу как модель с обложки журнала, то ли поздно уже привыкать, но в девице с макияжем, которому могла позавидовать сама первая леди Аронгары, сложно было узнать Танни Ладэ. Теоретически, она

там была: где-то под слоем пепельно-дымчатого шелка, в который меня обрядил Бирек. Платье у меня невероятно красивое, вне всяких сомнений, и оно было единственной причиной, почему я впихнула ноги в серебристо-лаковые босоножки с ремешками.

Не знаю, кто придумал такую обувь, но это кто-то явно разменивал талант на всякие мелочи. По ощущениям, ему стоило изобретать пытки. Будь я шпионкой, через пять минут дефилирования в этих совершенно диких босоножках создалась бы во всем, только чтобы мне разрешили их снять. Биреку, кстати, тоже не помешало бы переквалифицироваться: то, что он делал с моими волосами, иначе как пыткой назвать было сложно. Когда он понял, что локоны долго не продержатся, решил забрать волосы наверх.

— С твоим характером высокая прическа тебе не пойдет, милая, — сказал он и собрал мои волосы в длинный блестящий тугой хвост на затылке.

Настолько тугой, что мои глаза самую чуточку косили в разные стороны (или мне так казалось), а голова ощущалась придатком к телу. Обрамления моему «необъемному» (по словам Бирека) лицу такая прическа, разумеется, придавала, но в целом веселее я себя чувствовала только когда на спор с Имери съела торт целиком. Потом мне было очень, очень нехорошо, и я себя ощущала ходячим вместилищем крема и бисквита. Сейчас я себя ощущала подключенной к панели зарядки, как если бы в мою макушку вместо корешков волос впивались раскаленные проволоочки.

Стилист всего этого не замечал, он сиял как украшение на моем платье, напоминающее не то оторванную с формы главнокомандующего вальцгарда погону, не то об эпохе Ильеррской. В напарники этой блямбе достались серьги, золотистый клатч, и, если говорить объективно, я действительно выглядела потрясающе. С одной небольшой поправочкой — это была не я.

— Прекрасно! Просто прекрасно! — Бирек отступил от меня, чтобы полюбоваться на мое отражение, я же скосила глаза на Бэрри.

Она глубоко вздохнула, чихнула и закрыла нос лапами, признаюсь честно, мне отчаянно хотелось сделать так же ото всех этих стайлингов, муссов и прочих косметических прибабасов.

— Ну, что скажешь, Танни? Совсем другой вид!

— Совсем, — согласилась я.

Вот смотрю сейчас на себя в зеркало, и даже познакомиться хочется. Благодаря хвосту у меня четче обозначились скулы, губы (спасибо контуру,

помаде и помощнице Бирека) стали полнее, ну про глаза я уже говорила.

— М-м-м-м... чудесно. Что скажешь? — он повернулся к визажисту.

— Потрясающе! — подтвердила она.

— Давай-ка! Поднимись! Покрутись! — Бирек вздернул меня на ноги и оттащил в центр комнаты, где я покрутилась.

Платье летело стильно. У него был достаточно интересный фасон: лепестки юбки, почти как у Теарин, с той лишь разницей, что в моем случае они закрывали больше, и было их всего два. Разрез от бедра, акцент на плечи и шею (что тоже логично, потому что формами я похвастаться не могла).

— Супер! — Бирек вскинул большой палец. — Круче даже я придумать не мог... Хотя что это я, я же это и придумал!

Я украдкой снова взглянула в зеркало. Определенно, внутри этого фантика была я: грациозная, элегантная, роскошная.

Наверное, к этому просто надо привыкнуть: в конце концов, Сибрилла же ходит в своих умопомрачительных нарядах постоянно, у нее в гардеробе наверняка нет ни одной пары джинсовых брюк или вытянутых футболок. При мыслях о Сибрилле зачесались ладони, потому что она меня не просто раздражала, бесила до зубовного скрежета. В каждой ухмылочке, в каждом мимолетном брошенном взгляде сквозило это ее «сибрилье» превосходство.

Ничего, сегодня посмотрим, на ком из нас лица нет.

Впрочем, толк от ледянеессы тоже был: желание треснуть Сибрилью по ледяной башке хотя бы пересилило мандраж перед заседанием, а мое перевоплощение позволило отвлечься от мыслей про тест ДНК. Завтра вдобавок ко всему должны были прийти результаты анализов, и если бы не собственный очешуительный вид, у меня бы глаза дергались в разные стороны. Сейчас, в общем, они все равно дергались, но немного по другой причине. Я столько раз себе представляла, как у Гроу при виде меня отвисает челюсть, и как я, вздернув голову, уйду танцевать, но сейчас понимала, что в таком наряде танцевать не представляется возможным. В лучшем случае медляк, и то не факт, риск пригвоздить партнера шпилькой к полу слишком велик.

Нет, в таком виде можно только красиво сидеть и красиво ходить (последнее тоже далеко не факт, у меня уже сводило правую щиколотку с непривычки).

— Так, — прервал мои мысли Бирек. — У нас есть еще полчаса до выхода... Чер, дорогуша, ты можешь выпить со мной кофе... Нет, ты сиди!

Он грозно обернулся ко мне, и я с облегчением опустилась на стул.

— Кофе я сварю сам...

Мудрое решение.

— Чер?

Визажистка кивнула.

— С удовольствием.

— Тебе не положено! — предупредил Бирек, ткнув в мою сторону расческой. — Макияж...

— Его поправить можно... — заикнулась было Чер.

— Нет! Сейчас все идеально.

Я вскинула руки вверх, и стилист удовлетворенно кивнул, направляясь к кофемашине. Бэрри подняла голову и тяжело вздохнула.

— Что? — мрачно спросила я, приподнимая юбки. — У тебя хотя бы нет вот такого!

Босоножки сели точно по ноге, и со стороны казалось, что все идеально. В общем, пока я сидела, все действительно было идеально.

— Вирр? — большие глаза.

— Мы с тобой погуляли и покормились, — заметила я. — Не ной!

— Они там все озвезденеют, простите мне мой рагранский, — пробормотал стилист, развернувшись ко мне. — Танни, ты очешуительна!

Главное, чтобы я не озвезденела раньше остальных.

Подняла вверх большой палец и снова покосилась в зеркало (это огромное зеркало с собой притащил Бирек, заявив, что в моей ужасной квартире просто невозможно работать). Бэрри, когда в первый раз увидела в нем свое отражение, зарычала и вздыбила шерсть.

— Та-ак... — стилист подал помощнице кофе, — ну что, Танни? Готова всех сразить?

— Ага. Спасибо, Бирек.

Стилист просиял. На миг померкли даже его блестящая одежда и переливы в волосах, настолько загорелись глаза. Он подмигнул мне и снова заговорил с Чер, причем так глубоко о моде, что я мигом выпала из разговора. Зато подумала о том, что меня надо было так вырядить на завтрашнее заседание. Спорим, у всех иртыханов челюсти попадали бы ниже уровня пола, и правящие забыли бы, зачем собрались? А я под шумок, тихонечко, попросила бы у них все что хочу, и быстренько оттуда слиняла. Стоило подумать про заседание, как мандраж проснулся снова. С Леоной поговорить не удалось, у нее там снова нарисовались какие-то дела, но она сказала, что мы все успеем непосредственно перед заседанием.

Так, Танни, у нас сейчас есть проблемы поважнее!

Например, как заставить Гроу сгрызть собственного дракона и при

этом не навернуться с каблуков.

Представила, как драконорежиссер сворачивает на меня шею, и даже хвост перестал казаться таким тугим. В конце концов, нечего было смотреть на меня, как на... Теарин! Чем больше я вспоминала приглушенные профессионализмом скользкие режиссерские взгляды, тем сильнее заводилась. Не знаю, до чего дозавелась бы, если бы Бирек не шмякнул чашечку о блюдце с таким звуком, что я подскочила:

— Выдвигаемся! — скомандовал стилист. — Танни, не наступи на шлейф! Мне нужно подбросить Чер, поэтому я чуть задержусь, поедешь одна.

Не одна, а с вальцгардами, но такой подставы я все равно не ожидала.

Войти в «Форсайт» вместе с Бирек — это одно, одной — совсем другое. То есть когда он меня так вырядил... И ладно бы Единичка с напарником были, но ведь сегодня опять смена этих сверхувнизщиков! Глубоко вздохнула.

Танни, соберись.

Тебе никто не нужен, чтобы выглядеть и чувствовать себя прекрасной!

Ни-кто!

С этой мыслью я шагнула в дверь, которую передо мной открыл Бирек, зацепилась каблуком за порожек и чуть не улетела вперед. Суровое вальцгардово плечо пришлось кстати, но гораздо более кстати пришелся совершенно очешуевший взгляд.

Да.

Это было весьма кстати.

Я улыбнулась, расправила плечи и, насладившись прилипшими ко мне взглядами сопровождения, кивнула в сторону лифтов:

— Выдвигаемся, мальчики.

Глава 11. Танни

В «Форсайте» мы впервые встретились с Гроу. Точнее, впервые мы с ним встретились в гримерной Мэйстонской оперы, когда он ползала перевозбудил так, что со своих кресел они сползали враскоряку. Остальные ползала перевозбудила Леона, но это к делу не относится. Я вообще смутно представляла, что буду делать дальше в таком вот прикиде, потому что в джинсах все было проще. То есть у меня был четкий план: войти в «Форсайт», всех поразить, а потом... потом в этом плане возникал длинный пробел, как и в большинстве моих планов, наверное. В целом, в аквапарке Гроу был прав — я не представляю, чего хочу от жизни. Слишком долго не представляла, чтобы сейчас вот просто так взять и представить.

Ну или слишком хорошо представляю, и все во мне отчаянно этому сопротивляется. Потому что когда представляешь, что хочешь одного-единственного конкретного мужчину, потом бывает мучительно больно.

Мысленно окатив себя льдом из ведерка с веоланским, я подала руку вальцгарду и вышла из флайса. Моделью я не была, это правда, но благодаря танцам походка и движения сложились, поэтому собравшийся у центрального входа народ дружно уставился на меня. Неоновые огни рассыпали сияние, а я шла по этой самой дорожке в сторону стеклянных дверей, и под платьем точно не было видно, что коленки у меня дрожат.

— Танни?! — очешуело выдохнул гаффер, когда я поравнялась с собравшимися.

Судя по взглядам, которыми меня ощупывали, девяносто процентов не сомневались в том, что меня подменили инопланетяне, а еще десять — сомневались в собственном рассудке.

— Привет, — сказала я как можно более небрежно. — Чего здесь торчим?

— Так там, гм... — это уже ассистент звукооператора. — Душно.

— А, — сказала я. — Кондиционеры сломались?

— Нет, — это уже моя ассистентка. — На самом деле там уже почти все собрались, а мы тут...

Ее кто-то ткнул локтем в бок, и Лира осеклась, быстро заправив за ухо темную прядь. Ее идеальное каре сейчас было уложено волнами, а короткое коктейльное платье тоже преобразило до неузнаваемости. Вообще, с новой ассистенткой мне повезло, мы мило пообщались в первый же день, и я поняла, что все у нас получится. В отличие от Мирис, Лира негнула нос, на

меня смотрела как на человека, а не как на звезду, и на редкость расторопно делала все, чтобы облегчить мне съемочную жизнь. Это было весьма кстати, поскольку со следующей недели мне предстояло еще параллельно заниматься спецэффектами.

Стоило подумать про спецэффекты, подумалось и про Гроу.

Стоило подумать про Гроу, и я прикусила язык. Слишком велико было желание спросить, на месте ли он, и вообще предварительно сунуть сквозь двери камеру на селфи-палке, чтобы оценить обстановку. Правда, длину этой селфи-палки сложно себе представить, но это уже детали.

— В общем, мы сейчас, — подвел итог гаффер, и я кивнула.

Не знаю, что у них там за секреты, но мне сейчас было не до расспросов. Да и потом, хотели бы сказать — сказали бы сразу.

Стеклянные двери разошлись, впуская нас в холл, и секьюрити тут же воззрились на нас сканирующими взглядами.

— Танни Ладэ, — я протянула документы.

Охранник мотнул головой.

— Руку, пожалуйста, эсса Ладэ, — я даже не успела удивиться, что мои документы не приложили к сканеру, как меня уже обраслели. Та же участь постигла мое сопровождение: по договоренности вальцгарды будут находиться в клубе, но не станут таскаться за мной по пятам, хотя сейчас я бы согласилась и на такое.

Коридоры привели меня в знакомый зал, на сегодня весь клуб был наш. В том, что Гроу не станет мелочиться, сомневаться не приходилось, поэтому я даже не удивилась сдвинутым волнообразной дугой столам. Стеклянные перегородки убрали, и зал представлял собой залитое неоновым светом единое пространство с возведенной сценой и экраном над ней.

Лестница, ведущая в ВИП-ложи, перегороджена не была, равно как и лестница, ведущая на балкон, на обзорную площадку клуба. Ту самую, на которую меня безуспешно пытался заманить Лэрг, и на которую теперь меня вряд ли кто-то заманит. Большая часть съемочной группы (я реально не представляла себе, насколько она большая), уже собралась здесь, я действительно видела море незнакомых лиц, но в такой многогранной картине, как Ильеррская, иначе и быть не может.

Гроу поблизости не наблюдалось, а вот собравшиеся вели себя как-то странно. Переводили взгляды на меня и слегка «залипали», потом косились куда-то мне за спину, после чего снова таращились на меня. Точно так же, как и обслуживающий персонал. Учитывая, что мое сопровождение осталось у входа в зал, я даже не представляла, что там за спиной такого

интересного, пока не обернулась.

А когда обернулась, челюсть пришлось ловить уже мне.

Голографический постер растянулся во всю дальнюю стену, вливаясь в неон огнем. Я уже напрочь забыла про эту фотосессию, поэтому сейчас глазела на шагающую из пламени Ильеррскую с развевающимися за спиной волосами. Кто-то из наших, в смысле из «Хайлайн» дорисовал античные колонны, замок Даармархского (правда, я его представляла иначе), и парящего в небе дракона. «Живой» постер отличался тем, что на нем в небо взлетали искры, и благодаря особой постановке освещения, вновь осыпались вниз, чтобы быть поглощенными языками пламени.

Которое эхом взметнулось во мне, когда я почувствовала обжигающий взгляд.

— Шикарно, — зарождающийся огонь перебил негромкий голос.

Я обернулась и вместо Гроу споткнулась о долговязого хореографа, который нарисовался между нами, прервав зрительный контакт.

— Да, постер что надо, — отмахнулась я, искренне желая наступить ему на ногу.

— Не постер. Вы шикарны, эсса Ладэ, — произнес семикратный чемпион, не желая убираться с моей дороги и открывать обзор.

Впрочем, убираться было уже бессмысленно: Гроу приблизился к нам, той самой опасной походкой, которую можно было сравнить с явлением только что проснувшегося дракона из пещеры.

— Не помню, чтобы я приглашал вас, — сунув пальцы в карманы джинсовых брюк, он качнулся с носка на пятку.

Глядя на хореографа так, что тому по идее стоило сделать «П-ш-ш-ш!» — и раствориться без следа.

— Видимо, память вас обманывает, эсстерд Гроу, — семикратный чемпион напоследок мазнул по мне взглядом и повернулся к нему. Впрочем, повернулся — это слабо сказано, он по-прежнему стоял вполоборота, однозначно отдавая предпочтение мне, как собеседнице. — Вы же ясно сказали утром: быть всем, семейные обстоятельства в расчет не принимаются. Разумеется, я не мог проигнорировать возможность познакомиться с новым коллективом.

Он произнес это столь невозмутимо, как мог бы сообщать сводку погоды, я же подавила неуместное желание фыркнуть. Неуместное — потому что он был из команды Гайера.

У Гроу шевельнулись ноздри, и он повернулся ко мне.

— Почти все собрались, Ладэ. Выдвигаемся.

И вот ни ощупывающего меня взгляда, ни восхищения в темных

глазах, только привычная режиссерско-начальственная небрежность. Теперь я испытала желание наступить на ногу уже ему. С размаху. Той самой шпилькой.

Дабы не проделать это прямо при хореографе, развернулась и предоставила Гроу меня догонять. То бишь прогулялась в сторону столов, на которых переливались неоновым светом грани бокалов, а салфетки напоминали разноцветные лоскутки.

— Куда? — поинтересовалась, когда режиссеродракон оказался рядом.

— На сцену. Представлю тебя и Сибриллу.

Имя «Сибрилла» подействовало на меня как раннарская трава на дракона. Для сравнения, раннарской травой драконов выманивали из укрытий, у них от нее слегка сносит драконью крышу.

— Серьезно? — спросила я. — Я справа, она слева?

— Можешь быть слева, — хмыкнул Гроу. — Милое платье.

Милое платье?!

Милое?!

— Ты просто мастер делать комплименты.

— Куда мне до некоторых, — хмыкнул он.

К счастью (а заодно и к моему величайшему разочарованию), он не пытался меня лапать. Потому что от одной его близости волоски на коже становились шеренгами и маршировали как вальцгарды в День Дракона. Днем Дракона у нас называли праздник, условно знаменующий появление первого иртехана. Весьма условно, потому что было это ну очень давно.

— Да, до некоторых тебе далеко, — не осталась в долгу я.

— А вот с прической вышло неожиданно.

— Что?!

Гроу чуть замедлил шаг, но только затем, чтобы вскинуть бровь.

— Ты постоянно забываешь про условия контракта, Ладэ. Любой твой образ на выход должен быть согласован с Геллой. Скажи спасибо, что она об этом помнит, и что у Бирека на языке ничего не держится дольше двух минут.

Я остановилась так резко, что юбка платья улетела вперед и вернулась назад серебром волн.

— Ты хочешь сказать, что...

— Ага. Твой образ утвердил я, но Бирек все равно выпендрился.

Я. Не буду. Бить его клатчем по голове.

И Бирека тоже не буду. Правда.

Правда-правда.

— В целом сойдет, — хмыкнул Гроу.

Сойдет?!

— Сибрилле ты тоже трусы выбираешь?! — поинтересовалась я.

— На тебе есть трусы?

Подавившись воздухом, я поняла, что здесь и сейчас точно произойдет убийство. И что убийство, когда вокруг только свидетелей — не лучший вариант начала карьеры в шоу-бизнесе, поэтому очаровательно улыбнулась и ответила:

— Нет.

Чуть подалась к нему и добавила низким шепотом:

— На мне вообще нет белья, но это только между нами.

Судя по тому, как сузился и раскрылся его зрачок, драконорежиссера основательно проняло. Проняло — и то ладно. Я приподняла брови и кивнула в сторону сцены:

— Ну что, Недодаармархский? Гарем собравшимся представишь?

После чего, не дожидаясь ответа, направилась к сцене.

Сибрилия отделилась от группы актеров, стоявших чуть поодаль, среди них я заметила ослепительную темнокожую красавицу (привет, Эсмירה), и высокого светловолосого мужчину (Янгеррд?). Эти двое выделялись из остальных... ну ладно, из остальных выделялись трое. Третья напоминала снежную драконицу в человеческом облики: светлые волосы крупными волнами обрамляли лицо и стекали на длинное темно-синее платье. Сзади у него был такой вырез, что он только чудом не открывал естественный ж*пный разделитель. В том, что на Сибрилле тоже нет белья, сомневаться не приходилось, ткань ее платья так обтекала фигуру, что даже когда она шла, хотелось заняться сексом. Искры крошки драгоценных камней (хотя мне приятнее было думать, что это стеклярус обыкновенникус) вспыхивали неоновыми звездами.

Сегодня звезда сделала акцент на яркость, включая макияж, и выглядела ослепительно.

— Джерман, — своим чуть хриловатым голосом произнесла она, — потрясающий постер.

Меня она предпочла не заметить, и я мысленно пожелала ей сломать каблук. Лучше бы шею, но каблук тоже сойдет.

Гроу кивнул, и когда мы поднимались на сцену, у меня возникло ощущение дежавю. В смысле, сюда бы сейчас Мэррис, которая с умным видом вещает:

— А теперь две девицы будут драться за одного дракона. Обнаженными. В камартовом фларе.

И будет полная аутентичность.

Я всерьез задумалась, нет ли среди испытаний на отборе драки обнаженными в камартовом фларе (в сценарии такого не было, но сценарий вообще здорово порезали), когда Гроу подхватил микрофон. Про таких, как он, говорят: родился на сцене. Если и на сцене, то для сцены — точно. Когда его голос ворвался в зал, тут же воцарилась тишина, а его голос отразился не только от стеклянного купола, он отразился во мне. Ударил в самое сердце, прокатился по телу, собираясь искрами в каждой клеточке тела.

— Сегодня здесь нет ведущих, — микрофон подхватывал его слова, усиливал, разнося над собравшимися вместе с бешеной, бьющей через край драконьей энергетикой. — Только мы. Никаких журналистов. Это частная вечеринка, поэтому вы можете творить все, что хотите...

Он вскинул руки, предупреждая готовые сорваться аплодисменты.

— Разумеется, в рамках закона, — добавил Гроу. — Впрочем, если никто не видит...

Эти слова поглотила волна смеха.

— Здесь и сегодня отрываемся по полной! — он обвел взглядом зал, и я чувствовала, как этот взгляд отзывается в каждом, вспыхивает в глазах ответным огнем, пусть даже среди стоявших внизу не было иртыханов. — Никаких ограничений! Никаких запретов! Никаких правил! Этот вечер нужно провести так, чтобы было что вспомнить, но вспоминалось с трудом, и здесь есть все, чтобы это у нас получилось!

Зал громыхнул так, что у меня заложило уши.

— Прежде чем мы начнем, хочу представить Сибриллу Ритхарсон, — он протянул ей руку, — нашу Хеллирию!

Под громкие рукоплескания «наша Стервиллия» шагнула вперед, ослепительно улыбаясь. Я краем глаза покосилась на экран за спиной и увидела ее довольную рожу размером с большую луну. Когда ее пальцы коснулись пальцев Гроу, у меня зачесались руки.

— Для меня большая честь, — ее улыбкой можно было убивать, в смысле, у лазера и то меньше мощности и радиус поражения, — принять участие в столь грандиозном проекте. Проекте, который, вне всяких сомнений, позволит миру иртыханов и миру людей стать еще ближе. Я выражаю искреннюю благодарность Джерману за то, что он пригласил меня присоединиться к нему...

Всю ночь репетировала, наверное. Когда не «присоединялась» к Джерману.

К счастью, на этой мысли я не успела задержаться:

— И к созданию этой истории. Я очень рада работать со всеми вами!

Последние ее слова поглотил грохот аплодисментов, дождавшись, пока они стихнут, Гроу протянул руку мне.

— Танна Ладэ. Наша Теарин.

Я шагнула вперед, и когда в пальцы плеснуло огнем, поняла, что моя речь просто-напросто не существует. Пара секунд у меня ушло на то, чтобы осознать это и еще столько же, чтобы осознать, что никто не собирается вручать мне микрофон. Под грохот аплодисментов, которыми встречали меня, или точнее, режиссерское представление меня, Гроу просто отпустил мою руку с откровенным намеком на то, что мне надо валить со сцены. Точнее, сначала отступить в тень его великолепия и сверкающего обрамления, читай Сибриллы, а потом валить.

И позволить Сибрилле наслаждаться произведенным эффектом, ага.

— А теперь...

Я перехватила микрофон из его рук. Точнее, просто накрыла его руку своей в ту минуту, когда он собирался что-то еще сообщить в затихающий шум. От прикосновения в запястье отдало будоражащим пламенем, от запаха кофе и сигарет этим пламенем шибануло в мозги.

— Диджей, который сейчас выбирает, что бы еще зарядить для настроения! Есть кто на связи?!

После моего заявления в зале воцарилась тишина, правда, ненадолго: сквозь приглушенную музыку донеслось усиленное динамиками:

— Есть.

Сейчас, когда я стояла так близко с Гроу, глядя в зал, у меня перед глазами слегка мельтешило. Учítывая, что раньше мне никогда не приходилось выступать перед аудиторией (на выпускном в школе я не горела желанием говорить о том, как сильно грущу, что мы расстаемся, потому что не любила врать, на выпускном в Академии, на вручении диплома вышло что-то из разряда «всем спасибо, все свободны»), оно было неудивительно.

— Тогда зарядите «Дрянную девчонку», — сообщила я. — Только упаси вас драконы, не кавер.

Пока драконорежиссер не опомнился, выхватила микрофон из его рук (из-за чего в зал ворвались шумы), а потом шагнула вперед, расстегивая заколку, надежно укрывающую тугую резинку для волос. С наслаждением стянула последнюю, отшвырнула в сторону, позволяя прядям рассыпаться по плечам и спине.

Кайф!

Никогда не думала, что распущенные волосы — это такой кайф.

Тряхнула головой, глядя в зал:

— Ребят, в этом мире есть две вещи, которые я делаю так же отвратительно, как варю кофе. Первое, — наклонилась, расстегивая ремешки на босоножках, демонстрируя Сибрилле и Гроу пятую точку с истинным наслаждением. Ничуть не меньшим, чем я испытала, когда распустила этот идиотский тугой хвост, — это хождение на каблуках. И второе — умение говорить речь. В общем, мы с вами поступим по-другому.

Развернувшись к Гроу и сунула ему в одну руку микрофон, в другую босоножки:

— Подержи.

Судя по тому, что в зал ворвалась музыка, диджей где-то там у себя отвис, а я вскинула руки вверх, с наслаждением отмечая, как синхронно вытягиваются лица драконогада и нашейстервиллии.

Эту композицию я обожала за резкость и за возможность творить что угодно под музыку, которая сносит крышу. Сумасшедшую, пьяную, совершенно оторванную.

Правая ладонь на левое плечо, левая на правое, быстрый взгляд в зал.

Поворот — руки в стороны.

И в танец!

Как раз на первых словах:

Да, я — дрянная девчонка!

И я такой была всегда!

Ты это знал изначально,

Что я — девчонка-беда!

Никакой плавности, только резкость — от кончиков пальцев, наконецником стрелы тянущихся за вскинутой рукой, до прогиба и шага вперед, из-за чего волосы расстилаются по сцене.

Ты это знал с первой встречи,

Но не хотел замечать,

Что я не хрупкий цветочек,

И не умею мечтать!

Уход в сторону, разворот — и платье снова летит впереди, а я шагаю за ним, врываясь в этот искрящийся серебром дым пламенем танца.

Я в облаках не витаю,

Хватает смелости мне!

*Ведь каждый день я сгораю
В своем несносном огне!*

Рывок вперед, вслед за руками, в глубь сцены, и я вынырываю прямо перед Гроу, волосы снова рассыпаются за спиной. Я едва успеваю перехватить наливающийся зеленью огня взгляд, и снова разворачиваюсь к залу.

*И возрождаюсь под ветром
Раскрытых крыльев своих!
Чтобы парить в этом небе —
Том, что одно на двоих!*

Движениями-порывами, как языки огня под ветром, шаг за шагом, из стороны в сторону, вливаясь в мотив.

*Пусть для тебя это слишком,
Пусть я не твой идеал...
Давай, признайся ледышка,
Лишь обо мне ты мечтал!*

Миг, когда в зале начали танцевать вместе со мной, я скорее почувствовала бешеной, бьющей в воздух энергией отдачи. Поэтому вскинула руки вверх, подхватывая ее и отступая: резко, словно на меня накинули невидимый аркан и рывком дернули назад.

*И пусть не хочешь ты верить
Не сможешь сладить со мной!
Огня тебя не умерить
Мой дорогой ледяной!*

Раскрыв ладони, ушла вправо, чтобы влиться в ускоряющийся ритм. Теперь — только расцвеченные неоном лица в зале. В их бесконечной смене и круговерти я даже не пытаюсь кого-то уловить, разве что в развороте снова натываюсь на подсвеченную зеленым огнем драконову зелень, а после падаю в последний куплет.

Платье летит над сценой дымом, и я действительно в нем горю.
Горю огнем, который чувствую сейчас, как никогда раньше.

*Да, я — дрянная девчонка!
Ни разу я не нежна,
Но ты давно понимаешь:
Одна тебе я нужна!*

Последний аккорд растворяется, когда я падаю на колени и, проехавшись по сцене на платье, которое где-то слегка трещит от такого надругательства, вскидываю руки вверх, чтобы потом рухнуть вниз под разлетающимся веером волос.

Музыка обрывается, зал взрывают аплодисменты и голоса. Я тут же вскидываю голову, чтобы увидеть поднятые руки и орущих коллег. Голова слегка кружится, как если бы я уже приняла бутылочку-другую веоланского, но веоланского во мне нет, зато есть их лица: горящие глаза, восхищение, их отклик, бьющий в меня той самой силой, которой мне так не хватало, когда я танцевала в студии или на балконе.

Наверное, если бы не Теарин, я бы никогда этого не поняла и не почувствовала.

Если бы не Теарин, если бы не Гроу...

Кстати, о Гроу.

Поднявшись, уже гораздо более текучим движением, выпрямляюсь. Он медленно приближается ко мне: наверное, если бы не сцена, меня бы раздраконили в прямом и переносном смысле, но сейчас у него только вытягиваются зрачки и раздуваются ноздри.

— Это твое, — почти рычит он, протягивая мне босоножки.

От огня, прокатывающегося через короткое прикосновение, сердце ударяет в виски.

— Оставь себе.

Глядя на коллег, снова кричу в микрофон:

— Спасибо!

И под новую волну аплодисментов спускаюсь в зал.

Точнее, прыгиваю: усевшись на край сцены, просто ныряю вниз.

— Вот это ты отожгла! — первой ко мне подлетела Лира, остальные потянулись следом. — Шикарный номер! Вы долго это готовили?

— Мы это вообще не готовили.

— Да ладно?! — гаффер хлопнул меня по плечу. — Здесь ничего не происходит без ведома Гроу.

Я хотела объяснить, что Гроу сейчас в крайней степени драконьей ярости, но в эту минуту за спиной раздалось:

— Зажгли?! — Резко обернулась, чтобы увидеть драконогада во всей

красе в центре внимания и услышать рев толпы: «Да-а-а-а»!. — Продолжаем в том же ключе! Крышесносного вечера!

В зал снова плеснула музыка, Сибрилла приблизилась к Гроу, и в эту минуту я пожалела, что оставила ему свое единственное секретное оружие: босоножки. Шпилькой в ногу для него — тот самый минимум, которого он заслуживает. Раскаленный моим танцем огонь бился во взглядах коллег, устремленных на меня и на сцену. Гроу посмотрел на меня крайне выразительно, в ответ я мысленно показала ему непристойный жест и отвернулась. Оставив драконорежиссера наслаждаться собственным величием, пробилась сквозь растекающуюся по залу толпу к столам.

Фуршет был богатый, персонал «Форсайт» уже сновал по залу с подносами, на которых в высоких бокалах пузырилось веоланское. Часть коллег уже направились к бару, где сегодня танцевали семеро барменов. Что касается меня, я выбрала себе максимально безопасные закуски: тарталетки с самой разной начинкой, не требующие приборов. Желание воткнуть вилку в режиссерский зад вернулось, как ностальгия.

— Отличная импровизация.

Умение семикратного чемпиона оказываться рядом в тот самый момент, когда я немного занята, в данном случае жую — просто потрясающее.

— Ну фто фы, — сказала я, даже не потрудившись прожевать перед ответом. — Ф этом мефте нифего не проифходит беф федома Гфоу.

— Бросьте, — отмахнулся он. Казалось, его совершенно не смутило столь нарочитое пренебрежение. — Я могу отличить импровизацию от постановки, у вас роскошная пластика, Танни. И очень живые танцы.

Я даже жевать перестала.

— Серьезно? — поинтересовалась я. — И давно вы это поняли? До или после того, как сообщили Гайеру о том, что в танце на скале куча косяков?

— Косяки есть у всех, — совершенно не смутился этот непробиваемый тип. — Даже у мэтров. Главное — желание их исправлять.

Прежде чем я успела сообщить, куда он может идти со своими нравоучениями, к нам подлетела гримерная команда. Бирек обнял меня так порывисто, что я чуть не опрокинула на него тарелку с тарталетками — едва успела выставить руку влево, и удержать на весу ее содержимое.

— У-у-умница моя! — пропел стилист, отстранившись. — Так станцевать... так станцевать!

С ним я бы тоже хотела о многом поговорить, но точно не при члене ассоциации, поэтому только кивнула. Обратила внимание, что в нашей

дружной команде не хватает Геллы, но она явно не горела желанием выразить мне свое восхищение. Дальнейший разговор со стилистом и девочками-ассистентками, наперебой говорящими о том, что будет круто вместе со мной зажечь на танцполе, как-то затих сам собой, когда к нам приблизился Рихт.

Сегодня он зачесал волосы назад и оставил две верхние пуговицы на светлой рубашке расстегнутыми. Это совершенно не вязалось с его стилем, но ему шло.

— Вы позволите украсть у вас Танни? — поинтересовался он, обращаясь почему-то к Биреку.

— Нет! — воскликнул тот, притягивая меня к себе, а потом так же неожиданно отпустил.

Я на всякий вернула тарелку с тарталетками на стол, а Рихт протянул мне руку.

— Пройдемся?

Куда можно пройти в клубе? Разве что в сторону постера.

Туда мы сейчас и направились, потому что возле столов было слишком много народу.

— Взять тебя веоланского? — спросил он.

Я покачала головой.

— Шикарно выглядишь, Танни.

— С торчащими в разные стороны волосами?

— Тебе идут торчащие в разные стороны волосы.

— Ага. И потекший макияж.

— У тебя не потек макияж.

— Ну и супер! — перехватила удивленный взгляд Рихта и добавила: — Поблизости не было зеркала, и мне нужно было, чтобы ты это сказал.

— Рад, что ты забрала букет.

Ну да, ничто случившееся на съемочной площадке нельзя утаить.

— Я не должна была его брать.

Рихт остановился, и я тоже. Сейчас мы стояли перед постером, с которого нас сыпались искры. Огонь плескался в его волосах, растекался по моей коже, чтобы снова отразиться в глазах стоявшего напротив меня мужчины, делая его еще больше похожим на Даармархского.

— Он шикарный, но на этом все, Рихт.

— Совсем все? — он усмехнулся.

— Ну... — ответила я. — Не заставляй меня говорить идиотские слова, которые воняют мелодраматизмом, как стоячие носки.

— Не уверен, что они воняют мелодраматизмом, — Рихт шагнул ко

мне вплотную. — Друзья?

Я улыбнулась.

— Меня не смущают стоячие носки, Танни, — он коснулся моих плеч, заглядывая в глаза. — Потанцуем?

— Я отдала Гроу свои босоножки.

Рихт приподнял бровь.

— Левая отмазка, да?

Он кивнул.

— Ладно. В общем, у меня философски-созерцательный период, я хочу остаться одна и подумать над своим поведением.

— Ты уверена, что здесь можно остаться одной?

— На сто процентов.

Подмигнула ему, а потом развернулась и направилась обратно к столам. Рихт что-то сказал мне вслед, но это что-то без остатка поглотила музыка.

Не надо было вспоминать Гроу, вот не надо! При одной мысли о том, что он где-то курсирует по залу под ручку с Сибриллой, волосы на затылке встали дыбом и захотелось кому-нибудь что-нибудь подпалить.

Я взяла блюдо, на которое нагребла себе столько закусок, сколько могла унести. В центр водрузила бокальчик веоланского, который стянула у пробежавшего мимо официанта. Подхватив эту драконову башню, с которой чуть ли не сыпались кусочки сыра, фруктов и прочей съедобной чешуйни, направилась к лестнице, ведущей к ВИП-ложам. К счастью, ни Гроу, ни Сибриллия мне на глаза не попались, а вход в ВИП-зону (несмотря на внушительного вида секьюрити, рассредоточившихся по всему залу и по верхней площадке) был беспрепятственный.

Я выбрала крайнюю слева ложу, водрузила тарелку на стол и щелкнула панелью блокиратора двери.

После чего устроилась на диванчике: голова на одном подлокотнике, ноги на другом.

Волосы расстелились по мягкому покрытию, а я вытащила из клатча мобильный и открыла архивы Ильеррской.

Глава 12. Теарин

Даармарх, Огненные земли

Б лизость дракона вливалась в меня потоками пламени: столь мощного, что бегущие по обнаженному телу капли с шипением испарялись. Волосы не вспыхнули лишь потому, что пропитались водой: возможно, именно она помогла сбросить наваждение, на которое я отзывалась всем телом, всей сутью, даже запертым внутри пламенем. Уперлась ладонями в мощную грудь, с силой отталкивая Даармархского, подхватила оставленный служанками в купальне халат.

— Что ты себе позволяешь, Теар-рин?! — прорычали мне в лицо.

Прорычали так, что по коже прокатилась горячая волна, отзывавшаяся в драконице желанием пригнуться.

— Встречный вопрос, местар. Что себе позволяете вы, оказавшись в моих покоях во время отбора?!

Резко развернувшись, направилась к дверям, но не успела сделать и двух шагов, как меня перехватили за локоть.

— Не смей от меня отворачиваться, девочка!

Я рванулась, чудом не оставив халат в руках Даармархского.

— Я вам не девочка! — выдохнула яростно. — Я — Теарин Ильеррская, претендентка на трон Даармарха. Вы сами того пожелали, местар, теперь извольте с этим считаться.

— Трон Даармарха, — в темных глазах полыхало пламя. — Хорошо, что ты это помнишь, Теарин. Потому что твое поведение за столом говорит о другом.

— Мое поведение?! — я вскинула брови. — Разве будущая правительница не должна уделять внимание гостям?

Даармархский приблизился, ноздри его едва уловимо подрагивали, выдавая ярость.

— Твое общение с Флангеррманским вряд ли можно назвать именно так.

Готовая уже огрызнуться, осеклась.

— С кем?

— Он забыл представиться? — рычание Даармархского вливалось в меня, отзываясь в самой глубине моего существа. — Янгеррд Флангеррманский. Правитель Севера.

«Просто Янгеррд?»

«Не люблю усложнять», — насмешливый, чуть с хрипотцой голос прозвучал в памяти так же отчетливо, как голос стоявшего напротив меня дракона.

— Это не отменяет того, что вам нечего делать в моих покоях, местар, — я вскинула голову.

— Только я решаю, к кому прихожу, — алое пламя ударило в меня с силой, перебившей дыхание. — Когда и зачем. До нашего свидания останешься в своих покоях. Никаких прогулок. Никакой библиотеки.

Что?!

— Эсмира тоже останется в своих покоях?! — прошипела, чувствуя, как внутри раскрывается алый цветок ярости. — И остальные претендентки?!

— Это тебя не касается, — раскалившаяся от его огня таэрран опалила кожу.

— Ошибаетесь, местар. Согласно правилам отбора...

— Правила здесь устанавливаю я, — пальцы легли на мой подбородок, заставляя вскинуть голову и напоминая о нашей первой встрече. — Ты этого еще не поняла, девочка?

Глядя в жесткое лицо, стряхнула его руку и отчеканила:

— Я все прекрасно поняла, местар.

Развернувшись, вылетела в комнаты, и на сей раз дракон не стал меня удерживать. Судя по тому, что за мной он не пошел, потайной выход находился прямо в купальне. Что, в общем-то, очень удобно: заявился в гости, хорошо провел время и вернулся к себе.

Я подхватила первое что попало под руку — бронзовую курительницу-цветок, источавшую легкий травяной аромат, и запустила ей в стену. Металл с глухим стуком звякнул о стену, содержимое расплескалось, неровными пятнами растекаясь по обивке и ворсу ковра. Взгляд зацепился за драгоценности, лежавшие на столике, я подхватила их и, вылетев на балкон, швырнула вниз, в мгновенно поглотившую их бездну высоты.

— Вирр?! — Дири подлетел ко мне и боднул в ногу с такой силой, что я едва устояла.

Именно это и привело в чувство, особенно когда виаренок ткнулся горячим носом в халат, заставив вздрогнуть. Впрочем, виаренком его уже можно было назвать с большим приближением: рос он настолько шустро, что перестал помещаться на лежанке, которую соорудили специально для него. Лапки выпрямились, крылья вытянулись, удлинился хвост — все, что нужно для правильного полета и приземления. По этому

поводу Дири мотнул головой в сторону перил:

— Виу!

— Поздно уже.

— Виу! — лапы шкрябнули по полу, а мне просительно заглянули в глаза.

— Ладно, — вздохнула. — Немного полетаешь, пока я не покровсала все подарки местара.

Потому что признаюсь, искушение было велико. Разодрать на клочки платье, в котором мне предстояло появиться еще один раз: в случае победы.

Победы, которая сейчас казалась далекой и недосыгаемой, как сходящиеся на небе две луны, царапающие небо острыми краями зарождающихся полумесяцев. Скоро двойное полнолуние, явление столь же редкое, сколь и опасное: драконы обретают невиданную силу пламени, причем не только чистокровные звери. Мы, иртханы, тоже реагируем на двойное полнолуние, удержать в себе звериное начало в это время сложно, если не сказать больше. В такую ночь сильные иртханы оборачиваются, чтобы пламя не сожгло их дотла, а у тех, кто обернуться не способен, человеческое начало отступает перед внутренним зверем.

— Сюда. Иди сюда, — я похлопала по перилам, и Дири вспорхнул ко мне. — Далеко не улетать. Как только позову — сразу назад.

Виаренок виркнул, а потом расправил крылышки, оттолкнулся и взмыл ввысь. Я смотрела, как Дири резвится над балконом, тренируя крылья — то расправляя их и паря вдоль стен, то складывая и стрелой устремляясь вниз. Облокотившись о перила, позволила ветру окончательно высушить волосы и перебирать их, как струны прайнэ. Ночная Аринта переливалась рассыпанной во тьме крошкой драгоценных камней-огоньков, а я смотрела на верещащего от радости Дири и в этот момент отчаянно, неистово ему завидовала.

Меня разбудил шум. Непривычный, поскольку в моих покоях всегда было тихо, даже океан в этой части замка рокотал издали: приглушенно, как недовольный дракон. Негромкие голоса нэри (нарочито пониженные, чтобы меня не потревожить), сейчас вызвали лишь полусонное недоумение. Ровно до той минуты, когда в них ворвался голос Сарра. Откинув покрывало, я спешно поднялась, набросив на ночное платье халат, быстро пригладила выбившиеся из косы прядки и вышла из спальни.

— Говорю же вам, местари еще спит.

— Так разбудите!

На этом я и застала моих нэри, Лирхен, обычно занимавшая

покровительственную позицию в этой парочке, сейчас отступила в сторону, зато Фархи, уперев руки в бока, стояла перед моим братом. Ростом немногим выше него, воинственно вскинув голову и всем своим видом показывая, что дальше он не пройдет. Судя по всему, девушка готова биться за каждую минуту моего сна, но сейчас, заметив меня, только растерянно моргнула.

— Местари, простите... мы говорили вашему брату, что...

— Ничего страшного, — я улыбнулась, но Сарр не ответил на мою улыбку.

Напротив, сложил руки на груди и мотнул головой.

— Выйдите!

Последнее относилось к моим нэри, и в его словах сейчас не звучало ни капли почтения, поэтому я нахмурилась.

— Лирхен, Фархи, пожалуйста, подождите у себя, пока я переговорю с братом.

Девушки склонили головы и вышли, а Сарр стремительно шагнул ко мне.

— Как ты могла?!

Его глаза сверкали, он сжимал кулаки и раздувал ноздри. Глядя на меня так, словно я совершила нечто непоправимое.

— Сбавь тон, — осадила его. — О чем ты?

— Сбавь тон?! — яростно выпалил брат. — О чем я?! О твоём потрясающем выступлении вчера, на открытии отбора! Весь замок только об этом и говорит. О том, что ты во всеуслышание заявила, что была наложницей!

Вот, значит, в чем дело. Стоило догадаться сразу.

— Я не могла поступить иначе, Сарр. На это были причины, и...

— Какие?! — прорычал он. — Помимо тех, что ты выставила нас на посмешище?! Весь наш род, память наших родителей! Своей идиотской выходкой! О чем ты вообще думала?!

Его ярость плеснула в меня, и меня затрясло. Затрясло, как никогда раньше.

— Возможно, я думала о нас, Сарр? — спросила тихо, стараясь удержать чувства внутри. — Думала о том, как нам выжить, как и всегда? Как каждый день после того, как мы бежали из Ильерры. Как каждый день, когда мы оказались в Аринте?!

— Для этого надо было называть себя шлюхой?!

Звук пощечины вышел настолько резким, что вздрогнула даже я. Испугавшись того, что сделала, потянулась к нему, но он отступил.

Стремительно, не позволяя себя коснуться: взгляд стал жестким, скулы обозначились резче.

— Правду говорят во дворце, что тебя нагулял непонятно кто, — выплюнул он мне в лицо. — Не может у меня быть такой сестры, а у родителей — такой дочери!

— Вон.

— Что?!

— Убирайся.

Я не сразу поняла, что голос принадлежит мне: тихий, глубокий, низкий. Таким можно было отдавать приказы, если бы не стягивающая мою шею таэрран. Сейчас она душила меня как никогда сильно, хотя может быть, дело было вовсе не в ней. Сарр развернулся, напоследок окатив меня яростным взглядом, и вылетел за двери. В наступившей тишине пощечина ее удара прозвучала гораздо резче, чем моя. И гораздо больнее.

Я вернулась в спальню, и, не снимая халата, упала на ложе. Оглаженные утренним свежим ветерком наволочки холодили горящие щеки, но слез не было. Я смотрела, как колышутся занавеси, идущие волнами, как блики перекатываются по ним, точно по водной глади. Смотрела и вспоминала.

— Местари Ильеррская! Местари Ильеррская, я правда не виновата, — приставленная ко мне воспитательница прижимала ладони к лицу. — Я только отвернулась, а она... уже висит на дереве! Ну чисто дикарка какая! А потом еще выше полезла, я ей говорила, чтобы она спускалась, а она только смеется и знай себе отплясывает, пошла чуть дальше... ну ветка и не выдержала...

Я не плакала, когда упала. Честно говоря, я даже понять ничего не успела, просто услышала треск и рухнула вниз, неосознанно цепляясь за протянувшиеся над землей ветви. Отделалась оцарапанными руками, ссаженными ладонями и коленями, парочкой синяков, ну и легким испугом, разумеется, как заявил придворный лекарь. Вообще-то я хотела сказать, что не испугалась, но передумала — так строго смотрела мама. И так же строго она произнесла, обращаясь к лекарю и воспитательнице:

— Оставьте нас!

Они подчинились, воспитательница непрерывно всхлипывала, а лекарь ступал бесшумно, словно состоял не из плоти и крови, а был отвергнутым предками духом. Стоило им выйти, мама приблизилась и опустилась рядом со мной на кровать.

— Ты расскажешь папе? — спросила я.

— Расскажу, — я опустила голову, но мама тут же добавила: — У нас с

твоим папой нет друг от друга секретов, Теарин.

Она коснулась пальцами моего подбородка.

— Он не будет тебя ругать, обещаю.

— Нет? — я неуверенно улыбнулась.

— Нет, если ты пообещаешь мне одну вещь. Когда ступаешь на ветку, проверяй, чтобы она была прочной, — серьезно сказала мама. — И только потом делай следующий шаг. Ты — наследница Ильерры, доченька, и каждый твой шаг — большая ответственность. Не только перед собой, но и перед нашей семьей, перед нашим народом.

Я кивнула, и строгость на мамином лице уступила место улыбке.

— К тому же, — добавила она, мягко погладила меня по щеке, — если с тобой что-то случится, я очень-очень расстроюсь. Папа тоже. И Сарр.

— Сарр едва ходить научился, — рассмеялась я.

— Но он уже тебя любит. Мы все тебя любим. Я люблю тебя, моя девочка.

— Я тоже люблю тебя, мамочка, — я нырнула в мамины руки, и мы обнялись.

От мази, которой мне покрывали ссадины, ранки пекло, но эти объятия были самыми целебными на свете.

Даже сейчас, сквозь время, потому что именно воспоминания о них подтолкнули меня в сторону купален. Когда я привела себя в порядок и вышла из спальни, нэри уже вернулись и опасливо поглядывали на Дири, подобрав шлейфы. Тот развалился кверху пузом и всячески показывал, что он милое и очаровательное существо, и что шлейфы платьев Лирхэн и Фархи его совсем не интересуют. А тот, что он изодрал пару дней назад, прыгнув на нэри в порыве радости — так это было просто досадное недоразумение.

— Пригласите служанок, — сказала я. — Пусть накроют завтрак на балконе.

Девушки переглянулись.

— Местари, боюсь, что вы уже не успеете позавтракать, — произнесла Лирхэн. — Через полтора часа обед, нас ждут в обеденном зале.

— В обеденном зале? — уточнила я, вскинув бровь. — Кто это сказал?

— Так... Приходила служанка от распорядительницы, сказала быть обязательно, — растерянно произнесла Фархи. — Мы тоже удивились, потому что все претендентки на отборе обедают и ужинают вместе.

Все претендентки, не считая местари Ильеррской. В ее случае правила «для всех» не работают, потому что местар, чтоб ему на ответственных переговорах огнем икалось, устанавливает их здесь сам.

Видимо, на общие обеды и ужины запрет не распространяется.

Что же...

— Хорошо, — отозвалась я. — В таком случае пригласите служанок, чтобы помогли мне одеться.

— Да, местари, — Фархи выбежала за дверь, а Лирхен направилась к шкафу.

Распахнула дверцы, перебирая наряды и сдвинув в сторону все, что было из алой ткани. Этот цвет мне назначил Даармархский, когда я была наложницей, поэтому я избегала носить алое, отдавая предпочтение другим цветам. Прочих нарядов было немного: пусть даже швеи трудились не покладая рук, за столь короткий срок большой гардероб не пошить. Тем не менее выбор был, и Лирхен обернулась ко мне, по одной руке расстелилась изумрудная ткань, в цвет моих глаз, по другой — кремовая, которая оттенит кожу.

— Что вам больше нравится, местари?

— Вот это, — я приблизилась к шкафу и достала платье, в котором встречала Даармархского в свою первую ночь в Аринте. Я помнила все, что тогда случилось, слишком хорошо, равно как и этот наряд. Раскаленная дымка рукавов, подчеркивающий грудь лиф, разрезы превращают юбку в лепестки пламени.

— Но... — Лирхэн широко распахнула глаза.

— Но? — я повернулась к ней.

— Это ведь... — нэри побледнела. — Этот же цвет вы носили, когда были наложницей.

Последнее слово она произнесла шепотом, и мне это очень не понравилось.

— Именно, — ответила я. — Я была наложницей, и этого не изменить.

— Но местари... все говорят...

— Кто — все?

— Другие нэри, служанки, и... остальные.

Даже не сомневаюсь. Вчера я прекрасно понимала, на что иду, но лучше сказать как все было самой, чем вручить это оружие против себя Хеллирии или Эсмуре. Теперь все, что они могут — это шипеть и плевать ядом, пытаюсь раздуть из моих слов скандал. Судя по тому, что Лирхэн уже знает про цвет, начали всплывать подробности, чего и следовало ожидать. Стоит мне дать слабинку, и этим тут же воспользуются, поэтому я не собираюсь стесняться того, что было, и не стану опускать глаза всякий раз, когда кто-то мне об этом намекнет.

— Они могут говорить, что угодно. Алый цвет — это всего лишь алый

цвет, Лирхэн. Если ты не можешь с этим справиться, скажи мне об этом сейчас.

Девушка побледнела еще сильнее, но ответить не успела: в комнату впорхнула Фархи.

— Служанки скоро будут, местари, и...

Она замерла, увидев в моих руках алое платье.

Та-ак.

— Девушки, — я протянула наряд Фархи, которая чуть ли не шарахнулась от него, но потом все-таки приняла из моих рук. — Вчера я рассказала о своем прошлом, которое, вне всяких сомнений, отличается от историй жизни других претенденток. Я догадываюсь, что вас пригласили ко мне, не спросив вашего решения, и возможно, сейчас ваши родные сожалеют о том, что приняли его за вас. Если для вас это слишком, вы можете отказаться меня сопровождать. Я сама попрошу о замене, и никто не узнает, с чем это связано. Но если вы решите остаться... Сейчас мне как никогда нужна ваша поддержка. Во всем.

После моих слов воцарилась минутная тишина, а потом Фархи шагнула в сторону спальни.

— Мне кажется, или у вас где-то были рубины?

Да, рубины. Про них я совсем забыла, поэтому вчера они не последовали за «отборными» украшениями.

— Рубины к обеду будут лишними, Фархи, — сказала Лирхэн, помогая ей и подхватывая юбки алого платья, за которыми уже потянулась пушисто-когтистая лапа. — Мне кажется, сюда больше ничего не надо, достаточно просто оставить распущенными волосы.

— И уложить крупными волнами, — согласилась Фархи.

Вдвоем нэри развили такую бурную деятельность, что служанки летали по комнате, как перепуганные светлирхи. Лирхэн и Фархи непрестанно отдавали распоряжения, мне не удавалось вставить даже слова, за что я сейчас была искренне им благодарна. Говорить не хотелось, думать о случившемся и о предстоящем тоже, поэтому я просто смотрела, как служанки вытягивают пряди, чтобы потом обмотать их вокруг раскаленных на камнях металлических полосок и выпустить уже вьющимися.

Лирхэн куда-то убежала, потом вернулась, как раз в ту минуту, когда девушки расправили лепестки юбки на платье и отступили.

— Что-то еще, местари?

— Нет, вы свободны.

Служанки поклонились и вышли, я же окинула себя быстрым взглядом

и осталась довольна увиденным.

Хаальварны традиционно остались у дверей, а мы с нэри направились в обеденный зал.

— Направо, — сказала Лирхэн, стоило нам выйти в коридор. — Здесь недолго идти, минут десять.

Да, для дворца повелителя Даармарха это действительно недолго.

— Пока вы одевались, я добежала посмотреть залу... она роскошная! Не представляю, сколько там будет еды.

Много.

Прокормить десяток жаждущих стать главной драконессой Даармарха претенденток — непростая задача. Особенно в месяц, когда луны сходятся на расстояние глаз на драконьей морде: и без того сильное пламя разгорается еще мощнее, расходует много ресурсов, и аппетит становится просто зверский.

Буквально.

— Кажется, я сейчас могу съесть дракона, — призналась Фархи.

— И я, — подтвердила Лирхэн.

Учитывая, как ели мои нэри (несколько дней подряд я наблюдала за этими аристократичными попытками девушек съесть меньше, чем поместится в их ладони), неудивительно, что они постоянно были голодными.

Мы миновали несколько коридоров и свернули к балкону-переходу, которых во дворце было бесчисленное множество. Их я любила гораздо больше, чем холодные каменные кишки: с балконов открывались прекрасные виды, и будь у нас больше времени, с удовольствием бы здесь задержалась, чтобы посмотреть на сверкающую на солнце ленту реки, огибающую город.

Все-таки Аринта потрясающе красива. Красивее только Ильерра, но в Ильерре все было по-другому.

Оставив балкон и наряд стражников за спиной, мы шагнули в высокие двери, чтобы оказаться в просторной, утяжеленной тонами темной бронзы анфиладе.

— Доброго дня, местари Ильеррская.

Лирхэн взвизгнула и шарахнулась в сторону, выступивший из полумрака дракон сделал это ну очень внезапно. Впрочем, судя по тому, что мне довелось узнать вчера, внезапность — его второе имя: перед нами стоял не кто иной, как Янгеррд Флангеррманский.

— Вы умеете появиться эффектно, — сказала я, глядя на мужчину.

Сейчас, когда полумрак не скрадывал хищность его черт, а пляшущее в

чашах пламя не разогревало, его внешность казалась еще более ледяной. Серебро волос и холодные, словно небо севера, глаза. В точности такие же, как капля льда, запаянная в медальон, видневшийся в вырезе рубашки. О силе, сокрытой в драконе, я по-прежнему могла лишь догадываться, поскольку раскрывать ее он не спешил.

— Все ради вас, местари Ильеррская. Сомневаюсь, что привлечь внимание такой женщины, как вы, будет просто.

— Правильно делаете, — ответила я. — А теперь прошу меня извинить, нас ждут.

Сейчас, когда первое изумление миновало, кровь закипала от его непробиваемого спокойствия. Поклясться могу, он совершенно не думал о том, к каким последствиям может привести наша встреча. Или же (что наиболее вероятно) ему было все равно. Лирхэн и Фархи, еще не успевшие оттаять после случившегося, тем не менее последовали за мной.

Ледяной дракон тоже.

— Вы заблудились? — стараясь сдерживать охватившие меня чувства, поинтересовалась я. — За этими дверями осталась стража, которая с радостью подскажет вам, куда идти.

— Нет, мне совершенно случайно в ту же сторону, что и вам, местари Ильеррская.

Мысленно я опрокинула ему на голову чашу с огнем. Иртханы управляют совершенно разными стихиями, Флангеррманскому подвластны лед, снег и бури. Управлять живой силой нашего огня он не может, так что посмотрела бы я на него, как он с этим разберется.

— Совершенно случайно, — хмыкнула я.

— Совершенно, — он игнорировал присутствие моих нэри с той же легкостью, как если бы мы действительно были одни в этом зале.

Прекрасно понимая, что за дверями анфилады нас ждет очередной наряд стражи, ускорила шаг.

— Я должен был представиться, это правда, — произнес он.

— Не должны, — желание окунуть эту ледяную статую в огонь стало еще сильнее.

— Должен. Теарин в таэрран.

От такого заявления я широко распахнула глаза и резко остановилась, когда он шагнул мне наперерез.

— Что вы себе позволяете?!

— Позволяю себе привлечь ваше внимание. Местари Ильеррская, — его голос напоминал порывы ураганного ветра. Сильного, ледяного, пронизывающего, набирающего мощь бури, от которой не скрыться

никому.

— Вы его достаточно привлекли вчера, — с трудом сдерживаясь, ответила я. — Что вам еще нужно?!

— Всего лишь сказать, что вы всегда можете на меня рассчитывать, — он едва скользнул взглядом по моим нэри, обратившись к ним колючим сухим приказом: — Забудьте.

Девушки замерли, словно замороженные порывом убийственно ледяного ветра. Этот ледяной ветер коснулся даже меня, продирая до костей, выстужая изнутри незнакомой, непривычной мощью. Иссиня-белое пламя в глазах, затопившее разделенную вертикальными зрачками радужку, отозвалось во мне одним коротким взглядом. Мгновение, за которое я успела почувствовать себя застывшей, долго не продлилось: мощь ледяного огня схлынула, глаза дракона снова стали человеческими.

— Свободны, — произнес он, а затем направился к дверям, через которые мы вошли.

Уверенный сильный шаг и удар захлопнувшихся дверей поглотил общий вздох девушек. Судя по их взглядам, растерянным и изумленным, они не понимали, что произошло. Больше того, они не помнили самого факта приказа, а Флангеррманскому для этого даже не пришлось особо усердствовать.

— Кто он такой? — спросила Фархи.

— Янгеррд Флангеррманский.

Она ахнула, а Лирхэн указала в сторону закрывшихся дверей.

— Местари Ильеррская! Кажется, местар обронил...

Я бросила взгляд туда, куда указывала нэри, и увидела поблескивающую в лучах солнца льдинку, сплавленную с порвавшейся (совершенно случайно, разумеется) цепочкой. Медальон Флангеррманского.

— Надо ему вернуть, — нэри шагнула было в сторону «оброненного» медальона, но я покачала головой.

— Нет, — перехватив изумленный взгляд девушек, добавила: — Нас ждут в обеденной зале.

Напоминание сработало: на второй план тут же отошли и странная встреча, и оставшийся на полу медальон. К счастью. Поднять его значило принять предложение ледяного, которое я принимать не собиралась. Я не собиралась больше с ним встречаться и разговаривать тоже, сколь бы велико ни было желание еще раз прикоснуться к этой обжигающей северной мощи, от которой веяло опасным словом «свобода».

Слишком опасным, как и обладатель ледяного огня.

Дорога до столовой не заняла много времени, и все это время девушки шептались о мужчине, которого помнили весьма смутно. Что касается меня, я старалась не думать о том, какая сила сокрыта в этом драконе. Сила, ничуть не уступающая Даармархскому, пусть и находящаяся на другом полюсе, противоположная ей.

Сложиться во что-то более осознанное эти мысли не успели, поскольку в обеденную залу мы вошли последними. Все претендентки и нэри уже собрались за столом, и стоило слугам распахнуть перед нами двери, как их взгляды вонзились в нас. Вонзились, плавясь о цвет моего платья, потекли по лифу и юбке раскаленными огненными каплями изумления, недоверия, потрясения.

Исключение составляли разве что Эсмира и Джеавир.

Если в глазах первой тлеет опасное пламя, то вторая девушка мне улыбнулась. Открыто, не таясь.

— Прошу к столу, местари Ильеррская. Нэри Лирхэн. Нэри Фархи, — Мэррис поднялась, приветствуя нас.

Именно она сидела во главе стола, как и положено распорядительнице.

Судя по всему, рассаживала претенденток тоже Мэррис, поскольку мне досталось место рядом с Джеавир, чему я сейчас была искренне рада. Она, пожалуй, была единственной, кто смотрел на меня совершенно спокойно и, я бы даже сказала, дружелюбно. Ее нэри тоже, они улыбнулись Лирхэн и Фархи, когда те присоединились к ним, и между девушками тут же завязалась беседа. Короткая, поскольку распорядительница подняла руку:

— Теперь, когда мы все собрались, — Мэррис обвела взглядом собравшихся, — хочу еще раз отметить, что все вы вчера держались более чем достойно.

— О да, — донесся до меня ядовитый шепот медноволосой Ольхарии. — Особенно некоторые.

— Местари Ларгер, — негромкий голос Мэррис звенел как сталь. — Потрудитесь объяснить, что вы имеете в виду.

— Легко, — рыжая передернула плечами, и ткань ее платья игривой волной прокатилась от спины к шлейфу. — Я не понимаю, с какой стати я должна сидеть за одним столом с бывшей наложницей.

— Вы всегда можете его покинуть.

Ольхария вздрогнула, обернулась ко мне, и ее хорошенькое лицо исказилось от злобы.

— Да кто ты вообще такая... — начала было она, но Мэррис пресекла это решительным:

— Вы слышали, что сказала местари Ильеррская, — обычно

спокойный взгляд бывшей распорядительницы гарема, а ныне отбора, сейчас полыхал яростью. — Если вас что-то не устраивает, местари Ларгер, вы можете обедать в одиночестве или с теми, кто по-вашему мнению вас достоин.

Иртханесса вскочила, нэри следом за ней.

— И вы будете все это терпеть?! — выкрикнула она. — Будете терпеть, что наравне с вами одна из тех, кто ублажал вашего возможного будущего мужа, а руководит вами та, кто назначал ей ночи для посещений?!

— Покиньте зал, местари Ларгер, — в голосе Мэррис звенела сталь. — Немедленно.

— С удовольствием! — прошипела Ольхария. — Но учтите, что я этого просто так не оставлю!

Она вылетела из зала, отшатнувшись от слуги, который открывал ей дверь, так брезгливо, словно он был заразным. Перепуганные нэри поспешили за ней, стараясь держать лицо и поджав губы в поддержку своей местари. Стоило дверям сомкнуться с глухим щелчком, как Мэррис снова повернулась к нам. Лицо ее оставалось спокойным, хотя в глазах по-прежнему полыхали искры ярости. Глядя на нее сейчас, сложно было сказать, в ком из нас больше огня — во мне, в любой из сидящих за этим столом или в этой женщине, которая каждый день выходит сражаться с драконами.

Окинув взглядом собравшихся и удостоверившись, что никто не собирается присоединиться к Ольхарии, Мэррис кивнула ставшим невольными свидетелями некрасивой сцены слугам и медленно опустилась за стол.

— Начиная с сегодняшнего дня, — произнесла она, пока наши бокалы и тарелки наполняли винами и едой, — мы будем собираться здесь каждый день во время обедов и ужинов. Отсутствие допускается по уважительной причине, либо для тех из вас, у кого проходит свидание с местаром, о котором мы поговорим после завершения трапезы. Исключения составляют лишь дни, когда будут назначены общие пиры, на которых вы будете присутствовать наравне с остальными.

— Эссари Мэррис, — спросила одна из девушек, миловидная, с волосами цвета золота в лучах солнца. — Скажите, когда станет известно о следующем испытании?

— Я расскажу о нем после того, как закончатся свидания с местаром.

— А сколько времени будет дано на подготовку? — полюбопытствовала сидевшая рядом с ней иртханесса, удивительно светлая жгучая брюнетка.

— Об этом вы узнаете в тот же день.

Ноздри Эмиры шевельнулись, выдавая ее раздражение. Короткая вспышка которого тут же погасла: даже сидя за общим столом иртеханесса однозначно выделяла себя из всех собравшихся. Разве что была гораздо умнее Ольхари, чтобы заявлять об этом во всеуслышание.

— Попробуй соус из ягод вирры, — негромко произнесла Джеавир, и слуга, перехватив мой взгляд, поспешил добавить их к моему салату. — И не обращай внимание на Ольхарию, она уже довела всех, кого только можно.

— Не сомневаюсь, — ответила я.

— Хочу сказать, что вчера... это было очень смело. Я бы так не смогла, — девушка все-таки окинула взглядом мое платье. Не высокомерным, скорее, заинтересованным, а потом принялась за еду. От движения шелковый локон скользнул с плеча на грудь, открывая стройную шею и шрам.

Уродливый шрам от ожога, надломленный полумесяц.

Клеймо отступницы.

Я поспешно отвела взгляд, но Джеавир заметила. И горько усмехнулась:

— Моих родителей обвинили в заговоре против местара Даармархского, — произнесла еле слышно. — Старшего, Ларрейна Даармархского. Меня и сестру клеймили, как дочерей предателей, маму с отцом казнили раньше, чем Витхар подтвердил свое право на трон в поединке с драконом. Нас с сестрой воспитывал дядя, и когда я повзрослела, отправилась в Аринту и добилась встречи с местаром. За давностью времени расследование проводить было бессмысленно, имя нашей семьи осталось запятнанным, но он предложил мне другой выход. Поэтому я здесь.

— Ты влюблена? — сама не представляла, что такие слова сорвутся с моих губ, но прикусить язык я не успела.

— Влюблена? — Джеавир улыбнулась. — В недостижимый образ дракона, который согласился меня выслушать? Нет, это единственная возможность изменить нашу с сестрой жизнь. Мое участие в отборе означает прощение, а значит, со временем сестра сможет устроить свою жизнь с иртеханом, которого она достойна.

— А ты?

— Мужчина, которого я любила, предпочел жениться на той, чье имя чисто, — ответила она.

Совершенно спокойно, но под этим спокойствием полыхнула такая

боль, что мне стало не по себе.

— Прости, — негромко произнесла я.

— Я сама начала этот разговор, — Джеавир отмахнулась, стирая отчаяние из на миг потускневших глаз и меняя тему: — Говорят, у тебя есть виаренок?

— Да, — невольно улыбнулась, вспоминая Дири.

— У меня дома тоже есть виари. Она от меня не отходит, мы с ней выросли вместе, поэтому сейчас она очень тоскует. И я тоже... по ней скучаю.

— Как ее зовут?

— Орни, — уголки губ Джеавир дрогнули. — Совершенно невоспитанное существо.

— Как ты смотришь на то, чтобы заглянуть ко мне в гости? — спросила я. — Не уверена, что Дири можно назвать воспитанным, но новым знакомствам он всегда рад.

— С удовольствием, — девушка улыбнулась.

За разговорами обед пролетел незаметно, и пусть иногда за меня снова цеплялись взгляды, они отлетали как подхваченные ветром колючки от чешуи дракона. Что касается Эмиры, ее попытки расплавить меня своим давящим величием закончились ничем, и в конце концов она просто переключилась на то, ради чего мы все собрались здесь. То есть на еду.

Когда слуги собрали десертные вазочки, Мэррис поднялась снова.

— Немного новостей о предстоящем, — произнесла она. — Как вы все знаете, начиная с завтрашнего дня и последующие десять каждую из вас ждет свидание с местаром. Это будет дневная встреча, программу которой определяет местар. Порядок свиданий должен был быть определен согласно жеребьевке...

— Должен был? — изумленно переспросила иртеханесса с золотыми волосами.

— Да, но местар предпочел определить его сам, — Мэррис кивнула. — Первое свидание состоится завтра, и на него приглашена местари Сьевирр, — короткий взгляд на Эмиру. — Второй будете вы, местари Риасса.

Распорядительница посмотрела на Джеавир.

Улыбка тронула чувственные губы Эмиры, когда она взглянула на меня. Девушки возбужденно перешептывались, обсуждая предстоящее и замолкая, когда называли их имена. Что касается меня, я застыла, прекрасно зная, что мое имя назовут последним.

Это было еще одно наказание Даармархского.

За своеволие.

За разговор с Янгеррдом.

За то, что осмелилась пошатнуть устои общества и бросить вызов традициям.

Я слушала имена, и внутри все переворачивалось.

От боли, от обиды, от осознания того, что это было сделано нарочно. На глазах у всех.

Поэтому едва дождавшись, когда Мэррис назовет мое имя и подведет итог, поднялась первой. Знала, что надо было остаться на месте, ничем не выказывать своих чувств, но выносить чужое общество и торжествующий взгляд Эмиры больше не осталось сил. Коротко поблагодарив за обед, я развернулась и направилась к дверям, мечтая только о том, чтобы оказаться как можно дальше от этого зала. Ото всех.

Слуги почтительно расступились, пропуская меня. В коридоре уже не нужно было сдерживаться, поэтому я ускорила шаг.

Чувствуя, что задыхаюсь, почти влетела в анфиладу.

— Местари! — донесся далеко сзади голос Фархи. — Местари, подождите!

Я не остановилась.

В ритме сердца билось о стены эхо моих шагов.

Билось до той минуты, пока не оборвалось царапающим хрустом под туфелькой, и я опустила взгляд. Медальон Флангеррманского по-прежнему сверкал ледяной каплей, оставляя мне несколько секунд на раздумья: вот-вот в анфиладу войдут нэри.

Мгновение я смотрела на него, а потом, наклонившись одним текущим движением, подняла и продолжила путь.

Глава 13. Танни

Зингсприд, Аронгара

Узнать, что было дальше, мне не удалось: замок щелкнул снаружи, и в ВИП-ложу ввалился не кто иной, как великий режиссер собственной персоной. Судя по тому, с каким остервенением он сжимал в руке ключ, кое-кто был не в настроении.

— Ты что творишь?! — прорычал он.

— Я? Читаю, — показала ему мобильный. — Архивы Ильеррской, между прочим. Цени.

Мои старания и радение за общее дело не оценили: Гроу шагнул ко мне и сдернул с дивана. За плечи, рывком, из-за чего мы оказались лицом к лицу, и по коже прокатилась волна огня.

— Я, кажется, ясно выразился: всем присутствовать.

— А я присутствую, — ответила, испытывая сильное желание врезать ему клатчем промеж глаз. — Я на территории клуба, видишь?

Показала ему браслет.

— Хватит паясничать, Ладэ! — процедил он. — Ты сегодня уже достаточно вихляла задницей.

Что-о-о?!

— Это ты от Гайера нахватался? — поинтересовалась я. — Или после моего танца штаны сильно жмут, Повелитель ледяных кубиков?

— Штаны сильно жмут всем, кто оказывается рядом с тобой, — огрызнулся он. — Паршеррду придется подождать, пока вечеринка закончится.

До меня не сразу дошел смысл его слов, а когда дошел, огнем полыхнуло уже не по-детски.

— Вали отсюда, — сказала я, указывая на дверь.

— Только после тебя, — опасной зелени в глазах становилось все больше.

— Нет уж, я дождусь Паршеррда, — хмыкнула я. — А еще хореографа и Бирека. У нас тут намечается небольшая оргия, но ты уже не влезаешь.

— Не удивлюсь, — меня окатило волной его огня. — Странно, что тебя удалось застать без эскорта из мужиков.

Что-о-о-о-о?!

— Кто бы говорил, — огрызнулась я, сжимая мобильный с такой силой, что раздался слабенький хруст. — На тебе сосульки гроздьями висят,

только успевай стряхивать.

Не дожидаясь ответа, опять плюхнулась на диван. Почти: Гроу перехватил меня в полете и дернул вверх. Выхватил из моей руки подарок Рихта, и на моих глазах тот вспыхнул зеленым пламенем.

Буквально.

Я прямо почувствовала, как в нем плавают микросхемы, а режиссер швырнул ставший бесполезным гаджет на столик, угодив в башенку из сыров.

— Выметайся из ложи, Ладэ.

— Совсем очешуел?!

Вместо ответа он схватил меня за локоть и просто вышвырнул за дверь. Пролетев пару метров аккуратно до стоящего секьюрити, развернулась, чтобы высказать Гроу все, что думаю, но меня перебили:

— Эту в ВИП-ложи не пускать. Все слышали?

Судя по выражениям лиц, слышали все.

— Чудно, — сказал Гроу и направился вниз по лестнице, оставив меня с открытым ртом.

Мысленно я опрокинула ему на голову ведро со льдом и сейчас от души колотила по этому ведрю бутылкой веоланского. Еще и ногой отвесила по самому драгоценному, чтобы мозги на место встали.

— Ты что творишь?! — прошипела я, когда пришла в себя.

Рядом с лестницей, рядом с режиссером, который обернулся, встречая мой вопрос прищуром:

— Вот мы и вернулись к моему вопросу, правда, Ладэ?!

В его словах было столько сарказма, что его можно было использовать как биологическое оружие против невинных и неискушенных.

— А не пошел бы ты, Гроу?! — в тон ему поинтересовалась я.

И рванула вниз по лестнице, мимо него. Чтобы снова быть перехваченной за локоть.

— Контракт, Ладэ. Помнишь?

Я не превратилась в дракона только потому, что огонь во мне еще не проснулся. Но вот отказать себе в удовольствии пройтись ногтями по режиссерской руке не смогла.

— И каким образом эта гулянка имеет отношение к контракту?

— Эта гулянка, — значок его дернулся в вертикаль, но руку он так и не разжал, — имеет прямое отношение к контракту. Ты обязана выходить со мной, и сейчас я говорю, что ты здесь останешься. Усекла?

— Усекла, — прорычала я, после чего отпихнула его режиссерство и спустилась в зал.

Внутри творилась не то огненная буря, не то крошечный чешуец, я подхватила бокал веоланского у проходящего мимо официанта, залпом опрокинула в себя и даже не почувствовала вкуса, зато почувствовала, как пузырьки ударили в нос.

Чтоб я...

Еще раз...

Последний раз меня так колотило, когда мне первый раз влили штраф, и то, кажется, в тот раз было чуть поспокойнее.

— Танни, — ко мне подошла темнокожая красавица, ее платье переливалось рубиновыми искрами. — Привет! Меня зовут Лэй, я играю Эсмиру.

— Привет, Лэй, — я улыбнулась, если можно так выразиться.

На самом деле я очень, очень старалась: желание жестоко избить одного режиссера еще не повод кидаться на всех остальных.

— Как ты вообще оказалась на съемках? — спросила она. — Говорят, ты раньше занималась спецэффектами.

— Вообще-то и сейчас занимаюсь, — ответила я. — А на съемках... я станцевала.

— Если как сегодня, то меня это совсем не удивляет, — Лэй рассмеялась, обнажив красивые зубы.

Она больше ничего не спросила и уже начинала мне нравиться.

Правда, полноценно определиться с отношением к Лэй-Эсмуре я не успела, потому что на сцену поднялись коллеги с секретом, которых я встретила у входа в «Форсайт». Микрофон взял гаффер, он же шагнул вперед, и экраны за его спиной отразили мужчину крупным планом.

— Ребята! Минутку внимания, пожалуйста!

Музыку приглушили мгновенно, и гаффер улыбнулся.

— Все мы знаем, по какому поводу мы здесь собрались... — Он сделал паузу, и по залу пронесся негромкий шепот. — Но не все знаем, как все началось. То есть, я хотел сказать, началось для того, кто собрал нас всех здесь. Мы решили рассказать вам об этом.

Он обвел взглядом зал, стоявшие за его спиной коллеги улыбались.

— Лира.

Моя ассистентка шагнула вперед, на экранах за ее спиной волны стерли повторение того, что происходит на сцене. Вместо коллег появилась фотограмма забитого до отказа зала, а затем панорама Грандвэй, пожалуй, самого известного театра Аронгары, находящегося во Флангстоне. Панораму снова сменил заполненный зал, потом кадр сцены, где актеры выходят к зрителям уже после окончания спектакля. Исполнители главных

ролей, соединив вскинутые руки, стояли в самом центре сцены, заваленной букетами.

— Восемь лет до Смены Времен, — Лира улыбнулась. — «Небеса в огне», первая постановка Джермана Гроу. В те времена еще никто не знал это имя, но после премьеры все изменилось.

Кадр сменился снова: мужчину на нем выдавали разве что толстовка и джинсы с вытянутыми коленями, потому что длинные волосы (гораздо длиннее, чем сейчас), были стянуты за спиной в хвост, глаз за модными для того времени солнцезащитными очками вообще не было видно. Завершала картину раскрытая ладонь, срезавшая пол-лица, с выразительно оттопыренным средним пальцем — поверх непристойного жеста в камеру смотрел молодой Гроу.

— Журналисты не давали ему прохода, и это всегда заканчивалось для них приблизительно так.

Слова Леры зал встретил грохотом смеха, но на экран уже вывели новую фотограмму. На сей раз на сцене едва ли не происходило то самое, что в представлении Даармархского именовалось наказанием. Хотя, судя по его изобретательности и богатому опыту, наказания этот дракон вообще любил, умел, практиковал.

— Следующая постановка перевернула театральный мир... — Лира задумалась. — Я бы сказала, поставила его в непристойную позу, заставив мнения критиков разделиться.

Очередную волну смеха поглотило внимание: кадры сменяли друг друга, и я понимала, что под голограммами спецэффектов действительно разворачивается весьма провокационное действо.

— Мюзикл «Горячее только звезды» назвали самой скандальной постановкой уходящего столетия, одни упорно настаивали на том, что ее стоит запретить, другие говорили, что она достойна высших наград.

Провокации на сцене действительно было много, но даже сейчас, глядя на происходящее через фотограммы энной степени давности я чувствовала бешеную энергетику, бьющую в зал в каждом взгляде, движении, не говоря уже о прикосновениях актеров друг к другу.

Невольно обернулась: Гроу стоял, сложив руки на груди и по его лицу невозможно было понять, что он сейчас чувствует. Честно говоря, после всего случившегося мне должно было на это положить, но я не могла избавиться от ощущения, что у меня раздвоение личности. Потому что одна часть меня упирала на то, что передо мной засранец, а вторая не могла не признать, что все что он делает — гениально.

На мысли, что передо мной гениальный засранец, я относительно

смирилась с этой двойственностью и вернулась в зал:

— Еще одна знаковая постановка — рок-опера «Мир без тебя». В ней, как мы знаем...

Как мы знаем, в ней.

Леона и Гроу на сцене казались единым целым. Честно — не знаю я, что моя сестра глубоко и безоговорочно любит своего Рэйнара, решила бы, что у этих двоих роман в самом разгаре. Они едва касались друг друга — и в зал уже летели искры, от которых ладони начинали гореть и срочно хотелось выйти куда-нибудь вместе с бойфрендом.

— Эта постановка стала переломным моментом, потому что именно ради нее Джерман решил открыть свое лицо прессе. Она же стала последней, потому что после успеха «Мир без тебя» его пригласили в мир большого кино. Компания «Гранд Пикчерз»...

На этой мысли я опять выпала из реальности, потому что волна, идущая в зал от высокого голоса Лиры, набирала силу с каждой минутой. Ощущение присутствия, невероятной, яростной энергетики, заложенной в каждое творение Гроу, текло по коже и отзывалось в каждом из собравшихся не менее яростным откликом.

— ... все, что он делал. Они совершенно разные, но у всех есть три отличительные черты: яркость, самобытность и головокружительный успех. Поэтому, — Лира улыбнулась. — Мы искренне рады работать с Джерманом Гроу в одном проекте...

Грохот смеха снова поглотил ее слова, и когда он затих, она продолжила:

— Поэтому, и еще потому, что мы искренне восхищаемся тем, что ты делал, делаешь и продолжаешь делать. С Днем Рождения, Джерман!

С Днем Рождения, Джерман.

Ага.

Действительно, почему бы и нет. Гениальные засранцы тоже должны появляться на свет естественным путем, и что с того, что в этом зале все знают о дне, когда это произошло, кроме одной непроходимой дуры?

Неизвестно почему, но чувствовала я себя именно так.

Особенно когда зал взорвался аплодисментами и ревом, под который Гроу снова поднялся на сцену.

— Это было неожиданно, — перехватив микрофон у Лиры, произнес он, и зал снова затих.

Неожиданно — не то слово. Зато теперь я поняла, о чем шептались коллеги перед входом.

— Спасибо. Драконически приятно, что меня ценят коллеги, которые

каждый день видят мою обратную сторону.

— Ты сейчас об этом? — Лира щелкнула пультом, и очередная архивная фотка (улов папарацци) представила Гроу в толстовке с принтом, где красовался выразительно оттопыренный средний палец.

— И об этом тоже, — последние слова снова встретили смехом. — Но главное, что все, что у меня получается, получается в первую очередь благодаря вам.

Он смотрел в зал, и его взгляд горел безо всякого огня.

— Все, что мы делаем, мы делаем вместе. Все, что мы создаем, мы создаем вместе. И я тоже рад работать со всеми вами и с каждым из вас. Каждый, кто находится в этом зале, выкладывается на все сто. Спасибо, что вы со мной! Спасибо, что пришли!

Миг тишины, воцарившийся после его слов, взорвался такой бурей оваций, что все предыдущие по сравнению с ним казались хлопаньем младшеклассников на школьном спектакле. И когда мне казалось, что круче засады быть не может, на сцену поднялась Сибрилла. Впрочем, поднялась — это слабо сказано, она туда вспорхнула, сверкая и переливаясь чешуей своего платья.

— Джерман, задержись, пожалуйста, — негромко произнесла она. — У меня тоже есть для тебя подарок.

Надо было развернуться и уйти прямо сейчас, свалить из этого клуба, невзирая на лица, контракты и прочие прелести, но я осталась. Чешуя его знает, почему: наверное, чтобы убедиться, что я могу смотреть на Гроу с Сибриллой без желания кого-нибудь треснуть клатчем или за волосы стащить со сцены. Хотя можно и за шлейф, голова иногда издает интересные звуки, когда бьется о поверхности (это я еще в школе проверила, на примере одного набла, из-за которого чуть не усыпили Марра).

Как бы там ни было, я стояла и смотрела на то, как Сибрилла перехватывает из его рук микрофон, и как музыка снова затихает, чтобы плеснуть в зал новой, совершенно незнакомой мелодией.

*Звезды падают в небо,
Я стою на краю,
И, раскинув над пропастью руки, как крылья
Для тебя я сейчас
Эту песню пою
В память нашей любви,
В память дней, когда мы с тобой счастливы были.*

Голос у Сибриллы действительно был мощный: ударяя в музыку, он взлетал над залом ледяными плетями, чтобы обрушиться вниз россыпью снежной крошки. Учитывая, что голографический снег падал на них с Гроу, выходило очень символично.

*Искры снега и льда
Рвутся пламенем вверх,
И его удержать я контролем не в силах.
В моем сердце всегда
Твой огонь и твой смех,
И то чувство, что даже во льдах не остыло.*

По-хорошему, Сибрилле стоило смотреть в зал, но смотрела она исключительно на гениального засранца, из-за чего создавалось ощущение, что перед нами разыгрывается мини-спектакль, а может, и не спектакль вовсе. Особенно когда эта ледяная швабра наконец-то перестала «топорщить крылья» и шагнула к Гроу почти вплотную. Я сцепила руки за спиной, чувствуя, как внутри снова разгорается пламя.

*Звезды падают в небо,
Рассыпаясь сияньем,
От которого мир станет ярким, как вспышка...
И тогда я кричу,
Позабыв про дыхание:
Возвращайся ко мне, мой несносный мальчишка!*

Застывшие в зале люди не сводили глаз со сцены. Голос Сибриллы действительно ничем не уступал голосу моей сестры. Нет, он был совершенно другим: более низким, более резким, но от этого не менее сильным, зовущим, заставляющим тянуться к нему, за ним, все глубже падая в песню и в разгорающийся над залом холодный огонь.

*Только лед все сильнее,
Пламя стынет во мне,
Я согреться давно в нем уже не пытаюсь.
Мое сердце в огне,
Что снегов холодней,
И я искрами злыми колючими вниз осыпаюсь.*

Мир раскололся на части под силой плеснувшего в зал голоса, подхваченного музыкой, и осыпался вниз под яростной мощью ледяного пламени, от которого у меня потемнело перед глазами. Это было несравнимо ни с чем: хотелось не то смеяться, не то плакать, не то рухнуть в обжигающий холод, штормовой волной накрывающий зал.

*Берега разных стран
Разделившие нас
Не отнимут того, что нам нужно, как воздух!
Верю я, что придет,
Что настанет тот час,
И мы снова сойдемся под небом, в которое падают звезды.*

В миг, когда ее голос оборвался, во мне тоже что-то оборвалось. Особенно когда пальцы Сибриллы коснулись невидимой стены, и Гроу повторил этот жест. Пламя бушевало над застывшими людьми, билось о стены клуба, кипело, проникая в самое сердце, только теперь я чувствовала еще одно.

То же самое, на которое отзывалась в номере Гроу, когда обнаженной сидела у него на коленях.

Грохот аплодисментов ворвался в эту бурю слабенькой струйкой, а я развернулась и бросилась к лестнице, ведущей на балкон. Ступенька за ступенькой отсчитывая удары сердца, вылетела на смотровую площадку и замерла: ограждение изгибалось покатою мраморной дугой, над Зингспридом протянулась вечерняя дымка, вспоротая неоновыми огнями.

Чувствуя, как внутри все сжимается, приблизилась к самому краю.

От города меня отделяли перила, холодящие пальцы, но перед глазами все равно потемнело.

И вспыхнуло, когда собственный страх в лифте «Хрустальной иглы» отозвался липким, бегущим по спине холодом. Воспоминание о том, как я билась в руках Гроу, как поздняя ночь облизывала песок, на котором мы лежали, как его губы касались моих, и как удивительно-остро мне сейчас этого не хватало, ударило в самое сердце.

Никогда.

Никогда больше.

Никто.

Не увидит мой страх.

Особенно он.

Сильнее вдавила пальцы в камень и, оттолкнувшись, взлетела на перила. Высота стянулась в едва различимую точку, а потом растянулась плоской извивающейся лентой. Во мне дрожало все, от кончиков пальцев до макушки, но я все-таки сделала первый шаг, чтобы потом уйти в разворот.

Ветер подхватил волосы, швырнул мне за спину, летящая юбка взметнулась за ними, когда я вытянулась стрелой от носочков до кончиков пальцев вскинутых над головой рук. Казалось, что во мне дрожит все, каждая клеточка тела отражалась вибрацией натянутой струны. Адреналин подхлестнул зашкаливающий пульс, и я ушла в прогиб, касаясь ладонями холодного камня.

Движение — рывок, и я стою лицом к городу, втекая в ритм пульсирующих неоновых рекламных щитов.

Я!

Не боюсь!

Калейдоскоп огней рассыпается и заново складывается в единую картину в вихре движений.

Быстрых, резких, бьющих в меня с силой, подбрасывающих в коротком прыжке. Когда пятки на миг отрываются от поверхности, я чувствую, что лечу, и этот полет стоит даже удара сердца под самым горлом.

Перехваченного дыхания и рассыпающегося искрами побежденного страха.

Я не боюсь!

Осознание этого наполняет меня каким-то безумным ритмом, в который я врываюсь, подхватывая ветер и следуя за ним. В миг, когда я снова готова оторваться от перил и взлететь, меня резко дергают на себя.

Я падаю прямо на смотровую площадку, точнее, прямо в руки Гроу.

Удар о его грудь выходит гораздо сильнее, чем мог бы выйти, даже если бы я оступилась и рухнула вниз. На меня обрушивается знакомый запах сигарет, сквозь танцевально-адреналиновый драйв я понимаю, что меня держат под бедро и за талию. Миг — и моя нога больше не прижимается к его, зато меня встряхивают, как тряпичную куклу.

— Совсем сдурела?! — рычит он мне в лицо, и в этот момент меня окончательно вышибает в реальность.

— Отпусти! — ору я и с силой толкаю его в грудь.

Мы разлетаемся в разные стороны и только чудом остаемся на ногах. В темных глазах разгорается зеленое пламя, но это приводит меня в еще большее бешенство. Пусть со своей сосулькой полыхает, дракон

недоделанный.

— Ты чем думала, когда сюда полезла?!

Видимо, до некоторых слабо доходит.

— Тем же, чем думал ты, когда швырнул меня в воду, — фыркаю я. — Что-то не так?

На мгновение меня окатывает волной огня, но я уже рывком огибаю его и иду к стеклянным дверям.

Все! С меня хватит!

— Ты ничего не забыла, Ладэ?! — шипят мне в спину.

Разворачиваюсь, пристально смотрю в эти полыхающие глаза, а потом вскидываю руки и медленно оттопыриваю оба средних пальца.

— С Днем Рождения, Джерман.

После чего разворачиваюсь к дверям, но не успеваю сделать и шага, когда меня дергают назад. Так резко, что перехватывает дыхание, а вот перехватить мою руку эта драконоскотина не успевает. Пощечина выходит резкой, у меня вспыхивает ладонь, и в следующую минуту его взгляд становится совсем звериным. Прежде чем я успеваю насладиться короткой вспышкой ярости, небо и земля меняются местами. Меня перекидывают через плечо, с легкостью, как сумку или рюкзак, волосы метелкой подметают пол, и сквозь полное очешуение я вижу задницу драконорежиссера, который шагает в холл.

Когда первое потрясение миновало, я вцепилась ногтями в режиссерскую спину:

— Пусти! Я кому сказала! — сейчас мой голос тоже больше напоминал рычание, но Гроу вдавил мои бедра в свое плечо с такой силой, что я дернулась.

— Ага. Непременно.

Ах, так?!

Извиваясь, попробовала вырваться из его рук, но добила только того, что меня перехватили еще плотнее.

— Будешь дергаться, Ладэ, — пообещал он, шагая в неоновый коридор, — вытащу в таком виде в общий зал.

От такого заявления я сначала очешуела повторно, а потом чуть не заявила, что мне драконью кучу положить на него, на его зал, и на все остальное. К счастью, вовремя поняла, что с него станется, а появиться вверх тормашками на плече Гроу перед остальными совершенно не хотелось. Понимая, что сила здесь не сработает, обмякла, полностью расслабляясь, и когда его рука на миг перестала давить, рывком ввернулась в сторону стены.

Под глухой стук и ругательства, каких Аронгара не слышала со времен соревнований в нецензурщине, я кульком свалилась на пол. Сгруппировалась, конечно, но на моем пути неожиданно возникла стена, и я впечаталась в нее ногой. Из глаз посыпались искры, а боль в лодыжке была такая, что я чудом не взвыла, как севший голой жопой на угли дракон.

Гроу рывком наклонился ко мне, а я даже пнуть его не могла, потому что искры из глаз продолжали сыпаться. Жаль, что не буквально, я бы с радостью подпалила ему все, чем он думает.

— Ладэ, — процедил он. — У тебя в голове есть что-нибудь, кроме пунктика агрессивности?!

— Да пошел ты, — ответила я, с трудом сдерживая злые слезы.

— Нет, — подвел итог он, ощупывая мою ногу.

Когда пальцы коснулись сустава на лодыжке, я все-таки взвыла.

— Да не дергайся ты, — процедил он, но в голосе его слышалось явное облегчение. — Это всего лишь легкий вывих.

Всего лишь?!

Легкий?!

Вывих?!

— Отвали! — заорала я и попыталась отползти, когда это дракононечто положило руки мне на стопу, словно собиралось ее вправлять. Меня перехватили за полы платья, и оно снова жалобно треснуло.

— Замри! — рявкнул он. — Замри, Ладэ, или я за себя не отвечаю.

Огонь в его глазах полыхнул так, что меня впечатало в стену чуть ли не буквально.

— Можно подумать, ты вообще за себя отвечаешь, — процедила я. — Бутылка тестостерона с отростком для размножения.

— Твою бы фантазию, Ладэ, — Гроу даже ногу мою отпустил, — да в мирное русло. И мир бы обрел десяток-другой шедевров.

— Моя фантазия была в мирном русле! — рыкнула я. — Пока кое-кто не назначил меня координатором, а потом не решил, что я должна сыграть Теарин.

— Насколько я помню, ты в целом была не против.

Прикосновение к лодыжке, короткое движение и боль были такими, что вместе с искрами из глаз брызнули слезы. Видимо, сработала система внутреннего пожаротушения, потому что ногу словно окунули в кипяток.

Осознание того, что у меня глаза на мокром месте (чуть ли не второй раз за всю жизнь), и что это видит он, окунуло в кипяток меня всю.

— Ненавижу! — взвыла я и заколотила кулаками по чему придется.

Кажется, попала в плечо, в грудь и снова в плечо.

Гроу перехватил мои руки в тот самый момент, когда в коридор вылетели вальцгарды.

— Что тут происходит... — начал было один, но режиссер поднялся так стремительно, что меня окатило ветерком.

— Вы где, вашу мать, были?! — спросил он.

— Мы...

— Мы! — это даже голосом назвать было нельзя, так, утробное рычание, исходящее совершенно точно не от человека. Пламя прокатилось по коридору, сгущаясь над нами, отметившись в глазах вальцгардов алым цветом. — Она могла с балкона навернуться, пока вы что нахрен делали?!

Не дожидаясь ответа, он снова развернулся ко мне.

— Не трогай! — огрызнулась я.

— Даже не вздумай, — предупредил он, когда я оперлась ладонью о стену, чтобы подняться.

— Вздумаю, — прорычала я в ответ. — И вообще. Мальчики, помогите подняться, мы уходим.

Мальчики шагнули было ко мне, но Гроу снова развернулся к ним.

— Оставьте нас одних. Живо.

Да чтоб его! Вальцгарды замерли, так и не приблизившись.

— Я сказал: валите, — пока еще спокойно произнес Гроу, хотя воздух уже вибрировал от сгустившегося звериного напряжения. — Встретимся на служебной парковке.

— А ну стоять! — крикнула я.

— Проваливайте.

У вальцгардов, видимо, что-то перемкнуло в микросхемах, потому что они дернулись туда-сюда. Не дожидаясь, пока они уйдут, Гроу снова повернулся ко мне. За затопившей его глаза зеленью уже почти не было вертикальных полосок зрачков.

— Дотронешься еще раз — врежу, — предупредила я.

— Да я уже понял, что дотрагиваться до тебя позволено только Паршеррду.

— Ага. Всенепременно. Так что иди облизывай свою сосульку, пока язык не отвалится.

Гроу не то выдохнул, не то зарычал.

— Мне никто не нужен, Ладэ, — произнес он, глядя мне в глаза так, что зеленое пламя только чудом не перекинулось мне на лицо и на волосы. — Я на тебе помешался. С ума по тебе схожу. Или уже сошел.

Прежде чем я успела прийти в себя, Гроу резко наклонился ко мне.

Врываясь в хрупкую дрожащую между нами границу пламенем, прокатившимся по моему телу ураганной силой. И тут же запечатанному яростным, жестким, обжигающим поцелуем.

От огня, разделенного на двоих, стало нечем дышать, и я судорожно вздохнула, выпивая дыхание, терпкое от сигаретного дыма.

Сигареты.

Дым.

Уперевшись ладонями в режиссерскую грудь, с силой толкнула его назад. Назад не получилось, или получилось, но не так хорошо, как на балконе. Он лишь отцепился от моих губ, оставив горчинку пустоты (сигареты, Танни, сигареты!), и схлопнувшийся внутри фитилек, как в старомодной стеклянной лампе вакуумный удар по огню.

Огонь остался только в темных глазах, зеленый, иссушающе-жаркий, несмотря на суть своей природы.

Чтоб его водным узлом завязало!

— Ты это серьезно?! — уточнила я. — То есть вот сейчас ты там лапал на сцене свою свежемороженную потенциальную пару, а потом неожиданно понял, что жить без меня не можешь?! Правда что ли?

Взгляд Гроу стал каким-то ну очень пристальным, и я поняла, что только что ляпнула.

У-у-у-у!!!!

Ы-ы-ы-ы...

— Помоги мне дойти до флайса! — рявкнула я, пытаюсь сохранить остатки собственного достоинства.

Жить без меня не можешь.

Абзац!

— Я уже говорил, что она мне не пара, — неожиданно произнес он.

А потом так же неожиданно просто сел рядом и привалился к стене. В общем, со стороны это могло показаться милой беседой двух фриков, которым здорово настоиграла вечеринка, и которые решили курнуть в коридоре и потрепаться за жизнь. С одной небольшой поправкой: одна из них, то есть я, не могла просто встать и уйти. Банально потому, что моих небольших знаний по технике безопасности в танце было достаточно, чтобы понять, что на свежий вывих наступать не стоит.

— Ты много чего говорил, — огрызнулась я.

— Знаю, — Гроу произнес это, повернувшись ко мне. Я на него принципиально не смотрела, но чувствовала этот взгляд всей кожей. — Я говорил, что ты моя девчонка и слился, потому что ты выбесила меня в бассейне.

— Я тебя выбесила?!

— Выбесила, потому что ты была права. Я не должен был этого делать.

Готовая уже треснуть его, наконец, клатчем, я в эту минуту поняла две вещи: мой клатч остался в ВИПке, а Гроу только что признал, что был неправ. С другой стороны, однажды он уже признавал, что был неправ, поэтому я решила помолчать и послушать, что он скажет дальше.

— Не должен был бросать тебя в бассейн, не должен был бросаться на тебя сегодня, но у меня рядом с тобой крышу рвет, Ладэ. Такое... ни с чем не сравнимое чувство, когда я только и делаю, что лажаю, и с каждым днем все больше. Потом я хочу это исправить, и лажаю еще больше, потому что... — Вот теперь я осторожно покосилась на него, ну не совсем на него, на его руки, лежавшие на скрещенных ногах. — Да что ж так сложно-то, дракона твоего за ногу.

Руки исчезли, и по вздоху я поняла, что Гроу либо решил оторвать себе голову, либо просто взъерошил волосы. Оказалось, второе: запрокинув голову, он привалился к стене, пряди торчали в разные стороны. Наверное, в этот короткий миг я слишком завтыкала, потому что поймала себя на мысли, что смотрю уже не на его резкий профиль, а в драконьи глаза.

— Сложно, потому что ты не привык заморачиваться? — подсказала я.

Гроу кивнул.

— Определенно.

— Но?

— Но с тобой не заморачиваться не получается.

— Это все потому, что ты еще со мной не переспал.

Гроу приподнял бровь.

— Крутого ты обо мне мнения.

— Ну, ты сам создавал себе имидж, — я пожала плечами и отвернулась. — Всякие средние пальцы на футболках, трогательные прогулки с Сибриллами по коридорам отелей...

Вот не собиралась я этого говорить, правда. Оно само сказалось.

— В ту ночь, насколько ты помнишь, случился налет. Перекрыли весь транспорт, кроме уже поднявшегося в воздух, и я подхватил Сибриллу прямо у здания телепорта, чтобы она не зависала там несколько часов.

— Спасибо, что поставил в известность, — буркнула я. — А ее задницу ты подхватил, чтобы силикон не перекрутился?

— Злая ты, Танни Ладэ, — фыркнул Гроу.

— Это я от тебя научилась.

— Да ну?

— Определенно.

— Между нами ничего нет и не было, если ты об этом. И да, я хотел вставить этот букет в задницу Паршеррда.

Я чуть не подавилась воздухом, потому что живое воображение медийного сотрудника картину мне нарисовало в красках. И со спецэффектами.

— Может, тогда объяснишь, если все так просто — почему я с тобой не переспал, когда ты зависала у меня в номере?

— Гм, — сказала я. — Ты боялся заразиться?

— Чем? Твоей придурью?

— Я, между прочим, могу обидеться.

— Брось, у меня своей хватает. И может, уже перестанешь пялиться на стену?

— А на кого мне тут еще пялиться? — уточнила я, с трудом сдерживая совершенно неуместную улыбку.

— Ты сама сказала — на кого, — Гроу взял меня за плечи и развернул лицом к себе, глядя в глаза. Огня в них сейчас не было, но сейчас он явно был лишним: вряд ли я бы увидела там за этой зеленой пеленой себя так, как сейчас.

— Так почему ты со мной не переспал?

— Потому что рядом с тобой у меня прорывается пламя. Этого не должно быть, Ладэ, но это есть. Понятия не имею, почему. Я не хотел тебя зацепить, потому что пламя для человека — возбуждающее, а я хочу знать, что ты со мной исключительно потому, что ты со мной. Не из-за драконова огня, от которого у тебя сорвало крышу. А потому что ты меня хочешь.

Учитывая то, как меня рядом с ним кроет, вряд ли это из-за драконова огня.

Или как раз из-за него? Из-за того, что пламя во мне неосознанно тянется к его?

Вслух я этого сказать не успела, если честно, я вообще не успела ничего сказать, потому что в далекий приглушенный унц-унц-унц ворвался оглушительный вой сирены.

Глава 14. Танни

Это во мне вой сирены отпечатался состоянием среднестатистического: «А?! Чего?!», — а Гроу в одно мгновение оказался на ногах, рывком подхватывая меня.

Р-раз — и я уже у него на руках.

Два — и он обернулся к топающим по коридору вальцгардам, которых послали на стоянку.

— Прорыв щита, — выдохнул один из них. — Дело дрянь.

Прорыв щита?!

Поскольку меня прижимали к себе, я увидела только закушенную губу, прищур и резко дернувшийся кадык. После чего Гроу решительным шагом направился в сторону, откуда мы пришли, вальцгарды вышагивали справа и слева от нас.

Так быстро меня еще не носили, в смысле — действительно быстро, он шел с такой скоростью, словно у него на руках не было целых сорок восемь кило меня и платице.

Неон на стенах сменился эвакуационными стрелками, и мы вылетели в холл, неподалеку от которого располагались лифты. На смотровой площадке уже обнаружился народ, который вышел подышать воздухом, часть из них воззрилась на нас.

Я уже открыла было рот, чтобы сказать, что вполне могу ковылять сама, но в этот миг вальцгард рывком толкнул нас в сторону лифта, закрывая собой. Стеклопанные двери распахнулись, в лицо ударил поток раскаленного воздуха.

На нас упал тенек... то есть тень, и вскинув голову, я увидела парящего на расстоянии дракона. На расстоянии — это в сотне-другой метров от нас, и этого ему хватило, чтобы закрыть город и все огни.

— Твою мать! — завопил кто-то. — Драконы над городом!

Все желающие подышать воздухом или насладиться видами Зингсприда ломанулись к лифтам на нижние уровни.

Последнее, что я увидела перед тем, как Гроу перекинул меня на руки вальцгарду — мощные, вспарывающие воздух крылья. Взгляд янтарных глаз задержался на мне, и сердце шмякнулось куда-то в левую пятку хрупкой стекляшкой. Особенно когда меня поволокли к лифтам, а Гроу шагнул прямо навстречу зверю. С глухим щелчком двери запечатали нас по эту сторону холла, меня втащили в лифт. Втащили — буквально, потому

что я рвалась назад, невзирая на совершенно дикие взгляды коллег и железную хватку вальцгарда.

— Сама пойду! — все-таки рывкнула я, и вальцгард опрометчиво спустил меня на пол.

Когда все собравшиеся погрузились по кабинам, мне все-таки удалось извернуться, поверх голов коллег я увидела, как огромный зверь, не мигая, смотрит на Гроу. Этого хватило, чтобы рывком уйти в сторону, нырнуть за гаффера, оттолкнуть еще кого-то с дороги и стрелой броситься вперед. Совершенно такого не ожидавший, вальцгард дернулся за мной, но влетел в ассистента звукорежиссера, а я запнулась о закрывающуюся дверь, но все-таки вывалилась на пол холла под щелчок сомкнувшихся за спиной створок.

Ногу снова пронзило болью, но я тут же подскочила, опираясь о стену.

Это смотрелось дико, дико и страшно, огромные крылья вспарывали дрожащий от марева воздух, расширенные зрачки зверя то и дело сужались и раскрывались. Я не могла слышать, что Гроу ему сказал, но дракон, словно сопротивляясь внутреннему желанию и отданному приказу, дернулся в сторону здания. Мотнул головой, не то зарычал, не то завыл, отчего мои внутренности окончательно прилипли к спине, а потом стрелой взмыл ввысь, словно собирался взлететь к звездам.

Гроу лишь на миг задержался на балконе — глядя на Зингсприд, где в ночном небе стремительно гасли огни рекламы и вспыхивали прожектора, выхватывая фигуры драконов одну за другой.

Закрыв ладонями рот, я попыталась вздохнуть, но у меня не вышло, а потом один из парящих неподалеку драконов раскрыл пасть и выдохнул пламя, скатившееся по огнеупорному стеклу ближайшей высотки вниз.

Именно в этот миг Гроу обернулся ко мне.

Именно в этот миг за спиной снова щелкнули двери лифта.

Гроу успел первым: ворвавшись в холл, рывком подхватил меня на руки, метнув в сторону вальцгардов такой взгляд, что я бы на их месте предпочла испариться, после чего шагнул к лифтам.

— Танни, какого набла?!

В его глазах бушевала зелень, а голос напоминал рычание.

Такое низкое, горловое рычание, от которого у меня все волосы на теле встали дыбом. В непосредственной близости от него било силой, било наотмашь и так, что становилось нечем дышать.

Честно говоря, и я сама не могла объяснить какого, поэтому когда лифт камнем ухнул вниз, предпочла спросить:

— Как?!

— Пока не знаю. Но им очень, очень больно.

Больше Гроу ничего не сказал, а наше путешествие закончилось гораздо ниже первого этажа, на самом глубоком уровне, где стрелки тянулись в сторону убежища. Судя по тому, что из-за двери доносились возбужденные голоса, все или большая часть наших и персонал уже спустились.

— Если с ней что-то случится, — процедил Гроу, обращаясь в вальцгардам. — Если вы, мать вашу, хоть на секунду упустите ее из виду, вас не возьмут даже уборщиками на производство. Это понятно?

Судя по выражениям лиц, было понятно, поэтому он осторожно ссадил меня на пол.

— А ты куда? — хрипло спросила я, хотя голос меня не слушался.

Он кивнул наверх.

— Там я сейчас нужнее.

И прежде чем я успела сказать хоть слово, шагнул в послушно раскрывший пасть лифт. Я смотрела на запечатавшие его створки и застывшую на панели цифру, пока за спиной не раздался раздраженный голос:

— Эсса Ладэ, — вальцгард попытался взять меня за локоть, но я вырвалась.

Стараясь осторожнее наступать на больную ногу, зашагала по эвакуационным указателям.

В ту самую минуту, когда я дохромала до зала, и на нас уставились все, на меня обрушилось осознание: Бэрри! Моя Бэрри там одна, на последнем этаже, когда вокруг творится драконово огненное светопреставление!

Я развернулась так резко, что моя многострадальная лодыжка отозвалась болью.

— Мне нужно домой, — сказала я. — Немедленно!

Вальцгарды обрушили на меня свои свысокапоставленные взгляды, в которые сейчас добавилось что-то в стиле #совсемрехнулась.

— Это невозможно, — отрезал тот, который в этой паре был вроде как главный.

— Возможно, — сказала я, — у меня там виари одна! Отвезите меня домой. Это приказ.

— Домой вы поедете только после того, как затихнет сирена, — вальцгард повысил голос. — Проходите, эсса Ладэ. Не заставляйте меня применять силу!

От последнего заявления я вообще слегка очешуела, а потом рванулась к дверям:

— Свалите нахрен!

Вместо ответа меня перехватили за руку, пальцы стальной клешней сомкнулись на локте.

— Назад.

Если рычание Гроу проходило по мне волной огня, то от рычания вальцгарда во мне возникло одно-единственное желание: врезать ему между ног.

— Вы меня вообще слышали?! — рявкнула я. — Ее даже выпустить некому! Она погибнет!

— Назад, — прорычал вальцгард и толкнул меня в сторону подозрительно притихшей толпы.

Не дожидаясь ответа, меня схватили за локоть и поволокли в зал, невзирая на потрясенные лица собравшихся. Я рванулась, но вальцгард просто перехватил меня, прижимая к себе, как тряпичную куклу, ни на миг не сбавляя шага. Второй просто шел рядом и грозно зыркал на всех, кто смел хотя бы покоситься в нашу сторону. Таким ругающимся клубком с довеском мы докатились до стоявшего у стены дивана, после чего меня совершенно непочтительно на него швырнули.

Взвилась с дивана пружиной, но меня толкнули обратно: ногу пронзило болью, и я плюхнулась назад, как кулек с ливером.

— Ни шага. Отсюда, — припечатал этот несостоявшийся недоделок.

— Вы в курсе, что вы уже уволены?! — процедила я, сжимая кулаки.

Ответом меня не удостоили, выстроившись живым кордоном между мной и съемочной группой, а заодно и персоналом. Я перехватила неодобрительный взгляд секьюрити из «Форсайта», но так и не поняла, кому он предназначался: вальцгардам или мне. К нам подскочил Бирек, с ним Лира, иртыханы глянули на них так, что любой другой отлетел бы, как мячик от стены, но на стилисте с ассистенткой это не сработало.

— Танни... — начал было Бирек, пытаясь протиснуться ко мне, но в этот момент один из вальцгардов натурально отлетел в сторону.

— Танни! Где ты была?! — рычание Рихта перебило доносящиеся отовсюду голоса.

Он рванулся ко мне, и я подскочила снова. Поморщилась, и это от него не укрылось:

— Что с ногой?

— Неважно, — бросила я.

— А что важно?

— Важно, что Бэрри одна, — я вдруг почувствовала, что меня трясет. — Она одна там, наверху...

Рихт резко обернулся к вальцгардам, один из которых совершенно

зверски смотрел на него, рывком вытащил мобильный и выругался.

— Чтоб тебя! Сигнала нет.

Еще бы, нет — на такой-то глубине. Я вдруг подумала, что могла бы позвонить Гроу, и он мог бы заставить этих уродов отвезти меня к Бэрри, но позвонить я не могла. Не могла вообще ничего, и осознание этого отзывалось внутри бессмысленной бессильной яростью. Судя по всему, у Рихта тоже, потому что он швырнул мобильный на диван.

Я же глубоко вздохнула и плюхнулась следом (стоять было тяжело). Как бы ни хотелось вцепиться в вальцгардовы снисходительные рожи, сбежать из-под такого конвоя вряд ли получится. Может, они в чем-то и были правы, подниматься сейчас в воздух — чистейшей воды самоубийство, но перед глазами стояла Бэрри. Моя маленькая доверчивая Бэрри, которая притопала ко мне сама, ковыляя на кривых лапках, когда я приехала к Леоне смотреть детишек Марра.

Уже тогда я знала, что не смогу ее отпустить.

А сейчас... Сейчас она металась по квартире в горящем городе, а я сидела тут.

— Танни, подашь телефон? — Рихт указал глазами на мобильный.

Как-то очень пристально указал.

Я потянулась за гаджетом, «случайно» зацепила пальцем дисплей и залипла. Под значком блокировки высвечивался черновик сообщения: «Я помогу. Просто будь готова».

Не в силах поверить увиденному, протянула ему смартфон, искренне надеясь, что моя физиономия не вытянулась, как в зависшей видеоигре. Рихт же демонстративно оттолкнул вальцгарда и отошел, кивнув Лире и Биреку. Те, видимо, что-то поняли, потому что беспрекословно последовали за ним, я же сдавила пальцы так, что они побелели.

Что он может сделать?

Вальцгарды с их подготовкой скрутят любого, причем скрутят в секунду. Не уверена, что им даже секьюрити из клуба станут помехой, разве что всей толпой на них навалиться...

Всей толпой?!

Взгляд метнулся следом за Рихтом, но он уже растворился в волнующемся людском море. Точнее, раствориться там он не мог, хотя бы по причине того, что был ощутимо выше многих, но у меня мельтешило перед глазами. Не то из-за приглушенного света, не то из-за давящего, гнетущего шепота, тянущегося по убежищу. В школе мне доводилось спускаться в похожие во время учений, но тогда это была просто игра и комната под землей, а не огромный зал с расставленными по периметру

диванами, полный взволнованных, потрясенных людей.

До меня только сейчас начало доходить, что у всех у них, у каждого кто-то там, в городе. Хорошо, если в таком же убежище, а если вышел прогуляться перед сном или просто в супермаркет за продуктами?

Чувствуя, что меня захлестывает паника, мысленно отвесила себе пощечину.

Если я сейчас впаду в истерику, лучше никому не будет, особенно Бэрри.

Рихт сказал: «Я помогу», в городе — Гроу и лучшие из лучших под командованием брата Леоны. Все будет хорошо.

Все.

Будет.

Хорошо.

Прикрыла глаза, стараясь не думать о том, что сказал Гроу: «Им очень, очень больно».

Почему?!

Что могло настолько ударить по драконам?

От этой мысли меня отвлек взволнованный гул в толпе. Я вытянула шею, пытаюсь понять, что происходит, когда какая-то женщина оглушительно закричала. Не просто закричала — завизжала, зал взорвался эхом сдавленных криков. Вальцгарды обернулись, и в эту минуту за руку меня дернула невеста откуда взявшаяся Лэй (актриса, которой предстояло играть Эсмиру).

— Танни, бегом! — шепнула она.

Вальцгард обернулся, но она шагнула ему наперерез, а следом к нам просто хлынула волна людей, оттесняя вальцгардов от меня. Не представляю, насколько бегом, но я рванула к дверям, подпрыгивая на одной ноге, как подстреленный набл. Те же, кто оттеснял охрану, расступались передо мной, на выходе меня ждал Рихт.

— Что с ногой? — повторил он, подхватывая меня под руку.

— Вывих, — призналась я и увидев, как округлились его глаза, поспешила добавить: — Уже вправили.

Рихт плотно сжал губы, словно собирался выругаться, а потом только кивнул:

— Обопрись на меня.

К лифтам мы добежали быстро, с поддержкой Рихта скакалось веселее.

Мы влетели в распахнутые двери, он ударил в панель этажей, и кабина взмыла ввысь.

Сердце отсчитывало удары, как лифт этажи. Высадились мы на самом верху и при мысли о том, что сейчас придется выйти на открытую парковку у меня случилась трясучка, которую я немедленно уняла одной-единственной мыслью о стоявшем перед драконом Гроу. Если он может там находиться, я тоже могу.

— Танни, — Рихт бросил на меня быстрый взгляд. — Все в порядке?

— Все, — ответила твердо.

Мы шли по коридору в сторону парковки, но стоило нам оказаться в холле, я остановилась.

— Ключи, Рихт.

— Ты серьезно думаешь, что я тебя отпущу одну? — лицо его не то чтобы исказилось от ярости, но близко к тому.

— Я не могу заставлять тебя рисковать собой. Это мой выбор, и отвечать за него буду только я.

— Ну разумеется.

Я протянула руку, и раскрытая ладонь даже почти не дрожала. Когда надо было спасти оберегавшего Леону вальцгарда, которого подставил и подстрелил напарник, я тоже вывела флайс на аэромагистраль под вой сирены.

Правда, тогда драконы не успели войти в город.

— Вот сейчас ты здорово меня обидела, — Рихт резко сомкнул мои пальцы и кивнул в сторону выхода. — Либо мы идем вместе, Танни. Либо остаемся. Решай.

— Рихт.

— Танни. Сейчас твои друзья разберутся внизу и нас догонят.

Он был прав: времени у нас не было, поэтому я кивнула.

И даже не стала возражать, когда он сжал мою руку, увлекая за собой.

Стоило нам выбежать на стоянку, как в лицо ударил жар. Жар огня, плещущего отовсюду. Жар дыхания драконов, парящих над городом и окатывающих высоты пламенем, от которого ночь в свете прожекторов становилась светлее дня. Но страшнее всего был их рев, мощный, то срывающийся на рычание, то набирающий силу, взлетающий к небесам, напоминающий крик бессильной ярости.

— Танни! — крикнул Рихт, и я нырнула на сиденье его флайса.

Он опустился рядом со мной, мгновенно: сосредоточенный и напряженный. В ту минуту, как сенсорная панель ожила под его прикосновением, на парковку выбежали вальцгарды.

— Рихт! — взывала я.

Даже не взглянув в их сторону, он прокатил пальцы по регулятору

высоты, и флайс рывком взметнулся в небо, оставив мое сердце где-то на уровне парковки, а потом подбросив его аккурат под крышу салона. Вальцгарды превратились в две крохотные точки, навигатор вместо маршрута завыл не хуже сирены:

— Экстренная ситуация в городе! Экстренная ситуация в городе, немедленно приступайте к снижению!

Выругавшись, Рихт вырубил его и вывел флайс на линию между средней и верхней магистралями. Этого было достаточно, чтобы раз и навсегда лишиться прав в Аронгаре, но сейчас нарушение закона было наименьшей проблемой. Вереницы боевых флайсов растянулись над городом цепью, тут и там драконы с рычанием взмывали ввысь, уходя в небо, возвращаясь в пустоши под приказами, но их было безумно, неизмеримо много.

Я видела кордоны вальцгардов на высотах и командующих, выступавших к кружащим над ними разъяренным зверям. Чувствовала, как дрожит и вибрирует воздух, пока Рихт смотрел на расстилающуюся впереди дорогу. Сердце устало биться в бешеном ритме и билось через раз. То ли я чувствовала его так, через раз: когда очередной дракон уходил в небо, а другой выплескивал на Зингсприд всю силу и боль своей ярости.

Рихт развернул флайс к моему району, и за окном мелькнула Хрустальная игла. Точнее то, что от нее осталось — зияющий острыми гранями полыхающий обломок. Осознание этого накрыло меня в ту минуту, когда над нами прозвучало:

— Флайс JK18, немедленно сбавьте скорость и следуйте за нами, мы выведем вас к рукаву эвакуации. Повторяю: флайс JK18...

— Да чтоб вас! — прорычал Рихт, когда слева завис бронированный флайс.

Спустя мгновение справа опустился другой.

Вальцгард, управляющий им, однозначно указал пальцами на ближайший рукав.

— Держись, Танни, — предупредил Рихт.

И мы рухнули вниз, на несколько уровней, уже оттуда срываясь на последнюю скорость. Дорога превратилась в смазанный калейдоскоп, за нами неслись приказы остановиться, но Рихт скорости не сбавлял. Преимущества спортивного флайса именно в том, что по скорости ему мало кто способен что-то противопоставить. Меня вдавило в сиденье, возможно, именно поэтому я не ощущала внутренности отдельно от себя, и когда мимо нас скользнула огромная тень, не подавилась зажатым в легких воздухом.

Волной от движения дракона нас швырнуло в сторону, но Рихт управление удержал, сначала выравниваясь, а потом уводя флайс ниже разрешенной отметки. Может, здесь было гораздо сложнее — петлять между обесточенными небоскребами, вырастающими из улиц обугленными иглами, но здесь не было боевых флайсов и кордонов.

Миг, когда впереди выросла моя высотка, заставил меня разжать судорожно впивающиеся в сиденье пальцы. Рихт посадил флайс на верхнюю парковку, хотя по ощущениям, просто его уронил. Мы плюхнулись прямо поперек разграничительных линий, смягчив посадку только аэроподушкой. Я вылетела из флайса раньше, чем он успел окончательно остановиться, и бросилась в дом, по каркасу которого текло пламя. Огнеупорное стекло и металл еще удерживали его натиск под сдавленный скрежет и треск, напоминающий стоны.

Время рассыпалось мгновениями, когда я подбежала к двери и в отчаянии заколотила по ней кулаками:

— Ключи, ключи, ключи!!!

Ключи остались в ВИПке!

Из-за двери раздалось не то вирчание, не то крик, надрывный, тоненький, и внутри все оборвалось.

— Бэрри! — заорала я. — Бэрри!!!

Подлетевший Рихт оттащил меня за плечи, а потом с разбегу ударил в дверь плечом. Она содрогнулась, но не поддалась.

Еще один раз.

Еще.

Бесполезно.

Оглянувшись на застывший за моей спиной огнетушитель, я рывком бросилась к нему, распахнула дверцы и изо всех сил саданула по электронному замку. Из-под панели посыпались искры, дверь с хрустящим щелчком отошла в сторону, и я влетела в квартиру. Бэрри с визгом бросилась ко мне, а я к ней, подхватила с полки ошейник, поспешно застегнула его на виари.

— Девочка моя, — пробормотала, глядя дрожащую виари, которая тыкалась мордой мне в ладонь, — моя девочка... Пойдем. Пойдем скорее, нам нужно спрятаться.

Бэрри жалась к полу, пришлось опускаться рядом с ней на корточки.

— Тоже чувствуешь их боль, да? — спросила негромко, стараясь не обращать внимание на отблески пламени за окном. — Все будет хорошо, малыш. Обещаю. Просто пойдем.

— Танни! — крик Рихта заставил вскинуть голову.

Напротив балкона взметнулся огромный хвост.

Рихт вздернул меня на ноги, я вцепилась в ошейник Бэрри, увлекая ее за собой, и дракон с силой врезался в дом. Мы вылетели в коридор в тот момент, когда крошка осыпающегося стекла и скрежет металла слились с рычанием, а воздух раскалился от хлынувшего вслед за нами огня.

Глава 15. Теарин-Танни

Даармарх, Огненные земли

Утром всегда становится проще, но этим утром проще не стало. Полночи проворочавшись без сна, встала я тем не менее рано, хотя лучше бы спала до обеда. Мысль о том, что сегодня день свидания Эсмиры была невыносима, и я злилась. Злилась на себя за то, что позволяю себе эти чувства, злилась за вчерашнюю вспышку и медальон ледяного (который спрятала под выбитой плиткой на балконе), злилась на Даармархского за смену правил и за то, что задвинул меня на последнее место, а потом — снова на себя.

Ведь я прекрасно знала, что такое отбор. Прекрасно понимала, что мне нужно сделать и через что, возможно, придется пройти, чтобы участвовать в нем наравне с остальными. Знала так же и то, что под полыхающими эмоциями лучше не принимать решений и не совершать поспешных поступков, но все же сейчас мне хотелось разнести полкомнаты, а еще лучше — спалить к изначальным драконам! Если бы не душившая меня вязь таэрран, возможно, я бы так и сделала.

Сейчас же просто вышагивала по комнате, сцепив пальцы и стараясь не думать о том, что свидание вот-вот начнется. По традиции дракон проводил с претенденткой целый день с самого утра, для этого ее будили на рассвете, наряжали, делали прическу и прочее — словом, все, чтобы взор правителя услаждала идеальная возможная супруга. Почти наверняка Даармархский уже встретил Эсмиру, и...

На этой мысли я подхватила подушку и запустила ее в сторону едва колышущихся занавесей, разделявших комнаты. Затем вторую и третью.

— Ой!

Служанка, в которую чуть не прилетела последняя, отскочила. Сегодня она появилась в моих покоях даже раньше, чем нэри, и сейчас испуганно глазела на меня.

— Ты что-то хотела? — спросила я, сложив руки на груди.

На мгновение стало стыдно за свою вспышку гнева, но только на мгновение.

— Да, местари. Эссари Мэррис отправила меня к вам, узнать, как вы себя чувствуете.

— Замечательно, — ответила я.

Вчера я отказалась от общего ужина, сославшись на недомогание, и

даже не солгала. Меня тошнило так, что я боялась подавиться первым же кусочком еды, поэтому весь мой ужин состоял из травяного настоя, смягчающего желудок. Но если желудок относительно успокоился, то я — нет. К сожалению.

Лучше бы наоборот.

Может быть, если бы меня стошнило, мне было бы легче принять то, что Даармархский предпочел оставить меня на десерт. Будь я в Ильерре, я бы на шаг не подпустила к себе дракона, который увлеченно общается с другими женщинами и снисходительно-милостиво уделяет внимание мне.

Но я не в Ильерре.

Эта мысль меня относительно отрезвила, и я добавила:

— Гораздо лучше, чем вчера.

— Что ж, тогда я передам это эссари. И скажу, что вас можно ждать на обед, — служанка поклонилась.

— Пригласи моих нэри, — попросила я, когда девушка уже собиралась уходить.

В их обществе я хотя бы держала себя в руках и переключалась на другие мысли, далекие от Даармархского и его свиданий. Относительно переключалась.

Стоило служанке выйти, развернулась и направилась на балкон.

Наверное, в чем-то Сарр был прав, и я действительно веду себя не так как подобает наследнице. Могли бы родители мной гордиться, если бы узнали, что я поддаюсь непонятым чувствам, позволяю себе вспышки гнева, тогда как должна выказывать только спокойствие и руководствоваться рассудительностью?

Какая мне разница, что Витхар поставил мое имя последним в списке?

Это всего лишь часть отбора, я приму это как данность, равно как и все, что будет происходить дальше. Нельзя позволять себе расслабляться.

Я напоминала себе это раз за разом, повторяла снова и снова, глядя как поднимающееся все выше солнце заливает утренний город.

Как бы я хотела попасть в Аринту! Пройти по ее улочкам, как когда-то гуляла по Мильгаре, столице Ильерры. Нырнуть в торговый квартал, рассматривая украшения и наряды, фрукты и орехи, рассыпанные по большим плетеным корзинам. Посмотреть на плещущуюся у фонтанов детвору, на узорчатые ставни, запечатывающие на ночь окна лавок и домов, идти, вглядываясь в лица людей и чувствовать себя свободной.

Теарин из шоу Наррза была куда более свободной, чем местари Ильеррская.

Мысли об огненном шоу отозвались короткой вспышкой тоски,

которую я прогнала.

Надеюсь, Эрган нашел себе новую труппу.

Вспоминая о нем, улыбнулась. Сейчас его предложение казалось совсем далеким и нереальным, как подернутое дымкой прошлое.

— Местари Ильеррская! — раздался за спиной голос Фархи.

Обернулась: нэри спешила ко мне.

— Мы с Лирхен решили подольше побыть у себя, чтобы вас не будить, она сейчас одевается. Как вы себя чувствуете?

— Замечательно, — ответила уже искренне.

Не считая совершенно неуместных мыслей, я и правда чувствовала себя замечательно.

Девушка улыбнулась, но тут же нахмурилась:

— Вас служанка от распорядительницы подняла? Не понимаю, к чему такая спешка...

— Нет, — поспешила заверить ее. — Служанка тут ни при чем, я проснулась задолго до ее прихода. Что касается эссари Мэррис, она должна знать все, что происходит с претендентками, это ее обязанность.

— Ой, а вы слышали, что произошло? — Фархи всплеснула руками.

— Что? — я вскинула брови.

— Ольхарию выставили с отбора.

— Когда?! — воскликнула я.

— Вчера, поздно вечером. Точнее, выставили ее раньше, до вечера ее родители пытались все уладить, но не смогли, — Фархи явно была счастлива, что с этой новостью успела первой, поэтому говорила быстро-быстро. — Говорят, местар отказывался их принять, но после все-таки согласился и озвучил свое решение, что возможная правительница должна уважать решения будущего супруга. Мы с Лирхэн только-только с вами попрощались, дошли до своих комнаты, когда к нам прибежала нэри местари Риассы и все это рассказала. Ох! Я же совсем забыла! Она говорила что-то насчет приглашения, и что заглянет еще раз с утра, вы договорились с местари, что познакомите ее с Дири?

— Да, — я кивнула.

— Она просила уточнить, когда. Вечером ее местари не сможет, ей надо будет готовиться к свиданию, ну и завтра, разумеется, тоже, зато в любое другое время, когда вы не заняты...

— Я с радостью встречу местари Риассу сегодня, — ответила я. — Если ей будет удобно, мы можем собраться у меня после завтрака, а потом вместе пойдем на обед.

— Хорошо! Когда ее нэри придет, я передам! Вы уже выбрали наряд

на сегодня?

— Нет, — покачала головой, неосознанно поглаживая мрамор. — Выберу, пока будут накрывать завтрак.

Фархи направилась в комнаты, а я смотрела на залитую солнцем Аринту.

Смотрела, тщетно пытаясь избавиться от наивной и опасной мысли о том, что Даармархский выставил Ольхарию не потому, что она осмелилась поставить под сомнение его волю. А потому, что она оскорбила меня.

Зингсприд, Аронгара

Ничего лучше, чем читать архивы Ильеррской с Рихтова телефона, я не придумала. В принципе в битком набитом убежище, где автономные генераторы с трудом справляются с подачей кислорода, вообще сложно что-то придумать. Диванчики достались беременным, пожилым и детям, но их все равно особо не хватало, поэтому остальные со временем просто расположились на полу. Лично я сидела у дальней стенки, подогнув под себя ноги (осторожно, потому что моя лодыжка всячески намекала, что я наблиха драная). Видимо, выброс адреналина у меня был такой, что я даже ничего не почувствовала, пока бежала с Рихтом и Бэрри по коридору к лифтам, а потом по коридору, ведущему к объединенному убежищу.

Собственно, это убежище вмещало в себя жителей домов со всего квартала (на каждый отдельный дом строить их было бы затратно), выводила к нему система тоннелей. Пока мы неслись по этой системе, у меня в голове не было ни единой мысли, зато сейчас их было слишком много, и все они перебивали Ильеррскую.

Особенно мысль о том, что Гроу все еще там.

Я старалась на ней не заикливаться, но она все равно выталкивала меня из записей Теарин, как вода поплавок.

Гроу все еще там.

А моей квартиры больше нет. Последнее, что я о ней запомнила — это поток пламени, льющийся сквозь раскрошившееся под ударом дракона стекло. Рихт швырнул нас с Бэрри за угол, мы втроем скатились по лестнице и только благодаря этому не превратились в барбекю. До сегодняшнего дня я видела такое только в фильмах, а моя мама такое пережила. Настоящая мама Леоны такое не пережила, и сколько я ни старалась избавиться от картин горящего города перед глазами, не могла.

Гроу все еще там.

А я здесь. Бесполезная, как... как не знаю кто. Почему, если во мне есть пламя, оно не проснулось в такой момент?! Почему я сижу здесь, когда

могла бы...

Могла бы — что?

Меня даже на шаг никто не подпустил бы к драконам.

А если бы подпустили, из меня получилось бы обугленное канapé. Леоне пришлось долго учиться, чтобы справиться со своим пламенем и общаться с драконами.

— Танни, — негромко позвал Рихт.

Сейчас он был, пожалуй, одним из немногих, кто оставался в зале на ногах. Отовсюду доносились приглушенные голоса, всхлипывания, вдалеке оглушительно надрывался ребенок.

— А? — спросила я, задрав голову.

— Поговори со мной.

— О чем? — уточнила я.

Рихт опустилсá вниз и сел на корточки.

— Ну не знаю. Хотя бы об Ильеррской. О чем ты сейчас читаешь?

— Сейчас Ильеррская думает, что он выгнал Ольхарию из-за нее.

— Не думает, а надеется.

— Не цепляйся к словам.

Говорить об Ильеррской можно было спокойно: благодаря Бэрри вокруг нас образовался пяточок свободного пространства. Больше животных в убежище не было, а на нас смотрели так, словно мы приволокли бомбу замедленного действия. За каждый такой взгляд мне хотелось отвесить пяткой в глаз, потому что виари не то что ни разу не рыкнула, даже не вякнула и не виркнула с тех пор, как мы спустились в убежище. Молча жалась ко мне и заглядывала в глаза, а я понимала, что если бы не поехала за ней или поехала чуть позже, ее бы уже не было.

— Спасибо, — сказала я, глядя на Рихта.

Просто сейчас вспомнила, что так и не успела его поблагодарить.

— Пожалуйста, — ответил он.

И между нами снова повисло молчание, поэтому я отвела взгляд.

— О чем ты думаешь, Танни?

— О том, что могла бы помочь, — сказала я, рассматривая свои руки. — Там, наверху.

— Они даже полицейские флайсы в воздух не вывели, — напомнил Рихт. — Это дело ир்தханов.

— Когда это уже кончится?! — визгливый женский голос разорвал волнующийся гул зала. Шарообразная блондинка неопределенного возраста с резкими заломами у губ, сдвинула брови: — Что они там все делают?! От города ничего не останется!

— Вывести драконов из города не так-то просто, — заметил стоявший рядом с ней мужчина.

Несмотря на то, что он был выше нее на полголовы, она умудрилась посмотреть на него сверху вниз, как если бы он сказал несусветную чушь.

— Неужели? — скептически поинтересовалась она. — А кто, спрашивается, их сюда допустил? Этих тварей?! Куда смотрели те уроды на смотровых башнях? Как это зверье вообще сумело прорваться через их хваленый щит, или никакого щита и не было никогда?

Последний ее вопрос вызвал гнетущую тишину, а потом зал разразился сотнями голосов.

— Действительно, как? Они же должны были засечь их еще на подходах к городу...

— В прошлый раз сирена включилась, когда драконы еще не появились на горизонте...

Предположения сыпались одно за другим, я же понятия не имела, как это все происходит. Современная система слежения действительно помогала засечь драконов еще до того, как они подойдут к границе пустоши.

— Да они вообще ничего для нас не делают! Только на словах! — воскликнула блондинка так патетично, что мне захотелось запустить в нее ботинком. К счастью, я была босиком. — Вы вообще помните, что они говорили? Мы всегда вас защитим, мы не допустим! Ну и где они теперь?!

Я вспомнила Гроу, стоявшего лицом к лицу с огромным зверем.

Вспомнила полувой-полурычание дракона, от которого стынет кровь. Вспомнила вальцгардов, стоявших на крышах объятых огнем высоток, и укрощающих не только мечущихся от боли зверей, но и стихию. Боевые флайсы.

Вспомнила — и с трудом подавила желание одолжить ботинок у Рихта.

— Город залит огнем! А что творится на улицах? Нам повезло, что мы все здесь, а если кто-то остался наверху?! Надеюсь, после этого отменят это идиотское голосование. Да мне плевать, даже если они все передохнут! И чем скорее, тем лучше!

— А если не отменят? — спросил кто-то.

— А если не отменят, я лично выйду на демонстрацию протеста! И моего голоса они точно не дождутся!

— Моего тоже!

— И моего!

— Да кто вообще пойдет на это их голосование...

— Не представляю, как можно так долго держать город под налетом! Выходит, не такие уж иртыханы и всесильные?! — блондинка продолжала нагнетать панику, а учитывая ее верещание, больше напоминающее визг набла, которому прищемили хвост, это действовало на ура. — У всего есть предел прочности! А если над нами обрушатся здания?! Все выходы будут заблокированы, и мы останемся погребенными здесь!

Какая-то девочка расплакалась, кто-то судорожно вздохнул. Я почувствовала сгущающееся над залом напряжение, и Бэрри тоже, потому что она начала бить хвостом, шерсть на затылке встала дыбом

— Спокойно, — сказала я: жестко, чтобы виари почувствовала меня. — Спокойно, малыш. У нее просто с головой не в порядке.

Видимо, последнее прозвучало слишком громко, либо ударило в точку тишины, но вопящий шар резко развернулся ко мне.

— Что вы сказали, простите?!

— Сказала, что у вас не в порядке с головой, — подтвердила ее опасения я. — Потому что надо думать о том, что вы говорите и где. Здесь же дети.

— И это ты мне будешь говорить? — Блондинка прищурилась, а потом ткнула в Бэрри пальцем. — Как ты правильно выразилась, здесь дети, а еще здесь тварь, которая совершенно неуправляемая, как и те, что сейчас камня на камне от Зингсприда не оставят! Эй! Кто-нибудь! Я требую, чтобы эту зверюгу выбросили за дверь!

Ну все.

— Бэрри, лежать, — я сунула ошейник в руку Рихту раньше, чем он успел открыть рот, и поднялась.

— Танни, — донеслось сзади, но я уже направилась к ней.

— Единственная неуправляемая тварь в этом убежище — это вы, — сказала я. — И если бы в вашей голове было побольше мозгов, вы бы обратили внимание на то, что с драконами мы живем в мире уже очень давно!

— Да ты... — задохнулась она. — Да я... да я на тебя в суд подам!

— Если доживете, — огрызнулась я. — Как показывает практика, простейшие долго не живут.

У блондинки расширились глаза.

— Вы слышали?! — взвыла она. — Вы все слышали?! Она мне угрожа...

Я шагнула к ней, и блондинка осеклась, шарахнувшись назад. Что странно, вместе с толпой.

— Драконы не станут нападать без причины, — процедила я, с трудом

сдерживаясь, чтобы не отвесить ей оплеуху. — Им больно. Они кричат от боли, там, наверху, а вальцгарды делают все, чтобы спасти город и сохранить его для нас. Так что кончайте нагнетать истерию и просто заткнитесь!

У блондинки кончились слова, зато стоявший справа толстяк резко хмыкнул.

— Посмотрел бы я на вас, — раздувая ноздри, заявил он, — если бы там наверху остался кто-то из ваших близких!

— Ваш ребенок! — донеслось истеричное из толпы.

— Или ваши родители!!!

— Там наверху мой любимый мужчина! — выдохнула я, сжимая кулаки.

После этих слов в зале повисла тишина.

И в этой тишине до меня медленно доходило то, что я только что сказала.

Даармарх, Огненные земли

— В Кантеррмине редко идут дожди. Тем не менее в городе очень много зелени и цветов, — Джеавир словно не замечала, что Дири приплясывает на перилах от нетерпения.

Игра, которую мы придумали — перевязать шнурком свернутую жгутом тряпку, а потом бросать ее в воздух, за которой виаренок бросался с визгом и ловил на лету, очень ему понравилась.

Джеавир с Дири очень быстро подружились. Это стало понятно сразу, как только она переступила порог моих покоев, и Дири бросился к ней с оглушительным верещанием. Учítывая, что мальчик выросл, ее нэри зажали уши и замерли, а Джеавир только опустила на корточки и протянула руку со словами:

— Давай знакомиться.

Ее обнюхали, обвирчали, потоптались по шлейфу платья, оставив на нем глубокие борозды от когтей, но она совершенно по этому поводу не расстроилась. Сейчас Дири уже признал ее своей окончательно, потому что требовательно потыкался носом в руку — бросай уже!

Джеавир, размахнувшись, запустила игрушку вверх.

Черная стрела с вирчанием сорвалась с перил и взмыла ввысь.

Чтобы вернуться спустя несколько минут и сунуть игрушку мне в руку: твоя очередь!

— Достаточно, — строго сказала я.

И мы с Джеавир устроились на диване, продолжая разговор.

Я узнала много о ее родном городе: Кантеррмин, удивительно зеленый, рожденный на стыке трех рек (и получивший свое название именно поэтому: «кантерр» на наречии тех краев означает «река», «мин» — три). Я рассказала о Мильгаре и своей стране. Родной город Джеавир показался мне удивительно похожим на столицу Ильерры, возможно, именно поэтому я чувствовала себя так, словно знаю девушку уже несколько лет.

Дири развалился кверху пузом и изредка тяжело вздыхал, намекая на то, что пузо можно было бы и почесать. Чесал его, правда, только залетающий на балкон ветерок, потому что пока мы с ним играли, впечатлений набрались на несколько дней вперед и сейчас просто отдыхали. То есть попросту болтали обо всем подряд.

Честно говоря, давно я не чувствовала себя настолько спокойно. В обществе Джеавир все тревоги ненадолго отступили, и даже виды Аринты с балкона совершенно не отрезвляли. Пусть я как никогда далека от Ильерры, но здесь и сейчас я была по-настоящему счастлива.

— Местари Ильеррская. Местари Риасса, — к нам заглянула Фархи. — Скоро обед, нам пора идти.

— Дайте нам еще минутку, — Джеавир мягко улыбнулась.

Она все делала мягко, движения ее были напрочь лишены резкости, и я подумала о том, что если бы ставила для нее танец, это было бы что-то очень нежное.

Перехватив мой взгляд, девушка вопросительно приподняла брови:

— Думала о том, какой танец тебе пойдет, — пояснила я в ответ на незаданный вопрос.

— Танец?

— Да, я представила что-то легко и воздушное. Плавное и в то же время тягучее, как завораживающая сила разгорающегося огня. Никакой резкости, только мягкие переходы и движения, глубокие прогибы и плавные выходы.

— Ты создавала танцы? — глаза ее сверкнули. — Да, как же я могла забыть! Ты говорила, что участвовала в огненном шоу...

— Нет, — покачала головой. — Постановкой наших номеров занимался Эрган.

— Эрган?

— Мы выступали вместе, — сказала я, невольно улынувшись. И тут же добавила: — Ты хотела о чем-то поговорить?

Джеавир кивнула. Закусила губу, словно сомневаясь, но потом все-таки произнесла:

— Я бы хотела сказать, что завтрашнее свидание... Это для меня

совсем ничего не значит, Теарин.

Меньше всего я ожидала подобного заявления, поэтому сейчас замерла.

— Просто хочу, чтобы ты это знала, — она поднялась, расправила платье.

— Ты не обязана мне ничего объяснять, — я поднялась вслед за ней.

— Не обязана, — Джеавир серьезно посмотрела на меня. — Но я хочу. Я знаю, что такое видеть любимого рядом с другой женщиной.

В ее голосе сквозила такая горечь, что мне на миг стало не по себе. Впрочем, смысл ее слов перебил все остальное.

— Я не люблю Витхара, — чуть резче, чем хотела, ответила я.

— Хорошо, если так, — девушка кивнула. — Потому что последнее испытание нам с тобой не пройти.

«Последнее испытание ты все равно не пройдешь, Теарин».

Эти слова сейчас прозвучали в сознании так же отчетливо, как то, что сказала Джеавир.

— Последнее испытание?!

— Да, моей силы вряд ли на него хватит, а... — она осеклась.

Взгляд ее скользнул по моей шее и вспыхнул огнем.

— Ты что, ничего не знаешь?!

— А должна? — жестко спросила я.

Ноздри девушки шевельнулись, стирая мягкость черт и выдавая вторую суть: хищного зверя, драконицу. Совсем как тогда, в зале, когда нам стало известно о сути вступительного испытания.

— Не могу поверить, — процедила она, сжимая кулаки. — Не могу поверить, что тебе ничего не сказали. Наше последнее испытание — первый и единственный случай за всю историю Даармарха, когда о нем сообщили до начала отбора. Не только нам, но и нашим родным тоже, чтобы решение об участии принималось совместно, всей семьей. Потому что оно сопряжено с серьезным риском для жизни.

Весь этот отбор сопряжен с серьезным риском для жизни.

— Какое именно испытание? — спокойно спросила я.

Хотя спокойствие мое сейчас держалось на волоске того, что мне предстояло услышать.

Джеавир посмотрела мне прямо в глаза и ответила:

— Призыв дракона.

Наверное, только благодаря выдержке я провела этот день спокойно. Спокойно высидела обед и ужин, за которыми меня мучило не столько от

еды, сколько от присутствия Мэррис. В том, что распорядительница изначально обо всем знала, я не сомневалась, а возможностей поговорить со мной у нее было бесчисленное множество. Хотя бы когда я приходила к Ибри: Мэррис просила за нее, тем не менее мне ни о чем не сказала. Возможно, думала, что сказал Даармархский, но разбираться в этом не хотелось. Если честно, вообще не хотелось слышать слово «отбор» и думать обо всем, что с ним связано.

С таэрран мне действительно не пройти последнее испытание, а значит, все лишено смысла. Все, о чем я думала.

Все, чего хотела.

Эсмيرا станет правительницей, а я буду тешить самолюбие Даармархского, пока ему не надоем.

Почему-то при мысли об этом становилось нечем дышать.

А еще было очень больно.

Я прекрасно понимала, что он мне ничего не обещал. Понимала, что он сказал о том, что я не пройду последнее испытание сразу, и в общем-то, это было равносильно словам о том, что мне предстоит призыв дракона. Вот только тогда мы ссорились, мы наговорили друг другу много всего, сейчас же я просто хотела знать: почему.

Почему он заставил меня участвовать в этом отборе.

Мне нужно было это знать.

Чтобы понять, что мне делать дальше.

«Я знаю, что такое видеть любимого рядом с другой женщиной», — слова Джеавир до сих пор звучали у меня в ушах.

Равно как и мой ответ:

«Я не люблю Витхара».

Наверное, это была правда, но странное чувство, мешающее дышать, не угасало.

Я никогда не смогу принять другую женщину рядом с мужчиной, которого люблю.

Поэтому лучше бы это была правда.

— Местари Ильеррская, — на балкон вышла Фархи. — Вы просили сообщить о возвращении местара. Местари Съевирр недавно вернулась в свои покои.

— Спасибо.

Я не обернулась, и нэри, потоптавшись в дверях, ушла. Я же смотрела на украшенный россыпью сверкающих все сильнее огней. Глаза горели, а еще почему-то горело в груди: как если бы я могла обернуться драконицей и выдохнуть вместе с криком живое пламя.

Ладони холодил мрамор, лишь когда огни стали четче, а дыхание — глубже, я вышла в комнаты, где нэри поспешно вскочили. Они словно чувствовали мое настроение, потому что сейчас обе встревоженно посмотрели на меня. Я же, не говоря ни слова, направилась к дверям.

— Сопроводите меня к местару, — сказала хаальварнам.

— Боюсь, что это невозможно, местари.

— Лирхен, Фархи, вы идете со мной.

Хаальварн шагнул вперед, преградив мне путь. Второй поступил в точности так же.

— Я сказал, что это невозможно, местари Ильеррская.

— В этом мире нет ничего невозможного.

Не дожидаясь ответа, прошла мимо потрясенных нэри на балкон. Легко подбросив себя на перила, ухватила за шею раскрывшего в беззвучном крике пасть каменного дракона и поставила ногу на уступ.

— Местари Ильеррская! — крик Лирхен слился с окриком заметившего меня патрульного стражника. Хаальварны бросились в покои, но не успели, я уже скользнула вдоль стены тенью.

Не обращая внимания на голоса и шум ветра, двинулась в сторону балкона. Осторожно, маленькими шажками. От непривычки чуть подрагивали пальцы, но координация осталась прежней: все-таки ежедневные танцевальные практики даром не проходят. Холод камня втекал в ладонь, но даже он сейчас не мог успокоить бешено бьющегося сердца, напоминающего зажженный в груди факел. В тот миг, когда моя нога ступила на перила между витыми колоннами, ко мне подскочил стражник и рывком сдернул на пол. Лицо его разве что с мрамором не сливалось:

— Местари Ильеррская, вам нельзя ходить по стенам!

— Где это написано? — уточнила я.

Стражник растерялся, как раз в это время на балкон влетели хаальварны и побледневшие нэри.

— Местари, — негромко произнес хаальварн, хотя видно было, что он с трудом сдерживает чувства. — Вам надлежит вернуться к себе. Немедленно.

— Я не вернусь к себе, пока не переговорю с местаром, — ответила я.

Хаальварны переглянулись.

— Мы не имеем права...

— Вы не имеете права удерживать меня силой, — сказала я. — Для этого вам нужен приказ местара.

— У нас есть приказ, — у хаальварна дрогнули ноздри. — Вы можете

посещать только обеды и ужины, и...

— И никакого приказа о том, что я не могу посетить местара.

— Если мы сопроводим вас к нему, мы нарушим правила.

— Правила мы нарушим только в случае, если я останусь с местаром наедине. Этого не произойдет, поэтому Лирхен и Фархи отправятся со мной, а вы будете нас сопровождать.

Похоже, у хаальварнов кончились аргументы, а я же порадовалась, что в свое время изучила правила отбора. По крайней мере, теперь у меня не возникало проблем с тем, чтобы себя отстоять.

Стражники остались на балконе, а мы с хаальварнами и нэри двинулись знакомой уже дорогой в сторону кабинета Даармархского. Удивительно, но сегодня охрана беспрекословно нас пропустила (видимо, их неприступность распространялась только на вступительное испытание), и к счастью. Пусть даже на моей стороне законы, приставка местари к имени Ильеррская и сильная кровь, я не чувствовала в себе сил снова вступать в очередной бой.

Хотя бы потому, что силы мне понадобятся для встречи с Даармархским.

Двери в его кабинет были запечатаны очередным нарядом стражи, один из воинов коротко поинтересовался о цели визита, и хаальварн посмотрел на меня. В ту минуту, когда я уже собиралась ответить, распахнулись тяжелые створки, и прямо на нас шагнул ледяной дракон. Впрочем, огненный не заставил себя ждать: Даармархский увидел меня, и его взгляд полыхнул пламенем.

— Что вы здесь делаете в такое время, местари Ильеррская?

И это мне говорит дракон, явившийся ко мне в купальню посреди ночи?

Видимо, Даармархский прочел это в моих глазах, потому что обрушившейся на меня огненной бурей даже льды Севера можно было растопить. Лирхэн и Фархи, за всю дорогу не проронившие ни слова, побледнели сильнее снегов на горных вершинах, я же только вскинула голову.

Спокойно встречая его взгляд.

— Я пришла к вам, местар. По очень серьезному вопросу.

— По какому именно?

— Нарушение правил отбора.

Тишиной, повисшей в просторной зале, можно было порезаться, как натянутой струной. От меня не укрылось, как сверкнул ледяной взгляд, но сейчас мне было не до правителя Севера.

Глаза Даармархского — средоточие огненных земель — обжигали сильнее первородного огня. Я чувствовала себя так, словно меня окунули в костер: дышать то и дело становилось нечем, перед глазами темнело, жар стекал жидким пламенем с лица на шею и плечи, плескался в груди и возвращался наверх.

— Потрудитесь объясниться, — с таким же хриплым рычанием могла крошиться корка лавы под лапами дракона. — Какое именно правило было нарушено?

— Правило о том, что все претендентки находятся в равных условиях.

Глава 16. Танни-Теарин

Зингсприд, Аронгара

С ирена стихла, как-то разом оборвав гул голосов. Учítывая, что до этого ее вой действовал мне на нервы ничуть не меньше, чем комментарии в мой адрес (признаться честно, на десятом я уже подзабила на желающих высказать все что обо мне думают), то сейчас мои нервы явно не сразу осознали свалившееся на них счастье. Я подскочила на ноги отпущенной пружиной, нарушив звенящую тишину. Бэрри подскочила следом за мной, скрежетнув когтями по полу.

— Что, все? — неуверенно спросил кто-то.

— Мы можем выходить?

— А если...

«А если» оборвалось ровным сильным голосом, ударившим из динамиков.

— Обращаемся ко всем жителям и гостям города: драконы отведены в пустошь, местные пожары локализованы. Тем не менее просим вас оставаться на месте до прибытия вальцгардов, которые выведут вас в город. Пожалуйста, отнеситесь к этому с пониманием и не пытайтесь самостоятельно выйти на поверхность. Не толпитесь у дверей, в течение ближайшего времени все вы будете уже дома. В случае, если ваше жилье пострадало во время налета, вам и вашим семьям будут предоставлены бесплатные номера в гостиницах. Повторяю: пожалуйста, не пытайтесь подняться без сопровождения, помните, от ваших действий зависят ваши жизни и жизни ваших близких.

Динамики затихли, и зал снова взорвался множеством голосов.

Он рычал и хрипел, я же молча протянула Рихту телефон. Он так же молча убрал его в задний карман джинсовых брюк, умудрившись при этом посмотреть не на меня, а куда-то за мое плечо.

— Рихт.

— Танни, не надо, — он покачал головой. — Я все понимаю. Просто видимо, эти носки оказались мне не по размеру.

На этом я решила заткнуться, потому что добавить мне больше было нечего. Точнее, добавить я могла много чего, но все оно было лишено смысла и могло сделать только хуже. Поэтому я подтянула Бэрри поближе и привалилась к стене, не сводя напряженного взгляда с дверей, у которых уже столпились люди. Не все, правда, некоторые держались в стороне,

особенно те, у кого были маленькие дети.

Прошло, наверное, минут двадцать, прежде чем двери распахнулись и четверо вальцгардов шагнули в зал.

Тяжелые взгляды, сосредоточенные жесткие лица.

— Сейчас мы поднимемся на поверхность, — скомандовал один, очевидно, командующий. — Прошу всех подходить ко мне по очереди и называть адрес, по которому вы проживаете, либо приложить документы к портативному сканеру.

Он показал планшет.

— Наверху правда безопасно? — выкрикнул кто-то.

— Правда.

— Тогда зачем прислали вас?!

— Потому что не все пожары еще потушены. Мы выведем вас на поверхность, туда, где ничто не будет угрожать вашим жизням. Те, кто отметится, выходят в коридор, вас будут выводить группами по двадцать-тридцать человек. Первыми пропускаем...

У вальцгарда хрипнула портативная рация-напульсник. Он поднес ее к уху, а потом выкрикнул:

— Здесь есть Танни Ладэ?!

— Есть! — я вскинула руку и шагнула вперед.

— Вы идете первой. Гирт, выведи ее к западному входу.

— Почему ее?! — взвизгнула блондинка.

— Ладэ?! — потрясенно ахнул кто-то.

К счастью, до того как все это набрало обороты, от вошедших отделился вальцгард и кивнул мне.

— Со мной еще... — я оглянулась на Рихта, но он покачала головой. — Рихт Паршеррд, — тем не менее закончила я. — Я без него не уйду.

Вальцгард кивнул:

— Ваши документы с собой, эсстерд Паршеррд?

— С собой, — коротко отозвался Рихт.

Сканер полыхнул, когда-то он приложил карточку к мигающему квадрату.

— Ваш дом не поврежден. Можете идти.

Нас вывели в коридор, я сжимала руку на ошейнике Бэрри так сильно, что у меня заболели пальцы. Коридор отсчитывал наши шаги вдоль стрелок, которые сейчас горели в обратном направлении выхода из убежища. Рихт на меня не смотрел, только вперед, Бэрри топала рядом, даже не пытаясь вырваться или опередить (что обычно любила делать). Я

же чувствовала, как с каждым шагом сердце колотится все сильнее.

Только присутствие Рихта удерживало меня от вопроса о том, кого я увижу наверху.

Только присутствие Рихта, и еще, пожалуй, мысли о том, что через пару минут я все равно его увижу. Когда все закончилось, он наверняка связался с вальцгардами, а потом... сейчас мне отчаянно хотелось верить в то, что наверху меня ждет именно Гроу. Пусть это нечестно по отношению к Рихту, пусть нечестно по отношению ко всему миру, но я безумно хотела его увидеть.

Просто увидеть.

Или не просто?

На лифте мы поднялись в молчании, в молчании прошли до западного входа, и когда двери убежища разошлись перед нами, в лицо ударил горячий, все еще раскаленный от дыхания драконов и огня воздух. Огляделась в поисках Гроу и замерла: высотка, где я снимала квартиру, устояла, даже не накренилась, над верхними этажами кружились вертушки пожаротушения. Внизу, распластав огромные крылья, неподвижно лежал дракон, и я поняла, что не могу вздохнуть. Ни вздохнуть, ни отвести глаз.

Бэрри рванулась из моих рук, а потом закричала. Надрывно, на одной ноте.

— Спокойно, — последовал чей-то холодный приказ, и виари затихла.

— Эсса Ладе, — голос Единички. — Эсса Ладэ!

Я оторвалась от плеска отражавшихся в чешуе язычков огня и посмотрела на него.

Единичка с напарником, судя по всему, тоже принимали участие в отведении драконов, потому что ни на одном из них не было пиджаков. Закатанные рукава рубашек, на коже гарь, копоть и пыль, волосы растрепаны.

Гроу рядом с вальцгардами не было.

Разумеется, он не смог приехать, потому что ему сейчас просто не до этого.

— Где мейстр Гранхарсен? — спросила я.

Мне просто нужно было это знать.

— Садитесь, эсса Ладэ, — Единичка кивнул на стоявший чуть поодаль бронированный флайс, скомандовал застывшей Бэрри: — Вперед.

Виари подчинилась, я же не двинулась с места.

— Где мейстр Гранхарсен? — повторила я, глядя ему в глаза.

— Неизвестно, — коротко отозвался вальцгард. — Условно считается пропавшим без вести.

— Что? — переспросила я.

— Условно считается пропавшим без вести, — повторил Единичка, и только сейчас до меня дошло.

— Что значит — пропавшим без вести? Сейчас любого можно отследить по мобильному или чипу в документах.

— Если они функционируют.

Я покачала головой, все это как-то отказывалось укладываться в сознании.

Не может Гроу пропасть без вести, просто не может.

— Вы же его искали, да? — уточнила я.

Зачем-то. Сама не знаю, зачем.

Наверное потому, что до конца не могла поверить.

Нет, Гроу просто не мог пропасть, с ним ничего не могло случиться, я же видела, как он управляется с драконом, и...

— Сейчас поисковые работы проводятся по всему Зингсприду, — вальцгард кивнул в сторону неподвижно застывшего флайса.

Его лоб расчертили глубокие морщины, добавляя десяток лет к возрасту, хотя ир்தханы всегда отлично выглядели за счет питающего их огня. Сейчас же передо мной был мужчина, уставший и напряженный.

— Поедьте, эсса Ладэ.

— Куда? — уточнила я.

— В Нэйсхилл.

Зингспридский телепорт?!

— К моменту, когда доберемся, работа переходов уже будет возобновлена, — Единичка мягко взял меня под локоть, направляя к машине.

Только сейчас я вспомнила про Рихта и обернулась: он стоял чуть поодаль, у поданного аэробаса, в котором, видимо, людей должны были развозить по домам и гостиницам.

— Мы... я никуда не поеду, — сказала я. — Я никуда не поеду, пока не узнаю, что с местром Гранхарсеном, и...

Вальцгард вздохнул.

— Эсса Ладэ, я все понимаю, но у меня приказ.

— Чей?

— Председателя. Я должен доставить вас в Мэйстон.

А?!

— Дайте мне телефон, — попросила я.

Он даже возражать не стал, как будто ожидал чего-то подобного: просто протянул мобильный. Номер Леоны я набрала по памяти, она

ответила сразу же:

— Местерхард?

Как она выговаривает эти имена? А главное, как она говорит так, что в одной фамилии сразу вопрос, приказ и сообщение длиной в четыреста символов.

— Это я.

— Танни, — голос ее прозвучал на десять градусов холоднее.

— Угадала, — сказала я, стараясь, чтобы мой не взлетел выше, отпинговавшись от натянутых нервов. — Леона, какой Мэйстон? Ты в курсе, что Джерман пропал?

— В курсе, — судя по тому, как крошился лед, Леона тоже едва сдерживалась. — Еще я в курсе, что ты с Паршеррдом сбежала в налет, игнорируя безопасность — свою и другого человека. Спровоцировала волнения в убежище клуба, подставила военнообязанных под конфликт с гражданскими, и считаешь, что это в порядке вещей.

Что?!

— Как ты потрясающе осведомлена, — выдохнула я. — Но если ты в курсе этого, ты должна знать, почему я сбежала?! Или мне надо было бросить Бэрри там, наверху?! Или ты еще не в курсе, что моей квартиры больше нет?! Что там сейчас пепелище, и если бы я...

— Достаточно, — Леона обрубилась так резко и жестко, что я осеклась. — Я буду говорить с тобой в Мэйстоне, Танни. Верни телефон капитану Местерхарду. Немедленно.

— Поверить не могу! — выдохнула я. — Ты это серьезно?! Леона! Я не могу уехать. Только не сейчас! Я...

Щелчок и тишина в трубке однозначно намекали на то, что говорить со мной больше не хотят. Я перезвонила, но сестра не ответила. Перезвонила еще раз: с тем же эффектом.

— Эсса Ладэ, — напомнил о себе Единичка.

— Рон, — Только сейчас я вспомнила, что его так зовут. Полное имя нет, но на это меня по крайней мере хватило. — Рон, вы же понимаете, что я не могу сейчас уехать?

— Сейчас, эсса Ладэ, вы ничем не можете помочь, — спокойно, но в то же время жестко произнес он. — Пожалуйста, прошу вас. Просто сядьте в машину.

Я сжала кулаки, понимая, что бессильна что-либо сделать, и снова обернулась на Рихта.

— Давайте хотя бы... — кивнула в его сторону. — Подбросим его до дома.

Судя по тому, что творилось на верхней парковке моей высотки, от его флайса мало что осталось.

— Хорошо, — неожиданно легко согласился вальцгард.

— Хорошо?

— Да. Садитесь в машину.

— Он может не...

— Садитесь в машину, эсса Ладэ.

Я направилась к флайсу, стараясь не оглядываться. Не думать о том, что сейчас мы поднимемся в воздух и через полчаса будем в телепортационном ВИП-зале. О том, что Гроу останется здесь (непонятно где), а я буду в Мэйстоне.

Напарник Рона отступил в сторону, позволяя мне скользнуть внутрь. В весьма просторном салоне на полу уже свернулась клубочком спящая Бэрри (видимо, ей отдали соответствующий приказ). Подвинувшись к виари, обратила внимание, что за перегородкой застыл водитель. Не менее напряженный, чем Единичка с напарником.

Наклонилась, погладила Бэрри по голове. Та завирчала, но не проснулась, и я, обхватив себя руками, уставилась в пол.

Спустя пару минут к нам присоединились вальцгарды и Рихт.

— Рада, что ты согласился, — негромко сказала я, когда он опустился на сиденье напротив меня.

Рихт посмотрел мне в глаза: долго и серьезно, но ничего не ответил.

Флайс плавно (для такой грубой махины) взмыл ввысь и устремился по совершенно пустой магистрали. Впрочем, пустой сейчас была не только верхняя магистраль, остальные тоже равнодушно мигали распределяющими огнями, которые, видимо, подключили совсем недавно. Не было ни сверкающих змей аэроэкспрессов, яркие окна высоток (люди покидали дома, не выключив свет), на фоне всего смотрелись сюрреалистично.

Изредка попадались вертушки пожаротушения, перед глазами снова мелькнул излом Хрустальной иглы, и я прикрыла глаза.

Тем неожиданнее прозвучал голос Единички:

— Эссерд Паршеррд, хочу предупредить, что вы не можете покидать Зингсприд до особого распоряжения.

Даармарх, Огненные земли

Тишина после моих слов оборвалась судорожным вздохом Лирхэн. Если бы Фархи ее не поддержала, нэри хлопнулась бы в обморок, и неудивительно: от силы пламени в голове мутилось даже у меня самой. Лед

и огонь обжигали по-разному, но если стихия Севера не могла дотянуться до моего сердца, алое пламя уже давно и прочно в нем обосновалось.

Осознание этого обрушилось на меня, грозя испепелить дотла, поэтому отрезвляющие слова дракона прозвучали очень вовремя:

— Если ваше заявление имеет под собой основания, местари Илье́рская, я с этим разберусь. Прошу, — Даармархский распахнул дверь в свой кабинет. — Увидимся завтра, Ян.

Я шагнула внутрь в странном подобии транса. Возможно, похожего на тот, в который пустынные шаманы вводили себя перед тем, как вливать себе кровь драконов. Судя по дошедшим до нас знаниям, это было невыносимо болезненно: еще бы, когда твое тело перерождается в выжигающем его огне, чтобы обрести звериную суть, приятного мало.

— Я уже говорил, что ты играешь с огнем, Теарин, — жесткий голос за спиной.

— Я родилась в огне, — как ни странно, мой голос звучал спокойно. Даже когда я обернулась и встретила взглядом с величайшим драконом Огненных земель. — Я не рассказывала тебе об этом, Витхар, но в ночь, когда я родилась, в Ильерре вспыхнуло небо. Это была первая серьезная угроза правлению моего отца: заговорщики спровоцировали налет, и он вынужден был покинуть дворец, чтобы защитить город. До мамы пытались добраться, но верные отцу хаальварны защитили ее ценой собственных жизней. Поэтому мы сейчас с тобой говорим.

Каждое слово падало в протянувшееся между нами напряжение камнем.

Не знаю, зачем я вообще об этом заговорила: наверное, просто устала молчать.

— Я выросла во дворце, но моя юность закончилась с переворотом Горрхата. Я не боюсь огня, если ты еще не понял. Не боюсь, но я не смогу призвать дракона. Мы оба прекрасно об этом знаем, тогда зачем?

Я смотрела ему в глаза, потому что мне действительно важен был этот ответ. Смотрела, раскрывая себя, как никогда и ни перед кем.

Взгляд, полный огня, потемнел.

Лишь на миг, чтобы взорваться яростью пламени, отозвавшегося в самом сердце, когда дракон шагнул ко мне.

— Возможно, затем, что я не хочу с тобой расставаться, Теарин? — ладони, коснувшиеся моих плеч, сейчас тяжелыми не были. Напротив, окутав их жаром, текущим по коже, дарили ощущение его силы. Не подчиняющей, а способной сокрушить целый мир, если кто-то сейчас попытается отнять меня у него. — Когда ты упала...

Голос его стал низким и хриплым.

— Те несколько мгновений, что я был человеком, были самыми долгими в моей жизни, — его пальцы скользнули по моей щеке в короткой ласке, но куда пронзительнее были слова.

— Больше не считаешь, что я хотела свести счеты с жизнью? — тихо спросила я.

— На миг мне так показалось, — так же низко и хрипло произнес он. — Но только на миг. Свести счеты с жизнью — это не про тебя. Ты так ярко горишь, Теарин... Так ярко, что я схожу с ума от твоего пламени, которое даже сейчас бьется во мне.

Сейчас во мне тоже билось пламя. Не знаю, как — то ли от близости Витхара, то ли полузабытыми ощущениями, но я чувствовала бегущий по венам огонь, как если бы таэрран стала просто кошмарным сном.

Это ощущение было коротким, но таким сильным, что я подалась вперед, позволяя себе чувствовать дракона всем телом. Пальцы на моих плечах сжались сильнее, а потом меня рывком притянули к себе. Сокрушающий поцелуй выбил из груди воздух, из головы — все мысли. Поток его пламени прокатился по телу, сплавляя нас воедино, раскаляя дыхание, отзываясь пульсацией и жаром на кончиках пальцев.

Никогда раньше я не чувствовала себя настолько полной, настолько сильной, настолько живой.

И целовала я его, как никогда раньше, забывая обо всем.

Падая в сильные руки, как в пропасть, чтобы снова взлететь вместе с ним. Чтобы только чувствовать его губы, раскрывающие мои.

Его жесткие пряди под пальцами, сильные удары сердца под ладонью.

Так яростно и остро, что хриплый мужской стон, перешедший в рычание, отозвался во мне:

— Моя, Теар-р-рин. И так будет всегда.

Всегда.

Воздух, показавшийся почти ледяным, уколол губы, приводя в себя. Мои ладони лежали на груди Витхара, а сама я почти лежала в его объятиях: прогибаясь, подчиняясь силе его рук, позволяя ему вплавлять меня в себя. Повторять его тело, становясь с ним единым целым.

Понимая, как отчаянно мне этого не хватало.

— Когда закончится отбор, ты останешься в Аринте. Если пожелаешь, у тебя будет собственный дом.

Что?

— Ты ни в чем не будешь нуждаться, Теарин. У тебя будет все самое лучшее.

Вряд ли что-то могло отрезвить сильнее этих слов.

Отрезвить и ударить наотмашь, как ледяной вихрь. Впрочем, ледяному вихрю здесь было неоткуда взяться, не так ли?

Только огненному, и он снова сжимался на моей шее удавкой таэрран.

Уперлась ладонями ему в грудь, отступая.

— Разве вы не распустили гарем, местар?

Удивительно, но голос даже не дрогнул.

— Мне не нужен гарем, — ноздри Даармархского шевельнулись. — Мне нужна ты.

— В качестве кого?

— Моей женщины.

Губы пересохли и пылали, но я боялась их облизнуть. Слишком горьким оказался поцелуй, который еще несколько мгновений назад был самым желанным на свете. Впрочем, на свете я живу не первый день, и не могла не понимать, что вряд ли мне сообщат загадочный способ призвать дракона с запертым пламенем. Глупости, которые собрались в моих мыслях после его слов «Я не хочу с тобой расставаться», не имели ничего общего с реальностью.

Как же горько.

— А если я откажусь?

Ответ на этот вопрос я уже знала.

— Я не отпущу тебя, Теарин.

Да, я была права. Приставка «местари» — всего лишь блеск дешевой позолоты, которую легко стереть тряпкой за несколько раз.

— Думаю, наш разговор несколько затянулся, — с трудом сдерживаясь, произнесла я. — Хотя вы так и не ответили на вопрос по поводу неравных условий, он уже не имеет силы. В Даармархе ведь не существует иных законов, кроме вашего слова, местар.

Развернувшись, в два шага преодолела отделяющее меня от двери расстояние, толкнула ее и вышла. Нэри, по-прежнему бледные, бросились следом за мной, но на этот раз я не ускорила шаг.

Медленно отсчитывая удары сердца, возвращалась по коридорам в свои покои. Слушая шаги сопровождающих нас хаальварнов, шелест платьев идущих рядом со мной девушек, старалась не обращать внимания на огненную бурю в груди.

Губы по-прежнему горели, ожогами горели следы от его ладоней на плечах, и жар от них растекался по всему телу, словно я унесла с собой частичку драконьего огня.

— Вы свободны, — коротко сказала нэри, когда мы остановились у

моих покоев.

— Я приглашу служанок, — предложила Фархи, но я покачала головой.

— Справлюсь сама.

— Но местари...

— Справлюсь сама, — жестко повторила я и шагнула за двери.

У меня не было ни сил, ни желания выносить чье-либо присутствие.

Оставшись одна, чуть ли не бегом бросилась в спальню, задыхаясь от бушующих внутри чувств. Рванула платье так, что ткань жалобно затрещала, горячий воздух был не просто горячим, а раскаленным, как если бы в моей комнате спал дракон. От этого темнело перед глазами, ткань казалась сухой горячей тряпкой, которая вот-вот вспыхнет. Таэрран уже не просто сжималась на шее, она полыхала, раскаленными звеньями вплавляясь в кожу.

«Если пожелаешь, у тебя будет собственный дом».

А он будет приходить ко мне в гости в свободное от правительницы Даармарха и государственных дел время.

«Ты ни в чем не будешь нуждаться, Теарин. У тебя будет все самое лучшее».

— Ненавижу! — прошептала я. — Ненавижу, ненавижу, как же я вас ненавижу, местар!

Стянув, наконец, верх платья, выпуталась из него и с силой швырнула на пол.

Плеснувший с моих ладоней огонь впился в него с жадностью голодного зверя.

А я широко раскрытыми глазами смотрела на выющиеся вокруг пальцев язычки пламени.

Зингсприд, Аронгара

Несмотря на то, что в записях Ильеррской история опять выпрыгнула из сценарной колеи с грохотом запряженной виарами повозки на крутом повороте, сосредоточиться было трудно. Я вернула Единичке его мобильный, предварительно выскочив из аккаунта, и уставилась на остывающий кофе. Сколько он здесь простоял? Минут пятнадцать, пока мы ждали отладки и проверки телепортационных систем? В общем-то, когда мы прилетели, залы уже были открыты и толпы людей, все как один притихших, растекались по огромному зданию в разных направлениях. Правда, телепорт еще не заработал: перед новым запуском всегда проводятся тщательные проверки, никому неохота войти в кольцо перехода

в Аронгаре целиком, а выйти, например, в Ферверне по частям.

— Десять минут, — отпраповал подошедший вальцгард.

Сейчас я силилась вспомнить его имя, но не могла: если Рон засел в памяти прочно, то этот из нее выпал.

А десять минут отозвались во мне спонтанным сжатием желудка, и тот глоток кофе, который я успела хлебнуть, срочно запросился обратно.

— У вас есть девушка, Рон? — спросила я, повернувшись к вальцгарду.

Если он и удивился, то вида не подал.

— Есть.

Я сунула руки подмышки, потому что они мне здорово мешали, но накинутый на меня пиджак вальцгарда поехал вниз, и я тут же передумала.

— И если бы так случилось, что она пропала, а ваш приказ говорил о том, что вы должны поехать в другой город...

— Я бы поехал.

— Серьезно? — поинтересовалась я, стягивая полы его пиджака плотнее. — Прямо вот так взяли бы и уехали?

— Если бы я ничем не мог помочь — да.

— Но вы же не могли быть уверены, что помочь не можете, не так ли? — теперь я на него не смотрела, смотрела на свои ноги. Босые, да, в торговый центр мы заскочить не успели.

— Мог. Если бы мою девушку разыскивали поисковые команды, вряд ли я бы помог ей, нарушив приказ и подставив себя под трибунал. Честно говоря, она бы мне первая голову открутила, потому что со всем этим знакома.

Я вскинула голову, вопросительно глядя на него.

— Моя девушка — пресс-секретарь местра Халлорана.

— А, — многозначительно сказала я, но тут же нахмурилась. — Разве у местра Халлорана пресс-секретарь иртеханесса?

— Нет, — в своем стиле отозвался Единичка и замолчал.

Расспрашивать его про серьезность намерений и прочее было бы как-то странно, поэтому я поднялась и прошлепала (буквально, учитывая отсутствие обуви) к панорамному окну. В VIP-зале выделенных линий телепорта не было никого, кроме нас и терминала заказа еды и вызова сотрудников. Но терминал, наверное, не считается: с этой мыслью я обхватила себя руками.

Меня била дрожь, но не от холода, от осознания того, что время отсчитывает последние минуты в Зингсприде, а я ничего не могу сделать. Чувствуя мое настроение, Бэрри подошла и ткнула носом мне в ноги,

негромко виркнув. Я протянула раскрытую ладонь, которую виари тут же боднула.

Смогла бы я поступить иначе, зная, что все так обернется?

Нет.

Упустивших меня вальцгардов ждало внутреннее разбирательство, равно как и Рихта. Как объяснил Рон, разбирательство будет внутренним только потому, что в нем замешана я, в противном случае это был бы суд.

И на том спасибо.

Бэрри терлась о мою ладонь и вирчала, а я смотрела в окно.

Там, где кубы здания телепорта заканчивались, в смысле, там, где заканчивался массивный нависающий фасад, сверкающий отражением огней, начинался город. Сейчас Зингсприд выглядел в точности так же, как до налета: пожары потушили, вертушки ушли на базы, движение по аэромагистралям возобновилось. В современных мегаполисах все делается очень и очень быстро.

Если забыть о том, что случилось, со стороны кажется, что ничего и не было — россыпи огней, неон, металл и стекло. Я шагнула еще ближе, приложив ладонь к огнеупорной поверхности. В общем-то, в Зингсприде, как и в любом современном городе, все стекла именно такие. Поэтому пострадали только те дома, в которые драконы врезались, как в мой, разбивая конструкцию и позволяя огню проникнуть внутрь.

Зингсприд.

Многომиллионный мегаполис, и где-то в нем...

— Знаешь, по законам любого фильма мне должны позвонить в последний момент и сказать, что ты нашелся. А ты должен потребовать вальцгардов и сказать, что я не еду в Мэйстон, — я понимала, что несую какую-то чешуйню, но остановиться уже не могла. Даже глаза закрыла, но перед внутренним взглядом все равно застыла панорама. — Я так долго молчала о своих чувствах... точнее, молчала о них всю жизнь. Я вообще не привыкла говорить обо всем этом, так что мне тоже очень сложно. Я тоже не привыкла заморачиваться, и честно говоря, я вообще не заморачивалась, пока не увидела тебя в клубе. Точнее, когда я увидела тебя в клубе, это было из разряда: ну ты и выпендрожник, а на съемках мне часто хотелось тебя прибить, но я никогда и ни к кому такого не испытывала. Не думала, что у меня получится, вот и...

Замолчала, закусив губу.

Чувствуя, как биение сердца ударяет в ладонь и течет сквозь меня в стекло.

— Не сказала тебе, что ты крут. А ты действительно крут, особенно

когда делаешь кино, — глубоко вздохнула, чувствуя, что мне не хватает воздуха, и слов, кажется, тоже. — Или когда общаешься с драконом. Не знаю, что круче, но по законам кино ты сейчас должен позвонить. Слышишь, ты...

На плечо мне легла рука, и я вздрогнула.

Сильное прикосновение выбило из груди воздух, я распахнула глаза и в отражении встретила взглядом с Единичкой.

— Эсса Ладэ.

Рука скользнула по напряженной шее виари, холодные пальцы сжались на ошейнике.

— Я не могу помочь, — быстро произнесла я. — Но я могу остаться. Если бы я была на его месте, я бы хотела, чтобы он остался. Рон, позвольте мне еще раз поговорить с сестрой.

Я все еще смотрела на его отражение.

— Две минуты назад я набрал первую леди, эсса Ладэ.

Вот теперь я обернулась, встречая его взгляд. Непробиваемый, как мне когда-то казалось.

— Зачем? — тихо спросила я.

Он не ответил на мой вопрос.

— Приказ остается прежним.

Ну... по крайней мере, он попытался.

— Зовите меня Танни, — сказала я и улыбнулась, потому что глаза начинало подозрительно жечь, а это в сложившихся обстоятельствах совершенно точно было лишним.

— Не могу. Я на службе, — он отступил в сторону.

— То есть на службе вам запрещено общаться по-человечески? — мы направились к дверям, где нас уже встречали сотрудники ВИП-зала.

— Не совсем.

— Тогда зовите меня Танни. Я настаиваю.

— Как скажете, Танни.

Кольцо телепорта переливалось искрящейся дымкой, за стеклом в аппаратной застыли двое мужчин в форме. Сегодня никаких вежливых улыбок не было, только сосредоточенность и серьезность.

— Эсса Ладэ, приложите ладонь к сканеру.

— Телепорт открывают сразу в Скай Стрим, — предупредил Рон.

Скай Стрим — загородная резиденция Председателя, больше напоминающая мини-город.

Который, если я ничего не придумаю, вполне может превратиться в окружную тюрьму имени долбанутой Танни Ладэ.

— Спасибо, — сказала я.

— Все в порядке, эсса Ладэ, — портпроводница серьезно взглянула на меня. — Пожалуйста, во время перехода не отпускайте виари.

Кивнула, чувствуя, что сердце превратилось в сгусток сумасшедшего скачкообразного напряжения. Даже если бы мне сказали сейчас отпустить Бэрри, я бы вряд ли разжала пальцы: они скрючились, и разгибаться отказывались. Первым в кольцо шагнул напарник Единички, следом предстояло идти мне, и я ступила на выводящую дорожку, подсвеченную огнями.

Шаг.

Другой.

Третий.

Кольцо переливалось передо мной волнами перехода, и я замерла. Резко обернувшись, наткнулась на взгляд Единички.

Можно устроить скандал, можно потянуть время, но...

Этому парню я точно не желаю неприятностей.

В ту же самую минуту, когда я снова повернулась к кольцу, за дверями раздался какой-то шум. Чьи-то голоса, грохот и женский крик:

— Служба безопасности! — которое перебило резкое:

— Отвали!

Мне показалось, что я ослышалась, потому что этот голос не мог принадлежать Гроу, но именно Гроу он и принадлежал. Рванувшись назад, я обернулась в тот момент, когда двери распахнулись, и Гроу влетел в зал.

Ледяные руки стали еще более ледяными, а сердце ушло в отрыв.

— Бэрри, сидеть, — сдавленно прошептала я.

Пальцы наконец-то разжались.

И я бросилась к нему.